

Андрей МОЛЧАНОВ

РУОП.

Шаболовка, 6

Москва
2015

УДК 82-31
ББК 84-44
М76

Молчанов А.А. РУОП. Шаболовка, 6. Книга из трех повестей. М.: Издательство журнала «Москва», 2015. — 464 с.

Герои этой книги, составленной из трех связанных между собой повестей, — реальные люди с реальными именами, трое выдающихся офицеров Центрального регионального управления по борьбе с организованной преступностью. Расследуемые ими дела — абсолютно подлинны и поражают воображение своей многоплановостью, ярчайшими коллизиями, столкновением удивительных персонажей и — авторским юмором, звучащим на всем протяжении повествований, несмотря на описание в них многих трагических изломов человеческих судеб.

ISBN 978-5-89097-099-2

© Молчанов А.А., 2015

© Бикашов Д.Е., оформление, 2015

СВОРА

Бандитские будни

Опять осень! Геннадий подумал об этом пакостном времени года с внезапным озлоблением. Листики желтенькие, солнышко мягкое, природа ластится к тебе, как девка задаренная, а потом — бац, подлянка! — зарядила мокрющая погань с неба, да и какое в Москве небо? — что-то бледно-серое висит над башкой, настроение портит... А после — зима. Ну, это вообще не для слабонервных. Снег от грязи черный, машины от соли белые. А атмосфера — сплошной автомобильный выхлоп. Чего предки наши тут когда-то устроились? Хотя если бы где-нибудь под бананами разместились, был бы ты, сейчас, Гена, негром...

Он хохотнул, откинувшись спиной на пухлое кожаное кресло «мерседеса». Кресло это ему сделали по спецзаказу, ибо, увы, тучное его тело в границах стандартного сиденья не умещалось.

Надо бы сбросить вес... Вот этим он с завтрашнего дня и займется. Завтра он уже будет на Мадере. Там, как уверял менеджер из подшефного турбюро, вечное лето, теплая океанская водичка, в которой он, Геннадий, вдосталь наплавается... И покайфует за счет турбюро так, что любой из западных толстосумов позавидовал бы! Вот в чем, собственно, весь секрет и смысл его жизни в экологически и климатически неблагоприятной Москве: ни в какой банановой республике

и ни в каких развитых державах ему не заработать столько денег, сколько именно здесь, в задымленной и промозглой российской столице. А как наколотятся миллиончиков двадцать, можно и в тропики подаваться — доживать, блаженствуя, под этими самыми пальмами... Только там ведь от скуки сдохнешь!

Во, идея, кстати: соорудить зимний сад. Со всей оранжерейно-тропической белибердой. Даже какого-нибудь удава поселить там можно, чтоб телки визжали... Ну и типа солнца чего-нибудь привесить, навроде софита, подумать надо... Ведь сделали же ему в ванной потолок с подсветкой под тропическое небо — лежи в джакузи, балдей, как на пляже... Вот и с садом чего-то под стать этому приколоть можно...

Бойцы-шестерки, следующие за его машиной на джипе, несколько подотстали, и он сбавил скорость.

Ехали на «стрелку» к браткам-соседям, чей район примыкал к территории, полновластно контролируемой им, Геннадием. Предстоял разговор о всякого рода неувязках, связанных с деятельностью коммерсантов, чьи точки располагались на спорных участках границы районов. Неувязки, впрочем, носили покуда характер мирный: братки друг друга знали еще со времен своего хулиганского отрочества, проведенного в подворотнях; помимо того, папа Геннадия, покойный вор в законе, состоял в тесной дружбе с нынешним авторитетом соседей Пемзой — желчным лысым типом, недавно вышедшим из зоны и ныне попечительствовавшим над вверенной ему группировкой. Прошлый лидер братков-соседей был застрелен три месяца назад на пороге своей квартиры.

Гена поежился. Затем торопливо перекрестился. Не дай Бог...

Хотя на день сегодняшний в мире организованной преступности Москвы он чувствовал себя довольно комфортно. Его отца помнили многие влиятельные

воры, благоволили сыночку, уважительно относящемуся к «понятиям» и более того, от отличие от свежевылупившихся группировщиков, активно пропагандирующему воровские традиции среди молодняка. Кроме того, он, Геннадий, всегда склонялся не к конфронтации, а к партнерству и дипломатии, поскольку на плачевных примерах коллег давно уяснил: война доходов не приносит.

Единственное, в чем его упрекают близкие корешки сквозь зубы, — так это в скупости... Да и пусть себе похрюкивают! Иметь группировку — это прежде всего — иметь бизнес. А грамотный бизнесмен деньги на ветер не бросает, бережет каждую копейку. Все же эти критики одной масти: сегодня у них густо, а завтра — пусто. Он же предпочитает встретить старость человеком безбедным... Вот и вчера верный соратник Константин дал, умник хренов, совет: подари, мол, Пемзе, джип, у тебя их все равно три, а старикашка уписается от восторга. Все, мол, проблемы решим! Да, джипа три. И каждый не с неба упал. А если ими разбрасываться, то придет время, и на трамвае прокатиться за роскошь почитать будешь! Папа покойный пил-гулял, и чего после себя оставил? Комнатенку в коммуналке, наган, на чердаке припрятанный, да пустые бутылки. И хлебнули они с мамашей — ой как! Зато — щедрый романтик был, так-растак бабушку...

Он притормозил прямо напротив кафе, где была назначена «стрелка».

Шестерки, одетые в одинаковые длиннополые пальто и кашемировые кепочки, вышли из джипа, вставшего позади «мерседеса», завертели, нахохлившись от сырого ветра, головами, высматривая некую вероятную опасность.

У входа в кафе толклись, покуривая, соседские «братки».

Геннадий взглянул на усыпанный бриллиантами «ролекс». Не опоздал, осталось еще три минуты. Где только Константин, обещался ведь быть вовремя... А, вот и он!

Из осенней дымной мороси вынырнул знакомый темно-зеленый «додж» сподвижника, въехал на бордюрный камень рядом с кафе, упруго скрипнув тормозами и насторожив данным техническим звуком нахохлившихся, подобно озябшим воронам, «братков».

Костя — крепыш с литыми плечами, одетый не по сезону — в легкий клетчатый пиджачок, спортивного покроя брюки и штиблеты на тонкой подметке, выскочил из машины, как черт из шкатулки. Небрежно хлопнув дверцей, огляделся по сторонам, махнул в приветствии рукой Геннадию. В вырезе расстегнутого ворота его рубахи виднелась золотая толстенная цепь, размерам которой более соответствовал не нательный крест, а морской якорь.

Передвигаясь словно на пружинах, Костя в следующее мгновение очутился уже на крыльце, в окружении соседской братвы, — полный жизнерадостной силы и оптимизма.

Геннадий закусил губу, невольно помрачнев. За какой-то год Костя уверенно занял место его первого зама благодаря своей напористости, бесстрашию, веселому нахальству, жесткой логике слов, действий и — беспримерному цинизму.

Константин мгновенно различал подводные камни в любых, даже самых, казалось бы, благополучных ситуациях, никогда не упускал из виду узловых моментов любых договоренностей, равно как и возможности воспользоваться чьей-либо слабостью, пусть и сиюминутной.

«Пригреваю на груди змею, — уныло думал Геннадий, вылезая из уюта салона в промозглое унылое

пространство. — Правильно женушка ворчит, что прыток больно парень, чересчур прыток...»

Проходя через холл, сухо спросил Константина:

— Где Грыжа? Приедет?

Вопрос касался личности второго зама.

— В ауте, — коротко ответил Константин. — На английском разговаривает... Действительности неадекватен.

— Ну, может, оно так и лучше... — процедил Геннадий.

Отдыхать на Мадере им предстояло втроем. Сильно пьющий в последнее время Грыжа являл собой не лучшего компаньона для отдыха, но главная его беда заключалась в том, что ни Геннадия, ни Константина он уже не устраивал как партнер в бизнесе. Безответственность в делах, непомерный апломб, никаких результатов в управлении группировкой, и вместе с тем — равная доля... А на протяжении последних пяти лет доля составила серьезный капитал. Капитал, который они с Константином уже теоретически поделили... Практическое же выражение этой дележки предстояло после отдыха на Мадере.

Пемза, как гриф втянув голову в тощие угловатые плечи, сидел за столиком в окружении уважительно взирающих на него шестерок. Уродливые шрамы на шишковатой лысине, длинный пористый нос с глубокими вырезами ноздрей и блеклые, близко посаженные глазки, привлекательности его облику не придавали. При появлении Геннадия и Константина шестерки тактично пересели за соседний столик.

Присутствие столь многочисленной коды на рядовой и, в общем-то, дружеской встрече Геннадия не удивило: после убийства своего предшественника Пемза, покуда не разобравшийся во всех делах и тяжбах группировки, соблюдал повышенную осмотрительность.

— Спокойнее ему так, стало быть... — словно отзываясь на мысли Геннадия, произнес полупшепотом Константин.

Поздоровались тепло, Пемза даже прижался своей морщинистой впалой щекой к подбородку Геннадия, помянул вскользь и елеин по покойного папу — мол, похож ты на него, сыночек, как с одного дерева яблочко... Следом прибавил еще какую-то сентиментальную муру о быстротекущем времени, но, впрочем, быстро перешел к делу, избрав тон укоризненно-вкрадчивый:

— Эх, Гена, стар я уже с вами молодыми соревноваться, но ведь и не за тем поставлен, чтобы мускулатурой меряться или же бабками... Я человек скромный, так меня учили. Пью — водочку, мне ваши коньяки заморские — как волку монпансье; курю — сам видишь — «Беломор», а не всякие там «Марлибры» химические, да и одеколон у меня самый любимый — «Тройной», как был так и есть...

Гена угрюмо кивнул, рассматривая скромный пиджачок вора в законе, надетый на поношенный, в катышках свалывшейся шерсти, свитерок. К чему клонил ушлый бандит — было неясно.

— То есть в быту — скромн, как раньше в характеристиках фраеров малевали, — грустно продолжил собеседник. — Но я — это я, а время сейчас другое, и пацанов по своей мерке мне кроить глупо, другие потребности у вас, да и чего ж им не быть? Пусть! — Он выдержал паузу, сокрушенно качая головой. Повторил: — Пусть, конечно... Тем более, времечко сейчас золотое, демократия, мусора подвинуты, прилавки полны, были б только монеты... Так?

— Ну, ежу ясно, — буркнул Геннадий.

— Что там ежу ясно, для меня как раз дело темное, — сказал Пемза, — но вот то, что из-за монет все горести человеческие и раздоры проистекают — это факт жизненный и конкретный. А потому давай-ка

мудро и разберемся, как нам друг друга в доходах не обижать... Вот эти оптовики, что возле стадиона новую лавочку открыли, на моей же территории жируют, а вы их — к ногтю...

— Наши коммерсанты, имеем право, — подал реплику Константин.

— Правильно, — кивнул Пемза. — Но они ж всех остальных торгашиков своими ценами давят, а нам прямой выходит ущерб...

— Ну, согласуем цены, — пожал плечами Геннадий. — Отправлю своих пацанов, все утрясем... Сравним арендные ставки, транспортные накладные, отстежки во всякие там инспекции...

— Когда? — механически спросил Пемза.

— Завтра с утра.

Пемза пожевал сухими сизыми губами. Чувствовалось, что вступать в детальную беседу об экономических тонкостях того или иного бизнеса ему не под силу из-за отсутствия элементарных знаний современной деловой жизни. Привыкший принимать вердикты, касающиеся разногласий между блатными, и судить, опираясь на тюремно-воровские понятия, он не понимал и ничего понимать не желал в спорных моментах того или иного предпринимательства.

Уяснив для себе эту лежащую на поверхности истину, в разговор вступил Константин, умело подвигая под дальнейший разговор именно что хозяйственно-финансовую подоплеку, отчего у Пемзы, ощутившего свою некомпетентность в ведении профессиональной дискуссии, возникли затруднения в аргументации, и он начал сдавать одну позицию за другой, жалея, видимо, что не привлек к разговору советников. Однако, в одиночку начав разговор, так же в одиночку он решил его и закончить, не показывая растерянности и к консультантов к себе не привлекая. Повторял, то и дело надувая щеки:

— Ну, давай пока решим так, а после подумаем, через недельку встретимся, перетрем вопрос окончательно...

Беседа превращалась едва ли не в чистый «развод лоха».

«Какой шпаной подворотной ты был, такой же и остался, — думал Геннадий, старательно сохраняя уважительные интонации в голосе. — И сейчас бы по карманам шнырял да с дубинкой в подъезде подвыпивших шляп караулил, если б не перемены политического курса...»

Он рассматривал куцый пиджачишко хранителя воровских традиций, размышляя: и ради чего старая галоша в этой бурной жизни бултыхается? Ни в хорошей жратве и выпивке толк не понимает, ни в изысканной мебели, живет на какой-то съемной квартире с облезлыми обоями... Зато — настоящий идейный вор! Все ради братвы... Или кайф он от своей нищеты ловит?

Гена, как, впрочем, и остальные блатные, даже не ведал, что имеется у скромника Пемзы роскошный загородный особняк, оформленный на имя жены, хотя числился вор в завязтых холостяках; кроме того, имеется точно такой же «мерседес», незаурядный гардероб, и, усевшись под вечер у огромного цветного телевизора, любит пожилой жулик попивать «мартини» под дым гаваны... Не знал и того, что уступчивость Пемзы прежде всего объяснялась его подозрением об убийстве предшественника людьми Геннадия, часто вздорившего с покойным. И сегодняшняя благостная позиция вора была всего лишь уловкой: он оставлял за собой право вернуться, уже в окружении толковых подопечных, ко всем спорным темам, а покуда цепко запоминал все аргументы этих возомнивших о себе сосунков, думающих сейчас наверняка, что дурят старому ослу мозги... А диктофончик в кармане фик-

сировал каждое слово, которое потом он проанализирует и, в случае чего, предъявит на разборе... Пусть сорят словами, а он послушает, и сор в итоге золотым будет, ответят сопляки за базар...

Расстались душевно, договорившись встретиться по возвращении Геннадия и Константина с Мадеры. Прощаясь, Пемза напомнил о своем близком юбилее — мол, приходите, иначе осерчаю...

Усевшись в «мерседес» вместе с товарищем, Геннадий недоуменно пожал плечами. Произнес, не подозревая, что разговор сканируется технарями из банды хитроумного вора:

— Слышь, не понимаю я этого козлину... В поддавки играет. Ласковый такой... Гляжу на него — такой даже какает благостно... Может, подлянку вынашивает?

— Может, — сумрачно кивнул Константин. — Базар не кончен, все на потом оставил... Мозгов там чуть, но ведь непростая рыба, скользкая, вон сколько прожил, да и зон прошел — не счесть... Значит, жизнь и людей знает...

— Да толку! Серый он, как штаны грузчика! — отмахнулся Геннадий. — Чучело говорящее! Персонаж с помойки истории, тень прошлого. Кстати, а на какой он тачке ездит, не в курсе?

— Веришь — на «Жигулях»! — радостно рассмеялся Константин.

— Да иди ты!.. — Геннадий возбужденно поерзал на сиденье, отчего «мерседес» закачался из стороны в сторону словно под влиянием урагана.

— Иди ты весь! Я ж говорю: подари ему джип, сделай широкий жест, дед тебе без борьбы всех своих терпил отпишет...

— Ладно, едем на стоянку, — произнес Геннадий отчужденно. — Там добазарим.

Когда Константин вышел из машины, зло стиснул зубы.

«Иди ты весь... — произнес мысленно. — Оборзел, гаденыш! И опять насчет джипа вспомнил... Дари свой личный, сука! Хотя, скажи ему такое, Костя ответит: ты — главный, твоя доля круче, ты и дари... А подразумевать будет — мол, вот когда я главным стану...»

Он заставил себя утихомирить злобу. Костя был нужен. Нужен хотя бы в том деле, которое они слепят на Мадере. А потом и с Костей можно разобраться. Умные замы ему не нужны. А вот молодой Тимоха, к примеру, подходящий экземпляр для роли второго лица в кодле. Исполнительный, преданный, без казых и извилин... Вот и шепнуть ему надо, что Костя его на дух не выносит. Вообще сравить как-то... Ну и шлепнет он Костю. А мокруху на ребят Пемзы списать можно при определенном раскладе... Вывернуть с выгодой, короче. А пока — терпение, терпение...

Тут в голову ему пришла великолепная мысль... Еще в пору становления группировки он купил для своей «девятки», по тем временам считавшейся шиком, четыре импортных шипованных колеса — тогдашний дефицит. «Девятку» вскоре сменил «кадиллак», колеса пылились в гараже, и, к месту вспомнив о «Жигулях» Пемзы, Геннадий решил подарить жожаку соседей на день рождения не востребовавшую резину.

А то — джип! Хрена себе! Покрышек и тех жалко. Помыть их, кстати, надо, а то конфуз выйдет. И гута-лином, что ли, натереть?

Через полчаса они въехали на территорию автостоянки, с которой велась продажа подержанных машин. Бизнес в последнее время шел слабенько, прежние времена, когда стоянка была забита угнанными автомобилями с перебитыми номерами, что уходили к покупателю, снабженные фальшивыми справками-счетами, миновали. Раньше система работала просто: лох-клиент, у которого при регистрации машины в ГАИ обнаруживали липу, мчался, кипя праведным возмущением в

торговую организацию, где его пыл быстренько остужали братки: дескать, машина не наша, кто тебе справку выписывал — не знаем, да и вообще, мужик, адресом ты ошибся, с головой у тебя непорядок, но мы можем, если настаиваешь, мозг тебе вправить... Милиция в свою очередь права пострадавших активно защищать не стремилась, местные власти, получая свою мзду, соблюдали нейтралитет, однако малина мало-помалу, но отцвела: в ГАИ появились опытные эксперты, активизировался розыск похищенного транспорта, а РУОП и МУР набирали силу, работая жестко, последовательно и безо всякого намека на формализм. Посему торговли машинками с фальшивыми биографиями ныне велась крайне осторожно, предпочтение отдавалось их разборке и продаже по запчастям, а также комиссионной реализации, приносящей гроши.

На территории, приватизированной по бросовой цене в период развития демократии и, одновременно, коррупции, Геннадий поставил строение, разместив в нем свой офис, конференц-зал, где проходили пьянки-гулянки, несколько спальных комнат и, естественно, сауну с обширным предбанником. Кроме того, пространство одного из подсобных помещений целиком занимала сваренная из арматуры клетка, куда помещались для вразумления некоторые из упорствующих терпил.

Рядом с клеткой располагался стеклянный столик, на котором лежал, прикрытый марлевой простышкой, набор хирургических инструментов — фрагмент обстановки, позаимствованный Геной из фильмов о гестапо. Впрочем, заимствование приносило положительный практический результат: взирая из клетки на хромированную сталь карцангов и щипцов, многие из коммерсантов давали согласие на выплаты буквально в течение получаса.

В отношении особо мужественных и непокорных, Гена применял гордость своей медтехнической кол-

лекции — машинку для ампутации пальцев. Округлое лезвие, взрезавшее жертве кожу на суставе (далее дело покуда не шло), производило поразительный эффект при достижении той или иной договоренности.

Для редких экземпляров, державшихся со стойкостью мазохистов, у Гены существовала особая технология обращения: в тот миг, когда лезвие машинки уже было готово оттяпать пальчик испытуемого, в дело вмешивался гуманист-Костя, осмотрительно не желавший брать на себя статью о нанесении тяжких телесных повреждений.

— Стоп! — обычно произносил Костя в самый напряженный момент. — Этот мужик мне нравится... Люблю людей с характером, таких грех уродовать! Я вот как думаю: человек просто заблуждается, дадим ему шанс... Пусть посидит у нас, подумает... — После чего герои препровождались в расположенный на территории стоянки канализационный колодец. Колодец, закрываемый толстенной чугунной крышкой, глубину имел более пяти метров, на дне его, по осклизлому желобу текла вонючая темная влага, и, просидев в бархатной черноте вертикальной зловонной трубы несколько часов, жертва быстро приходила к мысли, что деньги и блага земные — тлен и прах в сравнении со свободой, свежим воздухом и возможностью ходить по земле, глядя на небо.

В колодце остро и быстро постигалась суть вечных ценностей, забываемых в погонях за суетными богатствами.

Гена любил свою «базу» и навещал ее каждодневно. Хотя порой завидовал боссу Северо-портовой группировки, кому принадлежали стоявшие на якорях плавающие гостиницы с барами и ресторанами.

Гостиницы, чей контингент составляли уважаемые иностранные граждане, приносили внушительный и стабильный доход; кроме того, с помощью подобного

бизнеса легко отмывалась наличность, а в пустующих номерах-каютах, отделанных ценными породами дерева, проходили встречи, разборки и оргии. Что же касалось бесед с терпилами, то на психику последних великолепно действовал вид темной глубокой воды, омывающей борта посудин...

Да, красиво устроилась портовая братва, с шиком! Однако и ему, Геннадию, гневить Бога не стоит — как ни крути, а собственная земля — это тебе не ничейная водица, это — капитал на все времена... Если, конечно, коммунисты к рулю не вернуться... Тогда — труба!

Он механически перекрестился.

Как большинство жуликов суеверный, трусливо осознающий беспросветную греховность своего бытия, Геннадий смешно и глупо, к месту и всуе, впадал в ритуально-религиозный раж, хотя о сути покаяния имел представление весьма общее. Покаяние подменялось вдумчивой скороговоркой: «Прости меня, Господи...» и — сопутствующим вознесением крестного знамени, что олицетворялось в его сознании с автоматическим прощением Отцом Небесным всяческих сомнительных деяний. Мол, слаб человек перед искушением, но ведь сознаю грех, уже немалое дело... Впрочем, подобной логикой в повинности перед Высшим Судьей руководствовался не он один, метода издавна отличалась распространенностью широчайшей...

В офисе Геннадий увидел знакомую картину: ведающий продажей машин менеджер и разбитная секретарша пили чай, калякая о том, о сем.

Получив отчет о прошедшем рабочем дне, увы, не отмеченном ни единой продажей, Гена отпустил работников по домам, отчитал ночного сторожа за похмельный перегар и уединился с Костей для обсуждения текущих дел.

Обсуждать, собственно, было нечего, перемалывали одно и то же: проблему финансового кризиса,

резко упавшие доходы подопечных коммерсантов, необходимость какой-нибудь крупномасштабной аферы с банковскими кредитами, затем вновь возвращались к теме получения mzды с бизнесменов...

— Сюсюкаем мы с ними и нянчимся! — рубил воздух ребром ладони Костя. — Ишь, денег у них нет! Есть деньги! Глянь, на каких тачках ездят и в каких прикидах!

— От прошлой малины...

— Ладно тебе! Сколько, как говорится, людей ни воспитывай, а им все равно хочется жить хорошо! Свирепо с ними надо, вот чего! Брать за шкирман, и — сюда! В клетку, в колодец... И — побольше садизма! Сразу бабки появятся! Садизма побольше! Кстати... Может, телок выпишем, а? Скажу сторожевому, чтоб сауну прогрел...

— Не... — Геннадий осторожно помассировал ладонью затылок. — Не в настроении я... И чайник чего-то трещит... Видать, магнитная буря.

— В смысле?

— Ну, в атмосфере какая-то непонятка...

— А-а...

Поставив «мерседес» в гараж, располагавшийся у торца дома, вошел в парадное.

Дом был реконструирован, жили в нем несколько весьма обеспеченных семей, а квартира Геннадия занимала весь четвертый этаж, на котором лифт открывался лишь с помощью посланного с карманного пульта сигнала.

Геннадий вошел в квартиру, встретившую его темнотой и тишиной. Жена с ребенком лишь завтра к вечеру возвращались из Турции, после отдыха на побережье.

Некоторое время он бестолково бродил по комнатам, вперемешку заставленным антикварной и новомодной зеркальной мебелью, громоздкими статуями из мрамора и чугуна, задевая макушкой развесистые

театральные люстры и бессмысленно озирая аляповатые картины в золоченых рамах.

В обстановке квартиры властвовала дремучая безвкусица и карикатурная пошлость, но данные понятия были Геннадию попросту неведомы — все, чем блистало и пыжилось пространство его жилища, вселяло в него чувство основательности и благополучия. Да и вообще красиво...

Посмотрев по трем телевизионным каналам криминальные новости прошедшего дня, он, поразмыслив, набрал номер телефона Грыжи.

Трубку сняла Люська, супруга товарища-пьяницы.

— Ну, как твой?... — кратко спросил Геннадий.

— Опять в стельку! — донесся беспечный, со смешком ответ.

— Спит?

— Так не спят, так умирают...

— Ну тогда давай ко мне, он все равно не раньше полудня очухается.

— А-а...

— Моя завтра вернется, все тихо.

— Поняла!

— И ликерчик твой любимый имеется, ананасовый...

— Ну сейчас, красоту наведу...

— У тебя там всегда красота!

— Хи-хи...

Грыжа

Проснулся Грыжа в пять часов утра, охваченный какой-то неясной, тянущей душу тревогой.

Такие пробуждения случались у него исключительно в тех случаях, когда накатывала жажда, и приходилось, стеноя в потемках, трудно добираться длинной

коридорной стезей на кухню, где в самом низу холодильника ждал его неизменно и неиссякаемо источник в виде картонки, набитой банками с пивом.

Но на этот раз не мучила Грыжу жажда, равно как и иное томление физического свойства.

Смятен был дух.

Тревога одолевала Грыжу; смутное воспоминание о какой-то утрате — давней, затертой в памяти и вдруг, как шальной бумеранг, вернувшийся и поразивший зеваку-метателя.

Сон навевал тревогу, сон, в котором очнулась сама собою раскрепощенная память, воссоздав нечто полузабытое: какой-то немой удар, свет фар, крики людей из мглы полуночной улицы...

С трудом, но уяснил Грыжа суть возрожденных образов — авария! Ну да... Куда-то ехал он ночью, кажется, со Стенькиным. Два или три года назад. И куда-то они крупно въехали.

Ну и что? Сенькин жив, машина продана... Лом этот... «Семерка» вроде...

Откуда же тревога? Откуда?

Подогнув под себя ноги и закутавшись в простыню, как йог, он уселся на кровати, погрузившись в размышления над непонятными причинами колкого и тягостного, прицепившегося репьем чувства.

Светил в углу комнаты телевизор, который он забыл выключить, и мелькали на экране то дивы с длинными ногами, то мужественные парни, демонстрирующие искусство рукопашного боя. Безмятежно спала неподалеку Люська — блондинка, красивая.

«Одно и то же!» — глядя на экран, с раздражением подумал Грыжа и хлопнул кулаком по пульта.

Исчезло изображение рукопашного буйства. В темноту погрузились золоченые рамы, скрылись во мраке лики иконописи, померкла игра хрусталя и блеск полированной мебели.

Однако не отпускала неясная тревога.

И вновь ринулся Грыжа в прошлое, вновь воссоздавал его в тщете воспоминаний, но воссоздал немного: развороченный капот, веселый вскрик Стенькина: «...ну, попали, Грыжа! Такси надо искать!» После — бессмысленную улыбку сотрудника ГАИ, голос из ниоткуда, из ночи: «И ни царапины! Недаром говорят...»

Что недаром, что?!

И — вспомнил Грыжа! Молнией озарила мозг истина! Вот оно! Машина! Ведь кто-то из мальчиков сумел ее продать. Точно! И документ вручил на получение денег после комиссии! Тысяча там, две... где-то так, около того.

А вот получил ли? Нет, не вспомнить. Ай, не вспомнить! Жалость-то...

Сухость во рту почувствовал Грыжа. И, не зажигая света, отправился привычным путем, коридорные стены ощупывая неверной рукой, к холодильнику.

Чпок! — открылась в облачке углекислоты заветная, блистающая фальшивым золотом банка, и прохладой обдало страждущие губы.

И тут снизошла на Грыжу безмятежность.

Чувство блаженства физического очистило душу и от суеты нравственной. И ушла тревога, и смятение ушло. В тускнеющие осколки разлетелись кривые зеркала натужных воспоминаний о машине, об аварии, о документе, по которому что-то там когда-то и полагалось...

И зло подумал Грыжа о всколыхнувшей его среди ночи мысли, и о сне, растревоженном ерундой, подумал он с сожалением, ибо спокойный сон без сновидений — залог здоровья, а беспокойный — всегда в урон человеку. И невосполним урон этот никакими тысячами и ни в какой валюте.

Жалкая сущность маеты открылась потревоженному ею. И отверг он ее. И уснул сном мудрого. И спал

как всегда — глубоко и отдохновенно. И проснулся тоже как всегда — задолго после полудня.

Из жизни Миши Короткова

— Ну, Миша, вот и отметили мы твой четвертак, — сказал отец. — Время иде-ет... — качнул сокрушенно поседевшей головой. — Ну, чего делать-то собираешься? Не хотел сегодня этот разговор затевать, но язык — как чешется... Да и сам посуди... Комсомол твой гикнулся благодаря историческому процессу, с коммерцией сейчас дело обстоит тухло, на пяточке живем, куда ни плюнь — конкуренты...

Именинник Миша пожал плечами. Он действительно не знал, что ответить. Комсомольская карьера, которая, казалось бы, задалась, рухнула под ураганами перестройки; метнувшись в вольные предприниматели он устроился лишь в низовой прослойке местной деловой иерархии, а в обойму же номенклатурной мафии, несмотря на все старания, так и не влез — не хватило ни связей, ни капитала.

Папа, сидящий за столом напротив и прикладывающийся к коньячку под предлогом его, Михаила, юбилея, жизнь прожил в погоне за длинным северным рублем, и рубль этот, мудро обращаемый по мере его поступления в похищенное с приисков золотишко, в данный момент и проживал.

Исходя из скромных запросов родителя, накопленных средств ему с лихвой должно было хватить до гробовой доски.

Здесь, на Магадане, папа пристроился на теплое местечко, нашел подходы к «левому» золотишку и обрел компанию себе подобных мужичков — основательных молчунов с крестьянско-прижимистой жилкой, патологически подозрительных и объединенных

одинаковой целью: неторопливо сколотить себе капитал для грядущей старости.

Как понимает он, Миша Коротков, золотишко потихоньку переправилось на материк, часть его воплотилась в частные домишки и огородики в провинциальных российских городах, куда переехали и бывшие магаданские труженики, а вот папа, уроженец южноуральской глубинки, в которую хотел вернуться после длительной северной шабашки, с притяжением Магадана не справился, осел здесь навек. Привык к устоявшемуся быту и перемещаться куда-либо даже и на короткий срок не желал категорически. Главное, наладил папа каналы получения денег с материка от своих компаньонов, и когда возникали финансовые проблемы, то в течение двух-трех дней надлежащие средства он получал исправно.

— Ну я-то, Миша, пожил, — словно откликаясь на размышления сына, говорил отец. — Использовал момент, на советскую власть не в претензии... К ней ведь как приноровиться надо было? Минимум тебе давался, а дальше — сумей украсть, не раздражая прокурора... По зернышку, по болтику, по грамму песочка рыжего... Так и цел будешь, и сыт. Но кончилась она, власть эта, а власть нынешняя у тех в руках, кто деньги нахрапом гребет! И никому никакого минимума! Хочешь — сдыхай, не хочешь — крутись как хочешь! Вот тебе и закон нашей жизни. Теперь — так. Смотрю на тебя, уже два года ты как спутник в пустоте круги нарезаешь... И дело такое мне не нравится. В общем, есть у меня корешки в Москве. Говорил я с ними. Дадут они тебе выходы... С квартирой помогут, с пропиской... Как насчет столицы, а?

Насчет своей жизни в столице Миша Коротков мыслил хотя и туманно, но весьма положительно. Магадан ему надоел. Надоела и тщетность трудных ком-

мерческих зачинаний, и зашоренность личного бытия, и проклятый климат с нескончаемой промозглой зимой... Да и вполне естественным образом тянуло к чему-то новому...

— И когда можно двигать в Москву? — равнодушным тоном спросил он отца, разливая коньяк по рюмкам.

— Да хоть завтра...

— А если серьезно?

— А я попусту языком никогда не трепал, сам знаешь. Скоро там народ просыпаться начнет... — Отец кивнул на часы. — Мы и позвоним. А утречком проснешься и — за билетом.

— Чего еще удумали! Хватит пить, спать пора! — раздался голос матери, вошедшей в комнату. — В Москву парня намылил! Размечтался!

— Мечтать, ма, не вредно, вредно не мечтать, — откликнулся Михаил. — Ну, давай, отец! За удачу!

Через три дня он ехал из аэропорта в «жигуленке» московского приятеля папы, бывшего магаданца, глядя на приближающиеся огни огромного незнакомого города, загадочной Москвы, где ему предстояло начать новую, покуда неведомую жизнь.

Приятель отца имел небольшую торговую фирму, поставлявшую на Магадан импортные консервированные продукты. Михаилу предстояло занять в фирме должность менеджера.

Ничего сколь-нибудь нового во вмененных ему обязанностях он не обнаружил — одна и та же бодяга — что в Магадане, что в столице. Товар, накладные, покупатели и поставщики... И — ничего собственно. Фирма чужого дяди, подневольный труд за среднюю зарплату, которой в обрез хватало на расходы по содержанию съемной квартиры и съемных девушек, и — череда серых будней.

Вскоре ему довелось познакомиться с перекупщиками конфет и спирта, поставляемых из Западной Европы — московскими тертыми ребятами, предложившими ему долю в своем бизнесе. Пришлось отзванивать отцу в Магадан с мольбой об оказании помощи в обретении стартового капитала. Характеризовать реакцию папы на данную просьбу, как восторг, Миша бы не рискнул. Отец, долго и нудно интересуясь деталями предстоящего бизнеса, выделил в итоге долгой и нелицеприятной дискуссии десять тысяч долларов. По его тону чувствовалось, что данную сумму он относит к разряду своих неизбежных кармических потерь. Попутно, на случай каких-либо будущих недоразумений между Мишей и его компаньонами, дал сыну телефон своего знакомого, некоего Ивана Тимофеевича — персоны, весьма значимой в криминальных кругах. Строго-настрого наказал: с этим человеком, Миша, никаких шуток... Подставишь его, считай, подставил и меня.

С новообретенными партнерами, снимавшими офис в одном из облагороженных евроремонт подвалов в районе Колхозной площади, Михаил работал слаженно и продуктивно, получая с вложенных денег изрядный процент.

Никаким бандитским «крышам» фирма не платила: Мишины партнеры, в советское время отсидевшие кто за махинации с валютой, кто за незаконное предпринимательство, поддерживали дружеские связи с бывшими лагерными друзьями, ныне выбившимися в элиту московских группировщиков, и многомудрый президент компании Марк — лысый коренастый человек в золотых очках «картье», имевший израильское гражданство и заводик по производству нижнего белья на своей исторической родине, покровительственно кривясь, сообщил Михаилу, что «присылает» порой по личному своему усмотрению в общак одной из мощных группировок ту или иную сумму, чем все мафиоз-

ные налоги исчерпываются. Марк не врал: криминальные авторитеты, чьи физиономии порой мелькали в телевизионном эфире, частенько навещали его с дружескими визитами, приглашали на свои юбилеи, и вел он себя на с ними на равных, без тени заискивания.

На одном из светских раутов, проходивших в свежестроенном казино, Миша встретил старых магаданских друзей, соратничков по комсомольской работе: Анохина и Трубачева, ныне специализировавшихся на продаже японских автомобильных запчастей, поставляемых из Владивостока.

Встреча была теплой: вспоминали наивную розовую юность, прошлые устремления, общих знакомых...

Бесконечно родным и безвозвратно ушедшим повеяло на Мишу, сентиментально разглядывавшего лица, казалось бы, канувших в безвестность товарищей; впрочем, лица эти, некогда сиявшие комсомольским окрыленным задором, немало деформировало безжалостное время, и наблюдался ныне в этих лицах известный меркантильный прагматизм и даже универсальная циничная сметка по поводу и без, своиственные битым деловым людям, прошедшим суровую школу кровавой постсоветской действительности. Пробы, конечно, некуда было ставить на рожи этих мерзавцев, но сквозь приобретенные черты порока умиленно виделись Мише бывшие одухотворенные черты своих соратников по молодежному образцово-показательному арьергарду. В аналогичном ракурсе зрения, чему, безусловно, способствовали и винные пары, рассматривали Мишу и его бывшие товарищи. В итоге сообща решили, что встреча их — знак судьбы, расставаться отныне — грех, а потому, как и прежде, надо держаться вместе.

Обменялись телефонами.

Однако, проснувшись последующим утром, своих друзей юности Миша вспомнил отдаленно и равно-

душно. Никакими особенными коммерческими достижениями они, чувствовалось, не блистали, а попросту перебивались случайными заработками на нерегулярных контрактах. Что они могли дать ему, эти мелкотравчатые ловцы случайной удачи? Он же, Миша, за год интенсивного труда сделал из кармических папиных десяти тысяч — сто десять, исправно с родителем расплатился, а ныне вложил практически все деньги в очередную партию спирта, намереваясь при этом удвоить нажитый капитал.

Сладко потянувшись в постели, он чмокнул в щеку спящую рядом даму, с трудом припоминая ее имя, и начал собираться на работу. Впереди был тяжелый день: спиртовозы запаздывали, а клиенты, уже произведшие оплату, наверняка караулили его у офиса. Предстояло морочить народу мозги, оправдывая задержку тяготами дороги и происками таможенников. Накатанная, навязшая в зубах схема...

Припарковав машину возле офиса, Миша привычно спустился по ведущей в подвал мраморной лестнице, небрежно кивнув охраннику, вошел в кабинет многомудрого авторитетного Марка, попивавшего крепкий арабский кофе с коньячком под сигару, и тут-то ждал Мишу удар: проникновенным и грустным голосом шеф сообщил, что случилась беда: машины со спиртом исчезли где-то на просторах Польши вместе с водителями.

— Ну, попали, — равнодушно говорил **Марк**. — Чего ты так побелел? Или ты хочешь только получать, и не попадать? Так не бывает.

— Но надо хотя бы найти этих водил...

— Ищем...

Месяц спустя, в случайной беседе с одним из посредников, выплыл обескураживающий факт: оказывается, компаньоны втайне от него, поставили партию какого-то спирта в Сибирь...

У Миши возникли вполне обоснованные подозрения, что речь идет о якобы пропавшем алкоголе, купленном на его кровные денежки. Бессовестные московские дружки, сплоченные между собой своим общим криминальным прошлым, просто-таки кинули его, чужака.

Взволнованный разговор с Марком положительного результата не принес. Впрочем, взволнованным участником разговора являлся Миша, Марк же, напротив, оставался по своему обыкновению невозмутимо корректным.

— Да, было дело, — лениво говорил он. — Был спирт, была сделка. Но уже после попадания... Почему мы не поставили тебя в известность? Потому что у тебя нет денег... Что бы ты вложил? Личную причастность? К тому же, милый, сделка была стремной, спирт мы послали без предоплаты, я просто не хотел, чтобы ты устроился на энную сумму повторно... Какие вообще претензии?

Угнетенный недоказанным фактом мошенничества со стороны партнеров, Миша задумался над целесообразностью встречи по данному поводу со всемогущим Иваном Тимофеевичем, к которому уже неоднократно обращался с просьбами льготного оформления таможенных документов.

Из общения с товарищем отца Миша сделал вывод: непосредственно Иван Тимофеевич ни в одну из группировок не входил, но криминальный мир Москвы знал досконально. Специализировался же он на антиквариате, натуральных и фальшивых ювелирных изделиях и — разного рода документах — опять-таки: как истинных, так и сомнительного свойства. В частности, Мише он сделал законный служебный загранпаспорт МИД и липовый паспорт гражданина США, с которым Михаил безо всяких визовых сложностей разъезжал по Европе.

Затевать расследование со спиртом Иван Тимофеевич, наслышанный о Марке, отсоветовал — мол, дело дохлое: Марка в любом случае прикроют блатные, да и отоврется старый жулик... А то еще дело и против него, Михаила, повернет, ему опыта в эквилибристике всякого рода разборок не занимать.

— А потом — кто ты есть? — подытожил Иван Тимофеевич. — Есть ты самый натуральный лох. И если тебя кинули, то квалифицируется это промеж блатных так: люди сделали работу, «развели» фраера. Так чего на них наезжать? А если была еще и отстежка в общак по данному поводу, хрен ты чего выкрутишь... Я, конечно, могу тараном пойти — мол, мои бабки сгорели... Это к тому, чтоб на вопрос ответить: чего вдруг за тебя масть держать взялся? Но это — уже на грани беспредела... И если за руку меня потом поймают, что фуфло я гнал — нехорошо мне выйдет в смысле морального облика и авторитета...

Не согласиться с этакой вполне резонной позицией умудренного волка Миша не мог. Вместе с тем он едва ли не до слез расстроился, понимая, что оказался в очередном жизненном тупике. Продолжать работу с Марком и с его вероломной компанией, вкладывая деньги в карманы жуликов, не хотелось.

Его переполняли отчаяние и злоба. Целый год он вертелся как заведенная машина, недосыпал, экономил деньги, отказывая себе даже в полноценном питании, и все тяжко заработанное у него безнаказанно и непринужденно отобрали в одну секунду! «Люди сделали работу!» Хрена себе вывод! Ему бы на такую синекуру трудоустроиться...

Он заставил себя успокоиться, уже холодно и отстраненно размышляя о том, что этот год все-таки не прошел напрасно... Хотя бы потому, что он приобрел немалые знания. Знания многих банковских тайнств,

приемов игры на бирже, разнообразия договоров поставщиков с оптовиками...

И тут, подобно хаотично разбросанным железным опилкам, внезапно притянутым к магниту, из кутерьмы обрывочных мыслей, в какое-то горячее, пронзительное мгновение у него созрел стройный план действий!

Он долго сидел перед телефоном, раздумывая, не поспешит ли со звонком Ивану Тимофеевичу, и, тщательно взвесив все «за» и «против», все-таки набрал номер.

— Ну, давай, приезжай, коли приперло, — сказал старший товарищ, не склонный обсуждать конкретные вопросы и проблемы при посредстве какой-либо аппаратуры.

Разговор велся на улице.

Выслушав Мишу, Иван Тимофеевич, испытующе прищурившись, взглянул на него. Спросил:

— Тебе батя объяснял, что с ним будет, если ты погоришь, и меня продашь? И что с тобой в тюрьме будет, хотя бы приблизительно предполагаешь?

— Да! — очень уверенно сказал Миша.

— Тогда запомни — есть две категории: первая — сел, вторая — вышел. Обе сопряжены с определенной страховкой. Следствие, предварилка, ментовская и прокурорская суетня — это так, временные заморочки. А вот зона — это жизнь. И выход из зоны должен быть не выходом в открытый космос, а на гарантированные твердые позиции. К чему клоню? К тому, что меня сдавать — свое будущее сжигать, страховку. Это — в лучшем случае. А в худшем — закончат тебя еще в предварилке... И не потому, что я такой важный и разважный блатной туз, а потому, что с моей посадкой у многих деловых людей начнутся прямые экономические убытки... Нужный товар я тебе предоставляю. Погореть на нем — проще некуда. Как на нем

постараться не погореть — объясню. Бесплатно. Теперь — о цене...

Миша вернулся домой поздно ночью. Сел за стол, уперев ладони в лоб.

Итак, все соединилось: школа хитроумного Марка, возможности Ивана Тимофеевича и — дружки-комсомольцы, покуда еще ничего не ведающие о тех жизненных переменах, которые им уготовил он, Миша. Впрочем, нюансы этих перемен были и самому ему покуда неведомы. Единственное, что он уяснил наверняка, уже засыпая после тяжелого дня раздумий и переговоров, так это то, что сегодня родилась система... И отныне он ее автор и руководитель.

А через неделю в кабинет управляющего одного из коммерческих банков Владивостока вошел опрятно одетый, распространяющий аромат дорогого одеколona человек лет двадцати пяти с модной стрижкой, в дымчатых очках, с перстнем, где сиял, вкрапленный в овал черного агата, внушительный бриллиант, и, представившись Сергеем Ковалевым, исполнителем директором фирмы «Астара», предложил управляющему выгодно купить принадлежащие фирме четырнадцать векселей банка «Менатеп».

Подлинность векселей, увенчанных всеми необходимыми печатями и подписями, сомнений у управляющего не вызвала, равно как и коммерческая целесообразность данной сделки.

Фирма, зарегистрированная в том же Владивостоке, дурной репутацией не пользовалась; свой личный паспорт Ковалев с готовностью отдал секретарше для снятия с документа ксерокопии, и, приняв векселя, управляющий дал команду перевести деньги в сумме, составляющей сто семьдесят семь тысяч долларов, двумя платежными поручениями на счет «Астары», открытый в хорошо управляющему известном «Дальрыббанке».

Сделка состоялась.

Вечером руководство фирмы «Астара» в составе Миши Короткова, являющегося ее тайным руководителем, и экс-комсомольцев Трубачева и Анохина, в чьем кармане лежал паспорт на имя пресловутого Ковалева, отмечали продажу векселей в одном из японских ресторанчиков портового города.

Система начинала работать...

Векселя, имеющие практически все требуемые степени защиты, прошли серьезную проверку, показавшую, что тайная типография Ивана Тимофеевича выполняет криминальные заказы на совесть. То же с полным основанием относилось и к паспортам на имена различных лиц, и к печатям многих солидных государственных учреждений, банков и даже воинских частей.

Праздник по поводу состоявшегося мошенничества проводился с умеренным употреблением алкогольных напитков, поскольку завтрашний день сулил немалые хлопоты: Трубачеву предстояло «окутить» «Дальневосточный банк», предложив вексель на сумму, составляющую сто девяносто тысяч долларов.

И потому, не обращая внимания на ресторанный суету и снующих вокруг стола местных продажных чаровниц, он, закусывая пиво «Саппоро» экзотическими суши с черной икрой, снова и снова разглядывал великолепно сработанный документик с проставленными на нем оттисками печатей «Менатеп», Главного управления военного бюджета и финансирования Министерства обороны и компании «Росуголь».

Анохин в свою очередь листал папочку, где хранились выданные ему на реализацию с целью якобы досрочного погашения, еще пятнадцать векселей, увенчанных печатями войсковых частей и министерства топлива и энергетики России.

— Задерживаться во Владике не будем, — конспиративным полусшепотом втолковывал компаньонам

Миша. — Денежки два-три дня для приличия покрутятся в местных банках, потом перебрасываем их в столицу, снимаем наличными с понтом под закупку сельхозпродукции, и — сидим тихо. Уже через полмесяца начнется шум-гам. — И, обернувшись на соседний столик, за которым шумно пила-закусывала бритоголовая, в цепях и крестах публика, пояснил: — Менты начнут охоту, расставят засады, и банкиры братков по нашему следу пустят.

— И как тогда будем дела крутить? — опрокидывая в пиво фаянсовую рюмочку с sake, напряженно спросил Анохин.

— Придумаем новую мульку... — Миша равнодушно пожал плечами. — Да она и придумана, в общем-то... Ты не переживай, у меня идей много...

— В «Дальневосточном», — с сомнением произнес Трубачев, — в управлении ценных бумаг такая рыба гнилая сидит... Боюсь, как бы не расколол...

— Не расколется, вексель пробить — дело не одного дня, а вот в отказ банк может пойти, — кивнул Миша. — Это — учитываю. Но, как говорится, в готовности к облому — наша сила... И вообще наша жизнь — как рыбалка. Или — как любовь: клюнуло — тяни рыбку, не клюнуло — сматывай удочки...

Прожекты Шкандыбаева

Дешевле, конечно, было бы купить бутылку пива в киоске и утолить похмельную жажду прямо на улице, но на такой поступок Шкандыбаев не решился: вдруг въедливые патрульные милиционеры расценят это, как вызов общественному мнению? Им ведь только дай повод... А кроме того, он не какой-нибудь там алкаш, он — человек интеллигентный... И потому, не смотря на жесточайший кризис в личном бюджете,

он, как, впрочем, и государство, также переживающее нелегкие времена, полным банкротом себя признавать не спешит, пессимизму не поддается и еще способен на некоторые широкие жесты... По крайней мере, культурно выпить пивка за столом в закусочной позволить себе он в состоянии. Он не какая-нибудь опустившаяся личность! Он просто — личность! А личности не опускаются. Вот так, господа!

Не без досады им уяснялось, что деньги, которыми оплачивалось пиво, долго и мучительно пришлось выклянчивать у супруги — как оперативные средства, необходимые ему для поисков подходящей работы.

И эта заживевшая от безделья курица еще не хотела давать ему эти гроши! Устроила какую-то параноидальную истерику! Как будто это так просто — найти работу! Тем более — в сорок три года! Не по газетным же объявлениям ее искать! Что хорошего там могут предложить? Аферисты ищут дурачков! Нет, его, Шкандыбаева, не проведешь! Он повидал этот подлый мир и опыт у него — ого-го! Кстати, откуда эта идея с газетой? А, все та же женушка подсказала... Бестолочь! Как сидела в своей сберкассе на стуле контролера от и до, так и сидит! А ведь если разобраться, то сидит-то она на огромных деньгах! И он не раз предлагал ей стоящее дело... Например, игру на курсе доллара... Разные там кредиты под проценты... Слушать не хочет! Дура! Ну и сиди за свою зарплату, сиди! Вот если бы ему в сберкассу, то есть в банк по новейшей, так сказать, терминологии...

Шкандыбаев вздохнул. Нет, корпеть от рассвета до заката, да еще терпеть над собой самодура-начальника — дудки! Он уже отрубил свое снабженцем и в прежних совдеповских структурах, и во всяких там последующих коммерческих... Все едино, всюду — ограниченные, самодовольные эксплуататоры! Никакого полета мысли! А ему нужна творческая,

самостоятельная служба с простором для личной инициативы! А чтобы ее обнаружить, надо встречаться с людьми, посещать презентации, вынашивать планы путем компиляции разного рода мнений... Вот это — его система!

Вчера, кстати, получено предложение от фирмы, оптом торгующей рыбой. Он, Шкандыбаев, находит покупателя и получает изрядные комиссионные с контракта. Мелковато, конечно, но...

— Разрешите, коллега?

Перед столом стоял мужчина, одетый в куртку «алаяску» с апельсинового цвета подкладкой на капюшоне, в который какой-то уличный, видимо, шутник вложил кожуру от банана и смятую сигаретную пачку. Мужчину пробирал легкий абстинентный озноб. В руках его были две полные пивные кружки, и удержать в их пределах обильно пенящийся напиток стоило ему известного труда.

Шкандыбаев покровительственно кивнул незнакомцу.

— Н-начнем... — обреченным голосом произнес тот, затем шумно, как ныряльщик, выдохнул из груди воздух, и, остекленев взором, приник к целительной влаге.

Взор его постепенно прояснялся и теплел. Однако в следующий момент в этом взоре промелькнуло некоторое недоумение...

С тем же немым недоумением уставился на своего соседа по столу и Шкандыбаев, признавая в обрюзгшем лице напротив знакомые черты... Непоправимо потраченные временем, однако, что называется, незабвенные: перед Шкандыбаевым сидел его бывший сокурсник и приятель Петр Бородавка.

После случившегося узнавания, озаменованного радостными восклицаниями, горохом посыпались обоюдные вопросы, что, не перемежаясь с ответами,

вновь сменялись возбужденными междометиями. Наконец диалог обрел осмысленную канву: речь зашла о необходимости отметить встречу напитком более основательным нежели разбавленное, как единодушно решили бывшие сокурники, пиво.

Заказали по рюмке мятного ликера.

Из последующего общения Шкандыбаев уяснил, что его товарищ, исключенный, кстати, за прогулы и неуспевание еще с третьего курса, ныне также озабочен проблемой трудоустройства, что послужило базой для долгого и обстоятельного разговора.

Амбиции Петра и его взгляды на жизнь удивительным образом совпали с мировоззренческими ценностями Шкандыбаева, хотя, при воспоминании о своем собеседнике поры двадцатилетней давности, перед ним отчего-то упорно возникал образ хамоватого и никчемного хлыща, но в итоге Шкандыбаев пришел к мысли, что с возрастом люди все-таки развиваются...

— Постоянно приходится отвлекаться на мелочи, — доверительно сокрушался Петр, потягивая ликер. — Поиски хлеба насущного препятствуют реализации главного предназначения... А какие вот тут... — последовал стук согнутого пальца по лобной кости, — идеи, какие идеи! И с кем о них говорить? Где, спрошу я тебя, мой друг Шкандыбаев, стоящий спонсор? Всюду эти недоучки... временщики... Да, это их время — время дилетантов... Они же не могут мыслить по-настоящему широко и воистину коммерчески! Ты-то, кстати, сейчас где? Чем занят, имею в виду?

— Бизнес, оптовая продажа рыбы... — к месту вспомнив последнее предложение работы, ответил Шкандыбаев.

— И кем?..

— Менеджер. Э-э... Старший менеджер!

— Ага. Тоже, значит, подневольное лицо. Тоже — трагедия... Поклоняешься золотому тельцу за медя-

ки... Так вот. О чем я? Ищу спонсора. Идея вкратце: строим железную дорогу. В Африке.

— То есть? — Географический элемент проекта всколыхнул в Шкандыбаеве здоровую подозрительность, моментально, впрочем, сменившуюся восторгом от дальнейших пояснений собеседника:

— Дорога пойдет вокруг Африки! — Петр многозначительно поднял палец в воздух. — И тут-то зарыта собака... Мы соединяем государства материка... Грузопоток товаров и материалов... Ты спросишь, — продолжил насмешливо, — какова цена проекта?

— Ну, в общем... — растерялся Шкандыбаев.

— Никакого принципиального значения не имеет! — надменно отмахнулся Петр. — Ненужная математика!

— А... спонсор?

— Спонсор — это расходы на представительство, дипломатию, так сказать... А строительство не будет стоить ничего, понял? — Петр торжествующе откинулся спиной на пластиковый стул. Продолжил, веско чеканя слова: — Деньги тебе будут нести со всех сторон... С заинтересованных сторон! За место в инфраструктурах. Склады, рестораны, подъездные дороги, шлагбаумы и светофоры, то есть семафоры, но это не суть...

В груди Шкандыбаева с холодящим ликованием запела труба внезапно обретенной удачи. Вот оно! Вот тот подарок судьбы, к которому он интуитивно стремился!

— Но для такого проекта потребуются толковые люди... — осторожно вставил он, потирая вспотевшие ладони. — Организационно-аналитической жилкой...

— Главное — спонсор, — не то не поняв намека, не то умышленно проигнорировав таковой, угрюмо отозвался Петр.

— Но ведь и люди... — Шкандыбаев покрутил растопыренной пятерней в пространстве. Данный не-

определенный жест закончился тем, что пятерня недвусмысленно прижалась к его грудной клетке.

— Да, серьезные компаньоны... энтузиасты... всегда в цене, — выдавил наконец Петр желанную фразу.

После пятой рюмки ликера вопрос о партнерстве в будущем проекте был решен к великому удовлетворению Шкандыбаева положительно. Шкандыбаев также предложил подключить к делу своего соседа-пенсионера, проработавшего два года комендантом посольства в Сомали и потому наверняка знающего международную африканскую специфику.

Оплатив выпитый ликер, Шкандыбаев предложил для обсуждения технических деталей поменять второсортную забегаловку на место более респектабельное.

Поехали в один из арбатских ресторанчиков. В метро возбужденный Шкандыбаев то и дело хватал партнера за рукав пальто: он боялся потерять в толчее толпы посланного ему свыше носителя гениальной идеи.

В голове Шкандыбаева метались мысли — одна превосходит другую! Во-первых, почему бы, покуда не обнаружен подходящий спонсор, уже сейчас не зарегистрировать собственную фирму и приобрести юридическое лицо? Дорого снять офис? Чепуха! У него двухкомнатная квартира, и одну комнату можно использовать под рабочее помещение, жена потеснится. Кроме того, в качестве начального капитала он готов вложить в дело персональный компьютер — машина, правда, требует починки, куплена с рук у бомжей, черт знает, что у нее внутри, но это пустяки... А в качестве техперсонала определенно стоит привлечь знакомого мастера с телефонной станции — парень запросто обеспечит бесплатную связь с зарубежными странами — что ему стоит подключиться к линии какой-нибудь коммерческой фирмы? Конечно, покуда привлеченный работник будет исполнять обязанности на общественных началах, выплаты пойдут из прибыли...

Словно читая мысли товарища, Петр заявил, что им необходима секретарша-стенографистка, ибо многие ценные идеи, высказанные в разговорах, порой забываются, а ему как раз знакома одна отставная манекенщица, ныне — аптечный кассир, способная стать лицом фирмы.

Данное предложение повергло Шкандыбаева в некоторое трудное раздумье, где присутствовал тревожный вопрос о совместимости под одной крышей манекенщицы и жены, но куда более важным вопросом показался ему иной: как именно назвать будущую фирму? Предстояло придумать нечто оригинальное и вместе с ним звучное...

Поиски названия происходили уже за ресторанным столиком.

Петр, находящийся, видимо, в более благополучной финансовой ситуации, нежели Шкандыбаев, не переставая угощал приятеля изысканными разносолами и дивным французским коньяком.

Была творческая, непринужденная атмосфера...

Петр предложил название: «Золотое кольцо Африки», однако Шкандыбаев заметил, что в обозначении фирмы должна присутствовать лапидарность, а также известного рода динамика, даже агрессивность, и потому, учитывая как географическую специфику, так и саму суть проекта, он предлагает наименование «Бумеранг Лимитед».

Затем, взяв салфетку и, ориентируясь на форму лежащего в тарелке антрекота, он начертил контур Африканского материка, пояснив, что данная сложная фигура мало напоминает кольцо, а вот на траекторию бумеранга с поправкой на ветер может и сойти.

Вступать в спор Петр не стал, легко согласившись с доводами партнера; вопрос, касающийся названия, представлялся ему второстепенным; куда больше его

занимали проблемы местных инвестиций в индустрию, международных кредитов и таможенных сборов. За их обсуждением внезапно обнаружилось, что опустела бутылка коньяка.

Перешли на виски. Петр, не скупясь, заказал «Джонни Уокер» с голубой этикеткой. Определенно, у этого человека был размах! Что, уже при подсчете ожидаемой прибыли, подтвердили и его слова о том, что «мерседес-600» он не возьмет себе и задаром, пусть на нем катаются плебеи-нувориши, а вот «дьябололомбарджино» или же на худой конец «роллс-ройс» — именно те модели, что предназначены для истинных джентльменов.

На сей раз в спор не стал вступать Шкандыбаев, поскольку ни в одной из трех обсуждаемых моделей он не то чтобы не сидел, но и представлял их даже внешне довольно-таки смутно; единственно заметил, что с его точки зрения, шикарные авто — пустое расточительство, а вот о небольшой вилле у какого-нибудь теплого моря он с этой минуты начинает раздумывать уже не на шутку...

Тут в голову ему пришла потрясающая мысль!

Сказав, что выйдет в туалет, он оставил приятеля за столом и выбежал на улицу, проследовав в соседнее здание, где, как он приметил, предлагались срочные типографские услуги. Отсчитав себе медяки на метро, на все оставшиеся деньги он заказал визитные карточки для себя и для Петра с названием фирмы, указав при этом собственный адрес в качестве адреса юридического. Данный факт, как представилось ему, знаменовал собой своеобразную ратификацию выработанных договоренностей.

Заказ, благодаря современной технике, исполнили мгновенно и, переполненный восторгом, не уставая поражаться своей находчивости, Шкандыбаев вернулся в ресторан.

Реакция приятеля превзошла его ожидания: расстроженный Петр, прослезившись, едва не задушил его в объятьях.

— Пусть у меня осталась только мелочь на транспорт, но твоя радость — дороже любых денег, — сказал Шкандыбаев.

Утирая слезы, Петр отправился привести себя в порядок в туалет.

А Шкандыбаев, оставшись в одиночестве, внезапно задремал, убаюканный мечтами и высококачественным алкоголем.

Проснулся он от увесистого толчка в плечо. В размытом ресторанном полумраке увиделся человек в атласной жилетке, надетой на белую рубашку с галстуком-«бабочкой». Человек выразительно показывал ему фигуру из трех сложенных в щепотку пальцев.

Другой человек — стриженный под бобрик, с вросшей в туловище шеей и с грудной клеткой, не уступавшей по размерам пивной бочке, упорно совал под нос Шкандыбаеву мятую бумажку, в которой тот не без труда признал счет.

В счете была какая-то несуразица, что-то они там перепутали в своей ресторанной бухгалтерии — пятьсот десять долларов... Какая-то чушь! Если столько платить в ресторанах, проще купить себе собственный!

Шкандыбаев не без достоинства заявил, что ожидает друга, президента крупнейшей международной компании, и предъявил свои визитные карточки, отчего-то не произведшие на настырных рестораников ни малейшего впечатления. Впрочем, после слов о друге, обязанным заплатить по этой сомнительной бумажке, оппоненты как-то синхронно и гнусно усмехнулись, после чего Шкандыбаев был препровожден в подсобное помещение и подвергнут омерзительному обыску, сопровождаемому площадной бранью.

Далее были странные ощущения каких-то непонятных перемещений в пространстве, когда пол менялся местом с потолком, а свет с мраком, и эхом звучал в голове Шкандыбаева его же собственный крик:

— Я вице-президент! Я учредитель!.. Послушайте, у меня проект! Я беру вас в долевое участие!

Затем вновь наступил период затмения, и, очнувшись от него, Шкандыбаев обнаружил себя в заставленном картонными ящиками подвале, лежащим на драной, густо воняющей кошками дохе, с наручниками на лодыжках.

Мгновенно вспотев от ужаса, он издал нечленораздельный звук, который с натяжкой можно было бы отнести к призыву о помощи, но на этот глас вопиющего явился отнюдь не Ангел-спаситель, а напротив, демон из вчерашнего кошмара: человек-бочка с боксерским бобриком. Вслед за ним в подвал шагнули еще двое широкоплечих атлетов с циничными физиономиями.

— Очухался, вице-президент? — саркастически изрек человек-бочка, освобождая Шкандыбаева от наручников. — Ну и видок у тебя... Просто — скульптура Церетели! Теперь слушай новости: мусорам вчера мы тебя сдавать не стали, паспорт твой у нас... Сумму счета помнишь? Нет? Вот, ознакомься. — Он вручил Шкандыбаеву вчерашнюю бумажку.

— Но мы же просто физически не могли на такую сумму... — еле ворочая шершавым, как наждак языком, пролепетал Шкандыбаев.

— Значит, совершен подвиг, — сказал оппонент. — И возражать не советую... — Он выдержал паузу, которую заполнил внушительной репликой его коллеги:

— Будешь тут тявкать, пустим тебя на котлеты. Или на пельмени. Цех у нас через стенку...

— Так будем препираться? — спросил человек-бочка ленивым голосом.

— Нет, поймите... Я просто поражен... Такая сумма...

— Слушай, — раздраженно прикрикнул на Шкандыбаева третий ресторанный служащий, — я тебе ща в табло пробью, этим дело и кончится!

— Хорошо, хорошо, я заплачу...

— Вот так оно лучше. Плюс — пятьдесят долларов за ночлег и за моральный ущерб.

Вопрос о первенстве морального ущерба нуждался в явной дискуссии, но начать ее Шкандыбаев отчего-то не решился. Им овладело покорное коровье безразличие. И единственной мыслью была та, что не существует такой плохой ситуации, которая не могла бы стать хуже.

— Принесешь деньги сегодня, — миролюбиво продолжил собеседник, — считай, легко отделался. Пиши, кстати, расписку: я, такой-то, должен ресторану такому-то за неоплаченный ужин... И учти: начнешь влиять, счетчик будет работать так: десять процентов за пропущенный день. Усек? — Он поднес к носу Шкандыбаева литой кулак.

Шкандыбаев понуро кивнул.

— Ну, ждем!

Претерпевая немыслимую в своей жестокости похмельную муку, Шкандыбаев поплелся к метро, стараясь не смотреть в глаза прохожих.

Так... Как ни верти, а платить этим гангстерам придется. Где только взять деньги? Он продаст запонки, кольцо... Нет, не хватит. Надо что-то придумать... Хотя — рассмотрим вопрос с юридической стороны. Он подсел к столику, где находился его институтский приятель. Да, был нетрезв. Но ведь он не сделал ни одного заказа! Типичное на чужом пиру похмелье. А теперь — здравствуйте! Счет! Да еще на пятьсот десять долларов! Откровенное хамское вымогательство! И если оно продолжится, он пойдет в

РУОП! Там с этими мерзавцами разберутся быстро! Тем более угроза пустить его на пельмени... За это же надо сажать! На пятнадцать лет! Куда, однако, делся этот Петр? Ведь не оставил ни телефона, ни адреса... Хотя... У него же есть адрес и телефон Шкандыбаева! На карточках! И кто знает, может, приятель уже непрерывно названивает ему, ведь проект не ждет... А если Петр подло и умышленно оставил его на растерзание этим людоедам из коммерческого общепита? Что же... Тогда... Тогда он, Шкандыбаев, имеет все права на идею. И в этом случае ему, можно сказать, повезло... Приобрести проект мирового значения всего за неполных шестьсот долларов! Хотя какие еще доллары?! Он претерпел немыслимое унижение, смертельную опасность, и еще кому-то платить за это — просто смешно! Вопрос с офисом решен, секретаршей, кстати, можно взять на общественных началах жену... А покуда идет организационный период, что-то заработается на мороженой рыбе...

Жизненная концепция потихоньку выстраивалась...

На отдыхе

Плавучий остров-сад, жемчужина Атлантики, густым зеленым пятном распласталась Мадера в темно-синей, подернутой солнечной поволокой океанской ряби, и Геннадий, завороченно смотревший в иллюминатор, поймал себя на довольно-таки странной мысли о том, что его присутствие на борту комфортабельного лайнера, летящего на дорогой зарубежный курорт, своего рода нонсенс. В той прежней социалистической стране, где он родился и вырос, даже поездка в какой-нибудь Крым была бы для него своего рода достижением. И ныне, не изменись политические ориентиры, загорать бы ему исключительно на

казенных лесоповалах. Хотя... еще вопрос, стал бы он связывать себя с криминалом, будь у власти суровые коммуняки. Пошел бы, наверное, в завсклады или в завмаги... Обвес, усушка, утруска... Тем бы и пробавлялся. Ан, нет — подфартило с демократией. И теперь в компании респектабельных господ из капиталистического мира, вполне соответствуя им по уровню достатка, он, окончивший лишь шесть классов средней школы, не имеющий ни профессии, ни социального статуса, прочитавший не более десятка книг, даже в общем не представляя, как устроен несущий его в поднебесье самолет, тем не менее, пусть и на украденные у других деньги, но пребывает в элите, наслаждаясь всеми привилегиями богатых и сытых.

Однако никакого удовлетворения данное заключение Геннадия не принесло, а, напротив, поселило в нем глухое раздражение перед внезапным осознанием собственной ущербности.

Он оглянулся на полулежавшего в соседнем кресле, вдрызг пьяного Грыжу — оплывшего, с багрово-синей физиономией, тяжелыми морщинистыми веками и сухими фиолетовыми губами. Полбутылки водки — первую похмельную дозу, тот вылакал еще в машине, везущей их в аэропорт. Затем бар в зале ожидания, самолет... Полтора литра крепких напитков компаньон уже влил в организм наверняка. Вот же здоровье... Хотя — какое здоровье! Оно — в прошлом Грыжи — некогда мастера спорта по классической борьбе. А за последние четыре года, еще до достижения тридцатилетия, превратился бывший спортсмен в полную развалину, имеющую за плечами два инфаркта и цирроз печени — по словам Люськи, — угрожающе прогрессирующий...

И ведь вот что забавно: дошел Грыжа до этих печальных достижений благодаря легким денежкам... Как занялся бандитизмом на руководящем уровне, то

какой уже спорт! Вместо него — кабаки, компашки. Ну и — понеслось! А когда денег столько, что на три жизни хватит, и подниматься к семи утра к станку гудок не зовет, начинаются послабления самому себе в режиме... История, конечно, не из новых, но Грыжа в эту историю влип крепко. Кодировался, завязывал — все напрасно. Признавался: день, мол, кручусь, а под вечер такая скука, такая тоска, куда себя приткнуть — ума не приложу, все из рук валится... А стакашек накатишь — вроде, опять с собой в ладу... Спрашивал Геннадия: может, тюряга спасет? Может, и впрямь на нары устроиться по собственному желанию? Да ведь без толку... В зоне водяры — хлебай — не хочу, а что по двадцатикратной цене — какого блатного это смутит? На выпивку пацаны пришлют...

Костя, сидевший на крайнем сиденье, у прохода, брезгливо покосившись на Грыжу, произнес:

— Подлетаем... Чего вот только с телом делать?.. — Толкнул бесчувственного Грыжу в рыхлый бок. — Не на тележке же для чемоданов его до такси перемещать? Такой трансфер, вроде, контрактом не предусмотрен...

— Оклемается, — неуверенно отозвался Геннадий.

Он оказался прав. Черепашьи веки дрогнули, блеклые глаза осоловели уставились в пространство, и Грыжа слабо поинтересовался:

— Где это м-мы? А? Еще не прилетели?

— Снижаемся, — кратко объяснил Константин.

Перегнувшись через него, Грыжа ухватил жирной лапой за ногу проходившую мимо стюардессу. Стюардесса заполошно взвизгнула, но Грыжа, ничуть не смутившись, властно потребовал:

— Пива, поняла?!

В ответ стюардесса затрещала по-португальски нечто угрожающе-возмущенное, и осознав наконец, что он на борту иностранного самолета и хамство его

может квалифицироваться как хулиганство, а не как естественное поведение могущественного криминального босса, Грыжа с неудовольствием пробормотал «Сорри...» и — посетовал товарищам:

— Попалась бы она мне в Москве, коза драная...

Геннадий угрюмо кивнул, покосившись опасливо на удаляющуюся самолетную прислугу, возмущенно комментирующую пустяковую, в общем-то, заваырку... Ляжку ее тощую потрогали — во, бляха-муха, событие! И ведь хрен чего поперек скажешь, сдаст еще местным мусорам — нахлебаешься... Нравы и законы тут дремучие, заморочки на каждом шагу, все на измене...

Впрочем, обошлось без неприятностей. Миновали таможду, уселись в подкативший к аэропорту автобус и поехали в отель по горному серпантину, тянущемуся вдоль высоких обрывистых берегов, с которых, как с самолета, различалась кривизна морского горизонта.

Кружевная оторочка далеких волн разбивалась о застывшую некогда лаву, отвесно уходившую на километровые глубины. И высилась за приспущенным стеклом автомобильного оконца, из-за заслона реликтового лаврового леса «лаурисильву» и увитых лианами склонов, — Пику Руиву — высшая точка острова, верхушка подводной горы.

Прямо на дорогу с заоблачной высоты летели радужные дробящиеся струи водопадов, сменяли друг друга головокружительные в своей красоте ландшафты, созданные слепым трудом океанских волн и ветров, миллионами лет выедавших рельефы, ущелья и склоны, но на тропическую островную экзотику Геннадий и Константин взирали хмуро, размышляя о практической цели поездки... Цель эту представлял храпящий на заднем сиденье алкоголик, формально — товарищ и компаньон, в действительности же — никчемный обнаглевший дольщик и будущая жертва.

Разместились в небольшом уютном отеле, чей одноэтажный комплекс утопал в усыпанном цветами кустарнике.

Умеренно пьющие Геннадий и Константин, распаковав чемоданы и переодевшись в майки и шорты, достали из дорожных сумок по бутылке купленной еще в Москве, грошовой, явно некачественной водки, напившись к Грыже — отметить приезд. Водку брали заведомо ядовитую, решив, что спьяну ее качество компаньон не оценит, а эффект от такого попойки ответит задуманному плану. План же был прост: спойть в течение отпуска Грыжу насмерть. Чинно и благоуханно. Никаких утоплений и сбрасываний с обрыва, никаких проблем с полицейским расследованием и судебно-медицинской экспертизой... Впрочем, коли алкоголь окажется бессилен, то в отношении неудобного партнера предусматривалось применение иных методов...

— Дешево, но сердито, — изрек Геннадий, разглядывая на свет донышко бутылки, над которым мелкими хлопьями витала мутноватая взвесь.

— Продукт — высший сорт, — согласился Костя, открывая дверь номера Грыжи.

Бесчувственное тело пребывающего в забытие пьяницы грузно высилось на постаменте высокой двухспальной кровати, застланной парчовым покрывалом. Тело, одетое в промокшую от пота рубашку и штиблеты сорок седьмого размера, занимало относительно кровати поперечное положение.

— Ты чего, брат, вставай! — потряс Грыжу за слюнявый подбородок бодрый Константин. — Давай по граммულке за новоселье!

Кое-как растолкав Грыжу и, влив в него содержимое обеих емкостей, душегубы, предусмотрительно прихватив с собой опорожненную тару, покинули номер и направились отобедать в прибрежный ресторанчик.

Изысканные рыбные блюда запивали не менее изысканной мадерой, попробовав все ее четыре сорта: сладкую и густую мальвазию, полусладкий буал, резковатое верделло и сухой водянистый серсъял.

Напиток, носивший название острова — бывшего форпоста Португалии на пути к завоеваниям далеких земель, по своим вкусовым и полезным качествам категорически отличался от того пойла, с которым ныне отчаянно сражалась истерзанная излишествами печень Грыжи.

Наслаждаясь соком перебродившего тропического винограда, гангстеры пребывали в неведении относительно его истории, равно как и истории острова — перекрестка морских дорог, веками снабжавшего вином корабли. Чтобы вино не портилось в дальних путешествиях, сметливые торговцы добавляли в него спирт. То есть, выражаясь языком Геннадия, гнали халтуру. Злокозненность их намерений имела парадоксально положительный результат: вызревая неделями в закупоренных бочках в условиях тропической жары и качки, алкогольный конгломерат превращался в ароматное, насыщенное солнцем диво. Древние технологии ныне воспроизводились на суше.

Услужливый официант, узнав, что имеет дело с клиентами из России, не преминул выказать эрудицию, то и дело повторяя словосочетание: «Распутин — Мадера». Видимо, и на далеком острове были осведомлены о том, как блудливого старца Григория пытались отравить пирожными с цианистым калием, которые именно мадерой он, согласно преданию, запивал. Этаким посильным участием в российской истории здесь, чувствовалось, немало гордились.

Уловив суть речи официанта, Костя донес ее до Геннадия. Тот в свою очередь хмуро заявил, что влитая в Грыжу водяра именно «Распутиным» и называлась.

После обеда пошли гулять на причал, к бухте, заполненной разноцветными баркасами и широкопалубными траулерами.

Местные рыбаки, специалисты по ловле глубоководной рыбы-сабли — эшпады, вели кропотливую работу по подготовке снасти, раскладывая бухты лески длиной в четыре километра в тазики и насаживая на сотни крючков крохотных анчоусов и сардин.

На осыпанном рыбьей чешуей настиле лежали извлеченные из пучины, изувеченные декомпрессией эшпады: антрацитово-черные, с выпученными глазами с сапфировым огромным зрачком, скрюченные так, что хвост каждой рыбы был завернут в ее усеянную расческой длинных и кривых зубов пасть.

— И вот этих крокодилов мы сейчас жевали, — рыгнув, произнес Костя.

— Да ну, ты чего?.. — засомневался Геннадий, вспоминая узкие полоски нежного филе под сметанным соусом.

— Точно, я меню читал, там еще картинка; я думал, типа того, что щука...

— Эта абракадабра такая же щука, как Грыжа — фотомодель, — веско заметил Геннадий.

— Ну, в меню и была фотомодель... Фоторобот, то есть...

Около часа они толклись в гомоне толпы, скрипе снастей и грохоте ящиков, среди туристов и рыболовов, тут же продающих дары моря оптовикам, глаза на блестящие, будто отлитые из алюминия, туши тунцов, распутивших плавники-перья меч-рыб, опасливо огибающих лежащих на настиле причала бурых, с корявой шкурой глубоководных акул, чьи мутно-зеленые глазищи фосфоресцировали и на ослепительном свете тропического дня.

— Какая программа на вечер? — спросил Геннадий, одновременно понимая, что внятного ответа на

данный вопрос ожидать от Константина не приходится.

— Хрен знает... — Тот пожал плечами. — Трудно, конечно, жить, ничего не делая, но ведь мы не боимся трудностей... Проверим Грыжу, пощупаем пульс, а там — вечер, дискотека... Может, телок склеим... Ты заодно растрясешься... — Он со смешком хлопнул ладонью по животу Геннадия. — Далеко ведь уже за центнер тянешь, а?

— Все мое, — процедил тот, уколотый подобной фамильярностью.

— Ладно, чего надулся, я ж любя, по-братски...

Занятие, впрочем, нашлось: поехали в город прошвырнуться по магазинам. Местные цены показались им возмутительно высокими. А потому, исходя из соображений экономической мести, а может, из побуждений чисто хулиганского толка, решили компаньоны по окончательному злокозненному раздумью украсть из магазина промтоваров пару спортивных костюмов.

Последним криминалом подобного рода на счету Геннадия числилось ограбление пивного ларька, совершенное еще в нежной юности; Константин, также не отличался опытом в ремесле откровенной кражи, а потому при выходе из магазина незадачливых жуликов легко вычислила и задержала охрана, препроводив в подсобное помещение для разбирательства.

В подсобке воришек, державших в руках упакованные в полиэтилен костюмы, сфотографировали с помощью аппарата «Полароид», после чего лысый жирный тип, являвшийся хозяином магазина, принялся названивать в местные правоохранительные органы.

Охранники почтительно именовали лысого сеньором Хулио.

Далее в помещении появилась полная усатая дама — явно — супруга владельца торговой точки. Одобрив краткой репликой манипуляции мужа с

телефонным аппаратом, она тотчас же разродилась длиннющей злобной тирадой в адрес иностранных туристов, должных, по ее наивному разумению, приносить трудящимся острова исключительно доход, и ни в коем случае не убытки.

Геннадий ощутил невольную дрожь в коленях. Это же надо! Имея в карманах платиновые дебетные карточки и не менее пяти тысяч наличных долларов, угодить в португальскую ментовку из-за каких-то грошовых синтетических тряпок!

Он потерянно обернулся на красного от стыда и унижения Костю. Перехватив его взгляд, тот, словно встрепенувшись, достал бумажник и, мягко отведя в сторону руку Хулио с телефонной трубкой, положил на стол перед хозяином двести долларов.

Хулио опустил трубку на аппарат. Выразительно обернулся в сторону супруги. Дама мгновенно вынесла краткий и категоричный вердикт на непонятном португальском, переведенный Хулио на доступный язык жеста, а именно: выставив перед носом Константина три растопыренных пальца, завмаг дал понять о возможности мирного соглашения на основе финансовой прибавки. При этом в глазах торговца стояла такая холодная решимость, что компаньоны сразу же уяснили: попытка торга означает решительный отказ от дальнейших переговоров.

Исходя беспомощной досадой, Геннадий выложил затребованную сумму, после чего поджарые черноволосые охранники в белых рубашечках выпроводили задержанных на улицу. Похищенные костюмы, естественно, остались в подсобке.

— Ну, ё-моё, влетели! — тяжело дыша, отплевывался Геннадий.

— Да, классно нас на пять сотен развели... — недоумевал Константин. — В один момент... Умеют, суки! Хулио этот... и его жена Хулинада! Козлы без совести...

- Наверстаем...
- Это — конечно...
- Ну и хрена ли стонать?
- А кто стонет-то?..
- Ну и я о том...

В подавленном настроении отправились на местные аттракционы, за пару долларов сфотографировались в обнимку с облезлым, улыбчивым орангутаном, кто, согласно командам своего бдительного командира, умело и четко поворачивал мозолистый зад к объективам халявщиков.

— Ну, брат, ну, голова! — восхищался дрессированной обезьяной Костя. — Слышь, Ген, во, как надо бабки делать! Орангутана завел и эксплуатируй его на бойком месте! Никакой зарплаты, лишь пара бананов в день...

— А тут эти бананы, как у нас — пара картофелин, — вдумчиво поддакивал Геннадий.

Вернувшись в отель с целью освежиться под душем и провести Грыжу, узрели в холле будто бы подждавшего их менеджера.

Кинувшись к постояльцам, менеджер взволнованно затараторил по-английски нечто, как понял Геннадий, относящееся к персоне оставленного без призора Грыжи.

Уяснив, что английский язык гости не понимают, служащий перешел на ломаный польский, не без труда сумев объяснить, что пребывавший в беспамятстве Грыжа час назад очнулся, встал, но тут ему явно поплошело, и он выполз из номера в коридор, где, как перевел остряк Костя, вновь потерял сознательность... Далее Грыжу отвезли в местный госпиталь, адрес которого менеджер друзьям пострадавшего готов любезно предоставить.

Выслушав новость, гангстеры тупо уставились на украшавшую холл гостиницы скульптурную компози-

цию неясного смыслового содержания: отлитую из чугуна несообразность в форме расчлененных мужских гениталий на гладком мраморном постаменте.

— Да, пиковый денек сегодня... — вымолвил, наконец, Константин. — Чувствую, анекдотец выходит... Типа: камикадзе вернулся с задания... И чего в город нас понесло? Сегодня все бы и решилось... А так — кругом попадалово!

— Прохлопал ушами, хлопай в ладоши, — утрюмо констатировал Геннадий.

Навестив госпиталь и, на пальцах объяснившись с дежурным врачом, прояснили ситуацию окончательно: Грыжа был на грани гибели, но усилиями медиков встречи с праотцами избежал, в течение трех дней организм его будет очищен от яда, и доктор надеется, что пациент еще успеет насладиться прелестями восхитительной Мадеры — то бишь острова, и ни в коем случае — напитка. Указуя попеременно на свои грудь и живот и, отчаянно кривясь, медик дал понять, что дальнейшей борьбы с алкоголем внутренние органы Грыжи не перенесут.

Вечер провели в унынии, проклиная живучего пьяницу и строя вероломные планы его умерщвления. Затем улеглись спать.

Ворочаясь в нежных, пахнущих тонкой парфюмерией простынях, Геннадий раздумывал, не отправить ли ему вместе с Грыжей на тот свет и проворного Костю, одновременно понимая, что и тот способен мыслить в аналогичном направлении.

Заснул под утро — в злобе, боязни и раздражении.

Снились осклизлые дохлые акулы и зубастые, ползающие под ногами, как змеи, эшпады.

Из госпиталя Грыжа вернулся осунувшимся и посеревшим. Модная рубаша навывпуск как балахон болталась на его поникших плечах.

— Ну, как здоровье? — участливо спросил Геннадий возвращенного к жизни товарища.

— Вроде... путем... — недоуменно озираясь на обстановку гостиничного номера, молвил тот. Обстановку, судя по всему, Грыжа не помнил даже в общих чертах.

— А нам плели, будто ты чуть сандалеты не откинул... Базарили, что на грани клинической смерти...

— Ну, — угрюмо кивнул Грыжа.

— И... как там? — заинтересованно прищурился Геннадий.

— В госпитале? — Грыжа поморщился. — Да полная жопа! Лежи как бревно, никуда не пускают, покурить — хрен!

— Да не, я не о том... Я в смысле, как оно... *там*? — Геннадий многозначительно ткнул пальцем в потолок.

— А-а... — Грыжа вздохнул. — Там-то хорошо... Там — наша Родина...

— Печень как? Нормально? — осторожно спросил Константин.

— Работает как часы. На семнадцати камнях! — злобно ответил Грыжа и рассмеялся — долго и хрипло.

— Ну вот, а мы как раз по сто грамм собрались... — сокрушенно молвил Геннадий. — За твое, так сказать, выздоровление...

— И чего? — удивился Грыжа. — Кто мешает?

— Ну ты-то ведь бутсы на гвоздь повесил... Неудобняк, вроде...

— Ну, грамм пятьдесят за выздоровление и мне не грех... — после некоторого раздумья произнес Грыжа и перекрестился боязливо. — Хоть доктор и страшал, что водка — мой смертный враг...

— Ну, врагов ты никогда не боялся! — польстил Геннадий.

— Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве, — самым серьезным тоном заявил Константин, подвигая товарищу наполненный стакан.

Напряженно на стакан глядя, Грыжа поделился сокровенным:

— Вот что нехорошо в употреблении водки с утра, так это — трудно будет провести день разнообразно...

— Не по лысому день проведем, обещаю! — оптимистически заверил его Геннадий, нарезая ломтями ананас. — Тачку мы взяли в аренду, так что прокатимся по ландшафтам... Ананасиком-то закусывай... Тут еще фрукты какие-то непонятные — помесь картошки с клубникой; тропические, видать, у меня от них оскомина вчера вылезла. Но надо воспользоваться, недаром ведь сюда перлись...

— В музей вина, кстати, заедем, — глубокомысленно заявил Константин.

— А чего там?.. — удивленно спросил Грыжа.

— Ну, показывают, как продукт в бочки наливают, какие вообще сорта...

— Пробовать дают?

— Говорят — хоть залейся...

— Это — дело!

— Еще бы...

Допив бутылку, отправились на экскурсию.

Геннадий, полагавший, что, как только капля алкоголя попадет в организм Грыжи, остановиться в пьянке тот уже не сможет, в коварном своем расчете не ошибся: в музее местных вин Грыжа, проявивший себя неутомимым дегустатором, купил ящик мадеры для повседневного потребления, а в качестве памятного сувенира приобрел бутылку коллекционного «Верделло» 1870 года, покрытую войлочным слоем пыли. Согласно традиции, бутылку вместе с пылью упаковали в резной деревянный сундучок.

Старания служащих музея, бережно и искусно завернувших старинный сосуд в нежный бумажный кон, увы, оказались напрасны: после прогулки по музейным окрестностям, похожим то ли на оранжерею,

то ли на цветочный магазин, где экзотические фуксии, орхидеи, амарилисы и гортензии произрастали в естественном состоянии, подобно российским елкам-палкам, Грыжа, распотрошив сундучок и выбросив его в канаву, уселся под цветущим кустом, произнеся буквально следующее:

— Хрена ли тяжести на себе таскать? Кому эти сувениры сдались? Люське, бляди, их дарить? Обойдется! Вообще... жить надо, а не кроить повсеместно! Понял, Гена? Не, ты не понял, ты, сука, жмот... — С этими словами Грыжа раскупорил пыльную бутылку сувенирным музейным штопором и в один присест выдул ее из горлышка. Сплюнув, высказался: — Компот, бляха-муха! А стоит — как цистерна спирта! И за что бабки стригут? Вот тебе и Мадера... Остров мародеров, мать их!..

Экскурсия продолжилась. Следующим ее этапом по предложению Константина стало посещение высокогорного леса.

Взятая в аренду машинка шустро ринулась по серпантину, огибающему горные склоны.

Грыжу окончательно развезло. То он брался за исполнение тюремно-лирических арий, то предавался пространным философским рассуждениям о бренности земного существования и о никчемности устремления к дензнакам, попутно упрекая в данной приверженности угрюмо поглядывающих на него коллег, то просил остановить машину, дабы совершить физиологические отправления... Данная просьба звучала настойчивым лейтмотивом в его бессвязном монологе, однако остановка на горной дороге исключалась, и сидевший за рулем Геннадий сильно нервничал, полагая, что товарищ не дотерпит, причинив тем самым моральный урон находящимся в машине и материальный урон арендной конторе, который, впрочем, рикошетом отразится опять-таки на нем и Константине.

Однако — обошлось. Остановившись на пустынной площадке, располагавшейся между пропастью и небольшим обрывчиком, за которым поднимался колючий кустарник, он открыл дверцу стонущему от натуги Грыже, выпустив страдальца из салона.

Покачиваясь, Грыжа встал на краю обрывчика, принявшись справлять нужду. Его способности к сохранению равновесия явно противостояла дугообразная и довольно-таки весомая струя, в результате перетянувшая ослабевшее туловище на свою сторону, и, следуя траектории струи, Грыжа совершил перемещение с края обрыва в его низину, заканчивающуюся топкой канавой.

— Унесенный ветром... — сентиментально молвил Константин, глядя на облачко пыли, оседающее над пустынной кромкой.

Геннадий издал нервный смешок.

Далее начались работы по извлечению нетрезво матерящегося, перемазанного липкой грязью Грыжи из канавы. В результате Константин подвернул себе лодыжку, Геннадий поранил руку об острый камень, а Грыжа, как ни в чем не бывало плюхнувшись в измаранных шортах на заднее сиденье автомобиля, принялся раскупоривать очередную бутылку.

Экскурсия продолжилась.

Достигли леса, тропинкой прошли на поляну, плюхнувшись на густую тонкую травку, сквозь которую пробивались россыпи крохотных розовеньких маргариток.

Долгая прогулка и резкая смена микроклиматов — влажных и душных тропиков на прохладное высокогорье, произвели на самочувствие Грыжи впечатление категорически отрицательное.

Мутно озирая высившиеся над его головой тридцатиметровые деревья с замшелыми стволами, он, еле ворочая языком, прошептал:

— Ребята... Чего-то с сердцем... Не могу... Давайте назад...

В голосе его, слабеющем с каждым произнесенным словом, в жалкой, заискивающей интонации, в том страхе смерти, что властно преодолел дешевенькую и грубоватую браваду насмешки над ней, Геннадий вдруг пронзительно и опаленно почувствовал какую-то иную, тщательно скрываемую под спудом хамства и презрительной жестокости суть того, кто именовался Грыжей... Суть изначальную, человеческую, доверчиво-детскую, знавшую о расплате, о вечности, о сострадании и любви...

Но пораженное постижение этой сути, жившей и в глубине его, Геннадия, что ныне отозвалась на зов чужого губительного страха, это постижение прервал и развеял деловитый голос Константина:

— Э, Грыжа... Ты вот чего... Ну-ка, встань. И парочку приседаний давай... Все мигом пройдет. Надо, чтобы алкоголь выветрился, понял? — Он попытался поднять грузное тело под мышки, но руки Грыжи безвольно упали вдоль тела, а голова завалилась на грудь. — Х-ха, пульса нет... — задумчиво ощерившись, произнес Костя. Подумав, добавил: — Чем живой человек отличается от мертвого? Температурой и работоспособностью. С работоспособностью — дело ясное, температура тоже, вроде, падает... — Оттянув веко бездыханного товарища, взгляделся в зрачок. Произнес с притворной горестью: — Ну, все... Зенки по семь копеек... Пьяница — добыча дьявола...

— Он умер? — дрогнувшим голосом спросил Геннадий.

— Еще как! — глубокомысленно подтвердил Константин.

— И... чего делать будем?

— Чего-чего... — раздраженно отозвался Костя, снимая с покойного золотую цепь. — Дуй в гостини-

пу, вызывай «скорую» и ментов. Заодно наличность у него конфискуй и перстень, он на телевизоре...

— Давай сначала лопатник его раздербаним, там шутикарь зелени, не меньше... — возобладала в Геннадии практичность и, одновременно, недоверие к шустрому и алчному компаньону.

— Да все поровну поделим, по-братски, чего ты, в натуре... — возмутился Константин, доставая из заднего кармана шорт бумажник Грыжи. — Я тебе крыса какая, что ли?..

Получив деньги, Геннадий отправился к машине, гадая, каким образом делить цепь, часы и перстень.

«Придется продавать, иначе — никак...» — пришел он к досадному выводу. И вновь мелькнула мыслишка о том, что славно было бы закопать в этом лесочке и Грыжу, и Константина. Но да рискованно — вот в чем беда!

До вечера провели в хлопотах по оформлению смерти перепившего мадеры товарища. Следующий день мотались по различным инстанциям, договариваясь о перевозке на родину тела.

А утром следующего дня Геннадий собирал чемодан, упаковывая в него гостиничные мыла, шампуни и похищенные в ресторанах пепельницы.

Покончив со сборами, Геннадий достал бутылку минералки из мини-бара, аккуратно откупорил ее, и, опустошив емкость, налил в нее воды из-под крана. Затем приладил пробку на место, завальцевав рубчатый ободок о край журнального столика, пожелал приятного утоления жажды будущим посетителям и, не забыв поглядеться в зеркало и перекреститься, отправился к машине.

В магазинчике беспошлинной торговли аэропор-та сообщники обильно оросили себя одеколонами из пробных пузырьков, а затем, усевшись в кресла зала ожидания и удовлетворенно принохиваясь к соб-

ственным персонам, принялись обсуждать планы самого ближайшего будущего.

— Закопаем Грыжу и — наезжаем на Люську, — говорил, шмыгая носом, Константин. — Так, мол, и так, за ним должок, брал из общака на личные нужды, теперь ты возвращай... В общем, тачки его забираем, квартиру тоже, и грузим Люсю минимум на триста кусков зелени...

— Квартиру оставим, — покривился Геннадий.

— Ага! Ты щедрый, конечно! Ей, сучке, и комнаты в коммуналке — много! А тут такая хата!.. Во, заносит тебя! То волком на меня зыришь из-за джипа сраного, когда советую Пемзе его отчинить, то...

— Чего ты на джипе моем зациклился, в натуре?! Свою тачку дари!

— Ладно, не пыхти... Я о другом — то ты скупой, как рыцарь, то хоромы какой-то кошелке отписываешь... О, посадку объявили, пошли к ероплану...

— Погоди, пепельница тут клевая... Ты это... Закрой меня на секунду, а то там черт какой-то в форме, усечет еще... Во... Ага... Ну? Дело мастера боится!

И — скрылась райская земля за кромкой морского горизонта...

А через считанные часы злодеев, вернувшихся из загадочной тропической дали, встречала мокрая и унылая Москва, припорошенная первым робким снежком.

В грузовом отсеке самолета прибыл на Родину и почивший в бозе Грыжа. Через три дня состоялись его торжественные похороны.

Где и при каких обстоятельствах настигла Грыжу кончина, Геннадий и Константин рядовой братве пояснять не стали, провели короткое траурное собрание, выделив из общака деньги на внушительный, в три средних человеческих роста, памятник и огромную мраморную плиту.

— Все должно быть по-людски, — умиленно приговаривал Геннадий, одобряя эскиз будущего захоронения и разглядывая могильную эпитафию:

Считайте меня живым

Авторство эпитафии принадлежало остроумцу Косте.

Клев на мороженого «живца»

Перед тем как окончательно сконцентрировать свои мошеннические усилия в столице, Миша Коротков с компаньонами кропотливо и методично «отрабатывали» с фирмами и банками Магадана, Владивостока и Хабаровска.

Мошенничества совершались по накатанной схеме: ответственным лицам предъявлялись документы той или иной компании-однодневки вкупе с поддельными паспортами, получался на реализацию товар или же кредит, а также обращались в наличность липовые векселя. В итоге составилась капитал, предназначенный для вклада в очередные крупномасштабные аферы.

Жить Миша переехал к своей невесте Алене, с которой познакомился на курорте в Испании — коренной москвичке, женщине миловидной, хваткой, имеющей собственный магазин модной обуви.

Посвятив невесту в специфику своих махинаций, Миша получил на свое признание положительный отклик: Алена считала, что запах денег, храни их хоть в выгребной яме, лучше, чем запах роз, а задумываться над нравственностью путей их обретения — удел блаженных.

Выкупив у надежного, как золотой слиток, Ивана Тимофеевича очередные паспорта, Миша спешным

порядком зарегистрировал коммерческое новообразование с названием «Ставрида-корпорейшн» и арендовал морозильные камеры на одном из московских хладокомбинатов. Далее началась рутина: закупка свежемороженой рыбы, ее складирование и, одновременно, — поиск основательных оптовиков, которых предстояло приручить и прикормить.

Продажа даров моря шла по бросовым ценам, принося нарастающий убыток, но убыток троица расчетливых аферистов рассматривала как перспективную инвестицию, пребывая в уверенности, что рано или поздно поступят доходы, стократно компенсирующие вынужденные потери. К тому же и Миша, и партнеры-поделщики уяснили, что в рыбной стране России существует изрядный дефицит речной и морской продукции, связанный с ледяными покровами различного рода водоемов в период долгой зимы, соответственно — трудностями процесса лова, а кроме того, всяческими неведомыми миграциями хвостов и плавников по водным лабиринтам.

Так или иначе, но самым горячим месяцем для рыбных дилеров был декабрь: именно до Нового года им следовало до упора забить склады ходким товаром, чтобы продержаться на коммерческой волне до начала сентября — стартового периода новых закупок.

Декабрьского ажиотажа трио дожидалось во всеоружии знания настроений на рынке и тонко построенных контактов с прикормленными клиентами, кому гарантированно обещались тонны мороженого и очень популярного в нищих массах минтая и деликатесной в этих же массах трески.

Дилеры беспокоились, каждодневно звонили Михаилу, справляясь об оговоренных перспективах, а некоторые позволяли себе туманные намеки на специфическую ответственность гаранта поставок перед определенного рода структурами, курирующими диле-

ров. Короче, не будет рыбы — будут бандиты. Мишу, впрочем, подобного рода угрозы ни в малейшей степени не смущали. Милиция, одураченные клиенты, бандиты — все это представляло для него единый клубок, из которого предстояло выскользнуть, оборвав одному ему ведомую нить. Главное заключалось в выигрыше времени и в каждодневном увеличении количества будущих жертв, многие из которых привлекались с помощью газетной рекламы и слухов о добросовестнейшей «Ставриде» с ее невероятной дешевизной отпускных цен.

Связь с подельниками — Трубачевым и Анохиным, Миша осуществлял с помощью пейджера, а сам же обзавелся мобильным телефоном, подписав с компанией, предоставляющей услуги связи, долгосрочный контракт под липовые, разумеется, гарантии и предоставив, соответственно, отработавший свой ресурс документик, удостоверяющий личность. Достоверным отображением личности в документике являлась лишь мутноватая фотокарточка с фальшивым, конечно же, оттиском органа внутренних дел.

В поисках денежных клиентов, помимо усилий подельников, а также стараний сугубо самостоятельных, Михаил привлек в компанию в качестве вольного менеджера безработного научного сотрудника Шкандыбаева — унылого, согбенного житейскими неурядицами, однако несгибаемого амбициозного персонажа, нуждающегося с давней, чувствовалось, поры, в материальном признании своей исключительности, которая, увы, приемами элементарной логики не обосновывалась.

Блуждающий менеджер легко и с достоинством согласился прислуживать не за банальную зарплату, а в твердом расчете на увлекательные комиссионные с контрактов, но когда пара контрактов были с его подачи заключены, хитроумный Миша убедил Шкандыбаева

вложить полагающийся гонорар в новую партию товара, пообещав во всех смыслах драгоценному и талантливому сотруднику собственную долю в долгосрочном партнерстве. Compliments польстили истерзанному самолюбию стареющего неудачника, и, преодолев некоторое смятение, вызванное актуальностью материальных тягот, Шкандыбаев на договор с нечистым Мишей пошел. Перспектива, на деле представлявшая глухой тупик, увлекла и его, но флюиды перспективы, которые распространял в своих хождениях по торговым инстанциям сутулый полысевший человек, — эти флюиды несли в себе нечто истинное и восторженно-наивное, что привлекало клиента, как бедолагу-шуку привлекает опять-таки бедолага — живец.

Отец Миши, посетивший с гостевым визитом США, привез сыну забавный сувенир: банкноту в один миллион долларов. Банкнота выпускалась неким клубом миллионеров, печаталась с помощью клише на натуральной долларовой бумажной основе, была пронизана внутренними платиновыми нитями, светилась в ультрафиолете всеми цветами радуги и производила на дилетанта, не ведающего, что стоимость ее — менее зеленой двадцатки, впечатление ошеломляющее.

Именно этакое впечатление произвел сувенир из Америки на Шкандыбаева, кому Миша предоставил бумажку на рассмотрение как лицу в высшей степени доверенному и чрезвычайно ответственному.

— Вот какое есть дело, — втолковывал Михаил потерявшему дар речи экс-инженеру. — Этот ден, так сказать, знак, мы можем обменять на наличные баксы. За восемьдесят процентов его стоимости. Слышал, какие проблемы с вывозом валюты за бугор? А что делать человеку, если у него чемодан этих самых американских тугриков? Сиди на нем и горюй. А тут — одна бумажка... Усекаешь? Найдешь клиента — сто тысяч твои...

— Но... — позволил себе засомневаться Шкандыбаев, — а какие гарантии, что все подлинно, что никаких, извините, подводных камней...

— Правильно мыслим, — покровительственно усмехнулся Миша. — Правильно и очень здраво, как, впрочем, всегда...

Шкандыбаев зарделся.

— Обмен, — веско продолжил Миша, — будет происходить не в подворотне, а в солидном банке, с попутной экспертизой ответственных лиц... И, кстати, при твоём масштабном мышлении именно такими операциями тебе и следует заниматься. Но я уверен — все впереди...

— Спасибо... — сквозь щемящий в горле слезный ком выдавил Шкандыбаев.

— Тебе спасибо... Работай, дорогой мой товарищ...

Относительно банка Миша не врал, реализация аферы в стенах респектабельного финансового учреждения представлялась ему вполне вероятной: компаньон Анохин подружился с поверенным «Ассаф-банка», зарегистрированного в Центральной Океании, республике Науру, чей филиал, ведущий незаконную банковскую деятельность на территории Российской Федерации, располагался в помещении отечественного банка «Атлет». Через представительство «Ассаф-банк» регистрировались различного рода оффшорные компании и переводилась за рубеж за тот или иной процент долларовая наличность. В данного рода деятельности Анохин участвовал в качестве активного посредника, арендовав в «Атлете» офис по соседству с оффшорными деятелями.

Вариант обмена сувенирной купюры на реальные деньги Миша и компания предусматривали под занавес рыбной аферы, чье завершение стремительно приближалось.

Изнемогавшим от нетерпения дилерам было выставлено категорическое условие: все заключен-

ные договоры с учетом незапятнанной репутации «Ставриды-корпорейшн» и колоссальными объемами ее закупок, подписываются на условиях исключительно стопроцентной предоплаты.

Выбора у дилеров не было... Впрочем, в дееспособности и добропорядочности «Ставриды», осаждаемой подпрыгивающими оптовиками, никто не сомневался. А основательное здание хладокомбината, с которого ранее без проволочек и в срок отпускалась высококачественная продукция, подогревало воображение торговцев ожидаемыми барышами.

И — хлынули на банковские счета «Ставриды» долгожданные деньги, часть из которых снимал в виде наличности увлеченный бизнесом полуголодный Шкандыбаев, честно принося рубли и доллары в офис к обожаемому шефу Мише, которого, надо отметить, он знал под именем Александра Гринько. В достоверности этого имени ничуть не сомневался и остальной нанятый на работу в «Ставриду» несчастный контингент бывшей научно-технической и культурно-просветительской интеллигенции, вынужденно переквалифицировавшейся в секретарей, уборщиц, кладовщиков и сторожей.

Рухнувшая советская система, давшая этим людям образование и профессию, похоронила эти дары под своими обломками, и, как жильцы обвалившегося дома, сумевшие в спешке покинуть его незыблемые, казалось бы, стены, они разом оказались растерянными приспособленцами в жестком и несправедливом странстве того мира, где основной ценностью стала нажива, диктующая свои циничные и простенькие законы. Адаптация к этим законам у всех была разной: кто-то презирал их, кто-то с ними смирялся, а Миша и его партнеры воспринимали новую социально-политическую погоду, как воспринимают после засухи блаженное ненастье земноводные: в мутной мороси и

мошка под носом, и сам неприметен, и куда нырнуть имеется... Было бы с чем! А вынырнуть можно и в той же Океании, под пальмами, где предусмотрительный Миша уже завел банковский счетик и где мечталось приобрести со временем симпатичное личное строение со всеми, разумеется, удобствами, включая голубенький, наполненный солнцем бассейн. Именно в это хотелось бы воплотить бесконечную рискованную суету с клиентами, разъездами, договорами, накладными, нервотрепкой, конспирацией, страхом, враньем и спекуляциями в грязном льду серыми рыбьими тушками...

Впрочем, рыбы на складе уже давно не было. И кладовщик, он же бывший штатный районный скульптор, уволился, поступив на службу по специальности: изготовителем то ли могильных плит, то ли надгробий в соответствующее заведение.

Гримасы судьбы...

Бандитские будни

Финансовый кризис, начавшийся в августе девяносто восьмого года, на личном капитале Геннадия не отразился: прекрасно осведомленный о персональных качествах и богатом криминальном прошлом многих выдающихся банкиров, он предпочитал наличные расчеты, и деньги хранил в тайниках, игнорируя сомнительную завлекательность банковских процентов. Мировоззрение финансовых воротил он полностью соотносил со своим собственным, уверенно сознавая: случись в стране очередной кавардак, связанный с изменением политического курса, банкиров и доверенные им вклады можно найти лишь силами военной и политической разведок за морями и долами... Хотя с банковским счетом все-таки рискнул, открыл таковой, доверился... Будь что будет! Правда, назывался

банк «Чейс-Манхэттен», а не какой-нибудь «Российский кредит». И полагал Гена, что если этот финансовый монстр — составляющая большой мировой политики, — рухнет, то исключительно в случае либо глобального вселенского катаклизма, либо столь же глобальной ядерной войны. И уж тогда коли суждено денежкам гикнуться, туда им и дорога: на том свете иная валюта, и чего там не существует наверняка, так это — всякого рода долларов и пунктов их обмена.

Однако сбережения как таковые — категория аморфная, способная удовлетворить разве ленивого рантье, ведущего замкнутое существование, а Геннадия же, человеку общественно активному и возглавляющему определенного рода коллектив, требовались доходы прогрессивные и каждодневные, а с доходами этими в условиях нагрянувшей всеобщей нищеты становилось все туже и туже. Долларовая лавина, пронесшаяся по стране в начале девяностых, унеслась на Запад, уместившись в сейфах тех банков, что, в отличие от разбойничьих российских, являлись не временными аккумуляторами предназначенной к хищению валюты, а распределительными базами стабильной, бережно пестуемой экономики. И контролировали экономику не жулики, а лица, претендующие на тотальную мировую власть. И не существовало в этих изошренных холодных умах формулы «украл — убежал», потому что украдено ими было уже практически все, а потому бегать им было не от чего и не от кого. К ним бегали... В том числе — российские бонзы и капиталы этих бонз.

В перспективе, равно как любой жулик, Геннадий вынашивал план проведения обеспеченной старости в курортном местечке развитой державы, однако — только после составления определенного капитала. Какого именно, он и сам не ведал, руководствуясь принципом: покуда прет фишка, гони игру...

Вот только с фишкой стало плохо, причем у всех и повсеместно, в том числе и у соседа-конкурента Пемзы, а посему, по прибытии с теплой Мадеры в холодные московские джунгли, Геннадий получил информацию о возобновлении территориальных претензий со стороны старого бандита, о закрытии многих «закрышенных» компаний, а также о пяти бойцах-дезертирах, решивших попытать счастья в Праге, Берлине и Чикаго. Еще один дезертир поменял группировку, ушел патрульным потрошителем в ГАИ.

Плачевная финансовая ситуация и неурядицы в трудовом коллективе повергли Геннадия в озлобление и расстройство. Одновременно в его сознании утвердилась агрессивная установка добычи денег любыми путями.

Следуя договоренностям, достигнутым с Константином, сразу же после похорон Грыжи, он предъявил материальные претензии вдове-Люське, запальчиво принявшейся возражать, что к делам покойного она ни малейшего отношения не имеет и ответственности по его долгам не несет.

— Я-то что?.. — горестным тоном говорил любимице Геннадий. — Я-то ничего... А вот пацаны... У них ведь понятия твердые: брал из общака — верни...

— Не знаю я общаков ваших! И знать не желаю!

— Вот это ты им и объясни... А они тебе объяснят и про квартиру твою, и про «кадиллак», и про дом загородный... И спросят: откуда все эти прибамбасы взялись? Если не в курсе, расскажут...

— Ты мне не угрожай, скотина!..

— А мне-то чего тебе угрожать? Я-то — что? Я — ничего... С Костей вон поговори, он к тебе очень даже душевно относится... Вдруг подскажет чего?

Вероломный Костя, следуя тщательно разработанному плану Люськиного «развода», в последнее

время выказывал новоиспеченной вдове всяческое сочувствие и участие, играя роль «доброго» следователя, и именно его поддержки искала наивная жертва.

— Вот такой у нас, значит, базарчик идет, — с ухмылкой говорил Константин Геннадию, включая запись своего телефонного разговора с экс-супругой умерщвленного товарища.

В динамике раздался жалостный всхлип, а после возмущенный Люськин голос твердо поведал:

— Слушай! Заезжал Толстый... Сначала он меня трахнул, а потом сказал, что я должна ему денег!

— Как?! За что?! — на сопереживающей ноте откликнулся Константин.

— Говорит, Грыжа общак раздербанил...

— Да ты не волнуйся, разберемся, — успокаивал взволнованную женщину подлый интриган. — Я ребят соберу, если Гена не прав, мы его на место поставим!

— А-а-а... если прав?

— А вот и выясним!

— Костя, я на тебя очень надеюсь... Этот крокодил... он меня точно сожрет!

— В обиду не дадим!

— Может, приедешь сегодня? — В голосе Люське проскользнуло кокетство. — Ты ведь такой умный... Хотя бы совет дашь...

Константин выключил запись. Как показалось Геннадию — с некоторой поспешностью.

— Ну, ездил? — спросил сумрачно.

— Заехал... — отозвался тот с неохотой.

— И чего посоветовал?

— Дождаться схода... А там — разведем по полной программе. Зарядим пацанов, они жути подпустят, факты наладят... А после — домашний арест, нотариус... В общем, через недельку отправим ее в Рязань

к маме, откуда сюда и пришлепала. На билет скинемся... Пемзу, кстати, навестить пора. День рождения у него сегодня, не забыл?

— Угу, — кивнул Геннадий.

— Подарок купить надо.

— Гони пять сотен, подарок уже в багажнике.

— Что за подарок?

— Колеса и диски. Для «жигуля». Он же, сам говорил, на «девятке» ездит...

— Да ты чего... Несолидно!

— Нормально!

— Покажи хоть, что за колеса...

Узрев в багажнике тщательно отмытые от гаражной пыли покрышки, Константин, холодно усмехнувшись, обернулся к компаньону:

— Ты хочешь сказать, что это фуфло штуку зелени весит?

— Когда покупал — весило, — равнодушно пожал плечами Геннадий, понимая, что нынешняя цена колесам — долларов триста.

— Не, я ему лучше свой подарок куплю, — качнул головой Константин.

— Ну ладно, падай в долю, как тебе жаба позволяет... — сдался Гена.

— Сотня...

— Да ты... чего? Две, хотя бы...

— Полторы.

— Ну ты кроила!

— От кого слышу, а?..

День рождения Пемзы, отмечавшийся в ресторане одной из центральных гостиниц, собрал толпу разнообразной братвы.

Приглашенные бандитские вожаки сидели за отдельным столом, возглавляемом виновником торжества, шестерки занимали места в углах и по краю зала, обмениваясь новостями и меряясь толщи-

ной своих цепей, увесистостью перстней. Все как обычно...

Обычный затрапезный облик Пемзы преображал лощеный моднящий костюм, шедший ему, как вороне — павлиний хвост. Изысканный покрой столь же изысканной материи никак не сочетался с костлявым угловатым туловищем и потасканной мордой с сияющими фиксами.

С искусностью опытных шлюх подавив в себе омерзение, Гена и Костя расцеловались со слюнявым морщинистым Пемзой. После обряда целования Геннадий жизнерадостно молвил:

— Подарочек в машине, извиняй, сюда тащить не стали...

— Чего за подарочек? — отозвался Пемза ворчливо.

— Разбегаться будем, увидишь...

— Не, взглянем сейчас, я любопытный...

Оторвавшись от начинающегося застолья, юбиляр в сопровождении соратников вышел на улицу.

— Вот... — Геннадий торжественно открыл багажник «мерседеса». — Рули, как говорится, со свистом...

— Ты мне... своего «мерина»?! — ошеломленно произнес Пемза. — Ну, Геночка, ты — красавец! Ну — удружил...

— Да не, я... это... Колеса... — смущенно разъяснил Геннадий, ткнув пальцем в глубь багажника.

— А-а... — разочарованно протянул Пемза. Затем, с испытующим прищуром глядя на резину, произнес: — Что же! Круто! — Выпростав манжеты рубашки из рукавов пиджака, достал верхнюю крышку, уважительно поджав губы, покачал ее в руках, как отец новорожденного младенца... И вдруг — резким, неувловимым движением надел крышку на голову Геннадия. Прокомментировал с жесткой ленцой: — Жлобам — от нашего стола! — И, повернувшись на

каблуках, под уважительный хохоток мигом все уяснивших шестерок, обступивших «мерседес», двинулся к ресторанной двери.

Содрав с шеи покрывку, оставившую на щеке угольный след, Геннадий, жалко моргая, смотрел на удаляющуюся щегольскую спину старого негодяя, умело и точно опозорившего его перед всей любопытствующей сволочью.

— Ну вот, подставились, теперь жди «стрелочки» и ответных подарков, — донесся сквозь плавающую перед глазами пелену голос Константина.

— Ладно, поехали, — усаживаясь в машину, проговорил Геннадий. Лицо его пылало, пальцы мелко дрожали. — Вот... гад! Ишь... Ничего слаще морковки не жрал, крыса тюремная, а тут... расперло его!

— Денежки мне пришли, — равнодушно откликнулся Константин.

— Что? А-а... На тебе твои... — Геннадий, чувствуя исходящую от напарника неприязнь, зло отсчитал доллары. Его трясло, как в лихорадке от тяжело осознаваемого унижения. — Тварь... — шипел он. — Завалю, вот и весь расклад! Завтра же!

— А теперь прикинь, сколько бабок уйдет на войну, — сказал Костя, вылезая из машины. Стоя у раскрытой дверцы, еще раз вдумчиво и презрительно повторил: — Прикинь!

И — ушел, так дверцу и не затворив.

Исходя ненавистью, Геннадий поехал на базу. В кабинете застал одного из бригадиров группировки, привезшего хилую наличность из подшефного рестораника.

— Где деньги?!. — взревел взбешенный Геннадий. — Ты мне чего это недоразумение суешь?!. —

— Да там у них клиент — как мамонт, на корню мрет, а аренда душит прямо конкретно!

— Плевать! Чтобы платили как надо!..

— Да я тебе точно говорю, разруха в общепите... Кстати, там с месяц назад два лоха погуляли — внагляк и на шару! Один другого развел и порожняком под расчет придухарил... Порожняк мы оформили, он не в отказе, но с бабками не торопится... Хотя — напоминаем гражданину ласково...

— Процент идет?

— Знамо дело! Потому и ласково...

— На сколько оприходовать его можно?

— Вроде, нищета по прикиду... Но хата есть... А значит, если с огоньком подойти, то насчитаем цифирь вразумительный...

— Так и подходи с огоньком! — выкрикнул Геннадий, с силой опуская кулак на столешницу стола. — За жабры лоха! И трясти неимоверно!

— Понял... Я, кстати, думал, ты у Пемзы гуляешь, ребята сказали — отбыл...

— Поздравил, да назад, — скривился Геннадий. — Чего засиживаться?.. И ты... чего здесь?!.. — вновь вскинулся на подчиненного. — Езжай карася потрошить! Закобенится — сюда его! В клетку сначала, потом — в колодец! Работать надо! В общак гроши несете, а запросы — как у главного пахана, президента нашего! Аппетиты, как у акул! А шевелитесь, как налимь в иле!

— Нам в личный карман МВФ транши не перегоняет... По четверть миллиарда...

— Никому не перегоняет! Карман надо уметь подставлять!

Подчиненный бандит уже давно ушел, а взбуряженный Геннадий, сидя за столом, все еще стучал по столешнице кулаками, вращал грозными очами и поливал красноречием в потолок и по сторонам, рассуждая на тему необходимого трудолюбия и вообще творческой инициативы.

Злоключения Шкандыбаева

Устройство на службу в «Ставриду» и каждодневная рабочая суета все более отдаляли Шкандыбаева от того неприятного осеннего утра, когда он очнулся в ресторанном подвале в окружении головорезов, предъявивших ему немыслимый счет за ужин с канувшим в неизвестность Петром, чей образ также потускнел в памяти Шкандыбаева. Увяли и восторги, связанные с грандиозным проектом железнодорожной африканской магистрали, чья материализация представлялась отныне затеей сомнительной и многотрудной. Куда более занимала текущая работа по поиску денежных рыбных интересантов и будущая доля из дивидендов «Ставриды».

Однако телефонные звонки из ресторана регулярно тревожили недобросовестного должника, но на наглые и порой нецензурные требования вернуть обозначенную сумму он отвечал, что как только, так сразу, ибо покуда стеснен материально, после чего телефонную связь расторгал, легкомысленно полагая, что таким поведением способствует накоплению в кредиторах усталости и чувства безнадежности.

Действуя подобным образом, Шкандыбаев исходил из стереотипов, применимых к собственной персоне, а потому полной и ошарашивающей неожиданностью явилась для него встреча на улице с двумя крепкими пареньками, один из которых, вежливо поздоровавшись, ткнул Шкандыбаева кулаком под дых, а второй, поймав оседающую на асфальт жертву за воротник, забросил ее, как живодер кота, в чрево просторного автомобиля с затемненными стеклами.

Способность полноценно дышать и изъясняться Шкандыбаев обрел лишь в помещении какого-то офиса, куда его доставили с завязанными грубой тугой тряпкой глазами.

Освободившись от повязки, Шкандыбаев увидел оклеенные пухлыми модными обоями стены, стол из мореного дуба, а за ним — необыкновенно тучного молодого человека с такой злобной и сытой мордой, что в сознании похищенного сразу же утвердился зловещий термин: мафия...

Оглянувшись, Шкандыбаев обнаружил за своей спиной еще несколько типажей, чей откровенно циничный облик обоснованность термина подтвердил бесспорно.

— Ты, что же, паскуда, по кабакам на халяву тренируешься проезжать? — подала голос сидящая за столом уголовная личность. — А? Чего молчишь, гнида? Язык отсох? Так мы его сейчас вмиг реанимируем...

— Я же говорил... — держась за перехваченное судорогой горло пляшущими пальцами, пролепетал Шкандыбаев. — Я ожидаю денег... И как только...

— А ты в курсе, что должок вырос? — перебил его толстый гангстер, по-бульдोजьи выпятив челюсть. — Тебя, падла, предупреждали? Предупреждали ведь?!

— Д-да...

— В общем, считай, погулял ты на десятку зеленых, — прозвучал безапелляционный вердикт. — Теперь вопрос: когда будешь отдавать?

Мысли Шкандыбаева спутались... «Когда?» Прекрасный вопрос! Прекрасный прежде всего тем, что означает: отсюда его, Шкандыбаева, отпустят... И свобода, как говорится, встретит у входа... У выхода, точнее. Но! Если он согласится с названной суммой, да еще подпишет какие-нибудь долговые бумаги, то встреча со свободой будет весьма условной и недолгой...

— Чувствую, тебе надо как следует все обмозговать... У нас для этого как раз отдельный кабинетик имеется... — Главарь приподнялся из-за стола и сделал неопределенный жест жирной пятерней, которую украшал внушительный перстень из драгметалла.

Моментально уловив суть жеста, нелюди, стоявшие позади Шкандыбаева, подхватили пленника под локотки и препроводили коридором в одну из комнат, чью площадь занимала покрашенная черной безысходной краской клетка, сваренная из толстенной витой арматуры.

Миг — и страдалец очутился внутри клетки, тут же запертой на сложного типа замок.

В ограниченном арматурной конструкцией пространстве мысли Шкандыбаева засуетились живо и горячо, как пчелки над белой акацией гроздью душистой...

«Так... Продать им африканский проект? — упорно размышлял Шкандыбаев. — Можно... Но едва ли поймут перспективу... А поймут — украдут идею. Занять деньги в “Ставриде”? Шеф — чудо-человек, но вот дать взаймы — это едва ли, это он не любит... — И вдруг полыхнуло: — Купюра! Этим бандитам она наверняка нужна, как воздух! Миллион одной бумажкой!»

Он утер неверной ладонью выступивший на лбу горячий пот.

«Неужели страдания не напрасны? Он не только найдет сегодня реального покупателя, но и заработает на нем сто тысяч! Десять из них пусть забирают, пусть двадцать забирают, лишь бы оказаться вне этой проклятой клетки...»

— Эй! — слабо выкрикнул он в пустоту жутковатого помещения. — Эй, есть здесь...

На зов его входная дверь незамедлительно приоткрылась, и из-за двери прозвучал грубый вопрос:

— Чего бакланишь, чмо залетное?

— Я... это... Насчет долга...

И через минуту он уже стоял навытяжку перед толстым гангстером, объясняя ему смысл обмена уникальной купюры на расхожие американские дензнаки.

— За восемьдесят процентов? Лимон баксов? — недоверчиво шурился тот. — А купюра — не липа?

— Все через банк, все официально! — замахал Шкандыбаев слабыми руками. — Вы будете иметь дело с серьезными людьми!

— Едем! — Огромная туша поднялась из-за стола. — Покалякаем с твоими корешками... Но учти — соврал, или чего не так — десятка уже сегодня будет двадцаткой!

Вновь жесткая матерчатая лента легла на очи пленника, и бандитский лимузин с черным остеклением перенес его городскими лабиринтами прямехенько к офису родной «Ставриды», где, освобожденный от конспиративной повязки, он провел — уже на правах служащего — толстого негодяя и его поджарого, стриженного «под бобрик» компаньона, прямиком к своему прямому начальнику.

— Скажешь, что знакомые, понял? — перед дверьми кабинета проинструктировал Шкандыбаева толстый мерзавец.

— Все понятно, все понятно, — торопливо поддакнул обретающий служебное достоинство менеджер.

Начальник Александр Гринько, он же — Миша Коротков, встретил посетителей суховато, но в целом — дружелюбно.

Разговор гангстеров и рыбного дилера к великому облегчению Шкандыбаева подтвердил правдивость сделанного им в разбойничьем логове предложения: обозначенная купюра действительно находилась в хранилище банка, куда интересантам было предложено проследовать для ее всестороннего рассмотрения; обмен же крупнокалиберного дензнака на расхожие купюрки шеф Шкандыбаева после краткого торга согласился провести за семьдесят пять процентов от номинала раритета, после чего от слов договаривающиеся стороны перешли к делу, прямиком направившись в банк.

Когда вооруженные охранники с бесстрастными лицами принесли в один из кабинетов учреждения опечатанную папочку с купюрой, сердце Шкандыбаева захолонуло: неужели?!

Да, сбылись ожидания! Да, растаял кошмар бандитского узилища! И — воссиял горизонт будущего благоденствия!

Пощупав ярко-зеленую вязь банковской краски и рассмотрев купюру, на которой вместо физиономии того или иного исторического президента изображалась Статуя Свободы с факелом, толстый бандит робко, но и одобрительно кивнул головой. Произнес:

— Толково...

— А теперь посмотрите на это чудо в ультрафиолете, — произнес гладко зачесанный молодой человек, видимо, банковский служащий, он же — аферист Анохин.

Были закрыты жалюзи и отворена дверца книжного шкафа, в чьей глубине свет голубенькой лампы озарил драгоценную бумагу, тут же вспыхнувшую тайными светящимися знаками.

— Ну, вот, — подытожил банковский служащий. — Находитесь вы в официальном учреждении, составим, если необходимо, документик...

Словно очнувшись от сна, поджарый бандит с силой протер ладонью лицо. Сказал:

— Не пойму... Вы, вроде, банк... Так почему не можете обменять всю эту живопись один в один?..

— Потому что в этом случае придется платить межбанковский налог, — доверительно поведал зачесанный. — А частное лицо — другое дело. Частное лицо со своими налогами разбирается самостоятельно. К тому же лично я, к примеру, не имею миллиона, чтобы выкупить эту купюру. Все — просто...

— А чего это слово означает? — продолжил настойчивый оппонент, ткнув ногтем в надпись внизу дензнака, гласившую: NON-NEGOTIABLE.

— В дословном переводе, — устало молвил банковский служащий, — это означает: недоговорный документ...

— То есть?

— То есть купюра предназначена исключительно для банковского обращения, — пояснил терпеливым тоном служивый человек. — Да вы сами представьте: заходит человек с этой купюрой куда-нибудь...

— В ресторан, — подал голос понятливый Шкандыбаев.

— Вот-вот! — кивнул финансовый работник. — И гуляет там долларов на триста... А потом выкладывает на стол миллиончик одной бумажкой — сдачу, пожалуйста...

Толстый гангстер со снисходительной усмешкой оглядел зардевшегося Шкандыбаева. Произнес:

— В следующий раз так и делай, понял?

Шкандыбаев кокетливо поиграл бровями...

Пожали руки, наметив обмен на ближайшие дни.

— Ну все, брат, до встречи... — Толстый пожал Шкандыбаеву руку. — Десяточка за тобой, учти...

— Да нет проблем! — воскликнул окрыленный должник.

Когда автомобиль бандитов скрылся за углом здания банка, Миша Коротков спросил расторопного менеджера со светящимся от счастья лицом:

— Что за народ?

— Знакомые... — со значительной интонацией откликнулся Шкандыбаев, небрежно и косо взглянув поверх головы начальника.

Между тем в отъезжающем от банка автомобиле развивался следующий диалог:

— Пемза концы ищет, чтобы бабки за бугор переправить, понял, Костя?

— Ну и?..

— Вот мы ему и зарядим: лимон с полтешком за эту купюрку... Триста штук навара!

— Класс! Только... Если там заморочки со всякими налогами, как этот хмырь плел... Понимаешь, какая какофония начнется? Придет Пемза в какой-нибудь банк, а его там окучат: плати, скажут, пятьдесят процентов! Вообще... откуда лимончик? Он же номерной, усекаешь?

— А наши какие проблемы? Лимон настоящий? Ну и все. А если претензии — пусть на банк наезжает. Наше дело простое: вот — товар. Нравится — покупай. Нет — извини... Наше дело — свести... А разбор... да чихал я на разбор! Пемза итак оборзел... Надо его, Костя, того... Иначе жить не даст, вон уже на наш вещевой рынок губы раскатал, воду мутит... Кончать его надо. Но так, аккуратно, мол, мы ни при чем...

— Все косяки на нас пойдут, как ни темни...

— Придумаем чего-нибудь... Люську в Рязань отправил?

— Да. Вся в соплях.

— Ну... чего сделаешь? Жизнь!

Обмен

Узнав о существовании денежного знака достоинством в один миллион долларов, Пемза всерьез озабочился возможностью стать его обладателем. Всякого рода смутные времена, чреватые повсеместным закручиванием гаек после вакханалии беззакония, взяточничества и воровства, представлялись матерому вору весьма реальным завершением эпопеи российской

демократии. И в этом случае бумажка, эквивалентная увесистому чемодану с валютой, обретала бы дополнительную ценность хотя бы как предмет контрабанды. Другое дело — стоит ли бумажка пресловутый тяжеловесный миллион? Не вводят ли его в заблуждение эти оторвы — Костя и Гена?

Проведя осторожное расследование, связанное с подслушиванием разговоров вожаков соседей, Пемза убедился в отсутствии у них мошеннического умысла; кроме того, купюру продавал банк, готовый подписать гарантийные обязательства по ее состоятельности, а потому, дав согласие на обмен, Пемза взял с собой опытного эксперта, бывшего фальшивомонетчика, должного исследовать раритет всесторонне.

Предложение о предварительном ознакомлении покупателя с купюрой было категорически отвергнуто банкирами, раздраженно пояснившими, что процедуры пустопорожних смотрин им уже надоели, срочности в продаже не существует, да и вообще предложение остается актуальным лишь в течение суток.

Банк, по сведениям Пемзы, контролировался кривоколенной чеченской группировкой, качать права на ровном месте явно не следовало, так что с покупкой поневоле пришлось поторапливаться.

В банк он прибыл в сопровождении четырех прямоугольных охранников, чья внешность наглядно соотносилась с обидной теорией дедушки Дарвина.

Пройдя с чемоданчиком, заключавшим в себе расходную наличность, по служебному узкому коридорчику, вошли, настороженно озираясь, в служебное помещение, в котором уже попивали кофе Геннадий с Костей, а также находился один из служащих: молодой гибкий человек с приятным открытым лицом.

После вежливых приветствий и рукопожатий молодой человек стеснительно уточнил, принесены ли в банк необходимые средства, и, получив подтверж-

дение, раскрыл сейф, из которого извлек девственно новенькую купюру с изображением известной всему миру статуи античного типа, оснащенной факелом.

При первом беглом взгляде на раритет Пемза сразу же исключил вероятность какой-либо подделки: узорчатая четкая вязь зелененькой и серой красок, шелковые ворсинки в бумаге, ровный давленный след от края клише убедительно свидетельствовали о подлинности купюры.

Вооружившись специальным пометочным карандашом, лупой и ультрафиолетовой лампой, за дело принялся эксперт-фальшивомонетчик.

Манипуляции его длились не более двух минут, по истечении которых, удивленно качая лысой головой в опущке седых волос, специалист по финансовой липе сокрушенно признался, что видит такую редкость впервые, хотя вскользь и слышал о ней, однако вывод его однозначен: деньги самые что ни на есть подлинные, уникальные, и смастерить этакое диво с помощью самой совершенной типографии невозможно: краска, бумага, аксессуары печати — исключительно американского гознаковского стандарта.

— Вам подготовить гарантийное письмо? — вежливо осведомился у Пемзы приятный клерк, он же — негодяй Анохин. — Кстати, вот именной сертификат на купюру... — И покупателю был вручен красивый, с золотыми печатями документик, затейливо подписанный президентом неведомой ассоциации миллионеров.

Пемза сухо кивнул банковскому служащему; затем, уместив купюру с сертификатом в карман пиджака, властительным жестом указал подчиненной горилле на чемодан с валютой.

Повинуясь жесту, горилла, водрузив чемодан на стол, шелкнула замками и откинула крышку. Луч света, пробившийся сквозь щель в портьерах, застил ма-

товой поволокой пачки «общаковских» долларов, любовно перетянутые разноцветными резинками.

Мигом обострились взоры лиц, производящих обмен, на внушительном содержании чемодана, и повисла торжественная пауза, разрушенная, увы, шумом резко распахнутой входной двери, шумом внезапным, зловещим, саданувшим, как пинок милицейского сапога в сознание Пемзы неотвратимостью худших предчувствий...

И не успел еще растаять в крови присутствующих горячий адреналин, как помещение заполнили зелено-черным камуфляжем пятеро обезличенных бойцов в черных масках, с короткоствольными автоматами, и гориλλы, словно подрубленные, повалились на пол, сцепив на затылках татуированные клешни, подергиваясь под корректирующими их позиции десантными башмаками, а затем в тесноту пространства ввинтился юлой низенький рыжеволосый человек с наглым лицом и всезнающими, глумливо распахнутыми глазками, и произнес лениво, с привычной, презрительной интонацией в жиденьком баритоне:

— Всем оставаться на месте! Налоговая полиция!

Ударила злая жаркая кровь в затылок Пемзы, и окончательно постиг он: подстава! Менты! Стук, подлянка...

А затем, цепко вперившись глазами в рыбы, равнодушные очи рыжеволосого опера, уяснил опытным нутряным чутьем перспективу итогового компромисса... И сделал вывод: влип в комбинацию, грядет «развод», грядет договор... Попал он, Пемза! Устроился под чей-то расчет!

Вскинул пронзительный взор в сторону проклятого сопляка, жлоба и вообще гадостной мрази — Гены, но узрел в нем — согбенно-вспотевшим, такой ужас и непонимание обстановки, что вновь обратился к слащаво-эластичной банковской шестерке, но и та яв-

ляла собой полную ошеломленность, и никакой тени двуличия не омрачало ее розовенькой морды, а потому вновь взгляд-кинжал был переведен на противного рыжего, который, помаргивая, скучно молвил:

— Чьи это деньги? — И — кивнул на растопыренный долларами чемодан.

Гориллы сопели на полу, банковский человек молчал, Геннадий и Костя издавали физиологические звуки, а потому, преодолев кризис внятного слова защиты со стороны, Пемза молвил: деньги принадлежат возглавляемому им коммерческому предприятию и предназначены для открытия счета.

— Поясните природу возникновения данной суммы, — предложил усталым голосом рыжий бес.

С ответом Пемза помедлил. Мысли ворочались тяжело и угловато, как валуны под ножом бульдозера.

Подстава банковских? Или Гены? А может, его пасли? Так или иначе, однако плести про то, что документы, подтверждающие законное обладание им миллионом долларов, будут предоставлены позднее — означает прощание с этим самым миллионом, протокол, допросы, прокурора, мельтешение по различного рода инстанциям, уплаты налогов и штрафов... Проще договориться на месте.

— Мы... могли бы поговорить с вами... — неопределенно произнес Пемза, — э-э...

— Наедине, — понятиливо наклонила голову рыжая сволочь.

— Ну да...

— Почему бы нет?

В считанные секунды с помощью людей в черных масках помещение стремительно и услужливо опустело.

— Не скрою: мы очень долго и пристально наблюдали за вашей коммерческой деятельностью, — строгим тоном поведал рыжий и — замолчал.

— Сколько? — враждебно произнес Пемза и также выдержал паузу.

— Что значит «сколько»? — вкрадчиво произнес оппонент.

— Ну, я понимаю... — пробурчал Пемза. — Штрафы, нервотрепка, малявы-халявы, делим пополам ввиду срочности исполнения...

— Сто. Тысяч, — раздалось чеканно и деловито.

Пемза вновь призадумался. Названная цифра была немалой, однако — вполне адекватной вероятным будущим мучениям.

— Недаром сон мне сегодня приснился, — пробормотал он.

— Что за сон? — поинтересовался рыжий.

— Кошелек нашел... До упора набитый. Открываю, а там дензнаки с профилем лысого Ильича...

Рыжий сочувственно присвистнул.

— Мне надо позвонить... — продолжил Пемза отчужденно.

— Только — без лишних комментариев, — предупредил налоговый изверг.

— Вестимо... — с ненавистью вздохнула жертва.

Далее, словно во сне, Пемза набрал деревянными пальцами телефонный номер кассира группировки, категорическим тоном приказав привезти срочнейшим порядком требуемую сумму в банк «Атлет».

Кассир выполнил распоряжение, после чего рыжий человек заявил, что имеет вопросы к банковскому служащему, а все остальные покуда могут быть свободны.

Охранники вывели честную компанию на свежий воздух.

Под уличным фонарем произошло бурное объяснение между Геной, Костей и Пемзой, неотрывно держащим ладонь на кармане, в котором покоился столь трудно выстраданный финансовый раритет.

— Кто навел ментов?! Что за мансы?! — рычал Пемза.

— Хрен знает... — отплевывался Геннадий. — Хочешь — верь, хочешь — нет, но мы и своих бабок с дела не унесли, завтра разбираться будем...

— Сегодня! Чечены банк держат, я знаю, к кому обратиться!

— Давай концы, мы в твой хомут впрягаемся без вопросов! Все вычислим!

— Я дам... Я та-ак дам!..

Через три часа в кабинете управляющего банком собралась разномастная криминальная рать Геннадия, Пемзы и — кучка весьма взволнованных респектабельных кавказцев. Разговор шел прямой, честный, изобилующий эмоциональной лексикой. В ходе его выяснился нехороший факт: в комнате, где был произведен обмен, размещалась на основании договора субаренды оффшорная лавочка, торгующая регистрационными пакетами подобных же ей фирм и не имеющая никакого прямого отношения как к делам «Атланта», так и сожительствовавшего с ним представительства банка Океании. Лавочка, кстати, за субаренду упорно не рассчитывалась, отделяваясь обещаниями и заверениями.

Навестив злопамятное помещение, бандиты нашли в нем лишь пустые письменные столы и шкафы.

— А куда вся эта свора испарилась? — спросил Константин испуганную банковскую секретаршу.

— Вышли... Через задний дворик...

— Ну-ка, дай посмотреть твой миллион! — озабоченно обратился чеченский предводитель к Пемзе.

— Вот, — с готовностью предъявил тот редкую купюру.

— Хе, — умудренно усмехнулся кавказский человек. — У меня такая лабуда тоже есть. Сувенир. В на-

туре сделан, со всеми примочками, но стоит — восемнадцать баксов. Имеешь кредитную карту, можешь заказать эту туфту прямо по телефону, по почте пришлют...

Свирепым взором глядя на растерянного, потного Геннадия, Пемза прошипел:

— Восемнадцать баксов можешь не возвращать... А все остальное — в течение трех дней, уяснил?!

— Попадалово чисто твое, — угрюмо и решительно отозвался тот. — Мы свели, да, но товар сам проверял, сам соглашался...

— Значит, будем встречаться и говорить, — в тон ему произнес Пемза.

— Значит, будем...

На том и расстались.

В то время, когда накалялись страсти в бандитской пикировке, рыжеволосый человек, он же — Трубачев, верный соратник Михаила Короткова, производил расчет с бойцами в камуфляже, арендованными из спецназа десантной дивизии за сумму в три тысячи долларов через знакомого капитана-отставника.

Надуть мускулистых десантников Трубачев не решился и оговоренный гонорар заплатил нищему слухивому люду сполна.

Покончив с расчетом, сел в машину, где в обнимку с чемоданом Пемзы ерзал на заднем сиденье подельник Анохин.

Бывшие комсомолыцы истово перекрестились, утерли нервный пот и — покатили к дому своего шефа Михаила, с нетерпением ожидающего друзей-мошенников.

Проезжая мимо офиса «Ставриды», увидели стоящего у входа и растерянно крутящего головой Шкандыбаева: блуждающий менеджер наверняка терялся во множестве совершенно непонятных ему фактов...

Во-первых, куда подевался начальник с его обещаниями всякого рода долей и вознаграждением за обмен миллионной купюры? Во-вторых, куда исчезли компьютеры, телефоны и прочая оргтехника из офиса? В-третьих, что отвечать все прибывающим и прибывающим в контору клиентам, давно оплатившим неизвестно где хранящиеся тонны минтая и кальмаров?

Оглядев Шкандыбаева, напоминавшего потерявшую снесенное яйцо курицу, аферисты скорбно покачали головами и тронулись в свой дальнейший извилистый путь.

Милицейские будни

Заявителей было двое. Первый, одетый в длинное кожаное пальто низкорослый тщедушный тип с весьма решительной и даже ожесточенной физиономией, что никак не гармонировала с телосложением, буквально сам в себе не помещался от распирающего его возмущения. Второй — лысый сутулый человек с длинным ухоженным ногтем на мизинце, в костюме лилового цвета на вырост, напротив, выглядел угнетенно задумчивым и целиком погруженным в себя.

Энергичный человек представился Рудиным, квелиый кисло проямлил:

— Шкандыбаев.

Начальник отдела Центрального РУОП Александр Пакуро, лишь под утро вернувшийся в свой рабочий кабинет после бессонной ночи, проведенной в задержании одной из бандгрупп, с трудом заставлял себя сосредоточиться на путаной речи подпрыгивающего от распиравших его эмоций заявителя в кожаном плаще. Впрочем, с помощью уточняющих вопросов мотивы нахождения потерпевших в милицейском учреждении, вскоре прояснились. Рудин занимался

торговлей рыбой, возглавляя компанию «Кайман». Шкандыбаев заключал контракты от имени некоей «Ставрида-корпрейшн», и был в ней «главным куда пошлют».

«Каймана» и «Ставриду» скрестил в деловых взаимоотношениях именно он, однако, заплатив «Ставриде» умопомрачительную сумму за поставки трески, «Кайман» в лице взбудораженного гражданина Рудина получил не треску, а шиш без масла, ибо поставщики таинственно исчезли, оставив после себя, как выяснилось, кучу долгов.

— Это мошенники целенаправленные! — пламенно убеждал Рудин, сияя очами, подключившегося к беседе капитана Бориса Гуменюка, с кем Пакуро работал в слаженном многолетнем тандеме.

Борис представлял собой бестрепетную, всеокрушающую и неутомимую машину сыска, неизменно работающую на конечный и обязательно положительный результат. Заведись эта машина, остановить ее было невозможно.

— Только найдите! Я оплачу все расходы! — с напором вещал Рудин. — Вообще... пятьдесят процентов — ваши!

Пакуро задумчиво улыбнулся. Какая знакомая песня... И сколько исполнителей ее побывало в стенах этого кабинета...

— Вы зря усмехаетесь...

— Не зря. Так! — обратился Пакуро к поникшему Шкандыбаеву. — Назовите все известные вам фирмы, которые сотрудничали с вашей...

Пожевав губами, Шкандыбаев принялся загибать пальцы. В покрасневших от бессонницы глазах его стояла затравленная тоска.

— Вы уверены, что фамилия вашего шефа Гринько — подлинная?

— Сейчас, знаете ли, сомневаюсь...

— А начали сомневаться с той поры, когда вошли в офис, а там ветер гуляет?

— М-мм...

Ситуация становилась очевидной: группа мошенников прикормила денежных клиентов и нагло надула их. Паспорта у мошенников наверняка заимствованные, с переклеенными фотографиями, общение между мазуриками происходило с помощью мобильной и пейджинговой связи, концы упрятаны надежно. Схема известная.

— Попробуем найти, — подытожил Пакуро, закончив выяснение деталей. — Давайте пропуска, отмечу. Если какие новости — звоните...

Шкандыбаев со страхом поглядел на пружинисто поднявшегося со стула Рудина. В стенах РУОП он чувствовал себя более защищенно, нежели вне их, в компании горящего жаждой мести рыботорговца, прямо ассоциирующего свои беды с его персоной.

— И... без фанатизма пожалуйста, — кивнув в сторону деморализованного менеджера, порекомендовал Пакуро Рудину.

Тот неохотно качнул головой.

Когда за заявителями хлопнула дверь, подал голос Борис:

— Если начинать дело, то — с распечатки телефонных переговоров... Дай-ка мне номерок мобильного этого самого Гринько...

— Раскладка будет такая, — прикидывая оставшиеся после ночного бдения силы, отозвался Пакуро. — Я занимаюсь текучкой, а ты пробей, что за компания предоставляла услуги связи. Далее берешь распечатку и начинаем гадать над кроссвордом — кто и куда звонил. От этой печки и пляшем...

— Сколько он нам пообещал? Пятьдесят процентов? — заинтересованно спросил Боря. — А на сколько его нагрели? О, как замечательно выходит! Да нам

с тобой, Александр Викторович, после этого дела прямоком на Мальдивы-Канары дорожка лежит... Годика два отдохнем, ни о чем не заботясь!

— Канары, навары, золотые портсигары... И — нары. Хорош трепаться! Если доедешь ты до этих Канар, то разве к пенсии! Давай, лети! Дел неупорот!

Боря подхватил листок с номером мобильного телефона и, рассыпая шуточки, скрылся за дверью.

Пакуро одобрительно кивнул ему вслед: машина сыска завелась...

Теперь один за другим начинали возникать вопросы тактики приземленного полицейского сыска. И так.

Отработка мобильного телефона — труд, подобный поиску пресловутой иголки в стоге сена. За каждым исходящим и привходящим звонком стоит человек или же организация, и выяснить, как связаны эти десятки, а то и сотни людей с искомым абонентом, — задача многоэтапная и затруднительная. Однако искушенного Бориса такая задача не пугала, единственное — требовала уйму времени, которого у оперуполномоченного столичного РУОП всегда нет.

Поначалу выяснились факты, лежащие на поверхности: мошенник Гринько, используя поддельный паспорт, чья ксерокопия уже находилась в свеженькой заготовке уголовного дела, нагло надул открытое акционерное общество «Вымпел», предоставляющее услуги сотовой радиотелефонной связи, путем обмана и злоупотребления доверием. Получив два номера и активно используя их, он не заплатил ОАО «Вымпел» ни гроша, предоставив лишь гарантийное письмо от подставной «Ставриды». Одним из номеров Гринько пользовался сам, другой номер эксплуатировал его сообщник, также участвующий в операции по заманиванию в сети аферы рыбных дилеров. Сообщник использовал также липовый паспорт на имя некоего Михалева.

Запросив данные указанных в паспортах лиц и причины утраты этими лицами своих документов, Пакуро получил следующие объяснения:

«Я, Гринько В.С., сдал свой паспорт в военкомат г. Коркино перед призывом на службу в Вооруженные силы РФ. При увольнении из армии мне и 140 военнослужащим сообщили, что наши паспорта сгорели в служебном автомобиле в результате попадания в него снаряда. В г. Москве никогда не был, с лицами, чьи фотографии мне предъявлены для опознания, не знаком. Об ООО “Ставрида-корпорейшн” мне ничего не известно».

«Я, Михалев С.Н, в феврале 1997 года с целью обмена жилья сдал свой паспорт в паспортный стол ОВД Ленинского района г. Смоленска. Дальнейшую судьбу паспорта не знаю, так как был в том же месяце арестован...»

Упорно отрабатывая адреса, по которым звонили лже-Гринько и лже-Михалев, Борис убеждался, что действовали мошенники крайне осторожно: все звонки предназначались лишь будущим потерпевшим, и не было среди абонентов ни одного из тех, кто мог бы навести на след аферюг.

Единственной зацепкой являлся номер телефона вызова такси, и благодаря своему неимоверному трудолюбию Борис умудрился установить важнейший в расследовании эпизод: незадолго до Нового года из ресторана «Распутин» изрядно погулявший Гринько вызвал машину, дабы та доставила его домой.

Сумел сыщик найти таксиста, признавшего по фотографии своего клиента, а также припомнившего дом, куда зашел пассажир — большую многоэтажку в Кунцево.

Отработка жильцов многоэтажки результатов не принесла: лже-Гринько, видимо, заезжал сюда к кому-то из знакомых, но — к кому?

Тем временем в кабинете каждодневно раздавались звонки от напористого Рудина, жаждавшего возмездия, и Пакуро, на которого навалилась со всей остротой громада оперативной текучки, предложил Борису: а пусть рыботорговец поможет себе, как говорится, самостоятельно... Машина у него есть, живет он неподалеку от искомой многоэтажки, дадим ему адрес... Почему бы жертве не покараулить своего мучителя? «Наружка» занята плотно, упрашивать начальство на проведение столь долгосрочного мероприятия с неясной перспективой — все равно, что залезать в неоплатные долги; короче, инструктируй Рудина...

Узнав о том, что расследование подошло к первому положительному сдвигу, Рудин окрыленно согласился на свою в нем активную роль.

— Выслежу гада! — сообщил уверенно.

— Только запомни главное правило, — предупредил Борис. — Никакой самодеятельности! Шапку надвинь на глаза, воротничком прикройся и сиди в машине с кофейным термосом... Если появится злодей — срочно звони нам. Все понял?

— Естественно!

— И как договаривались: без фанатизма, пожалуйста... ста...

Мытарь

С трудом пережив чудовищный обман лже-Гринько и оказавшись под давлением агрессивного Рудина в стенах РУОП, Шкандыбаев убедился в той истине, что нет такой плохой ситуации, которая не могла бы стать еще хуже. Особенно, если спрогнозировать даль-

нейшие отношения с толстым бандитом... Обмен купюры наверняка состоялся и, возможно, мошенники сумели всучить гангстерам некую несуразицу, а тогда он, Шкандыбаев, несомненно окажется крайним в масштабных криминальных разборках. Кроме того, навязанный ему бандитами долг в десять тысяч долларов означал продажу квартиры — последнего оплота в этом жестоком мире, лишиться которого означало падение в категорию бродяг.

О своем тяжком положении он уже готов был проконсультироваться у офицера РУОП, но сделать это испугался, боясь мести бандитов, а кроме того, туманно представляя свой статус с точки зрения уголовного кодекса в мероприятии с миллионной купюрой. По неволе пришлось бы поведать и о постыдных в своей глупости ресторанных посиделках, в которых он выглядел полным дураком. В итоге он просто решил выждать время: если бандиты появятся, тогда — что ж, придется идти с повинной головой к симпатичному и улыбчивому майору Пакуро, а если не появятся — значит, пронесло... Значит, его попросту надули с комиссионными за сделку, и дело завершилось всего лишь крахом мечты о легком обогащении. И пусть! Главное — избавиться от страха, который преследовал его неотступно, ввергая в унылую, уже привычную депрессию.

Объяснив сложившееся положение вещей рыдающей жене, Шкандыбаев велел ей собирать вещи и временно переселился к теще, каждодневно выгрызающей ему нервы оскорбительными нотациями, касающимися полной никчемности и глупости доставшегося ей по недоразумению зятя. Тещины выпады, однако, приходилось терпеть.

Погоревший рыбный деятель Рудин внезапно над Шкандыбаевым сжалился, взял к себе на работу в качестве порученца, а заодно привлек к оперативному

мероприятию по выслеживанию лже-Гринько. Жизнь кое-как, но продолжалась, тем более честный Рудин, несмотря на стесненное положение своей одураченной фирмы, платил Шкандыбаеву скромную, но регулярную зарплату.

На третий день высиживания в засаде, подразумевавшей автомобиль Рудина, Шкандыбаев увидел, как в двух шагах от подъезда остановилось грязное желтое такси, на боку которого, по коросте грязи, шаловливый пальчик уличного баловника начертал корявое слово POLICE. И вышел из такси крайне собой довольный, розовенький и подтянутый шеф «Ставриды» с атташе-кейсом в руке.

Шеф блаженно посмотрел на солнечное зимнее небо погожего дня, расправил плечи и уверенно двинулся к подъезду.

Шкандыбаев перевел взор на Рудина. Раскрыв рот с прилипшей к губе сигаретой, тот округлившимися глазами смотрел вслед вожделенному субъекту сыска, не веря, что чудо произошло, и канувший в никуда мошенник воистину материализовался в конкретном пространстве.

— Надо звонить... — прошептал Шкандыбаев, но закончить фразу не сумел.

Остервенело откинув в сторону дверцу, Рудин пулей выскочил из автомобиля и с криком:

— Стоять, паскуда! — бросился, как остервенелая рысь, на спину испуганно лязгнувшего зубами, вырвавшегося портфель лже-Гринько.

Шкандыбаев поспешил на помощь новому благородному начальнику. И сделал это вовремя, ибо начальник предыдущий ловко из пальто вывернулся, оставив его в качестве трофея нападавшему, и бросился наутек. Однако в каком-то нелепом прыжке Шкандыбаев сумел цепко и мертво ухватиться за плечо пиджака бывшего босса, но и на сей раз тот проявил

чудеса стремительного освобождения от одежды: совершив вращательное движение туловищем, оставил пиджак Шкандыбаеву, и уже налегке, в одной рубашке, вновь совершил попытку побега, однако неудачную — удар в челюсть, полученный от Рудина, поверг его наземь.

— Где мои деньги?! — верещал Рудин, вытаскивая из кармана спрей со слезоточивым газом и обильно поливая из него голову залягшего врага.

На заданный вопрос лже-Гринько ответил действием: ударом лодыжки подсек ногу противника и, потеряв равновесие, обильно плеснув газом в сторону Шкандыбаева, Рудин также сверзился наземь.

Шкандыбаев потерявший от едкого газа ориентацию в пространстве, поскользнулся и также упал, ухватившись за штанину брюк мошенника, принявшегося безжалостно лягаться. Удар влажного каблука в глаз вторично ослепил Шкандыбаева.

— Ты мне заплатишь!!! — доносился сквозь ядовитую газовую пелену срывающийся голос мстителя Рудина. — Я тебя, сволочь... А-а-а!

Неизвестно сколь долгой была бы возня трех мужчин в «партере», на лысой прогалине заснеженного газона, удобренного собачками, если бы не проезжавший с обеденного перерыва милицейский патруль из ближайшего отделения.

Узрев троицу, напоминавшую клубок сцепившихся в драке котов, над которым витало сернистое дымное облачко, милиционеры решили, что покуда у участников сражения не появился младенец, их следует разнять.

Что и сделали, впихнув борцов стиля без правил в машину, причем один из борцов, одетый в кожаный изгвазданный плащ, кричал, отбиваясь, что представляет собой доблестный и грозный РУОП, однако соответствующими документами свой статус не под-

твердил, а потому по прибытии в отделение был препровожден, как и остальные участники битвы, в «обезьянник», откуда продиктовал дежурному телефончик и имя своего, как он выразился, начальника.

— Ребята, все отдам... — шептал, сплевывая кровь с разбитой губы, лже-Гринько своим бывшим коллегам по бизнесу. — Со всеми неустойками. Сейчас позвоню, бабки прямо сюда доставят... Как только договариваетесь с ментами, сразу же — расчет...

— Купюру вы поменяли? — строго спросил Шкандыбаев.

— Да, все нормально, твоя доля священна...

Рудин уже заколебался, но тут дежурный, уже связавшийся с Пакуро, отдал распоряжение двух участников схватки из «обезьянника» вывести, а третьего, являвшегося субъектом нападения, оставить за решеткой.

Рудин тотчас же перехватил у дежурного трубку, начав возбужденный доклад, а Шкандыбаев, справившись, где находится туалет, отправился отчищать свой лучший костюм от мерзкой уличной грязи.

Разглядев в рябом зеркале милицейского сортира расплывающийся под глазом синяк, с трагическим удивлением присвистнул.

Вскоре в отделение прибыл Пакуро.

Взволнованные объяснения кинувшегося ему на встречу Рудина майор пресек командой «молчать!», после чего призвал к себе Шкандыбаева, кому был задан вопрос: признает ли он в задержанном человеке, у которого обнаружен паспорт на имя гражданина Коваленко, уроженца Челябинской области, — шефа «Ставриды-корпорейшн» господина Гринько?

Сознавая, что никаких денег от главы «Ставриды» отныне уже не видать, Шкандыбаев ответил на вопрос сквозь зубы, но утвердительно. Затем в свою очередь осведомился, может ли он идти домой, на что

также получил неохотную, но положительную устную резолюцию.

Оставив в отделении Рудина, не способного оторваться как от пойманного мошенника, так и от приехавшего майора, Шкандыбаев отправился проводить родимую квартиру.

Закрыв дверь правоохранительного учреждения, напоследок расслышал донесшийся сквозь сталь перегородок требовательный выкрик рыботорговца. В выкрике звучал вопрос о нынешнем нахождении средств пострадавшего «Каймана».

По пути в метро, упорно прикрывая углом воротника травмированный глаз, Шкандыбаев размышлял о том, что с обменом купюры его, конечно же, обьегорили, однако обмен к удовлетворению сторон состоялся, а значит, бандиты наверняка списали его долг, и теперь следует думать исключительно о служении новому энергичному шефу, восстанавливающему свои финансовые силы.

Увы, в выводах своих Шкандыбаев заблуждался.

На пяточке возле подъезда, его, мелко и блеюще заголосившего, как старый козел на бойне, подхватили под локотки уже знакомые исчадия из страшной банды, запихнули в автомобиль, и помчал автомобиль жутким маршрутом к логову гангстеров, где вновь распахнулась перед Шкандыбаевым дверца, ведущая также в изученную до подробностей арматурную клеть.

Незамедлительно возле клетки объявился главный толстый бандит.

Выглядел бандит обрюзгшим, устало-расплывшимся, даже несчастным, однако никакого сочувствия его вид в Шкандыбаеве не вызвал. Тем более, продемонстрировав узнику машинку для ампутации пальцев, бандит в грязных выражениях призвал незаконно похищенного к исповеди. Исповедь началась с вопроса:

— Где шеф этой, сука, «Ставриды»?!

Узнав, что шеф «Ставриды» попался в стальные щупальца РУОП, наглядно отображенные на эмблеме этой организации, злодей пригорюнился, записал адрес отделения милиции, в которое поместили задержанного, а после пробурчал:

— С тобой будем работать долго... Очень долго! Выясним все на генном уровне, усек? И если ты в доле с кидалами... Да по-любому — должок твой теперь — ого-го! Всю жизнь на меня пахать будешь! Квартиру — продашь! Завтра привезу нотариуса, все оформим! И попробуй учуди чего!

— Но...

— Сюда слушай! Жить будешь у меня. В будке собачьей, на цепи. Это — в лучшем варианте. В худшем — чеченам тебя переправлю в рабство. А в самом худшем — закопаю! Э-э-э!!! — внезапно взревел он, призывая свою челядь. — Чего этот хрен тут балдеет?! Может, ему еще номер в «Савое» снимем?! В колодец падлу! На ночь! Пусть привыкает... — Посмотрел на часы, добавил ворчливо в сторону подчиненных: — Буду завтра днем... Все!

Шкандыбаеву в грубой форме было велено покинуть помещение.

Пленника вывели на территорию небольшой автостоянки, указывая дорогу хамскими толчками в спину, завели за вагончик-временку, обвязали запястья рук капроновым буксировочным тросом.

Поодаль что-то грохнуло об асфальт, и, ориентируясь на звук, Шкандыбаев увидел сдернутую из пазов чугунную крышку канализационного люка.

— Лезь! — последовала команда.

Страхуемый тросом, врезавшимся в запястья, нелепо суча ногами, Шкандыбаев был опущен извергами на дно глубокого темного колодца.

— Отвязывай веревку! — донесся из голубого далекого кружочка над головой приглушенный приказ, и,

кое-как выдернув ободранные кисти рук из жестких пут, Шкандыбаев приказ исполнил.

Канат дернулся, разметенный его кончик скользнул в вышину, скрылся, а затем в сторону обитателя колодца слетела, ухнув, драная дворницкая доха.

— Грейся, крот! — донеслось напутствие, и вслед за тем тяжело опустилась на надлежащее место чугунная крышка, и в тесном пространстве воцарилась жуткая темнота.

На какое-то время, показавшееся Шкандыбаеву вечностью, он впал в омертвелое оцепенение, растворившись в окружившей его холодной черноте.

Из оцепенения его вырвал странный, зловещий шорох — то ли причудившийся, то ли действительно явный...

«Крысы! — обожгла сознание воспаленная мысль. — Сожрут!»

Ухватив за ворот доху, Шкандыбаев совершил ей вращательное движение, отпугивая таким образом вероятных плотоядных, а после изнеможенно опустился на ледяной бетонный пол.

И тут все существо его обуяла неукротимо-отважная тяга к свободе и к жизни, которая существовала там, в недостижимой вышине, за чугунным покровом...

И он решился.

Откинул в сторону доху, снял носки и ботинки. Притулился к стене колодца, поерзал, находя соответствие собственным формам и изгибу стены, затем, постепенно выпрямившись, уперся голыми стопами в щербатую кирпичную кладку и какими-то немыслимыми рывками начал перемещать тело по вертикали.

Несколько раз он срывался, падая на плохо амортизирующую доху, однако судя по болезненности и ослепленности последнего падения, в искусстве колодцелазания им начались обретаться известные на-

выки, ибо произошло падение с высоты, судя по всему, значительной.

Данный вид покуда еще не ведомого человечеству спорта, вероятно, был наиболее близок в достижении высоких результатов упорному Шкандыбаеву, сумевшему в итоге бесконечных попыток упереться макушкой в заградительный чугунный барьер.

Подземный альпинист замер. По достижении верхней точки многотрудного пути он со всей остротой осознал опасность своего нынешнего положения. Любое неосторожное движение на сей раз сулило падение, грозящее трагическими увечьями.

Обмерев, Шкандыбаев собирал все силы организма для грандиозного подвига: поднятия шеей и, соответственно, затылком массы литого чугуна, общим весом превышающим половину центнера. При этом упорными точками в достижении рекорда являлись предательски дрожащие стопы ног, ободранные ладони, а также сакраментальная точка за номером пять — довольно обширная, однако куда менее чувствительная, нежели оголенные конечности и обладающая, увы, значительной инерцией скольжения.

Кровавые круги плавали перед глазами Шкандыбаева, но — поддавался проклятый чугун, ерзал в пазах, поднимался на доли миллиметра, а по прошествии очередной вечности настал тот миг, когда пальцы беглеца просунулись в щель между крышкой и стальной окаемкой ямы.

В след за пальцами наружу вылезли руки, крышка сползла в сторону, морозный воздух наполнил бодрящей прохладцей легкие Шкандыбаева, и, совершив последнее немислимое усилие, он выпростался наружу и — упал на спину, глядя в черное беззвездное небо.

Было пять часов утра по московскому времени.

А в шесть часов утра в приемную РУОП, под матерный крик возмущенного «левака», нагло оставлен-

ного без мзды, постучался диковатого вида человек в мятом лиловом костюме, с такими же лиловыми ступнями босых ног, с синяком под глазом, с запекшейся коростой кровавых ссадин на затылке.

Дежурные милиционеры, пытавшиеся выяснить цель визита странного человека, вразумительных объяснений от него не добились.

Качая травмированным облысевшим черепом, человек твердил, как заклинание, фамилию «Пакуро», и покидать РУОП, дабы поехать домой и привести себя в порядок, категорически и с ужасом отказывался, взирая на милицейскую форму с таким же трепетом и надеждой, как на облачение ангелов-спасителей.

Милиционерам пришлось принести раннему визитеру кирзовые казенные башмаки сорок седьмого размера, платяную щетку и препроводить его в туалет для омовения множественно покорябанной головы, извлечения из затылочной части цементных вкраплений, и вообще для отправления естественных потребностей, позывов к которым Шкандыбаев отчего-то совершенно не испытывал.

Милицейские будни

Звонок Рудина из отделения милиции, куда доставили троих участников потасовки, заставил **Пакуро** поспешить к задержанным, кляня инициативу нетерпеливого рыботорговца, уверявшего, что все, мол, замечательно, лже-Гринько согласен выплатить долг, а потому быстрее приезжайте, дабы незамедлительно отправиться к хранилищу денежных средств аферистов. Там, мол, слава Всевышнему, всем нам и воздастся!

Во всем абсурде такого подхода к развитию дальнейших событий, существовал в словах Рудина и некото-

рый элемент здравого смысла, заключенный в «приезжайте быстрее». Отделение милиции — учреждение загадочное, с решениями парадоксальными, и потому гнал майор служебную машину с мигалкой по встречной полосе, огибая заторы, далекий от уверенности застать за решеткой пойманного жулика. И слышалось ему объяснение дежурного чина: граждане помирились, и без каких-либо взаимных претензий спокойно разошлись...

Тогда — начинай зондировать вакуум по новому заходу! Ах, непоседа Рудин! Ведь предупреждали, ведь просили...

К огромному облегчению Пакуро, всю пламенную троицу он застал на месте, но о перипетиях предшествующих задержанию событий вначале расспросил заплаканных от злобного газа милиционеров, не обращая при этом внимания на настойчивые предложения радостного Рудина немедленно отправляться за обещанными деньгами.

Затем, узрев лже-Гринько среди толпящейся в «обезьяннике» разномастной публики, Пакуро оторопел.

Мошенник, чей лик отличала бледность и сосредоточенность, говорил по мобильному телефону...

— Телефон! — взвился Пакуро. — Отобрати!

И хотя телефон отобрали незамедлительно, майор, проклинавший разгильдяйство районных блюстителей порядка, обреченно понял: сообщники предупреждены, элемента внезапности в расследовании уже не будет, а следы с этой минуты начнут тщательно заматываться.

— Все на мази, он отдаст!.. — возбужденно бубнил за спиной рыботорговец. — Едем, чего там...

Отмахнувшись от настырного соискателя дензнаков, Пакуро вышел на улицу — перекурить в ожидании уже выехавшего к нему Бориса.

У стоящей рядом со стеной правоохранительного заведения передвижной автоцистерны деловито копались, оснащенные всевозможными пластмассовыми бачками, мелкие милицейские чины.

— С курением осторожнее, — предупредил Пакуро низкорослый сержант, вооруженный канистрой и шлангом. — Спирт...

— Откуда? — лениво спросил Пакуро.

— УЭП конфисковал. Левак... Канистра есть? — внезапно спросил он.

— Ну... есть какая-то...

— Неси. В бачок омывателя зальешь, мороз по прогнозу. Вообще вещь ценная. В деревне — валюта!

— Понятно...

Майор вздохнул. Занимал его не дармовой спирт, а весьма насущные мысли о том, куда везти томящегося за решеткой мошенника. В этом отделении его не оставишь. Через час-другой сюда подъедут доверенные лица, начнутся определенного рода переговоры...

Из притормозившей возле крыльца машины выскочил Борис. С извечной беспечной улыбочкой спросил:

— Куда везем шулера?

— Давай по месту регистрации фирмы, на Юго-Запад.

— Как он тебе, кстати?..

— По-моему, спроси его, сколько будет дважды два, и то начнет изворачиваться...

— Интересные люди — часть нашей профессии, — оптимистически заметил Борис.

С трудом отбившись от Рудина, умолявшего мчаться к заначкам аферистов с целью их изучения и так далее, Пакуро и Борис повезли задержанного в соседний округ.

По дороге Пакуро, рассматривая материалы дела, добродушно поинтересовался:

— Так вы, значит, никакой не Гринько, а Коваленко... Откуда сами-то?

— Из... Из Читы. Читинской области, вернее.

— Ага! И что в столице делаете?

— Вот... С вами общаюсь.

— И только? А у нас сведения, что открываете разного рода мошеннические предприятия, обналичиваете деньги...

— Мошенничество и финансовые трудности — категории разные, — веско заметил Гринько-Коваленко. — Приведу пример. Возьмите наши банки. Денег собрали со всего населения. И хрен кому их возвращают. А где банкиры? С вами в наручниках катаются? Нет. Очень хорошо себя чувствуют. Ограждены от посягательств. Далее. Обналичивание денег под закупку сельхозпродукции — благородный, общественно полезный акт...

— А как насчет поддельного паспорта на имя гражданина Гринько?

— А вы его видели, этот паспорт?

— Даже знаем формальную предысторию его исчезновения.

— Нет, вы его лично видели? Я представлялся как Гринько, да. Но я мог представляться и Бенджамином Франклином, это мое личное дело.

— Двенадцать фирм дают на вас показания, — устало произнес Пакуро. — То есть статья обеспечена. Сегодня, коли уж состоялся ваш телефонный разговор с неизвестными мне собеседниками, вас снимут для показа по телевидению сразу три программы. Пресс-служба у нас мощная. Пойдут отклики... Дело проверенное. И оно начнет обрастать новыми фактами.

Гринько-Коваленко угрюмо закусил губу, ничего не ответив. Однако по мелкой дрожи, пробиравшей его тело, Пакуро понял, что собеседник разволно-

вался не на шутку и отчаянно размышляет о компромиссе.

Ознакомившись с материалами дела, ответственное лицо из Юго-Западного округа, где была зарегистрирована «Ставрида», изрекло:

— Материалы вы подготовили толковые. Я бы сказал — залюбуешься. Но. Наше следствие их не примет. Езжайте, голубчики в Центральный округ.

— То есть?

— Деньги снимали в банке на Воздвиженке? Значит, там место получения реальных преступных доходов. Туда и прошу...

Представитель следствия Центрального округа — рыжеволосая, расплывшаяся дама в милицейском мундире, окинув неприязненным взором настойчивых руоповцев, вытащила из сумочки зеркальце и, поправляя ногтем на губах густой слой малиновой помады, произнесла равнодушно-глумливым голосом прирожденной стервы:

— «Чистуха» есть?.. — Имелись в виду признательные показания.

— Нет...

— Тогда давайте справку из банка, что деньги снимались.

— Кто же ее даст без уголовного дела?

— Не знаю, старайтесь.

— Хорошо, будет справка.

— Этого мало, — мгновенно среагировала стерва. — Может, деньги в Хабаровск переправлялись, у них же, по вашим данным, велись расчеты за рыбу с Дальним Востоком?

— И что?

— А то, что дело, вероятно, придется возбуждать там... Извините, — дама поднялась, — у нас обед...

— Срочно за справкой в банк, — озлобленно сказал Пакуро Борису.

— А шулера куда?

— Ты знаешь что... Давай-ка отзвоним Паше в следственный комитет, — задумчиво отозвался Пакуро.

Да, это было правильное решение! Следователь Паша, которого, несмотря на относительно молодой возраст, отличала завидная предусмотрительность, всесторонняя юридическая грамотность и хладнокровие змия, умело обходил ловушки адвокатских претензий и прокурорских придилок, зная основу своего маневра: ни в коем случае не подставлять ни себя, ни работающих с ним оперов.

В преступных кругах следователь именовался Пиявкой.

Не реагирующий на самые грязные оскорбления, не упускающий из вида никакой мелочи, Паша мог долгими часами вести всего лишь ознакомительные беседы со своими клиентами, а уж что касалось того или иного эпизода по конкретному делу, рассматривал Паша эпизод всесторонне, как ювелир бриллиант, и провести его покуда не удалось ни одному изощренному криминальному интеллекту.

Над письменным столом Паши висел портрет покойного председателя КГБ СССР Андропова — седовласого человека со строгим взором из-под интеллигентских очков. Кумиром Паши Андропов не был, но как политический деятель, пекущийся о благе страны, а не о собственной шкуре, служил примером достойным, хотя и архаическим для сегодняшнего политического бомонда.

Задержанного поместили в соседнем пустующем кабинете. В кабинете шел ремонт, и вместо мебели там находился массивный сломанный тренажер, служащий малярам в качестве необходимого возвышения.

Невозмутимый Паша-Пиявка быстро просмотрел материалы.

— Стоит на том, что он — Коваленко, — торопливо пояснил следователю Пакуро. — Но даже прописку не удосужился запомнить, Читу путает с Челябинском...

Из двери выглянул разгоряченный Борис. Доложил, с болезненной гримасой сжимая и разжимая кулак:

— Признался. Не Коваленко он, Юпатов. Адрес такой: Красноярский край, поселок...

— Врет, — перебил Пакуро. — Ты с ним поговори еще, у тебя хорошо получается... Убеди, что не отступим, все раскопаем, а вот злить нас ложью не надо...

— Понял...

Раздался скрип растворяемой соседней двери, и донесся голос Бориса:

— У меня уже мозоли на ушах от твоего вранья!

Далее прозвучал неясный лепет мошенника, вновь услышалась напористая интонация оперуполномоченного, после опять прошелестел лепет, затем заполюшный вскрик, после голоса и вскрики звучали еще минут пять, а в итоге запыхавшийся Борис доложил:

— Зовут — Михаил. Фамилия — Коротков. Из Магадана... Дал телефон отца... Просил позвонить... Согласен на чистосердечное... Приводить?

— С Петровкой договорюсь, постояльца примут, — оторвавшись от телефона, сообщил Паша. — Все, давайте его сюда. Начнем.

Допрос прервался телевизионным интервью афериста, организованным пресс-службой РУОП, и, несмотря на поздний вечер, сразу же после эфира, в кабинете следователя зазвенели звонки из многих пострадавших организаций.

Миша Коротков, охотно дававший показания по очевидным эпизодам, вместе с тем в разнузданную откровенность не впадал: работал, дескать, в одиночку, адрес источника поддельных документов неизвестен, шапочное знакомство... В пяти случаях мошенниче-

ский умысел в своих действиях отрицает, а вот коммерческую неудачливость — признает...

Лег Пакуро поздно, а встал, как всегда, рано.

Прибыв на службу, тотчас был подведен стоящим на проходной милиционером к помятому типу, от которого отчетливо пахло русским духом.

С трудом признал Пакуро в трясущемся запуганном человеке, одетом в подобие костюма и в характерные армейские ботинки, размерами с охотничьи лыжи, полнурого интеллигента Шкандыбаева, которого еще вчера отличала от нормальных благополучных граждан лишь красноватая тень под глазом, ныне оформившаяся в отливающий бирюзой и аквамарином фингал.

Запинаясь, преображенный неведомыми злоключениями человек, понес какую-то околесицу: про купюру достоинством в миллион, преступную группировку вымогателей, пыточный колодец и африканскую железную дорогу...

Не без труда майор убедил страдальца пройти в служебное помещение, где тот детализировал и сюжетно оформил свою историю, после чего Пакуро, покопавшись в сейфе, извлек из него фотографию толстого бандита, и, всплакнув, потерпевший признал в фотографии личность своего мучителя.

Пакуро позвонил в РУОП Южного округа. Опер Акимов, курирующий лидера преступной группировки, весьма заинтересовался сообщением из центрального департамента и вызвался моментально приехать к пострадавшему.

Пакуро приготовил кофе, подвинул чашку благодарно кивнувшему Шкандыбаеву. Пояснил: в течение ближайшего часа бывший менеджер «Ставриды» перейдет под попечение капитана Акимова, давно наточившего крепкие зубы на толстого Гену. Информация же насчет аферы с миллионным раритетом станет предметом особого расследования.

Единственное, что беспокоило Пакуро — звонки мошенника подельникам, означавшим сигнал: разбегайтесь!

Впрочем, комбинация на сей счет придумалась: в камеру к Короткову был внедрен опытный агент, и на его помощь майор сильно рассчитывал: агент виртуозно раскручивал самых недоверчивых и осторожных посидельцев...

К полудню, когда обнадеженного Шкандыбаева увезли в РУОП Южного округа и подоспела обеденная пора, примчался с новостями неутомимый Борис: Коротков дал агенту, выпускаемому якобы по подписке о невыезде, адрес своей любовницы и записку следующего содержания:

Я в «Петрах», пришлось дать чистуху, работал в одиночку, никого не знаю. Свяжитесь со Светиком.

Тем временем, благодаря телевидению, хлынул поток информации из далеких регионов, касающийся прошлой деятельности Михаила. Живо откликнулся на задержание мошенника Новосибирск, Хабаровск, Владивосток, а также далекий солнечный Магадан.

Выплыло дело о фальшивых банковских векселях, зашелестела факсовая бумага, испещренная цифрами убытков, понесенных компаниями, кому предлагалась рыбная и мясная продукция, добросовестно оплаченная, но до адресатов не дошедшая. Оживали и отголоски афер, проведенных по методу противоположного, например:

«...Помимо изложенного, задержанный вами Коротков М.А., 9 декабря 1995 года, имея умысел на хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием в крупных размерах, находясь в помещении

акционерного общества “Красопторг”, представляясь директором ООО “Титан”, от лица последнего заключил заведомо неисполнимый договор купли-продажи N 31/5-7-34 (95) о покупке мясопродукции:

— баранины в количестве 2.215,7 кг, говядины в количестве 2.937,6 кг, ягнятины в количестве 2.361,1 кг, печени в количестве 289,35 кг, сердца в количестве 380,8 кг...

Одновременно при заключении договора Коротков М.А. взял на себя заведомо ложные и неисполнимые обязательства перед “Красопторг” о том, что в течении десяти дней с момента заключения договора оплатит полученную мясопродукцию согласно стоимости товара, указанной в договоре.

Во время заключения договора Короткова спросили, каким имуществом располагает ООО “Титан”, на что он ответил, что у ООО есть собственный магазин, и дал его адрес.

В тот же день, получив на складе мясопродукцию, Коротков скрылся, не оплатив ее, чем причинил “Красопторг” материальный ущерб в крупных размерах. По указанному им адресу никакого магазина ООО “Титан” не оказалось, на данном месте располагался магазин “Канцтовары”, принадлежащий АО “Роспечать”.

Дело разрасталось со стремительностью катящегося с горы снежного кома.

— Ну, Миша, ты дал пару!.. — искренне изумлялся Пакуро на встречах с мошенником. — На всю страну!

— Красиво жить не запретишь... — жеманно подергивал тот плечами.

— Не запретишь, — соглашался Пакуро. — Но помешать этому можно.

— Не смешно, гражданин майор.

— Кому как...

Бандитские будни

Узнав о сбежавшем из колодца терпиле, кого братва, следуя внешним признакам, окрестила «Конструктор», Геннадий пришел в иступленную ярость.

— У него чего, пропеллер был в заднице?! — допрашивал он понурого сторожа. — И домкрат из черепа выдвигался?!

— Уникум, — объяснял сторож. — Ума не приложу...

— Я тебе ща приложу! В лобешник тупой! А потом следственный эксперимент устрою! И ты в нем уникалом профигурируешь, сука! Вот так!

Гневный монолог прервал скрип растворенной двери. На пороге стоял один из бригадиров — Тимоха, — высокий, сухощавый парень двадцати с небольшим лет, со скуластым простоватым лицом, гладенькой девичьей кожей и ясными младенческими глазами. Тимоха отличался полным отсутствием интеллекта, патологической жестокостью и неудержной алчностью. Эти качества Тимохи Геннадий считал весьма полезными как для повседневной работы, так и для особого задания, которое он ему приготовил.

— Пшел вон, — процедил Геннадий в сторону сторожа, а затем, накинув на плечи дубленку, предложил бригадиру: — Давай, что ли, пройдемся...

Серьезных разговоров в офисе в последнее время он не вел, боялся прослушивания.

— Развели мы лоха, — начал доклад Тимоха о текущих делах. — Все выплатил, плюс — десятку за риск сняли...

— Это — как?

— На личном мастерстве! — заявил собеседник хвастливо.

Доклад касался заказного убийства. Заказывал убийство конкурента один из коммерсантов.

Коммерсанту пообещали реализацию его кровожадного желания, забрали аванс, а после, встретившись с жертвой, объяснили ей сложившуюся обстановку, получив за неисполнение контракта двадцать тысяч долларов. Далее, сделав муляж человеческой головы, полили его куриной кровью, положили в прозрачный пластиковый пакет и предъявили пакет заказчику — мол, забирай, дело сделано!

От предложения стать обладателем пакета заказчик с ужасом отказался, безоговорочно выплатил остаток гонорара, а спустя сутки встретился с ожившим мертвецом...

— И чего? — довольно усмехнулся Геннадий, внимая рассказу.

— Звонил, визжал... — равнодушно поведал Тимоха. Затем, широко улыбнувшись, добавил: — В милицию, говорит, пойду...

— Ха!

— Ну! А я ему... Иди, родной, иди. Только учти, мне статья по мошенничеству светит, а тебе — покушение на мокруху. Нет в вас совести, говорит! А я ему: это работа такая, лошок...

— Ладно, есть, дорогой, к тебе разговор, — неспешно бредя по территории автостоянки, начал Геннадий, испытующе поглядывая на бригадира. — Вчера всю ночь не спал, думал... Хочешь ко мне в долю упасть?

— Ну...

— Дело, Тимоша, такое... Ссучился наш Костя, к Пемзе переметнулся.

— Да ты чего?!

— Сам не ожидал. В общем, готовят нам соседи войну. И кореш наш — пятая колонна...

— Так ведь... мочить надо!

— Во. Правильно. Но кого на его место?.. Я вот и решил: тебя! Ты очень правильный пацан, и башка

у тебя золотая. И будешь ты в доле, первым замом... Понял, как тебе доверяюсь? Вник?

— Мои действия? — коротко спросил Тимоха.

— Ты же сам сказал — мочить!

— Когда? — со слепой готовностью спросил бригадир.

— Значит, так, — неторопливо произнес Геннадий. — Сегодня у них с Костей свои базары в кафе... Берешь ребят, изучаешь подходы-отходы... На «стрелке» Пемза будет и рыл пять из его шоблы. Максимум. Ну, и Костя наш ссученный... Кончить всех надо.

— Не впервой...

Тимоха, прошедший в качестве замкомвзвода десантников войну в Чечне, убивать научился, и в условиях столицы действовал при боевых криминальных операциях нагло и без оглядки, готовый дать отпор любой противодействующей силе с помощью гранат и тяжелого пулемета, который находился в его машине при рискованных силовых акциях. Люк в крыше машины прикрытия он установил не с целью комфорта, а для сугубо боевых задач, сокрушаясь при этом о невозможности водружения на крыше пулеметной турели...

Словом, на Тимоху Геннадий вполне мог рассчитывать. Этот сработает четко, этому лить кровь, что водицу на грядку.

— Тачка Костина тебе нравится? — спросил Геннадий соратника.

— Класс, конечно...

— Считаю — твоя.

— Понял, шеф.

— Давай, работай. Связь по пейджеру.

Усевшись в «мерседес», Геннадий покатил к Константинову. О своей встрече с Пемзой в кафе тот еще не ведал, встречу вору назначил Геннадий, решив спроводить на нее своего заместителя. При этом Костя

снабжался следующим руководством-легендой для ведения переговоров: мазурики, облапошившие Пемзу с сувенирной купюрой, дескать, упорно разыскиваются, но куда их не след не найден, разборки по поводу посреднической ответственности Геннадия следует перенести хотя бы на месяц. Хотя особенной разницы в том, что именно произнесет Костя, не было. Главное — соединить персонажей в определенном месте в определенное время, ликвидировать их и — жить в свое удовольствие.

Гибель Пемзы ослабит группировку соседей, претензии относительно миллиона, который вор наверняка спер втихаря из общака, станут беспочвенны, а труп любимого Кости будет свидетельством непричастности Геннадия к заказному убийству, произошедшему, видимо, из-за каких-то заморочек главаря соседей с его неведомыми врагами.

А дальше — тишь да гладь... Костину женушку он «разведет» так же, как Люську, отщипнет кое-что глупому роботу Тимохе, какое-то время подержит его возле себя, а после выберет подходящий экземплярчик из молодой поросли и все опять, как пелось в популярной песенке, повторится сначала.

Костя, одетый в просторный толстый халат, расшитый павлинами, сразу же с порога потянул Геннадия за рукав к телевизору, приговаривая:

— Ты глянь, что творится, ты только глянь!

Передавали криминальные столичные новости.

С изумлением Геннадий узрел на экране сбежавшего из колодца Шкандыбаева.

Одетый весьма респектабельно, с золотыми часами «картье» на запястье, с искусно припудренным синяком, беглец давал интервью корреспонденту. Звучало:

— Украл около ста тысяч долларов... Преступников что-то, видимо, спугнуло, они сумели вскрыть только один сейф...

— Что за хренотень?.. — ошеломленно выдохнул Геннадий.

— В общем, сегодня ночью, — пояснил Костя, — бомбанули какой-то офис с крупным налом. А офис принадлежит этому... — Ткнул пальцем в экран. — Унесли сто штук зеленых. Ты теперь понял? Он в доле был с этими пидорами из банка!

— Конструктор? — вращая глазами, спросил Геннадий.

— Именно — Конструктор! Сконструировал нам кидалово, падла! Все ясно теперь! Эта сотка стыренная — Пемзы! Во, жизнь, а? Во, повороты!

— Так... — Геннадий словно в беспамятстве опустился на диван. — Пемза звонил, забил «стрелу». Съезди, расскажи... Пусть время даст на отлов, а там разберемся...

По произнесении этих слов можно было назвать успешно завершенным первый этап комбинации, задуманной капитаном Акимовым. Однако ни о какой комбинации РУОП ни Гена, ни Костя не догадывались, кипя праведным негодованием и жадой воздаяния подлейшему кидале Конструктору.

— Костюм на нем какой, видал?!

— А «картье»?!

— На наши, сука, бабки жирует!

— Ну и па-адла! Ну-у, бля, слов нету...

В полночь Геннадий вновь посмотрел повторение новостей, в которых фигурировал беглый терпила, затем переключил программу, где транслировались криминальные репортажи прямо с колес, и увидел то, о чем уже знал из доклада проворного Тимохи: залитый кровью пол кафе, перевернутые столы, недвижимые, раскиданные по сторонам автоматной очередью тела.

Диктор вещал о неизвестном человеке в маске, вошедшем в кафе, где находились авторитеты двух груп-

пировок и трое их подручных. Человек вытащил из-под полы плаща автомат, и упоенно полил шквалом свинца извивающиеся тела страдальцев. Убийце, как всегда, успешно удалось скрыться.

Геннадий выключил телевизор. Надо было ложиться спать — завтра предстоял хлопотный день: отправка бойцов на поиски Конструктора, принесение соболезнований соседям и — осторожный зондаж перспективы слияния оставшейся без главаря группировки с его бандой. Помимо того, в пять часов вечера планировалось торжественное мероприятие по приему в личный состав молодой бандитской поросли. Данный акт надлежало провести у могилы героического Грыжи, отныне являвшего неофитам образ бесстрашного и благородного рыцаря организованного криминала.

Мероприятие удалось на славу. Трехметровый мраморный Грыжа, изваянный по подобию памятника Маяковского, одухотворенно глядел в кладбищенскую даль, поверх голов притихшей своры братков; сияла золотом эпитафия «Считайте меня живым», придуманная Костей, для кого в свою очередь Гена сочинил слоган: «Павшему в неравном бою»; играли скрипки, водружались венки...

Через вмонтированные РУОПом в венки микрофоны слышалась в оперативной машине взволнованная речь Геннадия:

— Да, его забили менты!.. Но он... Он не сказал ни слова! Я вынес его из мусорской на руках, и он... это... Говорит, значит... Передай пацанам: я их не продал...

Через венок, стоящий поодаль, у края толпы, донеслось шепотом:

— В пионеры похожая лажа... Точняк, я помню! Мавзолей просто...

— Тсс!

Выдержав почтительную минуту молчания под сенью человека из мрамора, братки потянулись к выходу, дабы следовать в ресторан, где за счет неофитов был уже накрыт торжественный стол.

Геннадий, следующий на банкет в своем «мерседесе» в компании Тимохи, выслушивал комментарии подчиненного, не ведавшего об истинных причинах смерти Грыжи:

— Толково ты, Гена, сказал... Пацанов аж слеза прошибла.

— Да, потеряли товарища... И Костю вот... Завтра похороны, ты речь толкнешь, понял?

— Ты чего, Ген, я не умею...

— Учись, брат. Надо.

Паркуясь у ресторана, Геннадий внезапно увидел сияющий свежим заводским лаком «Опель», из которого выпархивала, поддерживаемая услужливым кавалером под локоток, миловидная шатенка.

Нарядно одетая парочка наверняка отправлялась приятно провести вечер в том же ресторане, и ничего выдающегося в данном событии, конечно же, не было, кроме, разве, личности галантного кавалера... Безуспешно разыскиваемого Шкандыбаева, кличка — Конструктор!

Геннадий оторопело покрутил головой, не в силах справиться с наваждением. Икнув, произнес:

— Тимоха, наш фраер...

Пояснять помощнику его дальнейшие действия нужды не было: юркий Тимоха выскочил из машины, одним прыжком настиг находящееся в розыске лицо, и врезал лицу в челюсть.

Субъект розыска пал на спину в серый сугроб.

Оттеснив бросившуюся на помощь кавалеру дамочку толчком слоновьего бедра, Геннадий склонился над кряхтящим, зажмурившимся болезненно Шкандыбаевым.

— Ну, здравствуй, сука!

— Поглядим, с какими бабками он на сей раз в кабаке намылился, — злорадно проговорил Тимоха, шаря по карманам Конструктора.

В следующий момент глаза Тимохи растерянно округлились: из выбившейся из-под брюк рубахи, на оголенном желтом боку терпилы, увиделось некое странное техническое приспособление, от которого тянулись закрепленные пластырем провода.

— Чего у тебя тут такое? — пнув башмаком в приспособление, грозно осведомился Геннадий.

— Печень... Аппаратура поддержки... — трудно ворочая языком, проговорил Шкандыбаев.

— Подстава! Мусорские дела! — догадливо взвизгнул Тимоха, отпрянув от поверженного наземь, как от змеи.

Впрочем, его пояснения были излишни. Безумно озираясь по сторонам, Геннадий уже заводил движок «мерседеса».

Тимоха едва успел запрыгнуть в машину, перевалившую со скрежетом обдираемой подвески через высокий бордюрный камень и тут же на всех газах полетевшую прочь от ресторана.

Второй этап комбинации, задуманной капитаном Акимовым, увы, провалился.

Оперативная машина РУОП везла Конструктора — кличка, кстати, Акимову понравилась, — на конспиративную квартиру, где тот временно был поселен.

— Вы же говорили, все будет нормально... — стонал Шкандыбаев, осторожно двигая по сторонам вспухшей от жесткого кулака Тимохи челюстью. — А вон как оно...

— Кто же знал, что он вас сразу по физиономии...

— Вы все должны знать!

— Ах если бы...

— И что теперь?

— Теперь... с зафиксированным фактом вымогательства мы оплошали. Но ошибку свою исправим. — Акимов ободряюще подмигнул собеседнику. — Без паники, гражданин Шкандыбаев. Все в итоге закончится, будете свободны, как горный орел...

— Он не такой уж свободный.

— То есть?

— Птенцы всякие... Надо кормить...

— Значит, как горный орел-импотент. Коммерческого опыта вы поднабрались, глядишь — откроете собственную компанию...

Шкандыбаев задумчиво пожевал губами. Сложная ассоциация привела его к личности канувшего в неизвестность Петра Бородавко. Возникли перед глазами пестрые визитные карточки «Бумеранг Лимитед».

— Нет, — убежденно произнес он. — Вы, наверное, не пробовали... Очень тяжелое дело. Не советую...

Оперативные мероприятия

Встреча камерного агента с невестой Миши Короткова Аленой произошла в атмосфере откровенной подозрительности со стороны хозяйки квартиры — холеной высокой брюнетки — подтянутой, резковатой в движениях и в словах.

— Давайте записку, — повелительным голосом произнесла Алена, впустив в прихожую тюремного посланца.

Посланец — третья личность пятидесяти лет с умудренным ироническим взором много чего повидавших глаз, укоризненно произнесла:

— Чайку хотя бы для начала... А, барышня?

— Чайку? Хорошо... — Барышня неприязненно поджала тонкие губы. — Пройдите на кухню.

На кухне, с силой брякнув на плиту чайник, вновь требовательно повторила:

— Записку!

— Складно тут у вас... — молвил в ответ агент, озирая дубовые полки кухонного гарнитура, уютные занавесочки и чистый пол, выложенный цветными мраморными плитками. — Записочку я, конечно, дам... Только с Мишей у нас уговор был: сначала четыреста долларов, а после — записка.

— Денег у меня сейчас нет, — категорическим тоном произнесла Алена.

Агент грустно и понимающе покачал головой:

— Придется зайти в следующий раз...

— Но вы поймите... — В голосе неприступной Алены скользнула просящая нотка. — Я отдам вам деньги сегодня же вечером... Честно!

— Тогда вот чего... — Агент высунул хрящеватый длинный нос в коридор. — У вас, обратил внимание, телевизор в комнате стоит... Беру в залог.

— Ой, это не мой телевизор!..

Торг продолжался долго. В течение торга было выпито около литра чая, причем чай пила хозяйка, а гость удовлетворился густым, как деготь, чифирем, нанеся бакалейным запасам Алены ущерб, выразившийся в целой пачке качественного английского «Эл Грей».

Проявив, наконец-таки, гостеприимство, а заодно следуя, видимо, указке знающих людей, решивших проверить тюремного посланца, имеющего по его словам, пять судимостей, Алена предложила агенту забить косячок, тщательно отслеживая профессионализм его манипуляций.

Навыки в курении наркотического зелья гость проявил стойкие, заодно прочел краткую лекцию о разных типах легких наркотиков и способах определения их качества, а после, следуя наивному

вопросу об информативности тюремных наколок, обнажился по пояс, растолковывая суть украшавших его потрепанное туловище татуировок. Далее возобновился торг.

Уяснив, что легко расставаться с деньгами Алена не привыкла, агент сдался. Отдал записку под клятвенные заверения скорого расчета.

Алена быстро пробежала глазами текст. Подтолкнула механическим жестом гостя, к которому утратила всяческий интерес, к входной двери. Произнесла рассеянно:

— Все, до вечера...

— Нет, не все, — вкрадчиво возразил тот. — Он еще просил кое-что на словах...

В глазах Алены вновь вспыхнул любезный блеск:

— Да-а? Слушаю...

— Но не вам передать, а ребятам.

— Каким еще ребятам?

— Сказал, вы знаете каким... Парочку советов.

— Насчет чего?

— Насчет банка. — В голосе агента прозвучало раздражение. — В общем, милая моя, ты делай, как знаешь, а я — пошел! Вот номер моего мобильного, надумаешь, звони. Буду в «Итальянской кухне». И учти: советы эти не четырехста зеленых стоят, а всю штуку. Но уж коли мы договорились, ладно, пришлешь вечером бабки, все доложу честь по чести...

Поплутав по городу, агент встретился с Пакуро. Досадливо покривившись, доложил:

— Жлобье там конкретное! Хрен какие деньги отдадут! Удавятся. В общем, договорились на вечер. Чтобы ждал их в «Итальянской кухне».

— Дорогой какой ресторан-то...

— Ну, так сказали, чего я могу? — развел руками агент. — Так что давай мобильник и деньги.

— Какие?..

— Кабак — не музей... — обтекаемо пояснил агент.

— Ладно, ты выпивай-закусывай, мы оплатим, — уяснив маневр секретного сотрудника, угрюмо согласился Пакуро.

В этот момент позвонил Борис. Как и предполагалось, после ухода агента Алена пошла к соседке и позвонила от нее по установленному номеру. Собеседника назвала Сашей, поведала ему Алена о визите агента (типичный бандюга!) и о назначенной в ресторане встрече (сказал, чтобы ты ехал в «Итальянскую кухню»). После продиктовала номер данного ей телефона и подчеркнула необходимость срочной связи с неведомым Светиком.

Далее события понеслись вскачь. Из следственного изолятора сообщили, что к Мише Короткову рвется, желая видеть своего клиента, адвокат Светлана Крышкина.

«Вот он, Светик...» — уяснил Пакуро.

Препятствовать визиту адвоката руководство изолятора не стало, и Борис помчался вслед за юристом на машине «наружки», спешно откомандированной в его распоряжение.

Тем временем агент, закусывающий самими изысканными итальянскими блюдами, вознаграждал себя за издержки своей нелегкой профессии, ожидая звонка от Алены.

Звонки следовали один за другим: Алена докладывала, что ожидает запаздывающего приятеля Миши, и в ресторан они приедут как только, так сразу.

Наблюдающие за рестораном оперативники приметили зеленые «Жигули», упорно и методично нарезающие круги вокруг «Итальянской кухни». Пассажиры машины, трудно различимые за ее затемненными стеклами, явно приглядывались к людям и к автотранспорту, находящимся вблизи предприятия элитарно-общественного питания.

Между тем адвокат Светик, проведя свидание с Мишей, покинула изолятор, вышла из проходной, вытащила из сумочки элегантный телефончик и, набрав номер, произнесла:

— Аленочка? Это подстава, передай на пейджер ребятам — пусть линяют...

Данное указание отчетливо расслышал Борис, наблюдавший за адвокатом через щелочку зашторенного оконца спецавтомобиля. Незамедлительно связавшись с **Пакуро**, он произнес:

— В районе ресторана *их* машина... Сейчас должна отъехать.

— Уже вычислили, — откликнулся майор. — Начинаем вести...

«Жигуленок» остановился у одного из домов на Кутузовском проспекте. Из машины вышел, нервно озираясь, Михалев, тут же опознанный Пакуро и — двое верзил в дубленках, исполняющих, судя по всему, роль охранников.

Хрупкая девушка, скользнувшая в подъезд вслед за верзилами, подозрения у них не вызвала. Спустя несколько минут девушка — лейтенант РУОП, доложила:

— Номер квартиры — сорок один. Дуболомы, по моему, вооружены. Под дубленками — стволы.

— Значит, вызываем СОБР, — резюмировал майор.

Один из бойцов отряда быстрого реагирования — человек, ростом и телосложением напоминающий одного из атлантов, поддерживающих свод Эрмитажа, кивнул Пакуро на входную дверь, облицованную толстой лакированной фанерой, умудренно прошептал:

— Я эти двери знаю... Проходили! Маскировка. За фанерой — стальная решетка.

Затем, закинув за спину автомат и приняв от коллег громадную кувалду, упоенно размахнулся, и — тупой оковалок железа врезался в лакированную преграду.

Никакой решетчатой перегородки за фанерой не оказалось...

Кувалда, влекомая чудовищной инерцией, выскользнула из ладоней спецназовца и насквозь прошила обшивку, зазиявшую пустотой образовавшейся дыры.

Пакуро просунул в дыру голову.

В прихожей в обнимку с кувалдой лежал один из верзил.

— Как там? — смущенным голосом поинтересовался метатель молота.

— Увидишь...

В следующий момент дверь под напором спецназовских плеч вылетела в прихожую, накрыв утратившего сознание охранника, по ней бодро пробежали тяжелые ботинки, и вошедший в комнату Пакуро наконец-то получил возможность в непосредственной близости лицезреть поверженных на пол Анохина и Трубачева. До сей поры мазурики мирно попивали коньячок, обсуждая, видимо, извечный вопрос «Что делать?».

Обыск принес Пакуро сюрприз: в квартире обнаружилась коробка с остатками документации канувших в небытие мошеннических фирм-однодневок. В одной из папок обнаружили договор, касающийся деятельности представительства «Ассаф-банка», сидящего под крышей «Атлета» и ведущего, как следовало из договоров, незаконную финансовую деятельность.

В этой же папке находились три сувенирные купюры номиналом по миллиону долларов каждая. Купюры, следовало полагать, предназначались для размена.

— Ну, поехали, — обратившись к часто моргающим рыжим ресницам Трубачева, сказал Пакуро. — День был тяжелый, пора отдохнуть...

Нелегким выдался для майора и последующий день — пятница. Поручения следователя, возня с бумагами, присутствие на допросе Михалева-Трубачева

и — сломленного арестом, мгновенно расколовшегося Анохина.

Пришли и установочные данные на адвоката-Светика: бывший милицкий следователь из Магадана подозревалась во взяточничестве, уволена из органов два года назад, подружка Короткова по комсомольской работе...

Уже к вечеру, окончательно разобравшись с документацией по «Ассаф»-банку, встрепенулсЯ неутомонный Борис:

— Поехали печатывать черный нал!

— Поздно уже, они закрываются, давай в понедельник, — утомленно отозвался Пакуро, прикорнувший на стоявшем в кабинете диванчике. — Мне еще в Южный округ надо успеть по поводу этого Шкандыбаева...

— Успеешь! — Борис был непреклонен.

Сотрудников «Ассаф»-банка на месте не оказалось, но в депозитарий «Атлета», где «Ассаф» арендовал ячейки, офицеров допустили.

Пересчитанная наличность «Ассафа» составила неполный миллион долларов.

Ячейки проштрафившегося банка опечатали, дав указание управляющему «Атлета» в депозитарий никого не впускать и сообщив, что изъятие денег будет произведено в понедельник.

— Ну и все, — радостно улыбался Борис. — Теперь только пусть попробуют прикоснуться к печатам!..

Суббота вновь выдалась хлопотной, в воскресенье Пакуро наконец-таки сумел выспаться, а в понедельник, через час после открытия банка, он и Борис вошли в стеклянные двери «Атлета», проследовав на второй этаж, в кабинет старшего менеджера «Ассаф»-банка — разбитного вида рыжеволосой девицы с многочисленными кольцами на коротких холеных пальчиках.

— Слушаю вас... — с кокетливым интересом глядя на офицеров, заулыбалась девица.

— А мы за своими денежками! — потирая руки, радостно сообщил ей Борис.

— Какая организация? — в тон ему спросила девица.

— Центральное РУОП.

Лицо девицы мгновенно приобрело горестное выражение. Со вздохом, на участливой ноте, спросила:

— Это вы наши ячейки опечатали, мальчики?

— Да! — подтвердил Борис бодро. — Вот этими руками!

— А у нас, мальчики, несчастье... Приехал клиент, англичанин, по-моему... Или эстонец... И кассир выдала ему все деньги...

— Где кассир?! — буквально ввинтился в потолок Пакуро.

— Кассира мы уволили... Вопиющее нарушение, оставлять в банке такого сотрудника...

— Та-ак... — В глазах Бориса появился стальной блеск. — Где управляющий «Атлета»?!

— У себя, конечно, — блаженно улыбнулась менеджер.

Ракетой ворвавшись в кабинет управляющего, Борис сразу же с порога повел гневную речь:

— Вас предупреждали, чтобы в депозитарий никто не входил?! Отвечайте!

— Не уследил, — хладнокровно молвил банковский деятель, отхлебывая из чашечки саксонского фарфора утренний кофе.

— Мы понимаем... — покладисто кивнул Пакуро. — Хозяйство большое... Прوماхи — неизбежны. И вот на основе имеющихся у нас материалов об этих самых ваших промахах, мы... арестовываем весь депозитарий банка!

Управляющий поперхнулся горячим напитком. Вопросил хрипло:

— А как же клиенты, как же выплаты?!

— А клиентов, уважаемый, — мстительно молвил Борис, — отправляйте к нам. Адрес: Шаболовка, дом шесть. С каждым разберемся, каждому воздадим. Не пропадет ни копейки. Не говорю уже о центах...

Волевое решение принесло изрядные плоды: одна за другой выявились десять мошеннических компашек, ведущих незаконную банковскую деятельность.

Кассира «Ассаф»-банка пришлось объявить в розыск, а таинственный эстонец-англичанин был зачислен в категорию неустановленных лиц.

Шкандыбаев. Завершение эпопеи

Провал мероприятия по факту вымогательства толстым Геной денег у Шкандыбаева, заставил капитана Акимова задуматься о методах агентурной игры.

Агент в группировке существовал, но вращался на уровне достаточно низком, однако гибель Константина и уход из банды на вольные хлеба нескольких ее членов повлекли кадровые перестановки, благодаря которым осведомитель переместился в гангстерской иерархии на должность бригадира, прямо ответственного за поиски гада-Конструктора, подозреваемого в связях с РУОП.

Вскоре агент-бригадир доложил Геннадию следующее: Конструктор скрывается на квартире своей тещи, ее телефон уже три дня прослушивается, и, видимо, мы зря боимся каких-либо привлеченных на защиту негодяя спецслужб. После чего Геннадию были предоставлены магнитные записи разговоров Шкандыбаева с его знакомыми.

В разговорах Конструктор сетовал на больную печень, на дорогостоящий ремонт аппарата ее поддержки, испускающего целебные импульсы, который был

поврежден мерзавцами, вымогающими с него деньги, а один из разговоров прямо указывал на правоту бригадира:

— Что нового с работой? — спрашивал Конструктора один из его приятелей, судя по голосу — определенная пенсионная шляпа из бывших научных ботаников или же математиков.

— Какая работа, Миша, дорогой... — со слезой в голосе говорил Шкандыбаев. — Нос из дома высунуть боюсь...

— Значит, эта история с криминалом продолжается?

— Увы!

— Вот же время.... Кошмар! Может, тебе в милицию сходить?

— Да кто там поможет! Там или на лапу дай, или...

— Или они сами этим бандитам тебя сдадут! — сердито подсказал академический старческий голос.

— Именно! А потом ведь знаешь, какая штука... Я же отчасти сам виноват. Встретил Петра Бородавко, помнишь его? С третьего курса, живой такой человек... Во-от. Ну, посидели в ресторане, то, се, потом я прикорнул ненароком... А просыпаюсь — мне счет! Да такой — сказать страшно!

— А Петр?

— Исчез... Подлец, доложу тебе, необыкновенный! Угощаю, мол, наказывал всего и — привет! А мне — отдувайся! Потом еще другая история... Купюру тут надо было поменять... Но это, в общем, неинтересно... Хотя...

— И что же делать?

— Ой, не знаю, Миша... Ждать, что еще? Они же колошматят друг друга эти жулики, как заведенные... Вот и жду, может, эту морду скоро покажут в какой-нибудь хронике с пулей в башке...

— Вот, гад! — сказал растерянно Гена.

— Какую морду?

— Их главного. Омерзительный тип. Размером — с Москву!

— Ага... Но ты все же подумай, может, Кире позвонить? У нее же муж в уголовном розыске... Говорят, очень приличный человек...

— Ну, на крайний случай...

— А живешь-то на что?

— С этим как раз нормально, — последовал небрежный ответ.

— Ну тогда, если средства позволяют, пережди чуток...

Присутствовавший при прослушивании ленты Тимоха подскочил со стула:

— Да прямо сейчас ехать надо! Сидит на лимоне зеленых и ананасы трескает с мадам этой... Кликухой! А мы сопли жуем!

— Из дома он выбирается? — спросил Геннадий бригадира.

— Да, каждый день... Там кабачок грузины держат, прямо через дорогу от хаты его... Идет туда в два часа дня, как по расписанию, закусывает... Шашлычок, винцо, виноградик.

— Сука проклятая! — Геннадий поднялся из-за стола. Приказал: — Завтра паси его с самого утра. Ты, — кивнул в сторону Тимохи, — будь наготове. Кабак людный? — обратился к агенту.

— Народу хватает!

— Вот и закусим грузинскими прибабасами... — проговорил Геннадий задумчиво. — Потолкуем с Конструктором о жизни и вообще... Спросим, трудно ли миллион зеленых потратить... А потом поедем туда, где этот самый миллиончик, в жуть раздербаненный, лежит... Неужели у тещи на антресолях? А, ребята? Что думаете?

— Где лежит, там и возьмем, — посуровел лицом Тимоха.

— А кого надо — возьмем и положим! — поддакнул агент.

Узнав о решении Геннадия, принятом с подачи осведомителя, Акимов начал готовить мероприятие по задержанию бандитов, должных нагрянуть в ресторан в два часа дня.

Из технических арсеналов госбезопасности капитану одолжили авторучку с искусно вмонтированным в нее чувствительнейшим микрофоном. Авторучку после надлежащего инструктажа вручили Шкандыбаеву — главному персонажу предстоящей акции.

За поведение своего подопечного Акимов в принципе не волновался: благодаря продолжительному общению с миром бандитов и полицейских, Шкандыбаев приобрел некоторый специфический опыт, позволяющий ему адекватно реагировать на развитие внештатных ситуаций, а кроме того, как выяснила генеральная репетиция предстоящего спектакля, в жертве вымогательства обнаружился незаурядный талант провокатора, и в том, что он вынудит бандитов пойти на произнесение прямых угроз, сотрудники РУОП не сомневались. Шкандыбаев, уяснивший положенный ему маневр, импровизировал артистично и тонко. Один из свидетелей репетиции, высказав независимое мнение, произнес, что, будь он на месте Геннадия, посулил бы этому козлу, уходящему от прямых ответов, выдерживающему томительные паузы и позволяющему впадать в амбиции, всех казней египетских.

— А то, что по башке бы он от меня дождался — так это — как здрасьте! — закончил наблюдатель.

— По башке — это хорошо, — заметил Акимов. — Особенно в присутствии свидетелей... — Обернулся к

Шкандыбаеву. — Вы не против? Тем более, не впервой... Потерпите напоследок?

— Вы бессердечный человек! — надулся Шкандыбаев.

— Да я пошутил...

— У меня судороги от ваших шуточек.

Силовую поддержку операции осуществляли незнакомые Акимову бойцы из ОМОН, переодетые в гражданское и рассосредоточенные в зале.

Заняв положенное место за ресторанным столом и ковыряя дрожащей вилкой люля-кебаб, Шкандыбаев хмуро выслушивал последние наставления Акимова:

— Заканчиваете разговор и соглашаетесь пройти с ними к выходу.

— Это ясно...

— Внимательно слушайте! В случае внезапной опасности берете салфетку и — утираете ей пот со лба... Это — сигнал для ОМОН. Бандитов сразу повяжут...

— А вы?..

— Я сижу в машине и слушаю вашу беседу. А сейчас еще раз проверим связь. Я пошел, а вы говорите: раз, два, три...

— Я лучше спою, а то — как попугай...

— Только тихо...

— Ну я же не Шаляпин в Большом театре!

— Да, этого не отнять. Чего нет, того нет.

Песня Шкандыбаева «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”» внезапно прервалась каким-то противным квакающим шорохом.

Акимов, отложив в сторону наушник, сказал лейтенанту, сидевшему рядом:

— Что-то со связью. Ты послушай, а я проверю...

— Только быстро, бандиты уже на подходе.

Акимов опрометью кинулся в зал. И — ахнул. В кармане пиджака увлеченно закусывающего Шкандыбаева торчал носовой платок, прикрывающий авторучку.

Отчитав повинно кивающего головой подопечного за разгильдяйство, Акимов сунул ему платок в руку.

— Спрячьте!

— Извините, волнуюсь... — Шкандыбаев отер платком испарину с лица.

В ту же секунду ресторанное пространство перевернулось в глазах Акимова, в глазах вспыхнул праздничный салют, и через считанные секунды он, в наручниках, был втиснут в машину.

Незнакомые омоновцы исполнили свои обязанности с точностью швейцарских часов.

Теперь на Шкандыбаева, невозмутимо продолжавшего трапезу, законопослушные посетители, ставшие свидетелями милицейской разминки, поглядывали искоса и с опаской, как на некое значительное лицо, состоящее под тайной охраной.

Между тем Акимов, преодолевая колокольный звон в голове, наблюдал, как к ресторану подкатывают две машины с группировщиками. К большому его разочарованию, Геннадия среди братков он не увидел.

В ресторан отправился Тимоха и двое приземистых качков.

В наушнике прозвучало:

— Здорово, Конструктор! Как аппетит?

— Э-э... Спасибо...

— Не против, если присядем?

— Я только рад...

— А мы-то как рады!!! Ну чего? Угощаешь?

— Да, прошу...

Булькнуло разлитое по бокалам вино.

— Слушай сюда, — продолжил Тимоха после паузы. — У меня и у пацанов в карманах пушки. Дернешься — привет! Пули летают быстро, учти! Теперь. Хулахуп, помассируй его, вдруг какой микрофончик отыщется? Нет ничего? Тогда вопрос: где наши бабки?

Шкандыбаев, как заведенный граммофон, повел сочиненную в РУОП арию. Ария закрепляла факты о том, что если он и должен деньги, то не кому-нибудь, а Геннадия, шефу Тимохи, с кем и желает разговаривать, и хотя Тимоха также принимал участие в его похищениях, водворениях в клетку и в дебри канализации, избиении у ресторана, вести предметную беседу он все-таки намерен лишь с первоначальным источником своих бед.

Получив угрозу немедленного пулевого проникновения в череп, Шкандыбаев изменил переговорные позиции, сказав, что должен оплатить исключительно старый ресторанный счет, и то — по собственному усмотрению, ибо сотрудники общепита милицию не вызывали, а взяли ее обязанности на себя. Продавать же квартиру, дабы оплатить немислимо выросшие проценты, он отказывается, а что касается обмена миллиона долларов, обращаться по данному поводу надлежит к арестованному шефу незабвенной «Ставриды».

— К нему пронырнем, не переживай, — отозвался на это Тимоха. — Нам решетки не помеха... Проберемся за них только так! Надо будет — уже сегодня!

— Не сомневаюсь, — позволил себе согласиться Шкандыбаев с двусмысленной интонацией в голосе.

— А теперь зови халдея, плати и — идем к машине, — продолжил бандит.

По тому, как испуганно крикнул Конструктор, Акимов понял, что в бок жертвы уперся ствол.

Далее в наушнике раздались характерные звуки короткого и жестокого поединка, всхлипы и выкрики; Акимов перевел взгляд на машины бандитов, окруженных неведь откуда взявшимися людьми в камуфляже, вытряхивающими из салонов ошеломленных братков... И — поспешил в ресторан оформлять изъятые у вымогателей пистолеты.

Бледный, но необыкновенно гордый Шкандыбаев, шагая через поверженные тела врагов, торжественно вручил ему целехонькую авторучку.

— Ну как? — картинно вскинув голову, произнес он.

— На пять с плюсом, — поощрил подопечного Акимов, озабоченный вопросом:

Куда делся Геннадий?

В западне

Сидя на одной из съемных квартир, где обычно он развлекался с проститутками, Геннадий читал сообщения с пейджера, которые каждые десять-пятнадцать минут посылала ему жена.

Сообщения вгоняли его в беспросветное уныние.

Во-первых, блатные обвиняли его в гибели Пемзы. Во-вторых, место старого вора занял один из самых волевых и умных подручных убитого, твердо настаивающий на возвращении миллиона. В-третьих, следуя смутному, но спасительному наитию, он отправил на встречу с Конструктором Тимоху, которого взял с замазанной пушкой РУОП. Значит, Тимоху распеленают, как младенца... К тому же вчера на углу дома супруга заметила какого-то парня, поглядывающего на окна квартиры и разговаривающего с пачкой сигарет. Может, опер какой, может — почудилось бабе...

Выход был один: скрыться. Сначала здесь, на тайной квартире, после, через надежные каналы переправив деньги в западный банк, отправляться по поддельному паспортишке на какой-нибудь теплый островок в океане.

Мысли путались... Легко сказать, отправиться на островок! А машины, недвижимость, антиквариат, бизнес...

С другой стороны, войны с соседями ему не пережить. Нужны толковые соратники, такие как Костя, а кто у него остался? Одни ящеры безмозглые. Тупые мускулы. А таким кто калач послаще посулит, к тем и переметнутся.

А вот и еще новость дня! Какой-то придурок на «восьмерке», въезжая на всех парах на автостоянку, впаялся в его «мерседес»! И еще качает права — дескать, «мерседес» стоит неправильно!

Да, «мерина» он поставил на неудачное место, прямо на въезде, на первой попавшейся на глаза площадке в соседнем районе, от греха подальше...

А может, нашли машину? И решили его выдернуть на последнее randevu, как голодного весеннего окунька на сопливого червячка?

Он вышел на улицу. Из телефона-автомата позвонил жене:

— Бери братков, езжай на стоянку. Пробей там...

— Да я со стоянки! — откликнулась с раздражением супруга. — Тут хмырь какой-то, голытьба, а наглый, как сволочь! Впритирку, говорит, машину поставили, я кокнулся, и теперь мне платите!

— Что с «мерином»?

— Крыло помял, фара разбита, триста баксов ремонт обойдется как минимум...

— Да я его, вышелуша шершавого...

— ГАИ он вызвал, тут бродит один с палкой... Была бы у меня доверенность... Чего делать, Гена? Решай! А то хмырь этот тут разоряется невозможно... Идиот ненормальный!

— А где ты видела нормальных идиотов? — пробурчал Геннадий. Затем, подумав, напряженным голосом спросил: — А... не подстава?

— Да какая подстава! Мент дергается, я ему полтинник зарядила, он все оформит... И адрес хмыря у него, ребята сегодня же наедут...

— Жди!

Поймав «волгу», Геннадий с трудом втиснул в нее, осевшую на ухнувших рессорах, свое грузное тело, занявшее всю заднюю часть салона.

Водитель с опаской оглянулся на тучного пассажира со свирепой физиономией.

— Чего пялишься?! На набережную рули!

Определенные сомнения в правильности своих действий Геннадий испытывал, однако выкидывать на ветер триста долларов, плюс — уже заплаченные дорожному полицейскому пятьдесят, было, право, обидно!

При первом же взгляде на сытую красную физиономию, загадочно выглядывающую из оконца гаишного «жигуленка», и на суетящегося вокруг разбитой «восьмерки» кургузого типчика в коротких брючках, очечках, с ущербной бородкой, у Геннадия просветлело на сердце: судя по всему, перед ним была душа, по которой еще не ступала нога человека...

— Вы хозяин? — поправляя прыгающие на переносице очки, прокартавил с напором тщедушный хмырь. — Прелестно! Прошу оплатить убытки!

— Защелкни пасть, хорек вонючий, — с достоинством отозвался Геннадий, коротким движением живота оттолкнув наглеца к его проржавевшей, плебейской телеге со свернутой скулой бампера. — И слушай, гнида вальтанутая, внимательно: ты, гнида, крупно попала! И теперь должна мне денег! Много денег!

— За хорька, за вонючего, за гниду, ты, мразь, ответишь! — неожиданно ясным и звонким голосом произнес картавый ублюдок.

— Может, ты мне еще «стрелку» забьешь и представишься? — механически спросил Геннадий, предчувствуя неладное.

— Шаболовский я! — заявил оппонент.

— Что? — Геннадий недоуменно наморщил лоб. О шаболовской группировке он слыхом не слышал... Шаболовские? Это еще кто такие?

И прежде, чем до него дошло понимание, что на улице Шаболовка располагается жуткое заведение под названием РУОП, а кургузый тип всего лишь сыграл роль кургузого типа, бессовестно его, Геннадия, надув, окружающее пространство заполонили словно выскочившие из-под земли демоны в черных масках, поплыли перед глазами ржавые стены гаражей, и лишь спустя какое-то время он обнаружил себя в автомобиле «нива», стремительно отъезжающем с автостоянки.

Заднее сиденье «нивы» Акимов предусмотрительно снял, дабы туша бандита и охранник-собровец сумели уместиться в освободившемся пространстве.

В тесной вонючей камере Бутырок Геннадий часто вспоминал об океанских просторах, гудящих над островом Мадера, о своей уютной квартире с персональным лифтом, о вкусной и здоровой пище минимум — три раза в день...

Где ты, чудо-сказка прошлого бытия? И повторишься ли вновь?

Все основания для отрицательного ответа на последний вопрос у Геннадия были. Тимоха раскололся, следствие шло безжалостно, и вел его скучный и корректный человек, в кабинете которого висел портрет главы ЧК застойных коммунистических времен.

Увидев данный портрет, водруженный следователем в своем рабочем кабинете, в силу, наверняка, глубоких личных пристрастий и убеждений, Геннадию стало дурно: договориться о послаблениях с этим милицейским чином, понял он, гораздо труднее, чем даже с бывшим суровым предводителем чекистов. Ибо замечено: приверженцы всегда фанатичнее своих кумиров.

По прошествии недели после его ареста банда соседей уверенно поглотила его группировку, безоговорочно подчинившуюся новому хваткому лидеру.

Новый лидер упорно вычислял причины гибели Пемзы и виновников аферы с миллионной купюрой. В счет ущерба за произведенный с подачи Геннадия обмен он заграбастал его автосалон и автомобили и, судя по новостям от жены, начал подбираться к квартире и к загородному дому.

Вскоре в камеру к Геннадию привели нового подселенца, в котором он признал главу достопамятной «Ставриды».

Между мошенником и бандитом состоялся драматический разговор.

— Вот где встретиться довелось, паскуда! — звенящим от ярости голосом начал разговор Геннадий.

— Да ладно пугать, — равнодушно отмахнулся Михаил.

— Ты мне за все ответишь, тварь!

— А за что отвечать-то? — вскинул на него Коротков тусклый взор. — За то, что я тебя кинул? А ты что, никого не кидал? Ты — ангел небесный? У нас работа такая. За что здесь и паримся. Или — тебе можно кидать, а мне нельзя? По принципу — сильнейший всегда прав?

— А хотя бы! — озверело сжал кулаки Геннадий.

— Так ведь ты уже не сильнейший, — равнодушно пожал плечами Михаил. — И вообще... имя сильнейшего знает вся страна. Как и всегда знала. А ты — так, барахло списанное, не тужься. И послушай меня... Ты сейчас — все равно как депутат неперевыбранный. А о чем такой депутат думает? Ну, ответь?

— Не понял...

— А думает депутат, — пояснил Миша, — как использовать наработанные связи, чтобы пристроиться поудобней... К людям, у которых реальное

дело. Или — к специалистам с профессией, таким, как я...

— С какой ты еще...

— С какой профессией? С профессией грамотного экономически и интеллектуально подкованного мошенника. И вот что тебе скажу: типаж ты подходящий, внушительный, мозги есть... По объему большие, а вообще — так себе, конечно. Но на работу я тебя к себе возьму, так что не дергайся... Есть охренительный проект! Отсидим, возьмемся за него буквально бегом! Главное, попасть в одну и ту же зону... И ребят к себе подтянуть, вместе не пропадем... У отца есть концы, подсобит. Откантуемся, как на курорте!

Искоса посмотрев на отвисшие во внимательном восприятии его слов уши собеседника, Миша с воодушевлением продолжил живописать будущие совместные свершения...

Через час Геннадий пнул пяткой соседа по камере, спящего на нижних нарах. Приказал:

— Вали в угол, суслик, не созрел еще, чтоб на матрасе дрыхнуть, падаль невероятная!.. Авторитетный человек пришел, а ему и пристроиться негде!

Миша вдумчиво кивнул, всецело одобряя слова одураченного им бандита.

Жизнь продолжалась...

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Женщина что-то говорила. Убедительно, с напором, даже с ненавистью...

Куда исчезла та усталая мягкость черт, когда она опустилась перед ним на стул в кухне, спросила, не голоден ли он?..

С каждой фразой его повинных объяснений лицо напротив становилось неприступно-отчужденным, презрительным, откровенно враждебным...

А потом последовал ее вопрос, которого он ждал...

Как же пронзительно точно он все предусмотрел! И этот вопрос, и смену ее настроения, и обличающие, унижительные для него слова...

Она, кажется, даже и не поняла, что случилось, даже не осознала, что в лицо ей наведен пистолет, который он достал из-за пояса...

Патрон от «мелкашки» бабахнул не так уж и громко, зря он боялся, что шум выстрела могут услышать соседи.

Она привалилась к стенке, и тонкая струйка крови из черно-багрового пятнышка на лбу нехотя потянулась к верхней губе.

Скрипнула дверь комнаты: звук выстрела привлек ее дочку — до этого пятилетняя девочка играла с куклами в своей комнате.

Он поднялся со стула. И осознал, что не испытывает ни страха, ни растерянности, ни раскаяния. Он был абсолютно спокоен. Даже окрыленно спокоен... Как ангел смерти.

*Мелькнуло в коридоре белое платице, донесся вопрос:
— Мама, ты чего стреляешь?*

— Это кастрюля упала, деточка, — мягко проговорил он, шагая к ребенку навстречу. — Пойдем, поиграем...

И ствол пистолета уперся в золотистые кудряшки детских нежных волос...

Эксперт Собцова

Сообщество человеческое делится на две категории людей: на тех, кто работает на дядю, и на тех, кто работает на себя. «Дядя» — зачастую понятие абстрактное. Им может быть тот, кто работает на себя, выплачивая зарплату тем, кто работает на дядю, а может быть и государство как таковое, — безликая система, чьи интересы обслуживают миллионы дядь и тетя — самостоятельных и подневольных.

Людмила Собцова, старший эксперт-криминалист районного управления внутренних дел, принадлежала как раз к той категории граждан, что трудились за полагающуюся им зарплату, соотнося свои потребности и запросы с ее удручающе тесными рамками. Но — ах, как тоскливо сознавать мизерность средств, выделяемых на жизнь скарденной бухгалтерией, необходимость просыпаться по звонку безжалостного будильника, почтительно внимать придирам начальства, и хиреть в однообразии будней, ожидая скоротечного, как чих, отпуска... И нет выхода из этого круга, коли судьба и природа не дали тебе предпринимательской смекалки или же связей среди властей предержажших. А потому — тащись, стиснув зубы, по колее карьеры мелкого милицейского служащего... Карьеры, впрочем, отмеченной некоторой привлекательной спецификой, то бишь чиновной манной социальных льгот. Но что эти льготы — типа

бесплатного проезда на автобусе, и то, как говорят, вскоре отменяемого, когда видишь за окном кабинета снующие в изобилии заморские лимузины, набитые прилавки с привлекательной продукцией и непривлекательными ценами на эту продукцию, никак не соотносящиеся с твоей государственной и должной быть уважаемой зарплатой. Какая зарплата! — социальное пособие... И, превосходно зная ее неизменную тощую величину, думаешь, что в субботу, как ни крути, а надо тащиться на оптовый рынок, дабы в очередной раз сэкономить гроши, которые к осени наконец-то воплотятся в новые полусапожки. Дорога на рынок покуда бесплатная, но если транспортники приравняют ментов к гражданским дойным лохам — мечте о полусапожках — конец!

Коммерсанты-транспортники, которых, в свою очередь, окучивают менты-доярки, естественно, от такого своего почина будут испытывать мстительное наслаждение, да и доходы их, с ментов состриженные, компенсируют взываемую доярками мзду, однако менты столь же разные, как и народ в государстве российском. Есть честные самоотверженные трудяги, умницы и интеллектуалы, есть проходимцы и отпетые мерзавцы, даже маньяки и патологические убийцы — каких только типов не сыщешь в двухмиллионной армии тех, кто именуется правоохранителями? И каждый живет по-своему. И практически каждый получает «левые» доходы. Но только не те, кто сидит в бухгалтерии, кадрах, прочих вспомогательных службах. Там — нищета. Естественно, руководство тыла — не в счет. Но руководство исчисляется единицами, а подчиненные ему — сотнями. Масштаб, конечно, можно увеличить в обеих категориях, но философия результата от того не изменится.

А значит, ей, Собцовой, в субботу надо растолкать самозабвенно храпящее под боком существо, гордо

именующееся мужем, вручить ему тележку на колесиках и удовлетвориться хотя бы той мыслью, что толк от существа как переносчика тяжестей все-таки есть!

Да, муж ей попался нерасторопный, лишенный какой-либо сметки лежебока с единственным жизненным интересом: глазеть в телевизор.

Уже двадцать лет муж работал фрезеровщиком на оборонном заводе.

С наступлением капиталистической эпохи производство на заводе наглухо застопорилось, специалисты разбежались кто куда, однако десяток ветеранов, не нашедших себе иных стезей, остались, выполняя редкие и нерегулярные заказы и получая зарплату, более похожую на подачку. Таким образом, времени для просмотра телевизионных программ у мужа Людмилы имелось в избытке.

Роптать на инертность супруга было бессмысленно: фрезеровщик владел лишь единственной благоприобретенной специальностью, способов зарабатывания денег из воздуха не ведал, в потребностях своих был неприсотлив, как верблюд, столь же невозмутим, и умел, подобно данному жвачному животному, обильно плевать — в переносном, конечно, смысле, на все несуразности экономически неблагополучного бытия.

Раздражение на мужа Людмила выплескивала постоянно, грозила разводом, однако понимала, что развод — дело пустое. Способностью к материнству судьба ее обделила, зато наградила плоским рябоватым лицом, носом-уточкой, редкими рыжими волосами и кривоватыми нижними конечностями.

Роман с фрезеровщиком, начавшийся двадцать лет назад, был, что говорить, единственно успешным как в плане брачной перспективы, так и перспективы вообще. А прошедшие годы внесли дополнительные коррективы в телосложение, черты лица и прическу, скрытую с недавней поры синтетическим париком.

Впрочем, какие там коррективы? Сплошные деформации...

Так что безответный, непьющий, и мало смущающийся каких-либо деформаций муж, Людмилу в принципе устраивал. Вот бы еще денег... Но вопрос их добывания, как понимала она, относится исключительно к ее персональной инициативе и сообразительности.

Начальница Людмилы — майор Зинаида Башмакова заглянула в кабинет подчиненной под вечер. Присела на край письменного стола; болтая ногой, на икре которой сизо просвечивали сквозь колготки узлы уродливо вспученных вен, открыла сумочку, вытащила пачку сигарет. Закурив, спросила:

— Деньги из «обменки» посмотрела?

— Только сегодня принесли, когда же успеть?..

Деньги, в долларовом эквиваленте составлявшие около пятидесяти тысяч, привезли в экспертно-криминалистический отдел для исследования из управления по экономическим преступлениям, изъяз мешок дензнаков в проштрафившемся пункте обмена валюты.

— Есть к тебе дело, Люд, — доверительно промолвила Башмакова. — Можно очень хорошо заработать... На ровном месте.

— Ну...

Начальница поерзала целлюлитным задом на письменном столе, вытащила, соорудив недовольную гримасу, канцелярскую скрепку из-под плотно обтянутой форменной юбкой ягодицы. Настороженно взглянув на дверь, продолжила на доверительном полусшепоте:

— У меня сестра тоже в пункте обмена... Ну вот. Давай завтра к ней с этим мешком... Курс растет... Понимаешь? Махнем рубли на доллары, протянем месячишко, а потом опять поменяем. Навар — пополам.

— А протянем месячишко? — засомневалась Людмила.

— Протянем! — Зинаида уверенно ткнула сигаретой в щербатое дно алюминиевой пепельницы. — С УЭП договорюсь: завал работы, то-се...

Людмила задумчиво посмотрела на стальной шкаф-сейф, где хранился искомый мешок. Мелькнуло:

«А почему бы действительно»...

— А то жулики каждый день по такому тюку загребают, а у меня вон... — Зинаида, вывернув ногу, продемонстрировала эксперту серую, с ветхими краями проплешину на подошве босоножки. — На улицу скоро не выйти... Да и у тебя... — Кивнула на старенькие туфельки подчиненной. — В таких уже не хоронят, а ты вот...

— Так ведь одна кручусь... — горестно вздохнула Людмила. — От моего-то какой толк? Ни украсть, ни покараулить... Живет на белом свете, как алоэ в горшке...

— Ну, толк не толк... — произнесла начальница задумчиво. — Знаешь, принца всю жизнь прождать можно. А мужик каждый день нужен! Ты судьбу не кори! На меня глянь... Уже десять лет в одиночку... Да еще с лоботрясом великовозрастным! Вчера из милиции вызволяла...

— Чего натворил?

— Поперся с приятелем на какой-то диспут по изгнанию нечистой силы. Вырядились: приятель Иисусом Христом, а мой — дьяволом! С хвостом и с рогами! Ну и задержали придурков! Иисуса, правда, выпустили, а моего олуха в клетку засунули, и, если б не я, то на штраф бы точно устроился. И ладно бы спасибо матери сказал, так нет, всю дорогу орал: почему, мол, дискриминация прав?! Ну ладно, опечатавай ящики и — по домам.

— Я тогда задержусь, посмотрю быстренько деньги, — засуетилась Людмила. — Чтобы с самого утра поменять... Курс ведь скачет, как конь ретивый...

— Ну, давай, давай...

Оставшись одна, Людмила механическим жестом вытряхнула из пепельницы в корзину для бумаг начальственный окурок и призадумалась.

Финансовая операция, предложенная ей Башмаковой, с каждой минутой казалась все более простой и привлекательной. Кроме того, вряд ли стоило отказывать Зинаиде даже в том случае, если бы в махинации присутствовал какой-либо элемент риска — начальница была дамой жесткой и злопамятной.

В отдел они пришли работать шесть лет назад, сразу сдружились, но когда Зинаиду повысили и перевели на должность начальника отдела, дружба дала стремительно растущую трещину.

Никаких ожидаемых поблажек от подруги Людмиле не перепало; напротив, та неустанно отчитывала ее за опоздания, устраивала выволочки за малейшую небрежность и выражала откровенное возмущение, если подчиненная без предварительного доклада заглядывала в ее кабинет. А около недели назад, подкараулив Людмилу, решившую затянуть обеденный перерыв для похода по магазинам, высказалась в том духе, что нерадивому эксперту, видимо, стоит всерьез подумать о перемене места работы...

Так что сегодняшнее предложение Зинаиды несло в себе двойную выгоду, ибо общая махинация повяжет их деловыми тайными узами. А там, глядишь, приволокут на экспертизу новый мешок...

Домой Людмила вернулась в прекрасном расположении духа. Тупо покачивающийся в кресле муж, сосредоточенно глазевший в пестрые пятна экрана и то и дело щелкающий пультом, привычного раздражения у нее не вызвал — ну, таким уродился, что поделаться...

А утром следующего дня на машине приятеля Зинаиды она отправилась в указанный пункт обмена валюты.

Обмен произошел без проволочек.

Увесистый мешок сомнительных российских купюр преобразовался в пять аккуратных пачек американской достопочтенной валюты, уместившихся в сумочке Людмилы.

А буквально через полчаса она положила в служебный сейф эти пять пачек — ровно пятьдесят тысяч долларов.

Курс в этот день повысился всего лишь на одну копейку, но впереди было еще минимум тридцать дней, и Людмила очень непатриотично и весьма горячо желала отечественным дензнакам самого что ни на есть катастрофического обесценивания!

Крученный

Свой первый срок он получил в конце сороковых годов, юнцом, и хотя те, прошлые, — суд, пересылка и зона ныне помнились уже смутно, никогда не забывалось то опустошающее душу отчаяние, которое охватило его, когда он шел, уже привычно заложив руки за спину, к уготованной ему камере по пустому и гулкому, как тоннель, тюремному коридору, повинувшись отрывистым приказам контролера, корректирующим безрадостный подневольный маршрут.

Тогда казалось — все, кончена жизнь! Кончена непоправимо.

Тусклый коридор, выложенный щербатой плиткой в белесых хлорных разводах, словно тянулся в бесконечность, цокали за спиной подкованные сапоги сержанта, ведущего его в ад, вставляли перед глазами улыбчиво-глумливые лица дружков-хулиганов, сподобивших его пуститься на это проклятое ограбление магазина, на котором они так бездарно попались...

И почему он пошел на поводу у этих придурков?! Не хотел же, знал, что идет навстречу беде... Но возразить — не смог!

А нет бы — продолжить тихо-мирно потрошить кошельки загулявших в вечернем городе хмельных шляп и пугливых дамочек...

Сидели бы сейчас в пивной, радостно обсуждая перипетии своих улично-парковых походов и — отстраненно слушая рассказы бывалых ребят, уже отрубивших свое за решеткой и рассуждавших о жизни в неволе с легкомысленным пренебрежением — мол, где наша не пропадала! В тюрьме, мол, тоже люди...

Щелкнул запираемый засов двери, и на него, робко замершего на пороге, уставились тускло и настоженно глаза обитателей тесного, вонючего помещения.

И вдруг из сумрака, пропитанного прогорклым едким запахом — запахом тоски, злобы, страдания, вперемешку с дешевым куревом, смрадцем параша и горечью чифирия, неизбывным запахом тюрьмы, донеслось спокойно и миролюбиво:

— О, кремешок нерасколотый подвалил... Знаем такого, наслышаны. Ну, сидай сюда, кремешок, знакомиться будем...

И обреченность ушла. Здесь сидели те, кто знал о нем — не выдавшем организатора ограбления, нашедшем в себе силы промолчать об оставшемся в стороне пахане, что теперь и зачтется... Значит, правильно говорили, что тюрьма — как почта...

И он смело подсел на нары к седому угрюмому человеку, протянувшему ему папиросы...

Ныне, когда ему за шестьдесят, а тюремный стаж давно перевалил за четверть века, о той жути, что охватила его в коридоре пересылки, вспоминается со снисходительным смешком над тем далеким щен-

ком из брехливой стаи нищей послевоенной шпаны...

Правда, был щенок злым, умным и неприхотливым, да и с дрессировщиками повезло...

Три первых срока он провел в компании известных на всю страну воров, научивших его ремеслу и «понятиям», давших связи на воле, где не надо было приспособливаться и юлить, экономя гроши и лебезя перед дешевками из всяких там отделов кадров, а делать свое воровское дело, не ведя счет женщинам, тряпкам и деньгам... А после — и крови.

Зона стала не просто привычной частью жизни; оттуда он черпал силу, уверенность, и, наконец, слепо ему подчиненных сообщников; зона дала ему звание вора в законе, кличку Крученный и тайную власть. А в стране, где сидел едва ли ни каждый пятый, где за лозунгами о праведности и необходимости ударного труда, скрывалось, повязанное круговой порукой, партийно-хозяйственное благочинное жулье, эта его власть была почитаема пусть не вслух, но — как несокрушимая и опасная данность... И с ней мирились. Пускай не все, но категория принципиальных фанатиков составляла, как он полагал, ничтожное меньшинство, ибо кто не воровал и не сидел, тот обязательно приворовывал и от нар не зарекался. А в тех местах, где были нары, он, Крученный, мог миловать и казнить, он был судьбой и роком, судьей и защитником. И любая общественная мораль была для него моралью рабов, а мораль вора почиталась как внутренняя сущность сильного и отважного.

Жизнь земная, считал он, и есть ад, а в аду правит зло. И лепет о торжестве добра — никчемное успокоение для слабаков.

Итак, ему было за шестьдесят, но выглядел он на десяток лет моложе, обладал неукротимой физической

силой, целые недели мог проводить в нескончаемых оргиях, забываясь лишь на часок-другой в чутком сне, и в тюремных больничных покоях кантовался лишь из-за ран, ненароком полученных в стычках, либо по необходимому «закусу», не ведая не то чтобы о болезнях, но и об элементарном насморке. Что такое грипп — он попросту не понимал.

Когда общественные деформации начала девяностых годов повергли идол коммунизма, и на нем, как на трухлявом пне, стремительно разросся развесистыми поганками властительный куст криминала, он возликовал!

Возликовал от радостного осознания справедливости своего давнего презрения к той послушной массе, что некогда благоговейно внимала родным двуличным вождям, оказавшимся на поверку тем же ворьем в законе, и ныне с той же упоенной убежденностью разоблачавшей их, одновременно трусливо и безоглядно подчинившись диктату уже откровенно уголовного сброда.

То бишь в принципе ничего не поменялось. Как и прежде, наверху оказывался сильнейший и циничный, а внизу копошились безропотные букашки, очарованные всевозможными сказками и посулами.

И он, Крученный, выиграл! Выиграл все блага, ибо вор в законе из враждебной благолепным труженикам касты вторичного теневого мира трансформировался в общественно значимую фигуру управления теми, кто ранее благовол с гитарой и финкой в подворотне, подметая асфальт штанинами флотских «клешей», а ныне с пачками «расстрельных» некогда баксов раскатывал, ничего и никого не боясь, кроме пули конкурентов, на роскошных лимузинах, которые недавним партийным боссам и во снах их номенклатурных даже смутно не виделись.

Да, золотое выпало времечко, неизбывное! Раз-

громленный КГБ, растерянная, утратившая ориентиры милиция, подменившие закон постановления, противоречащие друг другу...

Вся страна — огромное мутное болото, кишашщее золотой рыбкой... И черпай рыбку ведрами, сноровистый вор! Хватай и грабь! А попался — откупись. Вот и вся недолга...

Нет, спохватились, дошло, что коли коммунистическая зона обратится в единую государственную уголовную, то только тем зекам позволено будет подменять администрацию и конвой, кто сумеет одновременно проникнуться полицейским мировоззрением и уставом, ибо анархия — религия криминала — мать такого порядка, от которого весь мир прочными стенами отгородится, а зона без связей с внешним миром — уже не цитадель для удалого вора и не каторга для терпеливого мужика, а — территория всеобщей гибели...

Спыхватились. Вспомнили о государственности. Создали, в частности, РУБОП. И не какую-нибудь страшилку, а департамент на принципах спецслужбы — основательный, с выверенным кадровым составом и с безусловной установкой для каждого сотрудника: шаг в коррупцию — шаг в пропасть.

И накрыли спецы из РУБОП, составленного из элиты милицейских сыщиков и контрразведчиков, невидимыми колпаками банды, группировки и общества, и пошла, как в былинах говорится, битва не на жизнь, а на смерть. И понес уголовный мир утраты, как пирующий лагерь кочевников от попадания в его эпицентр многотонной, невесть откуда взявшейся авиабомбы.

Ударом этой взрывной волны вновь отбросило Крученого за колючую проволоку, хотя и по пустяковой статье: за незаконное хранение огнестрельного оружия. А когда освободился он в очередной

раз, вольный мир встретил его новой реальностью: группировки действовали по схемам изощренно-профессиональным, прямое вымогательство пресекалось, как примитивный дебош, многие из соратников ушли в официальный бизнес, окружив себя разного рода экономистами и компьютерщиками, криминальные капиталы вкладывались в игры политиков, в чью компанию безудержно устремлялись и некоторые из бывших шестерок Крученого, сумевших откусить куски от бюджетного пирога, а он... он превосходно понимал, что останется тем, кем был — вором, и не более того.

Да и не нужно ему было иного. Пока есть тюрьмы и зоны, есть в руках у него и власть. А шестерки пусть и разместятся во всяких лакированных кабинетах, все равно в просьбе ему не откажут, денег дадут и — устроятся. Ибо, живя в этой стране и за дверь роскошного кабинета выходя, никогда не знаешь, где очутишься: то ли на тротуаре с пулей в голове, то ли — напротив прокурора...

А потому, покидая простенок караульного помещения колонии и слыша за спиной лязг металлических штырей, водворяемых в приваренные к решетчатым дверям пазы, он, Крученый, уже скучно и твердо знал, что ему уготовано почетное место советника в крупной московской группировке, полномостный контроль над одним из рынков, и — полная свобода личной творческой инициативы...

Суть инициативы также отличалась предельной ясностью: собрать надежную команду для разбойных нападений.

Многократно проверенные подручные — Чума и Весло, омывшиеся кровью с макушек до пят, вышли из зон три месяца назад и не чаяли встретиться с ним — своим давним неразменным паханом и учителем.

Следовало подумать и о вербовке молодой поросли — это его будущее, кормильцы, опора в старости.

И он найдет этих молодых, покуда о нем, равно как и о загадочной воровской стезе, не ведающих.

Найдет, выкормит, обучит, повяжет смертью и кровью, заставит верить безоглядно и трепетно... Сам это прошел.

А поверят ему эти недоросли, — покуда еще сыренький, аморфный матерьяльчик, потому, что не отсиживаться он будет по теплым углам, пересчитывая доллары, полученные с рыночной шушеры, в то время как ребята шкурами рискуют и глотки режут, а сам, в первых рядах класс покажет, как пикой кроликов зажиревших с одного удара валить надо... Личным, как говорится, примером...

Правда, и Чума, и Весло, и другие балбесы думают, что из-за принципов каких он на рискованные дела ходит, поскольку авторитета ему не занимать, и чего бы не сидеть в берлоге на теплом диване в объятиях шлюх, раздавая указания и воровские суды учиняя под коньяк с лимончиком?..

А, все не так!.. Есть сокровенное, тайное...

Без насилия ему — как без воды рыбе. А без крови — как наркоману без дурева — ломка идет...

И как описать всю сладость, обволакивающую сердце, тот упоительный дурман, когда на тебя выливается чей-то ужас и смертная боль, покорность и уничтожение...

Да что стоят все эти разбойные доллары и золотишко перед окрыленностью своим могуществом над дергающейся в судорогах, вое и хрипе плотью до сей поры самонадеянных изнеженных существ, думавших, что мир принадлежит им...

Нет, ему — Крученому. Вместе с человечками. И со всеми трудами их.

Собцова

Уже двадцать дней пачки американской валюты лежали в чреве стального шкафа, однако ни малейшей радости от их нахождения в своем служебном кабинете эксперт-криминалист Собцова не испытывала. Проклятый курс падал на глазах, грозя прямым убытком.

Начальница Зинаида тоже не находила себе места: УЭП каждодневно настаивал на возвращении денег с экспертизы, обменный пункт, где работала ее сестрица, закрылся, и ни о каком льготном обмене долларов на рубли думать уже не приходилось.

— Ну что, подруга? — нервно покуривая, говорила она поникшей Собцовой. — По-моему, пролетели мы со своей коммерцией... Подождем еще недельку, а потом надо делать возврат... Кстати, подумай, где перехватить недостачу...

— А ты?

— Да у меня один долг другим погоняет!

— Но ты же сама все придума...

— Ага! А ты — агнец невинный! — с внезапной злобой гаркнула Зинаида. — Нашла крайнюю! Уж если так дело пошло, то за тобой эти денежки числятся, поняла?!

— Ну ты и стерва! — Лицо Собцовой словно опалило огнем.

— Какая есть! Я справедливо рассуждаю: попали в дерьмо, вместе его и хлебать!

— Ага! А деньги я должна одалживать!

— И я пробовать буду!

— Знаю я эти пробы!

— Лучше бы мне с тобой не связываться!

— Это еще кому лучше!

Когда за разъяренной начальницей захлопнулась дверь, Людмила, присев на стульчик, аккуратно всплакнула, чувствуя себя обманутой и оскорбленной.

К кому идти за деньгами? Все ее знакомые — абсолютно нищие люди. Знакомые мужа? Голытьба! Вот, кстати, братец его — житель сельского поселка под Владимиром сегодня приезжает — опять расходы на водку и ужин... А братец, между тем, при деле: возит товар из Москвы в свой микрополис, приторговывает. Но ведь ни копейки не даст, жлоб! Ему бы только на дармовщинку прокатиться, а попроси чего — шиш!

Она перевела взгляд на шкаф. Там, за серой металлической стенкой таилось целое состояние... А во втором шкафу — еще пятнадцать тысяч долларов, уже прошедших экспертизу. Да и у Зинки в сейфе около десяти тысяч, плюс — рубли...

Море денег вокруг! А она — словно в безводной пустыне... И между этим морем и милицейской дамой Собцовой — преграда, которая прочнее любой сейфовой стали... И называется преграда — страх перед тюрьмой.

Придя домой, еще с порога она расслышала уверенный басок деревенского гостя и звон вилок о тарелки — братья ужинали на кухне.

Хмуро оглядев стоящую на столе литровую бутылку с водкой, она оттолкнула локтем полезшего целоваться к ней деверя Леху — загорелого светловолосого крепыша с простецким мужицким лицом. Обронила недовольно:

— Ты моего не спаивай, понял?! Если тебе без водки — не жизнь, то других по себе не равняй!

— У-у! — протянул Леха глумливо. — Тебя что, из мусорской в общество трезвости перевели? Экспертом по алкоголю? Тогда возьми внештатником. Работать буду, как слон! — Загоготал жизнерадостно.

Вяло отмахнувшись от наглого деверя, пронять которого было ей не под силу, Людмила прошла в комнату.

Сняла колготки, переделалась в домашний халат, продолжая размышлять о том, как покрыть недостачу, и вдруг замерла от внезапно пришедшей в голову мысли...

Леха! Этот бесшабашный негодяй в отличие от своего квелого братца всегда отличался авантюризмом и практической сметкой, и почему бы...

И тут же из-за двери раздался голос деверя:

— Люд, в натуре, ты чего кислая, как ревень? Щи из тебя в пору варить! Давай к нам, дерни рюмашку, повеселеет...

Не без труда преодолев острый приступ неприязни к бесцеремонному родственничку, Людмила присела с края стола, пригубила рюмку. Спросила отчужденным тоном:

— Леха, денег не одолжишь?

— Х-хе! — Деверь усмешливо дернул щекой. — Вопрос по неправильному адресу!

— Ну, я так знала... — произнесла Людмила с многозначительным презрением в голосе.

— Ты, Люда, зря, — вступился за брата муж. — У человека — беда...

— Засада просто! — бодро подтвердил Леха, заправляя в пасть шмат ветчины, предназначенный для семейных завтраков в течение будущей рабочей недели. — На тачке я по пьянке кокнулся. Тачку — в утиль, права отобрали. Теперь с корешем за товаром езжу, арендную телегу. Хотя — какого хрена езжу? — Леха недоуменно пожал сажеными плечами. — Товар на «ручник» встал — в деревне нищета времен Ивана Грозного. Натуральным хозяйством народ пробавляется. Спасается традициями. Главное — лебеда всегда созреет.

— Ну, зато теперь пьешь смело... — сделала вывод Людмила.

— Чего и вам желаю! — Куражливо поведя бровями, Леха налил очередную рюмку.

— Ладно... — Людмила поднялась из-за стола. — Пируйте, алкаши, я спать пойду.

— Каждому — свое, — рыгнув, согласился деверь.

Поговорить с Лехой Людмиле удалось лишь утром, когда муж ушел на свой разоренный завод точить железяки для подвернувшейся ненароком халтурки. Посвящать супруга в тот план, что возник у нее накануне, ей не хотелось.

Убирая остатки былой трапезы и холодно поглядывая на заспанного, истомленного похмельем Леху, недовольно шутившегося на бьющее в раскрытое окно утреннее солнце, Людмила произнесла:

— Есть возможность заработать двадцать тысяч зеленых. Интересно?

— Излагай... — Деверь раскрыл холодильник, внимательно изучил его содержимое. — Вроде, тут пиво было...

— Размечтался! Потерпишь!

Разочарованно холодильник закрыв, Леха откинулся на спинку низенького кухонного диванчика. Проговорил:

— Ну, двадцать тысяч. Продолжай.

— Вот и «ну». Только разговор между нами... Мой благоверный — ни при чем, ясно? Все равно толку от него, как от кота на пашне... Присоска к телевизору!

— Я понял.

— Значит, так. У меня тоже проблемы. Долг, проценты... В общем, личное. А в нашей конторе у начальницы в сейфе эти самые двадцать тысяч... Для экспертизы. Времени — в обрез...

— То есть?

— Их УЭП прислал для экспертизы, надо возвращать...

— Фальшивые, что ль?

— Ты дурак, или как? Стала бы я тут...

— Понял. И чего предлагаешь?

— Мы с ней останемся в отделе вдвоем под вечер... Я тебе сигнал дам... Встану у подоконника, закурю... Только не напивайся! Во-от... Вы входите в подъезд, он у нас общий с военкоматом, поднимаетесь на второй этаж...

— Кто это — «вы»?

— Н-не знаю... Ну, есть у тебя друг какой-нибудь?.. Надежный только...

— Ладно, гони дальше...

— Ну, связываете нас, вскрываете сейфы...

— Х-хе! Нашла медвежатника!

— Ну, вы же ключи заберете... И у меня, и у Зинки...

— Кто такая?

— Шефиня моя. Да и сейфы-то там... — Махнула рукой. — У моего, если приподнять, дверцы с петель сами свалятся...

— Ну, ты даешь! — Леха в изумлении покачал кудлатой, нечесаной со сна головой. — Откуда прыть-то взялась?.. Вроде цаца накрахмаленная, вся из себя на идее...

— Ты мне характеристики не расписывай... Прыть! Тут запрыгаешь! — Людмила шмыгнула носом. Капнула нечаянная слеза на приготовленный деверю бутерброд с заскорузлым дешевым сыром.

— Ну, а чего?.. — Взгляд Лехи растерянно прошелся по стенам кухни. — Дело, конечно, живое... А Зинка в курсе? Имею в виду — насчет договоренности?..

— Да ты сам посчитай, — произнесла Людмила с терпеливым укором. — Если будет с ней договоренность, то что получится? Четверо в доле? И не рискнет она... Ей-то зачем на задницу приключений искать? Она — богатая стерва!.. А потом — так даже лучше: она все честь по чести подтвердит — нападение, пострадали совместно, неизвестные мужчины... А?

— Тэк-с, — произнес Леха задумчиво. — А если крик-шум? Мне ее чего, мочить, что ли?

— Какой шум? Молчать она будет, как рыба в пироге! Ножик ей покажи — упишется!

— Не, стремно...

— Эх, Леха! — промолвила Людмила разочарованно. — Дел-то... Бабу припугнуть... Я-то думала...

— Чего ты думала? — Леха встал из-за стола, тяжело дыша, прошелся по тесной кухне. — Что заклею тебе хлебало, приклепаю к батарее, полежишь чуток, а там ваши мусора тебя и освободят? А мне потом...

— Во-первых, попрошу не выражаться!

— А чего я?..

— Это у тебя — хлебало! И прежде, чем его раскрыть, рассуди: накроют тебя, значит, и мне несдобровать.

— Двадцать штук... — Вытянув подбородок, Леха остервенелось поскреб пятерней заросшее суточной щетиной горло.

— И оружие, — добавила Людмила.

— Какое еще оружие?

— У нас же экспертно-криминалистический отдел, — назидательно пояснил милицейский специалист. — И по уголовным делам на экспертизу поступает оружие: холодное и огнестрельное. Ясно? С целью квалификации его пригодности для боевого употребления, так сказать... Этот пистолет, к примеру, стрелять не может, а этот — еще как! Этот кинжал — сувенирный, хотя, кажется, быка надвое развалить может...

— И много у вас пушек? — полюбопытствовал гость — как всякий нормальный мужчина, тяготеющий к оружию.

— Хватает. Вчера один вещдок принесли... «Вальтер» наградной. Времен войны. В позолоте, с надписью готической... Я уж на что к этим стрелялкам равнодушна, но себе бы взяла...

— И на какую сумму этого железа?

— Почему мне знать? Это — как продашь... Только, — поправились, — продавать кому ни попадя — сгоришь... Но оружие взять надо. Причем — обязательно надо. И знаешь, почему? Потому что думать будут, что за ним вы и явились... А попутно и деньги взяли. Оружие закопаем. До лучших времен. Пусть будет как капитал...

— Подумать надо...

— Если есть чем — думай!

Ирина Ганичева

Жизнь одинокой деловой женщины, имеющей собственный бизнес, неизменно связана с принятием не просто самостоятельных, но и тщательно спрогнозированных решений, поскольку скоропалительность или же всякого рода «авось» чреваты катастрофическим крахом всех предыдущих, удачно завершенных начинаний. А если под крылом у тебя двое детей, еще в младенчестве оставленных ушедшим из семьи муженьком, не пожелавшим мириться с главенством пробивной и энергичной супруги, то ежечасно и глубоко надо ей, одинокой волчице, сознавать: будущее ребят только в твоих руках и, ослабей эти руки, выскользнет из них и твое будущее...

Себя Ирина считала человеком жестким, практичным и абсолютно логичным; упорно шла к намеченной цели, мгновенно разделяла знакомства на необходимые и пустые; позволяла себе, конечно, ветреные романчики, но головы не теряла, используя любовников как по назначению прямому, так и косвенному — то бишь требуя подарков и помощи в решении бытовых и коммерческих проблем.

Деньги решают все — эта формула, как основополагающее руководство, довлела над ее устремлениями к накоплению того капитала, что надежно обезопасит ее от внезапного, как смерч, Черного дня, чья многоликость непредсказуема, но норов извечно и беспощадно свиреп. Болезнь, авария, одинокая старость... Перечисление дурных вероятий бесконечно, но противоядие от них одно — капитал. Амортизатор. Щит. А в случае определенного рода нужды — меч.

Родилась и выросла Ирина в крупном сибирском мегаполисе, здесь же вышла замуж, закончила институт, аспирантуру, занимала руководящую должность на нефтеперерабатывающем комбинате; после развода с мужем сблизилась с директором предприятия — властолюбивым старичком, а когда грянула приватизация, оказалась в узком круге допущенных к местному нефтяному пирогу лиц, получив собственные акции и — главенство над частной компанией, обслуживающей необходимое руководству комбината посредничество между производителем и разбросанными по всей стране клиентами.

Для интимных свиданий с подчиненной любовницей директор снимал небольшую квартирку, где они встречались строго по графику, вечером каждого четверга, но подобного рода randevu раз от раза убеждали Ирину, что плата за аренду квартирki — блажь, ибо дряхлеющий шеф, претерпевавший прогрессирующую половую немощь, компенсировал ее пространными разговорами о жизни и вообще, которые мог вести со своей пассией не то что в присутствии посторонних, но и в компании собственной супруги и домочадцев...

Однако правила игры диктовал властительный старичок — инструмент созидания капитала, и Ирина с терпеливым усердием инструмент ублажала, зная, что без старичка — никуда!

Она заработала весомые деньги, когда произошло неизбежное: власть на комбинате не без вмешательства криминальных структур поменялась, застрелили первого заместителя директора, и старичок спешно ушел на пенсию, позвонив в офис Ирины и сказав, что ей предстоит разговор с людьми, должными сделать ей предложение, которое она, умница, пускай воспримет как обязательный для исполнения приказ.

Предложение, то бишь вердикт, вынесенный ей вежливыми молодыми мужчинами, внешнестью напоминавшими предупредительных банковских клерков, было незатейливо: получить скромную отступную сумму, передать руководство фирмой указанному лицу и — уходить в самостоятельное автономное плавание в неизвестность дальнейшего бытия — кстати, как намекнули, любезно дарованного ей некими высшими земными силами.

Ненавязчиво поторговавшись относительно величины компенсационного гонорара за свое благосклонное восприятие наглого ультиматума и получив твердый отказ, Ирина приняла незамедлительно врученные деньги, и отправилась домой, обреченно уясняя, что в этом городе делать ей, собственно, уже нечего... Да и детям тоже.

Попутно размышляла она и о другом предложении, сделанном накануне московскими клиентами, покупателями нефти, задолжавшими лично ей полмиллиона долларов за поставки сырья и упорно навязывающими в счет оплаты части долга роскошную четырехкомнатную квартиру с евроремонтом, новенькой бытовой техникой и антикварной мебелью в одном из респектабельных районов столицы.

Еще вчера данный вариант представлялся ей напроць лишенным какой-нибудь практической целесообразности, однако, избегая резких решений, она

взяла тайм-аут для раздумья, и, как обнаружилось в итоге, поступила мудро: приобретение жилья в Москве ныне виделось уже не капризом, а необходимостью, и с положительным ответом стоило поторопиться: прознай москвичи о смене руководства на комбинате и о ее сегодняшней никчемности — сгорели денежки! Да какие! Практически все плоды ее тяжких трудов, включающих ублаговторение дряблого старца...

Позвонив в Москву, она сообщила, что сложное финансовое положение должников готова понять, а, поскольку завтра улетает в столицу для решения неразберих комбината с министерством, то, заодно, готова осмотреть предлагаемую ей недвижимость. И — с сокрушенным вздохом присовокупила, что частые командировки в Москву для решения всевозможных организационных несуразиц, видимо, поневоле заставят ее, из соображений чисто практических, приобрести вынужденный собственный приют.

Такое заявление кредитора должники восприняли с нескрываемым восторгом.

На вечернем семейном совете — хотя, впрочем, какой еще совет? — советов она уже давно ни у кого не просила; итак, за семейным ужином в окружении детей — семнадцатилетнего Антона и Олечки, чье пятнадцатилетие готовились отметить на будущей неделе, она объявила, что потеряла работу, никаких перспектив в своем пребывании на земле сибирской не видит, а в самом богатом городе России — Москве, их ждет не дождется великолепное жилье и масса ослепительных возможностей...

Она говорила, веря и не веря в свои слова, но сознавая, что в очередной раз поступает разумно и логично: там, в огромном городе-государстве, дети найдут свое лучшее будущее, нежели в унылой глубинке, где она, растратив в рабском однообразии служивых

будней вдохновенные годы молодости, пестовала неустанно какающих и пищащих кровных чад, зарабатывая это их будущее унижениями, горбом и отработывая, возможно, таким вот образом гипотетическую карму.

А как незаметно подросли дети! Антон — двухметровый атлет, сложенный с чарующим женский взор великолепием, помешанный на компьютерах и каратэ; Олечка... Ох, Олечка!.. Еще соплюшка, а зрелость и законченность форм двадцатилетней девушки! И ведь, глядишь, а охмурят ненароком местные оболтусы, — подрастающее быдло и пьянь, затянут в убожество своего прозябания, и — увянет в этой безотрадной сибирской провинции нежный цветок, а то и попросту затопчется копытами вонючей плебейской нечисти...

Теперь ей невыносимо хотелось в Москву, и, проворочавшись в кровати без сна до утра, она, спешно убрав постель и, дав последние наставления детям с указанием надлежащего режима трат оставленного им недельного продуктового запаса в холодильнике, помчалась в аэропорт.

Московская квартира буквально ослепила ее своим простором и роскошью.

Однако предупредительным молодым людям, работающим в задолжавшей ей фирме, выказала пренебрежительное равнодушие и категорическое несогласие с ценой, обозначенной в двести восемьдесят тысяч долларов.

Властно забрав у шестерок-экскурсоводов ключи и, выпроводив их вон, замерла, оглушенная тишиной и победным одиночеством, а затем, взвизгнув, как ребенок, от восторга, плашмя бросилась в негу широкого мехового покрывала, устилавшего основательную, как подиум, со стенкой, инкрустированную слоновьим бивнем, кровать.

Полежала, наслаждаясь щекоткой нежного, чистого ворса, в котором тонули руки, механически гладившие *своё*...

С неохотой поднялась, снова прошла по свежему, солнечному паркету комнат, трогая золоченые рамы зеркал, канделябры, увешанные разноцветно мерцающими подвесками из горного хрусталя; открыла новенький, с девственно чистым зевом холодильник, невольно представив, как он заполнится пестрыми упаковками разной вкусящей всячины...

Включив огромный телевизор, засиявший тугими тропическими красками, повалилась, изнемогая от счастья, в пухлое кожаное кресло с подлокотниками из красного дерева...

Неужели это все — *ее*?!.

Душа *ее* трепетала от счастья. Копить, недоедать, цепляться за копейки, и вдруг, одним махом, воплотить усердие своего терпеливого нищенства в ослепительную роскошь...

Ты молодчина, Ирочка! Ты умница-разумница, лапочка!

И тут отрезвленно мелькнуло: времени на эмоции нет... Замешкайся, и чудо сгинет, как случайный мираж, оставив привычную досаду и безысходность...

Развернув рекламную газету, принялась обзванивать агентства по покупке-продаже недвижимости: дескать, имеется элитная квартира с обстановкой, срочно пришлите оценщика.

На следующий день, приехав в офис к должникам, она в категорической форме заявила, что покупает квартиру за двести сорок тысяч, а из последующего остатка долга требует пятьдесят тысяч наличными уже сегодня.

Начался торг.

В разгоревшихся дебатах лейтмотивом проскальзывало желание должников выяснить перспективы буду-

щих нефтяных поставок, и, понимая спекулятивную суть переговорной альтернативы, с поставками она твердо и непременно обещала помочь.

Естественно, тактический мизер ее выигрыша в цене за квартиру был зачтен в расчете грядущих стратегических дивидендов.

Квартиру оформили на ее имя в течение следующего дня.

И вечером, в одиночестве смакуя ледяное коллекционное шампанское на кухне, где уже стояла вазочка с цветами и светилось цифровое табло холодильника, указывающее температурные режимы, она внезапно остро и пронзительно поняла, что вот, наконец, и начинается ее настоящая, полноценная жизнь, — жизнь еще молодой, красивой и независимой женщины, которой, конечно же, суждено еще встретить и настоящую любовь, и неведомое до сей поры, что греха таить, бабье счастье...

Незнакомый город, светивший в ночи тысячами огней, завораживал бездной своих трепетных тайн и предощущением будущих встреч, среди которых, конечно же, будут встречи волнующе-романтические... А почему бы, собственно, нет?

Впрочем, привычно охладила она себя, направляясь в спальню, конкурс кандидатов на эту самую невесту должен отличаться неременной и завидной массовостью. А поскольку невеста представит своей персоной одновременно и весьма искушенное жюри, будет этот конкурс для кандидатов весьма несладок и многотруден.

Конкурсантам предстоит потрудиться!

Припав с восторгом и отдохновением щекой к нежной наволочке, она заснула, вторым растерянным планом уяснив, что не позвонила сегодня детям...

Ладно, успеется!

Собцова

От идеи разбойного нападения на сотрудников милицейского учреждения Леха категорически отказался. Прокомментировал свой отказ так:

— Зашел я в книжную лавку, полистал кодекс... Ну, эти твои коммерческие предложения в задницу! Если заловят — в тюрьме до пенсии прокукуешь! Лучше на лебедь, да на волю...

— Ладно, сделаем по-другому, — с услужливой торопливостью принялась уговаривать его Людмила. — У нас в конторе третий день сигнализация не работает... Я тебе дубликаты ключей дам, все покажу предварительно, ты войдешь под вечер, когда подъезд военкомата закроется и...

— А на выходе меня и примут... В объятя! Право, твою мать, охранительные!

— Я подстрахую! В случае чего — наш, мол, сотрудник...

— Угу. По ночам доллары и пушки перетаскивает! В неизвестном направлении из известного учреждения.

— Хорошо, сделаем по-другому... Войдешь тихонько, за ночь все загрузишь, спустишь сумки под окно, там кусты, а потом машину подгонишь... Ну, Леха! Чего ты трусишь?! Я не трушу, а ты...

— Ладно, давай показывай, где чего...

В помещение отдела Людмила провела деверя под вечер. Показала шкафы, осмотрев которые, Леха заявил, что запросто вскрыет их монтировкой; пояснила, что необходимо инсценировать проникновение через окно ее кабинета, взломав шпингалеты рам и оставив следы на подоконнике. Далее, кивнув на сейф начальницы, сказала, что искомые двадцать тысяч находятся именно в нем.

Продемонстрировала хранящийся в отделе арсенал: три автомата «Калашникова», две винтовки, четыре

пистолета, пятизарядный карабин, приборы для бесшумной стрельбы, штык-ножи, кинжалы и коробки со всевозможными патронами. Позолоченный «Вальтер» с готической надписью отложила в сторону — дескать, это мой, к вам в лапы попадет, обратно не допросишься...

Ограбление было решено произвести двумя часами позже, с наступлением темноты.

Проекзаменовав будущего взломщика и вручив ему банку с молотым перцем, дабы создать препятствие для служебной собаки, Людмила проводила его до выхода, а затем вернулась в кабинет.

Открыла шкаф, вытащила заветные пять пачек, уместив их в своей хозяйственной сумке. Следом в сумку отправились пятнадцать тысяч, прошедших экспертизу и подлежащих возврату в УЭП уже завтрашним утром. После, достав из кармана имеющийся дубликат ключа от сейфа Зинаиды, она отперла стальную дверцу.

Двадцать тысяч, посуленных олуху Лехе, в сейфе, конечно же, не набралось: в рублях, долларах и марках она насчитала четырнадцать тысяч.

Оставив четыре тысячи в качестве гонорара незадачливому взломщику, она заперла железный ящик и поспешила на улицу.

Первостепенной задачей теперь виделось надежное укрытие похищенных денег.

Выбросив в канаву дубликат сейфового ключа, она дошла до остановки трамвая, доехала в полупустом вагоне до лесопарка и побрела аллеей к примеченному месту, где под старой березой еще со вчерашнего вечера выкопала ямку, замаскированную тщательно вырезанным из почвы шматом дерна. Вытащила из ямки также заранее приготовленную трехлитровую банку.

Скрывшись в кустах, набила банку пачками валюты и закупила горлышко плотной полиэтиленовой крышкой.

Действовала не торопясь, с удивлением обнаруживая в себе завидное хладнокровие и педантичность.

Опустив банку в землю, уместила поверх нее пистолет, обмотанный промасленной ветошью, затем надела резиновые перчатки, заполнила пустоты землей, загодя сгруженной в пакет и — аккуратно утрамбовала дерн.

Июньские длинные сумерки уже истаивали, неохотно уступая свой черед недолгой и теплой ночи, когда злоумышленница вернулась домой, выслушав краткий и безучастный доклад уставившегося в телевизор супруга:

— Зинка звонила...

— И что? — Сердце Людмилы оборвалось.

— Да ничего... Тебя спрашивала.

— А ты? — Чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, она уцепилась в косяк двери.

— А чего я? Не пришла еще, говорю...

Людмила кинулась к телефону. Набрала номер. Занято!

Неужели что-то случилось? Неужели провал?

Ее кидало то в жар, то в озноб.

— Алло? — раздался в трубке голос ненавистой бывшей подруги.

— Звонила? — спросила она, стараясь привнести в голос безмятежную интонацию.

— Ну да... Ты где шляешься?

— Да так... Прогулялась. Вечер — сказка!

— Слушай, у нас большие проблемы...

Все тело Людмилы стало ватным. Преодолевая обморочный звон в ушах и подступающую тошноту, выдавила:

— Что такое?

— Послезавтра ревизия. Как у тебя с... Ну, ты понимаешь...

Закрыв в изнеможении глаза, она произнесла через силу:

— Завтра обещали дать...

— С гарантией?

— Да...

— Ну давай, подруга, не подведи, а то — полный абзац!

Положив трубку, она прошла в ванную, пустила воду и, глядя на тугую перевитую струю, с брызгами разбивающуюся о потертую голубенькую эмаль, постаралась всеми силами взять себя в руки.

Все еще только начиналось... Завтра предстоял нелегкий разговор с Лехой, уже обнаружившим вместо двадцати заветных тысяч лишь четыре; беседа со следователем, который наверняка станет придерживаться версии о причастности к краже сотрудников отдела; а уж кто-кто, но сволочная Зинка в этой версии утвердится сразу и бесповоротно.

И пусть! Подогревать чьи-либо подозрения в отношении ее, Людмилы, она все равно не станет. Ведь если выплывет на свет неудавшаяся комбинация с игрой на курсе доллара — Зинке — хана! Да и что ей Зинка?! Что ей вообще вся эта вонючая служба, когда под заветной березкой лежит сумма, которой и до пенсии не заработать! Главное — хладнокровие... И еще — Леха. Случись с ним чего — ее песенка спета. А хотя... Ну, родственник мужа. Часто был у них дома, имел доступ к ключам, мог сделать слепок... И на работу заходил, знал, что в сейфах — оружие и деньги... Да, главное сейчас — хладнокровие.

Леха позвонил в восемь часов утра, как и услаивались. Прошипел со злобой:

— Ну, ты меня и подставила, родственница дорогая!

— Что такое? — пролепетала Людмила с испугом.

— Ты говорила двадцать? А там... всего лишь одна!

— Как... одна? — искренне озадачилась сообщница, не сразу уяснив финт вероломного деверя.

— А так! За что старались? В общем, сувениры у меня, двигаю в деревню. В столице появлюсь на следующей неделе, разберемся. Бывай!

Хлестнули короткие гудки, и Людмила, ошарашено вслушиваясь в их череду, с невероятным облегчением уяснила: получилось! А Леха... Вот же мазурик! Что было бы, если она поступила с ним по-честному?.. Хрен бы чего обломилось! Ха! Тысяча в сейфе... На трешку нагрел! Ну и подавись своей трешкой, жлоб распроклятый! А ведь еще наверняка станет претензии выдвигать, хамло! Ну и выдвигай! Откуда ей знать, куда начальница из сейфа деньги дела? Было двадцать... Где остальные — вопрос к Зине. Хочешь ей его задать? То-то! Сиди и не рыпайся, суслик косолапый в своей сельской местности! Выращивай огурцы на закуску! Но все же — мерзавец! Надуть на трешку!

— Кто звонил? Чего ты бормочешь? — обернул к ней сонное лицо муж.

— Спи! — Она резко откинула одеяло, поднимаясь с постели. — Первое кино только в десять часов начнется! Так что дрыхни, дорогой товарищ. По делу звонили...

Леха

Повесив трубку уличного телефона-автомата, Леха поспешил к ожидавшей его за углом машине.

Обуревали Лехой чувства достаточно сложные. Гнев и радость, разочарование и, одновременно, — облегчение от безнаказанно совершенной кражи.

Относительно двадцати тысяч баксов Людка, ясное дело, ему насвистела, а может, и прикарманила их большую часть, но как это докажешь? Свалит все на Зинаиду и — баста! Проворная гангрена! Но коли так, то и он ничего не знает! Была в сейфе штука зе-

лененьких и — привет! А оружие потихоньку продаст, этот товар всегда в цене, на все времена товар! Людке же сообщит: в деле был кореш, подписался кореш на дело за десятку зеленых, так что мы корешу еще и должны за туфтовую наводочку... Тем более, скажет, кореш — мужик серьезный, три ходки за ним, так что шуточки в сторону...

Он покосился на управлявшего машиной Витька — своего соседа по поселковой улице. Витёк в самом деле имел три судимости — две за хулиганство, одну — за мелкую кражу, но с недавней поры остепенился, работал на коммерческой лесопилке, приобрел подержанную «девятку» и ныне за скромные гонорары ездил с Лехой за товаром в столицу.

О краже Витёк ничего не знал. Леха попросту указал ему переулок, куда надлежало подъехать ранним утром и, спустившись через окно по канату в кусты, отсиделся в них до рассвета, ожидая нанятого водилу. Далее, не вдаваясь в пояснения, погрузил сумки с оружием в багажник и вручил Витьку сотню долларов гонорара за сутки простоя и раннее пробуждение.

Истомленно крикнув, Леха достал из пакета ледяную бутылку пива, скосвырнул торцом зажигалки пробку и с наслаждением проглотил янтарную морозную жидкость. Хлопнул по плечу Витька:

— Чего грустный, мастер баранки? Выпить хочешь, а нельзя?

Витёк равнодушно посмотрел на самодовольную физиономию Лехи. Его серенькие выпцветшие глаза, глубоко сидящие под выпирающими, как у шимпанзе, надбровными дугами, были, как всегда, отрешенно-пусты.

— А чего радоваться?

— Как чего? — удивился Леха. — За ночь — стоху срубил... А всего-то дел...

— Каких дел? — донесся неприязненный вопрос.

— Ну... вот и я о том же... Ночку в машине посидел, покемарил, все искусство... — Леха запнулся: в тоне водителя он почувствовал некую враждебность.

— А-а... Это — да! — неожиданно широко и беззаботно улыбнулся Витёк, обнажив мелкие и редкие зубы. — Это — чтоб так каждую ночь!

Подкатившая настороженность, уколотившая Леху, моментально испарилась.

— Я бы и сам не против, — сокрушенно сообщил он, вновь прикладываясь к бутылке. — Но планка наша иная... Один раз — фарт, пять раз — без карт...

— Но сегодня ты, чувствую, козырную игру провернул, — благожелательно уточнил Витёк, сворачивая с трассы на бетонку, ведущую к поселку.

— Ну, как сказать... — отозвался Леха, вновь озабоченно постигая какую-то неприятную нотку в голосе водилы.

— Вот и скажи... — Витёк принял вправо, притормозив у края березовой рощицы. Заглушил двигатель. — Вот и скажи, — повторил уже с откровенной неприязнью, — почему меня за фраера гнутого держишь? А?

— Ты чего, в натуре, пасть не по делу расклеил?! — остервенело вскинулся Леха на собеседника, но тут же и осекся: в лоб ему смотрел зрачок «Парабеллума», и держала пистолет, как дошло сразу же, ослепительно-охлаживающе, — твердая и безжалостная рука.

Тот самый «Парабеллум», который сейчас должен лежать в одной из сумок в багажнике...

И всплыло: пока он трепался с Людкой, этот любознательный примат влез в багажник...

— Так вот насчет фраера, — глухо и спокойно объяснил Витёк. — Что меня с собой на дело не взял, воля твоя. Что на стоху меня подписал — я ее получил и — не в претензии. А в претензии, Леха, ми-

лый друг, я на то, что сыграл ты со мной в темный лес, рискнув и своей шкуркой, и моей башкой... — Приблизив ствол пистолета ко лбу оторопевшего пассажира, он с доверительной укоризной продолжил: — Взяли бы нас с тобой у тех кустиков, где ты хоронился со своим карго огнестрельным, поплыл бы я опять в вагоне с решеточками, в тесноте и убожестве, на север дальний, во тьму промозглую... Да и останови машинку для проверочки любопытный мусорок с палочкой полосатой, тоже крупная незадача бы вывинтилась... С учетом моей боевой биографии. Так ведь?

— Ладно, давай по-честному, — дрогнувшим голосом предложил Леха.

— Вот и давай, — согласился Витёк. — Роток раскрывай, доклад зачинай...

— О чем доклад-то?

— Кто навел, кто в лес завел... — На досуге Витёк грешил сочинительством стихотворных виршей, в основном — матерных частушек, но порой позволял себе поупражняться в рифмах и в бытовых разговорах.

Лихорадочно соображая, что неосторожный и чистосердечный ответ несет в себе угрозу гибели, Леха сбивчиво поведал о знакомой, работающей в экспертно-криминалистическом отделе и проговорившейся в его присутствии мужу об оружии и сломанной сигнализации. О похищении денег он, естественно, умолчал, равно как и о преднамеренном стоворе с Людмилой.

Вдумчиво выслушав арендатора его транспортного средства, Витёк скучно поинтересовался:

— А проговорила-то баба накануне?

— Не, неделю назад! — успокоил его Леха. — На кухне мужу... А я в сортире был, слышал...

— То есть — все чистяком? — уточнил Витёк.

— Конечно! Ты ствол-то убери, а?

— Уберу-уберу, только вот перекурю, — сказал Витёк, однако как держал «Парабеллум» зорко и агрессивно, так держать и продолжал, ни малейшей попытки закурить при этом не предпринимая. — Так и что с пушками ты, лох, делать-то собрался? А?

— Ну... давай... реализуем потихоньку... Все в пополаме... — сконфуженно потирая руки, молвил Леха.

— Во! — умудренно качнул головой Витёк. — Реализуем, стерилизуем... А кому и как — не сообразуем... Ладно! Считай, за подставу я тебя простил, но вот что ты друг упустил: спалишься ты с этим патрон-ташем! И выйдет: не нашим и не вашим...

— Да хватит тебе хореями шпарить! — поморщился Леха.

— Хватит так хватит... — К большому облегчению Лехи, Витёк убрал пистолет под сиденье. Пустил движок. Сказал твердо: — Кому стволы спулить — знаю. Есть концы. Вместе на киче парились. Серьезная московская братва. Сколько дадут — поделим. И — только так! — Мотнул решительно головой. — А твои клиенты — верный прогар. От них к тебе точняком мусора притопают, а там и ко мне дорога недолгая... Так что вылезай возле своей хаты налегке, а я товар заховаю.

Возражать ушлomu Витьку Леха не решился, хотя первый испуг, связанный с возможностью огнестрельного ранения в череп, уже прошел.

— Ну тогда и стольничек верни... — осмелел он. — Коль дело общее... Так ведь, коли по справедливости-то? Я ж тебе еще и бензин оплатил, и амортизацию...

— А я бы мог твою амортизацию не оплачивать... — Витёк со значением кивнул на скрывающуюся за багажником автомобиля березовую рощицу. — И вообще утилизацию... Стоха — моральный ущерб, осознай, друг!

— А когда ты мне ствол в рыло, а?

— За дело, товарищ! За дело! Меня ваша хитрость задела. И заела!

— Опять ты за свои прибаутки... — Леха беспомощно уронил на сиденье онемевшие руки.

Ему неимоверно хотелось пристукнуть шустрого и сметливого, как хорека Витька, но одновременно с безысходной обреченностью сознавалось, что совершить это он попросту не в силах.

В глубине души нахрапистый и самоуверенный Леха был трусоват, и, слава Богу, неспособен на насилие и убийство. Верхом его отваги была как раз эта самая незадачливая кража из милицейского вспомогательного ведомства.

Кража, о которой он уже здорово сожалел.

И когда запыленная машина Витька скрылась за поворотом поселковой улицы, он, ощупав потайной карман брюк, где лежали похищенные доллары и марки, перевел рассеянный взор на свой тщательно ухоженный домик с кованой калиткой, с внезапным ужасом осознав, что вскоре в этот дом могут войти решительно и по-хозяйски люди с неприветливыми лицами, ляжет на скатерть постановление об обыске и — здравствуй, паровоз на север страны!

Но изменить что-либо было уже невозможно. Оставалось надеяться и ждать. Надеяться на безуспешность следствия и ждать, увы, возмездия за грехи тяжкие...

Поднимаясь на крыльцо, он не без удовлетворения вспомнил о хранящейся в морозильнике литровой бутылки «Смирновской».

Вынести эту жизнь трезвым было категорически невозможно!

Витёк

Тюки с оружием Витёк закопал в той самой березовой рощице, на краю которой состоялся, благодаря парабеллumu, откровенный разговор с хитрецом Лехой.

Зла на Леху, сыгравшему с ним втемную, Витёк не держал, он и сам бы поступил подобным образом; не собирався он землячка и убивать, поскольку великолепно понимал: исчезновение Лехи чревато расследованием, а выйди милиция на след похитителя оружия да прознай, что тот канул в неведомые дали, непременно окажется он, Витёк, за прочной решеткой по подозрению в убийстве подельника. А это уже не срок за хулиганку, это — финиш, пожизненная прописка на нарах.

Прошлый тюремный опыт диктовал действия, связанные с конкретными уголовными стереотипами, а именно: надлежало продать оружие не праздным дилетантам, а умелым профессионалам, которые, и попадись, не выдадут источник приобретения стволов.

Такой человек на примете у Витька был: Сеня-Чума.

С Чумой он познакомился в зоне, где отбывал последний срок; Чума, имевший семь судимостей, относился к касте блатных, входил в состав одной из московских группировок и, пребывая за колючей проволокой, имел горячий «подогрев» с воли, потчuya себя деликатесами, французским коньячком и балуясь экзотическим кокаином.

Витёк, не имевший в мире воров ни малейших заслуг, кроме разве трех краткосрочных посиделок, был Чумой примечен, обласкан и произведен в должность доверенной шестерки.

Из зоны они вышли практически одновременно.

Чума, в мирной гражданской жизни специализирующийся на разбоях и грабежах, предложил услужливому Витьку присоединиться к его команде.

Взяв для приличия время на раздумье и записав телефон Чумы, к предложению бандита тот, тем не менее, отнесся крайне отрицательно.

Как бы ни был Чума крут, как бы ни жировал в зоне, пример его Витька не вдохновлял. Многочисленные судимости уголовника явственно указывали на то, что злодеяниям его неотвратимо уготовано воздаяние, а значит, аналогичная участь ждет и его подельников.

Чуму тюрьма не тяготила, она была неизбежной частью его бытия, а вольная жизнь являлась всего лишь отдушиной для удовлетворения кровавых разгульных страстей. И именно эта патологическая естественность в пренебрежении к собственной личности и к смыслу своего существования, что подразумевала абсолютное небрежение судьбами и жизнями других, возводила бандита на пьедестал истинного блатного авторитета.

В криминализированном сознании Витька уживались и боязливая почтительность к безоглядному ухарству свирепого Чумы, но одновременно и крестьянское неприятие существования перекаати-поля.

В жизни своей Витёк совершал много краж, но, как правило, брал то, что плохо лежит, дабы утянуть добро в собственный дом, неизменно этот дом благоустраивая хотя бы и за счет других. Да и все равно погорел, когда спер со стройки два десятка труб, должных стать опорами для нового забора...

А потому свое участие в рискованных делах банды Чумы Витёк напрочь исключил, устроился рабочим на коммерческую лесопилку, приворовывал готовые материалы, что позволило ему приобрести подержанную, но ладную машинку; обветшавший забор все-таки реконструировал, принялся возводить новую просторную баньку и об откровенно криминальных доходах не помышлял, хотя перед поселковыми пацанами рисовал себя отъявленным головорезом.

В этом представлении перед публикой собственного эго Витёк пользовался образом неукротимого

Чумы, имитируя его развинченную походочку, небрежные интонации и свирепые рыки с одновременным выпячиванием челюсти и налитых злобой глаз.

Пацаны воспринимали этот цирк за чистую монету, что приносило Витьку уверенность и немалое удовлетворение.

Что же касается ненароком попавшего к нему оружия, то связываться с его продажей Витёк едва бы решился, не будь одного обстоятельства: он знал, что Чума, хотя и погорит рано или поздно с этими автоматами и пистолетами, но его не выдаст. О ненависти матерого бандита к милиции и о его каменной замкнутости в общении со следователями и операми в зоне ходили легенды.

Один из пистолетов — небольшой газовый маузер, переделанный для стрельбы мелкокалиберными патронами, Витёк оставил себе, спрятав под шиферным листом крыши сарая. Пистолетик был ладный, красивый, легко и незаметно уместился в кармане, а потому то и дело извлекался из тайника для праздного любования изяществом его мастерски выверенных форм.

Сидя в трусах на летней веранде и попивая пиво, Витёк в который раз разглядывал лежащий на столе пистолет и раздумывал, где бы опробовать его огнестрельную силу.

Время шло к обеду, на кухне шипела в сковороде картошка, хлопотала вода в кастрюльке с молочными сосисками и погромыхивала крышка на чане с вареном собачьей каши — дом сторожил огромный брехливый сенбернар по кличке Понтыра, наружности устрашающей, но нрава жизнерадостного и кроткого.

После смерти матери и развода с женой Витёк уже третий год жил один, удовлетворяясь компанией сенбернара и ночными рандеву с соседкой, чей муж трудился на стройках в Москве и приезжал домой лишь на выходные.

Холостая жизнь несла в себе определенные бытовые неудобства, но Витёк, прошедший школу трех зон, успешно неудобства преодолевал, наслаждаясь свободой во всех ее проявлениях.

От созерцания пистолета, в котором присутствовал элемент некоей медитации, Витька оторвал восторженный скулеж сенбернара.

Рассеянно оглянувшись на собаку, Витёк подскочил со стула: из слюнявой бело-рыжей пасти свисал, болтая поникшими ушами, огромный бежевый кролик, изгвазданный в песке и в глине.

Мгновенно вспомнилась прореха в сетке забора, ведущая на соседний участок, которую он собирался заштопать едва ли не месяц, и нездоровый интерес собаки к этой дыре, ведущей в неведомые и заманчивые для кобеля дали...

Отобрав у гордого своими охотничьими достижениями пса дохлого кролика и дав сенбернару увесистого пинка, Витёк с опаской посмотрел на соседний дом, приметив с досадой раскрытую кроличью клетку, стоящую у торца гаража. Пробормотал:

— Понятно...

На входной двери соседского дома красовался навесной замок: сосед, видимо, куда-то отошел по делам.

Сосед — Юра Хвастунов, всегда одалживающий Витьку деньги и импортный инструмент, купил дом в поселке около двух лет назад, поначалу используя его как дачу, а после, выгодно сдав в аренду квартиру в Москве, окончательно переселился за город. Дохлый кролик, в настоящий момент валявшийся на веранде Витька, был его гордостью: грызун, являвший собой редчайшую породу, был привезен из Австралии, бережно Юрием выращен на специальном корме и витаминах, и, прознай сосед про сенбернары козни, добра от него Витьку не видать уже никогда!

Метнувшись в дом, Витёк, матерясь, выключил газ под подгоревшей картошкой и собачьей кашей, скинул в раковину лопнувшие, дымящиеся обильным паром сосиски и принялся обтирать кролика от грязи влажной тряпкой.

Тряпка оказалась средством неважным, и тогда в дело включился пылесос.

Отчистив покойника от мелкого песка, въевшегося в шкурку, Витёк судорожно расчесал ее собственной расческой и вновь выглянул из-за сарая в сторону соседнего дома.

Замок на двери висел...

С трудом втиснувшись в прореху сетки забора, и больно оцарапав шею о рваную проволоку, Витёк, держа мертвого кролика под мышкой, как балерина на пуантах подлетел к клетке и уместил в нее облагороженный трупик.

Закрыв клетку на щеколду, опрометью кинулся домой.

Посадив на цепь нашкодившего пса, прошел в комнату, приступив наконец к запоздалой трапезе.

Донесшийся с веранды требовательный стук в дверь заставил его поперхнуться сосиской: на столе веранды лежал пистолет!

И тут скользнула парализующая сознание мысль:
«А если менты?»

С обреченностью висельника Витёк направился к двери.

На пороге стоял сосед Юра. С отрешенным и, как показалось Витьку, злым лицом.

— Ты чего пушки разбрасываешь? — мрачно кивнул Юра на беспечно оставленный на столе маузер.

— Да какая еще пушка... — проямлил Витёк. — Так, газовик...

Сосед повертел оружие в руках. Сказал, усмехнувшись криво:

— Ага, газовик. Без перегородки и с обоймой под мелкашку... Повнимательнее надо! — Затем устало опустился на стул. Вытащил из кармана пиджака бутылку водки. — Выпить мне надо. Поддержишь?

— Без вопросов... — промолвил Витёк осторожно. — Напряги какие?

— Крыша у меня съехала, по-моему... — мрачно проговорил Юрий. — От всех моих жизненных заморочек...

— Так в чем проблема? — спросил Витёк, стараясь не глядеть в глаза собеседнику.

— Кролик у меня умер, — молвил Юра отчужденно.

— Как?! От чего?!

— А хрен знает... Подхожу вчера вечером к клетке — готов...

— Э-э... Вчера?

— Ну да... — Юра рассеянно посмотрел по сторонам. — Давай стаканы, что ли...

— Момент...

— Во-от, — продолжил сосед на горьком выдохе. — Утром похоронил его, поехал по делам, а вернулся — он снова в клетке... Ты понял?

Витёк, вытянувшись всем корпусом к потолку, сунул руки в карманы, прошелся по веранде, надувая щеки и раздумывая, что бы ответить... Наконец сказал:

— Так это... он живой?

— Да мертвый!

— Во как...

— Ну да...

Булькнула в стаканах водка.

Юра отлучился в комнату, принес недоеденные сосиски и картошку, вспоминая глину и песок и на лапах сенбернара... Мелькнуло: «Пес-спасатель, гены...»

Выпили, порассуждали о невероятных явлениях мистического толка, сопровождающих всю историю рода человеческого, после чего сосед обратился к не-

приятной для Витька теме: уже месяц как тот был должен вернуть Юрию долг — двести долларов.

— Подожди еще недельку, — говорил Витёк, обнадеженный перспективой скорой продажи оружия. — Если хочешь — с процентами...

— А давай я пушку у тебя куплю! — предложил Юрий.

— Ну, она не две сотни стоит...

— Хорошо, триста даю... «Макар» столько тянет! А тут мелкашка левая...

— Но сделана-то как!

— Это еще проверить надо... — Юрий задумался. Затем настороженно оглянувшись через плечо, произнес: — А... чистая волына?

— Хрен знает, — не стал врать Витёк. — По случаю досталась.

— Ну?! Триста! И — прямо сейчас!

— Идет...

Погасив таким образом долг и заработав сотню, Витёк отправился к Лехе, встретившему его довольно враждебно. Поинтересовался: есть ли какие новости из столицы?

Сквозь стиснутые зубы Леха ответил, что со своими московскими знакомыми не связывался, а если новости и поступят, то Витька, следуя логике успешного милицейского расследования, обязательно посетит участковый и обсуждать новости они станут уже в камере следственного изолятора.

Леха выглядел издерганным и больным. Чувствовалось, что его гложут самые неприятные предчувствия.

Шагая от Лехи домой по вечерней улице, Витёк утверждался в мысли, что от опасного огнестрельного железа надо избавляться как можно скорее.

На следующий день, передав сенбернара на попечение любовницы, он наведлся в Москву, прямо с вокзала позвонив своему бывшему боссу.

Услышав голос Витька, тот выразил заинтересованную готовность к свиданию с верной тюремной шестеркой.

Отметили встречу в кафе, контролируемом бандой Чумы.

Чума — двухметровый верзила с покатыми плечами, стриженный «бобриком», не отрывая от гостя змеиного застывшего взора своих желтых, с едва различимыми зрачками глаз, щедро потчевал Витька, накладывая ему в тарелку половники икры и сочащиеся янтарным жиром ломти севрюжьего шашлыка.

К кафе подкатил Чума на новеньком представительском «мерседесе». Одежду его отличала изысканная небрежность: легкие белые брюки, ремень с позолоченной пряжкой, гавайская цветная рубаша с просторными рукавами и вырезом, в котором виднелась толстенная, усыпанная бриллиантами цепь.

Скромный Витёк, облаченный в китайские джинсы и аля-шелковую рубашечку с застиранным воротом, смотрел на бандита с уважительным подобострастием.

— Вот так и живем, корешок, — приговаривал Чума. — Работы невпроворот, но и витаминов за труды тяжкие перепадает в полном ассортименте... Чего, заскучал среди коров и овец по делу живому, по людям правильным? Понимаю...

— Да-а, ты, Чума, в тузах, — отвечал Витёк, захмелевшим взором уставившись на татуированную лапу собутыльника, поглаживающую складный зад наклонившейся над столиком официантки. — Конечно, заскучал... Да только куда мне, деревне, до ваших высот... Вообще мозгов...

— Научим, Витёк, не дрейфы!

— Э, Чума, коль уродился недомерком, то и в гробу не устаканишься...

— А чего звонил? — В голосе Чумы прозвучала неприязненная нотка.

Зыркнув на удаляющуюся от стола официантку, Витёк кратко доложил:

— Есть стволы.

— Так... — посерьезнел Чума. — Откуда-чего?

Витёк объяснил ситуацию. Скрывать ничего не стал, зная, что утаенные факты грозят кровавыми последствиями. О проданном соседу маузере, правда, умолчал. Да и подумаешь — газовик... В случае чего — пробовал, не стреляет... Вот и отдал одному фраеру за сотку зеленых, пусть слесарит-химичит... К тому же товар его, Витька. И кому чего он впарит, кого касается?

— Странно-странно... — произнес Чума, усиленно морща лоб. — Сельский фраер грабанул ментовскую... Влегкую. Как козу подоил!

— Ну, стволы-то у меня! — стукнул кулаком в грудь Витёк. — Не сказки же сочиняю! И фуфлом не воюю... — не удержался от присовокупления рифмочки.

— Стволы-то возьмем, тебя не обидим... — в задумчивости пробормотал Чума. — Вещи в нашем хозяйстве значимые... Так где эта ментовская контора распласталась? Дай координаты...

Витёк сбивчиво пояснил.

— Ага... Пробьем. А баба, говоришь, его кореша?.. Ну этого, форточника... У ментов она подвизается?

— Он так сказал.

— А фамилия бабы?

Витёк пожал плечами.

— Вот чего, — промолвил Чума, облизывая белесым языком тонкие, в мелких шрамах, губы. — Ты, Витюша, пей-закусывай, после ко мне на ночлег погребем, телок тебе поставлю, проведешь ночьку незабвенную... А через денек-другой тронемся к тебе в гости... Угостишь нас молочком из-под коровки... Угостишь, нет?

— Да я... — Витёк растерянно поводил в воздухе заскорузлыми конечностями.

— Шу-у-чу, — протянул Чума, расплывшись в улыбке. — Не стану тебя в расход вводить...

— Это... как?

— А-а!.. — Уяснив двусмысленность своего обещания, Чума загоготал. — Не бойсь! И жив будешь, и бабок отсыпем!

— Может, я того... домой?.. — почувствовав себя в высшей степени неуютно, молвил Витёк осипшим голосом. — Адресок дам, буду ждать... А то — дела, да и вообще... Собака не кормлена...

Вместо ответа Чума взглянул на него столь грозно и пронзительно своими гадючьими зенками, что бывшая лагерная шестерка тут же жалобно поправи-лась:

— Хотя — раз надо, так надо... Вашей головой — думать, моей — кланяться...

— Вот так-то лучше, — буркнул бандит.

Из жизни Ирины Ганичевой

Жизнь в столице, поначалу представлявшаяся Ирине нескончаемой цепью новых знакомств и, соответственно, предложений разного рода работы и бизнеса, на поверку оказалась пространством с разреженной атмосферой какого-либо человеческого участия и заинтересованности к ближнему. Отчужденность друг от друга населяющих огромный город людей была едва ли не основой их бытия, а борьба за кусок хлеба насущного велась здесь с особым остервенением и безжалостностью.

Наверное, только сейчас, растворившись в безликости многомиллионных толп, Ирина поняла, что жила ранее в глубинке географической, но отнюдь не духовной. В каких-нибудь Сокольниках или в Беляево, да и около Кремля, провинциалов было не меньше,

чем в Сибири. Москвичей зачастую водили в столичные музеи их гости из захолустья.

В суете этой жизни для многих оставалась лишь иллюзия, что все высшее доступно, и всегда успеется. А в реальности? Работа, семья, текучка, машина, конструктивные знакомства, трепотня за бутылкой. Почти некогда остановиться и оглянуться. Вечное подождет. Вот он, парадокс столичной жизни: все рядом, спешить нет смысла, и в итоге все течет мимо.

Однако, сетуя на бездуховность и ослепляющий меркантильный материализм основной массы москвичей, походами по музеям и театрам деловая женщина Ирина Ганичева также себя не утруждала, всерьез тяготясь лишь одним обстоятельством: своей вынужденной бездеятельностью и тратой накопленных денег, не способной компенсироваться сколько-нибудь регулярным заработком.

С другой стороны, каким образом данный заработок обрести? Идти ишачить за грошовую зарплату в государственную организацию? Глупо, этих зарплат она себе уже заработала на век вперед. Устроиться на основательную должность в какой-либо коммерческий нефтяной концерн? Не хватает связей, да и едва ли ей выдержать кадровую конкуренцию.

Попытаться наладить собственный бизнес? Но какой? Что у нее есть, кроме полузабытого околонучного прошлого и сегодняшних навыков посредника, управляемого поступающими извне распоряжениями?

Однако, очутившись в вакууме собственной невостребованности, она не отчаивалась, методично завершая связанные с переездом дела: удачно продала прежнюю квартиру, перевезла на новое место жительства дорогую ее сердцу утварь, устроила детей в школу и постепенно стала налаживать и укреплять прежние шапочные знакомства с людьми из министерства, которых знала благодаря прежним командировкам.

За должниками еще оставалась сумма в двести тысяч долларов, однако дошедшая до них новость об отстранении Ирины от дел существенным и естественным образом повлияла на прежнюю готовность платить по счетам, и вероломные обещания Ганичевой относительно будущих поставок нефти обернулись, как и следовало ожидать, подобного же рода заверениями в погашении оставшейся задолженности. При этом в голосах заверяющих, уяснивших ее уловку со срочным приобретением квартиры, отчетливо слышались злорадные и мстительные нотки.

Противопоставить что-либо бесстыдству неплательщиков Ирина не могла: попытка решения дела в официальном порядке означала возникновение вполне понятного интереса к ее персоне со стороны налоговых служб, а обращение к неформальным, то бишь криминальным адвокатам, было чревато непредсказуемыми последствиями, поскольку, как она слышала, у должников имелась свирепая и давняя уголовная «крыша».

Таким образом, ведение жестких переговоров требовало весьма компетентной и могущественной силовой поддержки, чьи осторожные поиски, ставшие отныне первостепенной задачей Ирины, затмили своей актуальностью поиски ее нового социального статуса. Впрочем, сумма в двести тысяч сама собой являла этот статус.

Одна из министерских дам, ставшая с недавней поры поверенной свежепомазанной москвички и с удовольствием навещавшая ее званые обильные ужины, с решением проблемы возврата долга пообещала помочь, обронив, что ее дальний родственник, недавно переживший аналогичный конфликт, сумел получить долг сполна благодаря наивлиятельному в криминальных кругах лицу, способному выколотить деньги хотя бы и из самого верховного главнокомандующего.

Подобная характеристика загадочного уголовного авторитета страшила, но одновременно и обнадеживала, и потому, решив, что первый предварительный разговор ее ни к чему не обяжет, Ирина попросила подругу устроить ей встречу с всесильным вышибалой теневого капитала.

Вышибала оказался представительным, со вкусом одетым мужчиной лет пятидесяти с небольшим; неукротимость и твердость его волевой натуры сквозили в каждом жесте и слове, вмиг заволакивая Ирину, впервые, возможно, почувствовавшую себя податливо-беспомощной и потерянной; однако превосходством своего положения гость не злоупотреблял, был снисходительно-насмешлив и участлив в расспросах, хотя небрежно-циничные интонации его тона сеяли в Ганичевой гнилые сомнения.

Александр Иванович, как представился респектабельный вышибала, ходить вокруг да около предложенной ему темы не стал. Заключив, что по существу описанной ему ситуации потерпевшая стоит на самой что ни на есть неуязвимой позиции, он предложил услуги в восстановлении справедливости, обозначив стоимость процесса восстановления в тридцать процентов от общей суммы. При этом заметил, что никакие «крыши» его не пугают, однако для начала реальных действий ему необходимы установочные данные на должников. В том, конечно, случае, если его персона вызывает доверие у милейшей дамы, чье разочарование и боль, вызванные кознями подлых мерзавцев, он готов разделить, воздав обидчикам слабую сполна.

В очередной раз для Ирины наступил момент принятия кардинального поворотного решения...

Она лихорадочно соображала, как ей поступить. Раскрыть все карты? А если Александр Иванович за ее спиной договорится с «крышей» должников? Но, с другой стороны, родственник подруги получил от

него оговоренную и очень крупную сумму, и его никто не обманул... Потянуть время? А что это даст? Да и не тот перед ней, чувствуется, человек, чтобы бесконечно и послушно бегать на randevу с трусливо осторожничающими бабенками...

Она начеркала на листке название и адрес фирмы, предъявила ксерокопии долговых расписок с автографами ответственных лиц.

— Получат козлы по рогам! — уверил ее Александр Иванович, убирая бумаги в карман элегантного, в маленькую клеточку, пиджака.

На следующую встречу, необходимую ему для уточнения некоторых данных, касающихся личностных характеристик руководителей недобросовестной фирмы, он приехал с влажной охапкой черно-багровых роз, огромным тортом и с пластиковой, перевязанной ажурными лентами коробочкой с коллекционным испанским вином. Вручая цветы, пояснил:

— Не люблю являться в приличный дом с пустыми руками. А тем более в дом, где обитает такой редкой красоты женщина...

Ирина зарделась.

Наслышанный об увлечении Антона каратэ, Александр Иванович подарил мальчишке настоящее японское кимоно, а Оле — тоненькую золотую цепочку с медальончиком.

Стоимость детских подарков недвусмысленно указывала на определенные симпатии Александра Ивановича к родительнице, но лепет Ирины относительно непомерной щедрости гостя он пресек, заявив, что дешёвок и жмотов всегда презирал, и дарующий прежде всего приносит радость самому себе, как, впрочем, становится богаче и тот, кто возвращает свои долги.

Тут бы вспомнить Ирине предостережение древних: бойтесь данайцев, дары приносящих, да не сумела проникнуться античной мудростью — для всех

времен универсальной, поскольку соперница мудрости — корысть — не дремала в сердце ее ни на миг.

В этот вечер они засиделись допоздна, обсуждая проблемы текущего бытия и рассказывая друг другу о собственном прошлом.

Александр Иванович не скрывал, что многократно сидел, — в основном, правда, за незаконные валютные операции, ныне, после свержения проклятого большевизма, ставшие бытовой нормой; при этом нисколько своей тюремной биографии не стеснялся и главные постулаты личностного мировоззрения формулировал так:

— В России у каждого за спиной зона маячит, просто не каждый шею вывернуть в ту сторону желает да присмотреться, призадумавшись... Вот ты, Ира, коли уж на брудершафт выпили и толкуем как товарищи, скажи: эти двести штук — что, личным ударным трудом заработаны? Нет, просто сколотилась у вас компашка с долевым участием, и кто в нее не попал, тот нефть качал и разливал за гроши, а кто попал, тот, рук не марая, сидел в белой рубашечке-блузочке да выручку пересчитывал за конечный продукт... Так ведь? Потому вывод: как ты украл — неважно, главное — не попался. Вот и весь сказ. И чего лицемерить? Чего мораль разводить? Кстати, эти, сегодняшние... — Ткнул пальцем в потолок, — уже на ясном глазу заявляют: да, мой дом этот, к примеру, Газпром, и — баста! Посторонние — от винта! А кто его строил и налаживал — плевать! Я — хапнул, и охранную ксиву в сейф положил. Вот и весь главный козырь. Прямой нагляд! И скажи чего против?.. Побурчали маленько сырые и заткнулись, свыклись. А что делаешь? Кто в компашку этих хаповиков не уместился, тому одно осталось — пресмыкание... А компашка сплотилась и очень даже внимательно за всеми ключевыми позициями следить начала, чтобы постороннего

на них за три версты не подпустить! Вот такая кодла образовалась... И если платит кодла налог, то — как в общак, на свое же благо. А что других касает, то налог с них взыскивается под угрозой и — тоже в общак идет... А оттуда — отстегка на привилегии той же самой компашки. Замкнутый круг. А в компашке правила жесткие, потому что, не соблюдай их, не только из доли выковырнут, но ведь и посадят, как нечего делать... Ведь у каждого рыло не то чтобы в пушку, а в бородине путаной до колен... Так что, Ира, закон в России один: или воруй грамотно, или прозябай. А кто прозябает, тот, как слабенький зайчик в лесу дремучем и голодном: непременно сожран будет. — Подумав, прибавил, наливая в бокалы вино: — Ну, а мы выпьем с тобой за свою компанию... Как думаешь насчет такого предложения?

Она лишь послушно кивнула.

Дети уже спали, когда, встав из-за стола, он подошел к ней, приподнял за локти и властно прижал свои жесткие губы к ее — податливо распахнувшимся...

А затем уверенно и скоро раздел, и, не в силах сказать ни слова, не то чтобы противостоять его безоговорочному натиску, она, словно погружаясь в бездну, закрыла глаза, ощущая обморочное бездумье, и охватила ногами его жилистое, сильное тело...

Вскоре он переехал жить к ней, став полновластным хозяином в доме.

Удивительно, но она, считавшая себя самостоятельной и независимой, не оказывала ни малейшей попытки противиться его воле. Да и зачем, собственно?

Несмотря на изрядный возраст — Александру Ивановичу, оказывается, перевалило за шестьдесят, он был неутомимым и искусным любовником, хотя порой секс с ним отличался жесткостью и чрезмерно извращенными, как ей казалось, фантазиями; однако

в быту относился он к ней ровно, иногда проявляя трогательную, предупредительную нежность; много времени посвящал детям, возил их на дачи к своим друзьям, откуда те возвращались, сияя гордостью за своего старшего друга, почитаемого людьми известными и властительными.

На Олю и Антона каждодневно сыпались всевозможные дары: золотые украшения, престижные тряпки, а что касается Ирины, то вскоре Александр Иванович принес ей первую выплату от должников — десять тысяч долларов, сказав, что у фирмы действительно серьезные проблемы, но к концу года окончательный расчет, включающий начисленные им проценты, будет непременно произведен. От каких-либо гонораров он отказывается, ведь они — одна семья, а кроме того, ему вполне достаточно собственных денег.

Ирина была счастлива. Безоглядно и упоенно. Порой ей даже казалось, что в эйфории этого счастья есть что-то настораживающе странное, но мысль о сути этой странности набегала и исчезала, как проскользнувшее под солнышком облачко...

Ей ни о чем не приходилось заботиться: за детьми следил мужчина, кому они всецело доверились и кого уже почитали за отчима; изобилие деликатесов в холодильнике было неиссякаемым; порядок в доме поддерживался Олечкой, а она, Ирина, пребывала в восторженно убаюканной неге, в лучезарном, что-то тихо нашептывающем ей сне, спутанном с такой же струящейся радужными потоками, умиротворяющей сознание явью...

Транквилизаторы и наркотики, в диких количествах подмешиваемые ей в еду и питье вором Крученым, неуклонно делали свое дело: Ирина постепенно сходила с ума.

Крученный

Судьба, как не без оснований полагал Крученный, преподнесла ему внезапный и роскошный подарок: практичная и состоятельная женщина Ирина Ганичева, обладательница роскошной четырехкомнатной квартиры в спальном районе столичного юго-запада, на проверку оказалась безвольной, глупенькой курицей, тотчас же угодившей в его незамысловатые сети комплиментов, подарочков-трофеев, взятых при квартирных налетах, и обещаний выбить долг.

«Крыша» у оппонентов Ирины была крепкой, однако авторитет Крученого свое дело сделал, долг был признан, и половину его он сразу же получил, отдав некоторую толику заказчице, в скором времени должной ни малейшей нужды в каких-либо дензнаках не испытывать, ибо обильные и каждодневные дозы зелья, замешанные корешком Чумы по кличке Аптекарь, вскоре должны были превратить хваткую, сообразительную бабенку в блаженную, непоправимо свихнувшуюся особь, навечно прописанную в палате дурдома.

Когда психперевозка увезла бессмысленно улыбающуюся и распеваящую арии из опер и оперетт Ирину к ее собратьям по несчастью, Крученный, усадив за стол Антона и Ольгу, сообщил, что болезнь их матери, связанная с потерей работы и денег, с которыми смылись в неизвестные дали ее должники, эта болезнь поддается лечению крайне тяжело, а потому он, заботливый и ответственный отчим, обязанности попечителя и наставника отныне берет на себя, требуя беспрекословного подчинения всем его указаниям и пожеланиям.

Собственно, подобного рода декларация была излишней: каждое его слово дети ловили с вниманием и восторгом.

Он уже побывал с ними в компаниях воров и братков, они видели выказываемое ему подобострашие со стороны как уголовников, так и солидных властительных дядь, он, не скупясь давал им деньги на карманные расходы, приучал к блатной разудалой жизни, к тому, что успех дается только сильному, хитрому и беспощадному, и его не просто слушали, а слышали...

Ему быстро удалось затмить и разрушить силой своего неукротимого порочного эго зыбкие устои юношеского благонамеренного устремления к элементарным нормам морали и законопочитания. И вскоре им уже не испытывалось сомнений, что этот мальчик и девочка станут его послушными человекоорудиями, готовыми на все ради любой его прихоти.

Он являл собой громадную искривленную линзу, через которую подростки взирали на новый, внезапно открывшийся перед ними мир. Тот мир, что безраздельно принадлежал их повелителю.

Как только Ирину увезли в больницу, на всякие хождения в школу был наложен категорический запрет: нечего забивать себе голову дурацкими формулами и книжонками, он сам ответит им на все вопросы и даст любые, действительно необходимые знания.

Что же касается школы каратэ, посещаемой Антоном, то это — дело стоящее и похвальное: умело сворачивать головы недругам — искусство, чья востребованность неизбежна в той красочной и увлекательной судьбе, которую он уже уготовил своему воспитаннику...

Подъехав вместе с Чумой к входу в подвал, где располагалась шарашка по обучению восточным единоборствам, Крученный повторил подчиненному бандиту инструктаж, глядя на висевший у двери рекламный плакат с изображением двух бойцов со зверскими рожами, один из которых пяткой расплющивал нос

другому в прыжке, которому мог бы позавидовать матерый самец кенгуру.

По ходу инструктажа сообразительный Чума вставлял ремарки, корректирующие предстоящее охмурение несмышлениша Антона.

Раскрасневшийся пасынок, выйдя из подвала и узрев машину отчима, расплылся в довольной улыбке от подобной заботы и ощущения превосходства над сверстниками: небрежно усесться на глазах товарищей в роскошный «линкольн», дожидаящийся тебя на выходе с тренировки, — это кайф!

Первым делом поехали перекусить в маленький уютный ресторанчик.

Одной рукой поглаживая Антона по голове и другой — щедро подкладывая ему дымящуюся аппетитным парком снедь в тарелку, Крученный с озабоченностью выговаривал, что юному атлету необходимо регулярно и качественно питаться, дабы стать настоящим, сильным мужчиной.

Подыгрывая расписанному сценарию, трогательную заботу проявил и Чума, невинно спросив, есть ли у Антона девушка. Узнав, что парень питает симпатии к одной из одноклассниц, тем же нейтральным тоном уточнил, хороша ли девчонка в постели.

Лицо Антона вспыхнуло густым румянцем.

— Э, брат, ты чего? — искренне изумился Чума, присвистнув. — Ты ее не это?.. Или она тебе, вроде как статуи какой безрукий из музея? Ее ж надо по полному графику, ударными темпами, иначе до них не доходит... Иначе она тебя, как козла на поводке водить станет... Чего на меня глазами сверкаешь? Правду тебе говорю жизненную. Думаешь, ей твои вздохи и всхлипы нужны? Так это только сейчас... А завтра ей другое подавай, сама не отстанет... Не веришь?

Антон лишь смущенно пыхтел.

— Вот, кстати, и мое упущение... — задумчиво выпятил губу Крученый. — Как я о главном-то не подумал?.. Ты, Антоша, кореша нашего не стесняйся и не серчай на него — он парень искренний, простой... И правды не таит, чего думает, то и режет... А вот насчет женского полу я с ним согласен — с бабами надо решительно, строго, чуть что — по рогам!.. Ну, вообще-то, прежде чем уложить дамочку в постель, желательно поцеловать ей ручку, это им нравится... А дальше — рви ее, как вепрь, понял? — Прищурился испытующе. — Ну, а теперь признайся, тут все свои... Ты хоть раз пробовал?..

— Н-нет, — с натугой прохрипел Антон, глядя в тарелку.

— Понял, ничего страшного, — деловито отозвался Крученый. — Любой вопрос состоит из двух частей: из загогулины кривой и — конкретной точки. Загогулину мы, считай, проехали, а вот точку... — Выжидаяще уставился на Чуму.

— Точку поставим! — бодро откликнулся тот. — Прямо щас отзвоню телкам, пусть две самые классные подкатят... Чтоб все парню показали, чтоб без формальностей...

— И чтобы чистые были, отвечаешь! — насупил брови Крученый.

— Ясный месяц! К тебе их на хату везти?

— К нам... К нам на хату! — хлопнув мальчишку по плечу, поправил Чуму доброхот.

Шлюх из подчиненного Чуме борделя и в самом деле привезли отборных — двух ладных, смазливых украинок, надлежащим образом проинструктированных «мамочкой».

Антон, которому Крученый заблаговременно дал попробовать анаши, икал, обалдело таращась на обнаженные женские прелести.

Проститутки, беспечно посмеиваясь, раздели его и уложили в постель.

Чума остался на кухне в качестве надзирающего за обстановочкой, а Крученый, прихватив бутылку вина и бокалы, прошел в комнату к Оле, присел рядом с ней на кровать.

— Какая-то, Олечка, ты сегодня квелая... — произнес, обняв воспитанницу за плечи. — Что сердце гложет, красавица, поведай?

— Что там за девчонки приехали? — испуганным шепотом отозвалась она.

— К Антоше гости, — добродушно поведал Крученый, наполняя до краев бокалы. — Парень он молодой, надо ему, понимаешь? Понимаешь, нет?! — повторил с напором.

Она осторожно пожала плечами, отведя взгляд в сторону.

— Ты отвечай, когда спрашивают! — повысил он голос.

— Ну, надо так надо...

— А тебе интересно взглянуть?

— Вот еще... — фыркнула она и осеклась испуганно — прежде подобный тон со своим благодетелем позволить себе она не могла.

— Значит, отсутствует любопытство... — ледяным голосом произнес Крученый. — Зря, много теряешь. — Бесцеремонно помял ее грудь. — Подросла девка, пора бы... Ну-ка, раздевайся...

— Да вы что, дядя Саш... — В голосе ее сквозило отчаяние.

— Ладно, давай выпей стаканчик, надо тебе настроение поднять, чувствую...

— Не хочу я...

— Я тебе дам — «не хочу»! — Он легонько хлопнул ее кончиками пальцев по щеке. — Ну-ка... без разговоров! Пей!

Он влил в нее всю бутылку вина, затем, слабо сопротивляющуюся, еле ворочающую языком, раздел, и, зажимая грубой сильной ладонью рот, разверзнутый в немом крике, изнасиловал.

Насиловал долго, наслаждаясь покорным и хрупким девичьим телом, утробно рыча и скрипя зубами.

Один раз, перепутав, видимо, комнаты, дверь открыл голый, одуревший от анаши и бесстыдного блуда Антон. Ошалело посмотрев на отчима и сестру, мотнул головой, словно отгоняя наваждение, но, услышав рык Крученого: «Вали!» — моментально ретировался, подчинившись своему нынешнему властителю.

А следующим утром, проснувшись возле девочки, Крученый, переведя на нее — неподвижно лежавшую в постели с пустым взором, устремленным в потолок, грубо приказал:

— Чего разлеглась? Завтрак иди готовь!

— Дядя Саша... — прошептала она. — Мы что же теперь?.. Я что, ваша жена? А мама?

— С мамой разберемся, — буркнул он. — И с тобой у нас все будет, как надо. Иди-иди...

— Там Антон... — смущенно произнесла она. — И этот ваш...

— Чума? — зевнул Крученый, сознавая, что свою миссию надсмотрщика и циничного наставника над одуревшим от разнузданного разврата юнцом бандит исполнил с надлежащим коварством и искусностью опытного психолога.

Позавтракали, внимая шуточкам-прибауточкам Чумы, потом поехали в гости к одному из воров, жившему в пригороде, жарили шашлыки, пили, затем настало новое утро, и, сидя за столом, Крученый, подмигнув Чуме, обратился к подавленно молчащим подросткам:

— Пора, ребята, заработать нам денег на хлеб насущный... И коли мы одна семья, то и бизнес у нас,

выходит, семейный... Значит, так. Должен мне один фраерок денег. Но вот тянет с долгом, тянет, паскуда... А должок... — указал на заставленный яствами стол, — это то, что нам завтра есть и пить, на что тебе, Антоша, девок выписывать... В общем, так: ты, — кивнул на Олю, едешь с нами. Поднимаемся на этаж, где гнида эта таится; одеваешь, солнце мое, халатик домашний, звонишь в дверь, говоришь, что, мол, я — ваша соседка снизу, у вас протечка, нас заливает... Ты, — обратился взгляд на Антона, — сядешь на корточки у нее за спиной. Чума — за тобой. Я с ребятами — возле лифта... Как дверь откроется, влетаете в хату. — Усмехнулся. — Чума подтолкнет... Мы — следом. Ну и все, — улыбнулся беспечно. — Дальше наши дела, как с терпилами беседы беседовать. Спускаетесь к машине и ждете. Понятно? Или трусим?

— Да я чего? Я — всегда... — пробормотал Антон.

— Я всегда! — передразнил Крученный. — Ты, кстати, вчера на даче еще одну телку окучил, как мне тут доложили? Презервативом-то пользовался? А, раздолбай? А то еще лечить тебя... Нам тут с Ольгой заразы не надо, учти!

— Да он с головой парень! — вступился за своего подопечного Чума.

— Ну, то-то... — Голос Крученого потеплел. — А то ему — удовольствие, а мне потом расхлебывай... Правда, Олечка? — внимательно посмотрел на девочку, механически ему кивнувшему.

Многоопытный Чума лишь покачал в недоумении головой: вот дела, вот куролесит вор с подскоками, вот черт натуральный...

— Ну, пора на дело, — Крученный стал. — Весло, небось, уже заждался. А тебе, Антоша, вот еще что скажу: ты в этой секции своей присматривай пареньков подходящих. Таких... Чтобы на красный свет перли без тормозов... Есть на примете? Вот и хорошо,

в гости ребят пригласи, без подарков не останутся, меня знаешь...

Только после третьего налета на квартиры коммерсантов до Антона дошло, что история с выбиванием долгов — блеф.

— Я же вчера телевизор смотрел, видел... Та квартира, где мы были! — плачущим голосом выговаривал он своему повелителю. — Я диван узнал, буфет... Все убиты...

— И чего? — невозмутимо спросил Крученный, поглядывая на окаменевшую от испуга Ольгу. — Чего еще плели?

— Что пожар был, от газа все вспыхнуло...

— Во. Правильно, от газа... — согласился Крученный. — Считай, списано. Проехали. Думаешь, интересно ментам себе на шею лишнее дело вешать? Не, у них и так дерьма неупрочот.

— Но если поймают...

— Утри сопли, кого еще поймают? Уж если поймают, то не тебя, а меня. Ты — кто? Или она? — Указал на Ольгу. — Малолетки! Сказал отчим, что долги получать едем, вот и поехали. Или мусорам ломануть хочешь? Ну, так это, — усмехнулся тонко, — это уже измена, Антоша. И тогда выгораживать тебя не стану. Тогда ты — мой сообщник. И, считай, устроился на нарах прочно, врос в них. Будешь вставать в тюрьге с первыми петухами... Я тебя вроде об их мытарствах просвещал... Во-от. А уж коли запалишься ненароком, но твердо станешь мазу держать, то в любой камере коротко объявляешь: я — сын Крученого. И — все. Жить будешь не хуже, чем на воле, пальцем тебя никто не тронет, на цырлах вокруг все будут выплясывать. И менты, и блатные. А дрогнешь, хана тебе, ад у тебя под копытами разверзнется, геенна смрадная... Давай в холодильник слазай, икорки черной нам

с рынка прислали, покушаем... Олечка, вон, голодная... О сестре не думаешь совершенно! Кстати... — Полез в карман, достал изящное колечко с крупным, чистым изумрудом. — Ну-ка, миленькая моя, давай пальчик... О, как идет тебе... — Откинул восхищенно голову. — Лепота! К тому пальчику колечко, угадал я!

А вскоре, лежа с Крученым в постели и, привычно припав щекой к его груди, Ольга заговорщическим тоном сообщила ему, что познакомилась с молодым мужчиной, который довез ее на своем «кадиллаке» до магазина, а после предложил пообедать в кафе.

От предложения она не отказалась, а когда кавалер пригласил ее после обеда домой, то поехала с ним, наведя апартаменты столь роскошные, что ее ухоженная квартира ныне представляется ей убогим сараем.

— И сейф у него есть в стене, — говорила она доверительно. — Он код набрал, дверцу открыл, а там денег — сплошные пачки... И коробочки всякие сафьяновые... Драгоценности, наверное, дядя Саш...

— Ты чего... — спросил Крученый сквозь зубы, — легла с ним? Ну, — упер колючий взор в поджавшуюся девчонку, — отвечай!

— Ну... всего один раз...

Крученый задумчиво пожевал губами. Что же... Устраивать скандал этой сучке не стоит. Пусть... Чем быстрее пооботрется в этой жизни, чем больше изощрится, тем лучше. Все равно его будет, какими бы сторонами ни блуждала...

— Знаешь, что с тобой сделаю, если хворь какую мне принесешь? — спросил грозно.

— Да я с резинкой...

— Ну то-то! И помни: башку отрежу...

— Да вы чего, дядь Саш... Я ж не дура...

— Вообще... Как можно в машину к незнакомым мужикам запрыгивать? Вдруг — насильник какой или грабитель?..

— Да он хороший, я сразу поняла...

— Адрес этого хорошего запомнила?

— Конечно, записала даже.

— Вот и дура! Мозги молодые, запомни и храни все в башке! Башка-то у тебя золотая... — Потрепал ее по мягким, пышным волосам. Поцеловал в темя рассеянно.

И подумал:

«Вырастешь ведь скоро, стерва... И мне еще сто очков форы дашь... Эх, людишки... Сначала глина тягучая, а потом — прах. А он, Крученный, — умелые персты лепящие...»

Майор Пакуро

Служба в РУБОП преподносила майору Пакуро регулярные сюрпризы, и были эти сюрпризы, как правило, малоприятного свойства.

Вот и сейчас, бродя по квартире, где произошло убийство, он, рассеянно наблюдая возню экспертов, раздумывал о кульбитах и несообразностях судебных своих подопечных, приходя к мысли, что несообразности эти подопечные исподволь или нарочито создают себе сами, ступая на разного рода авантюрные стези... Но все же такого поворота в судьбе убитой Валентины Рудаковой, бывшей начальницы кредитного управления одного из коммерческих банков, он ожидать не мог.

Лишь на прошлой неделе было принято решение об оперативной разработке ответственной банковской служащей по факту ее связи с чеченскими мафиозо, отмывающими через банк черную долларовую наличность, и — нате! Разработку теперь придется осуществлять патологоанатомам, а ему, Пакуро, прибавится еще одно текущее дело, связанное с насильственным

отправлением в загробные дали некогда благополучной и даже респектабельной дамочки.

Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что убийца был Рудаковой знаком, и в квартиру она его выпустила без принуждения; далее, судя по всему, между хозяйкой и гостем состоялся некий принципиальный разговор, и итогом разговора стал выстрел из мелкокалиберного пистолета, оборвавший ее жизнь. После мерзавец застрелил дочку Рудаковой, убрав таким образом свидетеля.

Гильз не оставил: возможно, стрелял из переделанного под боевой патрон газового «барабана» или же самоделки, на что указывали застрявшие в черепках жертв пули: убойная сила оружия была невысока. Велась бы стрельба из того же расхожего «марголина», свинец прошил бы головы убитых навывлет.

Зато оставил убийца странное послание, начертанное губной помадой хозяйки на зеркале в ванной и предназначенное, видимо, для Пакуро. То есть не персонально для Пакуро, а для того, кто будет вести расследование и кем оказался именно он, майор РУБОП. Странное послание состояло из трех частей: исламский знак, изображающий полумесяц со звездой; короткий текст на турецком, предположительно, языке, и — номер телефона.

Полумесяц со звездой обозначал, судя по всему, косвенную или же прямую причастность злодея к мусульманскому миру, если, конечно, тот не ставил себе целью отвести следствие на ложный путь; текст на турецком гласил, что тот, кто хочет с убийцей пообщаться, легко может это сделать, позвонив по указанному ниже телефону, а сам телефон принадлежал редакции одной из известных газет.

И, как выяснилось буквально несколько минут назад, относился телефон к отделу редакции, ведущему рубрику «Телефон невозможных встреч».

В рубрике печатались воззвания тех, кто потерял друг друга на этой земле и не чаял встретиться вновь при помощи популярного издания.

Убийца определенно обладал некоторым чувством черного юмора, причем механизм этого юмора нуждался в исследовании квалифицированного психолога, который в штате РУБОП числился, и чьими услугами майор решил в данном случае не пренебрегать.

«Итак, — крутилось в голове у Пакуро. — Версия номер один: покойная Валя поссорилась со своими чеченскими клиентами. Поскольку чеченцы, имеющие отношения к банку, контролируются РУБОП плотно, а с этого часа и круглосуточно, их причастность к убийству должна проясниться довольно-таки быстро. Начнутся обсуждения свершенного, проскользнет вторичная информация... Версия номер два: убийство на бытовой почве, что означает неизбежную рутину: тщательную проработку всего круга знакомых покойницы. Муторный, тоскливый процесс... Однако, чувствуется, неизбежный. А коли душегуб подбросил телефончик газеты, придется волей-неволей знакомиться с кучей сотрудников этого средства массовой информации, устанавливая, где в определенный период времени эти сотрудники находились. Данная версия включает в себя и корыстный мотив: вдруг в квартире хранились существенные ценности? Тем более кошелек покойницы оказался пуст, но золотые побрякушки, с другой стороны, не взяты... Наконец, версия номер три, самая что ни на есть противная в своей загадочности: убийство связано с профессиональной деятельностью мужа Валентины...»

Именно благодаря этой версии сюда, на квартиру, уже выехали офицеры ФСБ: муж убитой работал дипломатом в одной из исламских стран, где символ в виде полумесяца со звездой был популярен не менее, нежели в России — двуглавый орел...

Вздыхнув, майор посмотрел на цветную фотографию в резной ореховой рамке, стоявшую в нише буфета: мужчина, женщина и девочка сидят на солнечном песчаном пляже на берегу моря. На лицах всех троих — печать беспечного отдохновения и счастья от сознания сплоченности своего маленького родного сообщества...

И даже не верится, что двоих персонажей этой жизнерадостной фотографии уже везет в черных пластиковых мешках в судебный морг трупоперевозка.

От философских размышлений о хрупкости человеческого бытия майора оторвал вернувшийся с опроса соседей верный напарник — капитан Борис Гуменюк.

— Ну вот, потолковал с народом, — доложил он прямо с порога. — Вести обычные: никто — ничего... Публика к ней захаживала разнообразная, кое-кто бывал регулярно; предварительные описания собрал... Выстрелов соседи не слышали... Записную книжку ее нашли?

Пакуро отрицательно покачал головой.

— Значит, этот унес...

— А почему не *эта*?

— Интуиция, — ответил Боря небрежно. — Я, конечно, не экстрасенс, но... мужик тут накуролесил, нутром чувствую. Кстати... Последний раз с мужем она виделась восемь месяцев назад, как соседка сказала. Ездил к нему за границу с дочерью.

— Версия с любовником? — прищурился Пакуро скептически. — А что? Элементик рабочий... Хотя и из категории копания в грязном белье... Но нам, как прачкам, мораль позволяет...

— Где только время взять на эти элементики рабочие? — с усталым раздражением отозвался Борис. — Тут каждый день их по целой периодической таблице плюсуется! Благодаря всяким химикам...

— Ну, кто его знает, может, господа из ФСБ дело к себе заберут? — предположил Пакуро. — Тогда во всех смыслах, прости Господи, баба с возу...

— Ну тогда и бодягу с чеченскими банковскими махинациями им заодно перепулим, и «наружку» свою от дополнительных забот избавим... Ты готов поверить в эти замечательные чудеса? Нет? Правильно, товарищ майор, дело будет обстоять по-другому: московская кутерьма ляжет на нас, а на них — всякие заграничные таинства, связанные с персоной супруга покойной. Такое вот разделение труда — гарантирую.

Приехавшие корректные чекисты с многозначительным видом рассмотрев оставленную убийцей надпись на зеркале в ванной, сказали, что муж-дипломат о случившемся извещен, сегодня они встречают его в аэропорту и начинают с ним работу.

Кроме того, берут на себя и возможные контакты убитой с сотрудниками редакции, в частности — с ведущими рубрики «Невозможных встреч».

Данный факт и Пакуро, и Гуменюка немало порадовал и озадачил: с плеч сваливался груз огромной кропотливой работы, любезно взятой на себя спецами из госбезопасности.

— Ну хоть чуть-чуть кислорода прибавилось, — усаживаясь в служебную машину, говорил напарнику майор. — Удружили ребята. А ты говорил... Давай в банк, начинаем устанавливать контакты бедной Вали...

— Да, благородно... — в изумлении качал головой Борис. — И вроде не мальчики, а энтузиазм — какой стажерам положен...

Уже на подъезде к банку зазвонил сотовый телефон. Извиняющийся голос чекиста, с кем они расстались пятнадцать минут назад, произнес:

— Мы только что говорили со своим руководством... По поводу расследования в редакции...

— Угу, и руководство сказала, чтобы вы не отвлекались на мелочи, — продолжил за собеседника майор.

— В общем, да...

— Понятно, займемся и редакцией, — Пакуро, покосившись на Бориса, увидел на его лице кривую догадливую усмешечку. Отключив связь, сказал: — Сюрпризов в нашей жизни, товарищ капитан, до хрена... Но пора бы нам привыкнуть, что все они — также хреновые. И где подарок, там жди подвоха. К нашему берегу все, что полегче: дерьмо и бревна...

— В общем, я оставляю тебя в банке, а сам качу в редакцию... — отозвался Борис.

— Во-от! — Пакуро многозначительно поднял палец. — Это называется: первоначальная версия стала версией итоговой. Насчет реального разделения труда...

Витёк

Два дня Витёк жил на одной из съемных квартир Чумы с одним из его подручных по кличке Весло — долговязым угрюмым типом лет сорока, с мертвыми, как у дохлой рыбыны, глазами и могучей жилистой мускулатурой, испещренной тюремными наколками.

Судя по его рассказам, Весло контролировал три борделя с проститутками, приехавшим в столицу на заработки из нищих Украины и Молдавии.

Каждодневно пили, обильно закусывали, беседуя о жизни в зонах и вспоминая общих знакомых по нарам, а также устраивали «субботники» являвшимся в приказном порядке шлюхам.

Порой в квартиру приходили соратники Весла по криминальному промыслу, однако разговоры с ними тот вел на кухне, за тщательно запертой дверью, после чего, даже не взглянув в сторону Витька, гости отбывали по своим дальнейшим непонятным делам.

Мало-помалу в Витьке утверждалась вполне обоснованная мысль, что в квартире он содержится на правах сытого заложника, и попробуй покинуть помещение — увитый мышцами соглядатай голову ему свернет не раздумывая.

Несмотря на судимости гостя, в глазах уголовников, связанных, чувствовалось, давними узами темных и кровавых дел, он являлся залетным чужачком, расходным материалом, кому в случае необходимости без лишних объяснений, как барашку, перехватят ножом горло.

Витька уже начал терзать отчетливый страх, однако бежать куда-либо представлялось еще опаснее, нежели пребывать в бандитском логове. Да и куда бежать? В свой деревенский дом, чей адрес был известен Чуме?

Приходилось ждать, заглушая страх водкой и блудом.

Чума навестил квартиру под утро третьего дня этой пьяной разухабистой неволи. Был он сосредоточенно суров, нетороплив в словах и в жестах.

Усевшись на диване, глотнул минералки из поданной Веслом пластиковой бутылки; сморщившись, сплюнул на изгвазданный ковер с блеклым, едва различимым узором:

— Левак, сода с солью... Чем, сука, травишь?! — И наотмашь отбросил бутылку в невозмутимую морду подчиненного. — Сок принеси... — Затем, помедлив, обратился к Витьку: — Ну, пробили мы твою историю. — Выждал паузу. Затем зловещим тоном спросил: — Добавить к ней ничего не желаешь?

Мысли Витька сразу же заполошно обратились к проданному соседу пистолету.

— Ну-у... разве... Пушку одну я продал, — сказал, стараясь придать голосу развязную уверенность. — Хотя — какая там пушка! — недоразумение житейское... Газовик, под мелкашку сляпанный...

— Во, видишь как... Выплывают новости! — заметил Чума и совершил глубокий глоток из принесенного ему пакета с соком.

— Так ведь имел право! — позволил себе дерзость Витёк.

— Ну... — Чума поиграл задумчивыми морщинами на лбу, — может, оно и так, свое продавал... Но только есть тут одна закавыка, к ней еще воротимся, и не на полусогнутых... Воротимся! — пообещал со значением. — А пока вопрос: с бабками вы как решили? Поровну разъехаться?

— С какими еще бабками? Кто с кем решил? — Витёк возмущенно привстал со стула, но тут же, ощутив на плечах чугунные длани вставшего за его спиной Весла, опустил на место, положив руки на бедра, как послушный школьник.

— Вот и еще новость, — констатировал Чума лениво. — Про бабки, ты, значит, не в курсе...

— Да... вообще! — выдохнул Витёк недоуменно.

— Тогда объясню, — продолжил Чума вдумчиво. — Кореш твой — не дурак парень, свинтил из мусорской не только стволы, но и бабки. Хорошенькую, скажу по секрету, сумму! Одних рубликов — целый мешок. Они же там экспертизу, оказывается, проводят, мусора эти... — пояснил, обратившись к замершему за спиной пленника Веслу. — Волены, купюры... На все руки мастера! Вот. А ты, Витюха, значит, мешка этого в помине не видел? Ась? — Поднес глумливо ладонь к уху.

— Еще раз говорю... — с пламенной интонацией начал допрашиваемый, но Чума, лениво отмахнувшись, перебил:

— А я верю... Чего тебе врать? Коли срубили вы бабки, то какие у меня претензии? Никаких. Орлы, да и только! А вот коли не знал ты про купюрки, то чего же выходит? Выходит, что кореш твой тебя вообще влегкую поимел, так?

— Ну да...

— А тогда мы тебе, Витёк, поможем... — произнес Чума, загадочно и жутковато осклабясь в гнусной своей улыбочке. — Поможем вернуть долю. Так? Или сам с корешем разберешься?

— Да за такой «развод» его, крысу, в тисках пресовать надо по квартальному графику! — с чувством проговорил Витёк. — Ну, я его!.. Не, — поправился, — конечно, вместе с тобой прищемим гниду, это — ясно...

— Тогда, Весло, наливай, обсудим проблему. — Чума вновь преисполнился озабоченности. — Куда же хрен этот мог подевать бабки? Ты в сумках его хорошо смотрел?

— Я ж их к себе забрал, он пустой из тачки вышел!

— Ну, будем! — Чума выпил на одном дыхании поднесенный стакан водки.

Примеру его последовал и Витёк. Через полчаса, заискивающе глядя в бестрепетные глаза уголовников, он, прижимая ладони к груди, проникновенно рассуждал заплетающимся языком:

— Ты мне, Чума, верь! Это кто такой, Леха замотанный? Фуфель, лох ухищренный... А мы же свои пацаны, мы же друг с другом, как это... Не видеть мне белого света! Все по понятиям, правильно?

Чума коротенько и покладисто кивал, то и дело с презрительной хитрецей подмигивая в сторону ухмыляющегося покровительственно Весла, но данной мимики бандитов, позволяющих выслушать себе подлизывающегося к ним никчемного прилипалу, Витёк не замечал. Им руководило только одно желание: заслужить расположение окружающих его упырей.

К обеду к дому подкатили вызванные Чумой две машины с подчиненными ему братками, Витьку дали несколько минут на сборы, и, наконец, щелкнул за его спиной замок проклятого притона...

А вскоре понеслось перед его глазами знакомое шоссе, ведущее домой, в деревню. Только суждено ли ему войти в свой дом? От вероломного и кровожадного Чумы он ожидал любой пакости.

Витька пробирал озноб. Опынение ушло, и мелькали в голове вопросы: что будет? Как пройдет разговор с Лехой? Даст ли Чума денег? Ведь ни о какой обозначенной доле речь не велась... И, чувствуется, неспроста! Ох, неспроста! Значит, не видать доли... Но лишь бы так! Главное — остаться живым. А это — еще вопрос!

Словно читая его мысли, сидевший рядом с ним с устало прикрытыми веками Чума медленно произнес:

— С долей твоей разберемся на месте. Чего пока делить? Фраер слово скажет, от слова и плясать станем... Так?

— Это понятно... — пробормотал Витёк.

— Теперь. Второй фраер на месте будет? Тот, у кого пушка? Газовик этот?..

— Должен...

Больше за всю дорогу Чума не проронил ни слова, пребывая в какой-то отстраненной осовелой полудреме и лишь изредка шевеля, как сонный сом, своими бледными, в оторочке мелких шрамиков, губами.

А в голове поникшего Витька отчаянно стучало:

«Когда же все это кончится?!»

Машины оставили в лесных кустах, рядом с задними дворами поселка, к которому прошли по утоптанной глиняной дороге, вившейся через лужок. После огородами пробрались к Лехиному дому.

Хозяин в надетом на голое тело рабочем драпом комбинезоне, стоял у притороченного к бревенчатой стене сарая верстака под кривым навесом и разбирал, орудуя гаечными ключами, бензопилу.

— Кто еще в доме? — шепотом спросил Чума Витька.

— Вроде жены его нет... — пробормотал тот, глядя на пустое высокое крыльцо с перекинутым через перила полотенцем. — И дочери тоже, кажется... На ферму, видать, подались...

— Ну, проверь! — подтолкнул его в спину Чума.

Витёк, выйдя из-за куста сирени, открыл заднюю калитку. Обронил, направляясь к сараю:

— Здоров, Леха! Один?

— Ну... — настороженно оторвавшись от пилы, произнес тот.

— А куда бабы ушли?..

— Известно куда, коров доить, у нас тут Тверских улиц нет... — отозвался Леха неприязненно. — Чего приперся?

— Да вот выяснить... — Витёк почесал затылок. — Какие новости... Вообще...

— Москву имеешь в виду? Не был еще там! — Леха вновь обратился к пиле.

— А вот у меня новости есть... — Витёк приглашающе махнул рукой.

В тот же миг бандиты цепочкой вошли через калитку во двор.

Леха оторопел. Зловещая внешность незваных гостей не оставляла никаких сомнений в агрессивности их намерений. Глаза его округлились, руки судорожно заплясали по верстаку, словно нащупывая подходящий предмет для обороны, и эта нелепая жестикуляция заставила Витьку невольно усмехнуться. Впрочем, усмешка вышла судорожной и горькой: чувства соседа были ему весьма близки и понятны.

— Так вот ты какой, мудрец сельскохозяйственный... — озаряясь своей жуткой улыбочкой, приветствовал хозяина дома Чума. — Ну, чего, начнем беседу душевную, козлик ты наш ненаглядный вонючий... Имеются у нас, козлик, к тебе претензии, и немалые... И не по своей воле пришли мы сюда, а за кореша за-

ступиться, правды найти... — хлопнул Витька по плечу. — За что же ты, мразь, — произнес, пришептывая с яростью, — правильного пацана кинул, как дешевку локшовую?..

У Лехи, окруженного свирепыми бандитскими рожами, подталкиваемого к стене сарая литыми плечами, застучали в испуге зубы и подогнулись колени.

— Ну, давай выкладывай про бабули, — начал Чума, неторопливо доставая из рукава куртки заточку и приставляя ее острое жертве под подбородок. — И попробуй фуфло прогнать, приколю к плоскости, как ботаник бабочку...

Истекающий смертным потом животного страха, Леха без утайки поведал предысторию ограбления. Услышав о сумме, похищенной из отдела экспертизы, лишь растерянно, будто отгоняя наваждение, провел ладонью по лицу. Проямлил:

— Вот, значит, как... Так я и думал... Наколола, ведьма! Я только четыре штуки из ящика взял... Только четыре! Клянусь!

— Значит, баба брата твоего все учудила, — подвел итог Чума. — Ну ладно, коли так... А твои-то баксы где? Надо, — кивнул на Витьку, — отстегнуть подельничку... Да и нам причитается.

— Да моя... убрала... — Леха виновато развел руками. Затем кивнул на пилу. — Вот... инструмент еще купил... Забирайте, коли надо...

На лицах бандитов задергались безгливые ухмылки.

— А моя с фермы придет, значит, я сразу...

Договорить Леха не успел: Чума, отведя в сторону от его подбородка жало заточки, тут же, резко вывернув кисть руки, всадил узкое лезвие по рукоять в глаз жертве.

Витёк, поскуливая от ужаса и ощущая горячую влагу в штанах, отпрянул в сторону.

— Чего дергаешься? — спокойно проронил в его сторону Чума, глядя на оседающий у края верстака труп. — Раскололи бы твоего лоха менты одним ногтем, как орех гнилой, вот тогда бы ты и подергался... А так — концы срезаны, пароход отчалил в туман... — Зыркнул на Весло, разворачивавшего невесть откуда взявшийся плотный пластиковый мешок на «молнии». — Пакуй жмурика, и в тачку его — быстро! В лесу прикопаем. Тут все перчиком покропите... Для собачки. Ты, Антоша, — кивнул в сторону молодого высокого парня с румяным лицом, — со мной на второй разбор гребешь... Ты, — указал на Витька, — тоже... Соседа твоего шупать будем.

Сосед Юра Хвастунов, пивший чаек с пряниками и смотревший телевизор, к визиту Витька и двух бандитов отнесся совершенно спокойно.

— Вот... — как бы в извинении покосился Витёк на Чуму, — незадача у нас, Юра, вышла. Пушка — кореша. И, значит, думал я, что... В общем, Юра, все бывает... Надо, короче, вернуть.

— Ты на него, Юрок, не серчай, — заметил Чума добродушно, пощелкивая длинными сильными пальцами в синих татуированных перстнях. — Ошибочку допустил Витюша ненароком. Но да у нас с ним свои пирожки тухлые, сами и сжуем... А что денег ты дал, вот... — Чума бросил на стол четыре серо-зеленые соевые бумажки. — Включая моральный ущерб. — Затем, уперевшись в Юрия гадючьим взглядом своих очей, со значением прибавил: — Теперь за тобой слово... Ждем.

Юрий, равнодушно покривившись, отставил в сторону чашку с чаем, проговорил:

— Что ж, бывает... Обождите здесь... — И вышел из комнаты. Шаги его прозвучали на бетонных плитах, опоясывающих подножие дома, скрипнула дверь баньки...

Через минуту он появился в комнате с тряпичным свертком. Развернув широкий лоскут цветастой ткани, вывалил на скатерть пистолет, к которому незамедлительно потянулись узловатые пальцы Чумы.

— Красавец! — пригнувшись к стволу маузера, проронил бандит. — Э-э?.. А чего гарью несет? Палил из него?

— Еще не успел, — процедил Юрий недружелюбно. — Каков ствол был, таким и возвращаю. Обойма полная, можете убедиться.

— Ну, смотри...

— Это тебе теперь смотреть надо, — холодно произнес Хвастунов.

Чума, пристально взглянув на строптивного, чувствовалось, фраера, покровительственно усмехнулся:

— Удалой ты... экземпляр.

— Какой есть.

— Ладно, бывай... — Чума, передав пистолет ружьяному молчаливому бойцу, потянул Витьку за рукав на улицу, где уже сгущались, озаряя горизонт нежной розовой пастелью, теплые июльские сумерки. Выйдя за калитку, сказал: — А теперь стволы едем копать...

— Прямо сейчас? — перепугался Витёк.

— Прямо-прямо... — передразнил Чума. — Ты чего, в натуре, переживаешь? Что тебя на их место зароем? Не-ет, — покачал головой. — Тогда и лошок этот говорливый... — кивнул на дом Юрия, — тоже в распыл бы ушел... Неправильно, Витюша, мыслишь. Я перебора не люблю. А сосед твой в случае чего для алиби тебе сгодится, коли жмурика очень уж усердно шукать станут... Вместе чай пили, понял? Обувку мы тебе сменную дадим, чтобы с двора того чего на подметку не зацепил... Это, конечно, тоже перебор, но — полезный... А кончать мне тебя проку нет. Ты колоться не станешь. Чего тебе колоться? Чтобы в тюрьме на пику нарваться? Не тебя стращать и не тебе

втолковывать, попарился со мной, все раскладушки знаешь, грамотный...

В лесу, уместив оружие в багажник машины, Чума, вновь обратясь к трясущемуся Витёку, миролюбиво заявил:

— Ну, давай лапку, дружок. Прощаться жаль, но радуется сердце, что погулял ты на моей хате всласть, будет о чем вспомнить. Если будут проблемы с воздержанием — Весло подсобит, телефончик его знаешь. Об одном горюю: бабки, видишь, незадача какая — менты сперли, мы тут не при делах... К их проискам не подступишься, вода там темна... Теперь — о доле твоей... Долю, считаю, мы отработали. Как говорится, кровью искупили. — Помедлил. Затем, покусав губы, продолжил со злостью и с напором: — Ты наконец врубился, что было бы, если Леху этого следак тряханул?! Сколько от его хаты до твоей легавым ковылять? Усекаешь?

— Ну... — покорно согласился Витёк.

— Дальше едем. Должок твой покрыли с лихвой. Сотенную подклеили, жаться не стали, так?

— Ну...

— Теперь вопрос: сколько, считаешь, я тебе еще должен? — кивнул Чума на багажник машины.

— О чем базар... Вообще ничего...

— Во. А теперь о пушке, которую ты сдуру фраеру впаял... Пушка-то с экспертизы, усекаешь? Значит, взяли бы твоего фраера прямо на тротуаре на предмет какой-либо проверочки те же менты, нащупали бы под прикидом железо, и началась бы веселая карусель. Волына свеченая, кололи бы неимоверно. От него на тебя бы вышли, точняк, а от тебя до Лехи путь недолог, я уже говорил... И запрыгала бы история дальше по ухабам... За «калаши» эти, — вновь кивнул на багажник, — спуску вам бы не дали, и на что, Витёк, тебе верю, но приплыл бы ты на «чисту-

ху». То есть соображаешь, в какую бы нас пропасть вверг, а?!

Витёк понуро молчал.

— В общем, — сказал Чума, — адрес знаешь, за-везешь Веслу штраф: пять штук зеленых... Сроку — месяц.

— Так откуда...

— Думай сам... Тачка, дом... Крутись. — И бандит нырнул в услужливо приоткрытую дверь машины.

Глядя на удаляющиеся в темноту габаритные огни, Витёк присел на теплую глину проселка и гнусаво за-выл, колотя себя в бока кулаками.

Собцова

Первые страхи Людмилы, связанные с расследо-ванием похищения денег и стволов из отдела, поти-хонечку улетучивались, тем более оперативную под-держку следствия обеспечивал РУБОП, что означало: ищут организованную преступную группу, польстив-шуюся на оружие, дабы использовать его в кровавых бандитских акциях. А вся организованная группа — она да деревенский увалень Леха... Даже смешно.

Следователь, правда, упорно интересовался во-просом, как именно она провела вечер и ночь, вы-павшие на период проникновения злоумышленников в отдел, но то, что она находилась в своей постели, когда вскрывались служебные сейфы, не пришлось подтверждать даже ее мужу. Единственно, на нее ко-сила с откровенным подозрением зловредная Зинка, однако Собцова сама пошла на довольно-таки агрес-сивную инициативу в объяснениях: выйдя на улицу с начальницей после работы, она со злобой заметила, что если у кого и есть повод для многозначительных взоров, то у нее, Собцовой, поскольку вокруг Зинаиды

вращается целая куча ушлых хахалей с сомнительными связями, а она, кукуя свой век с недотепой фрезеровщиком, иных компаний не водит. А поведение сыночка Зинаиды вообще свидетельствует о социально неблагополучном климате в семье офицера милиции...

На днях, как стало известно Собцовой, отпрыск начальницы, без спроса позаимствовав «жигуленок» ее любовника, вместе с приятелем-лоботрясом решили с помощью буксировочного мощного троса, привязанного к заднему бамперу, выдернуть из стены банкомат. Воришек спугнула проезжавшая неподалеку патрульная машина, и операция прошла скомканно и неудачно: банкомат остался на месте, трос, судя по звуку, лопнул, и, уяснив данный факт, недоросли поспешили скрыться, оставив на месте преступления выдранный из кузова бампер — оснащенный, естественно, номерным знаком. Треск выкорчеванного из кузова бампера жулики ошибочно и недальновидно приняли за агонию изнемогшего от непосильной нагрузки троса.

В общем, чем бы дитя ни тешилось, родительница Зинаида неизменно плакала.

Издерганная свалившимися на ее голову бедами и грозящим увольнением с работы, она и в самом деле разревелась прямо на улице, прося Собцову дать ей надлежащую положительную характеристику перед нагрянувшей в ЭКО комиссией.

Вовремя не отремонтированная сигнализация и выявленная халатность в отношении хранения вещдоков сулили ей весьма незавидное будущее.

Заверив бывшую подругу-подельницу в произнесении самых лестных отзывах о ее персоне перед компетентными и грозными ревизорами, Собцова поймала себя на подлой и постыдной мысли, что делать этого она расчетливо и мстительно не собирается: возможное увольнение шефини наверняка означало кадро-

вую перетряску, знаменуемую переводом ее, Людмилы, на место опальной начальницы.

Словом, все складывалось не так уж и плохо: тупые рубоповцы искали мифических бандитов, следовательно явно потерял острый актуальный интерес к морально выдержанному и дисциплинированному эксперту Собцовой; Леха наверняка трясся от страха в своей деревне, боясь нос высунуть в столицу, а происки Зинаиды были надежно нейтрализованы действиями ревизующих ЭКО инстанций.

Настораживал, правда, тот факт, что всем сотрудникам ЭКО предложили в связи с серьезностью случившегося пройти проверку на полиграфе, и, поскольку противиться такому предложению никто не стал, согласилась на данную процедуру и Людмила, предварительно выпив пузырек успокаивающего нервы настоя валерьянки.

Отслужив не один год в милиции, она и ведать не ведала, какими методами вводится в заблуждение хитрый прибор, который обслуживали четверо молчаливых и вежливых мужчин непонятной ведомственной принадлежности. Пятый мужчина, сидевший у нее за спиной, мерным голосом задавал вопросы.

Каверзные, надо сказать, вопросы! Поначалу нейтральные, расслабляющие, типа: любите ли вы птичек? — а после — внезапно-конкретные и очень грамотно сформулированные.

Один из вопросов: «Участвовали в совершение преступления родственники вашего мужа?» — словно опалил сознание Людмилы, и, произнося в тон дознавателю отчужденное «Нет», она одновременно с ужасом осознала, что, кажется, непоправимо прокололась...

Однако, сняв с нее датчики, персонал, сохраняющий таинственную невозмутимость, вежливо с ней распрощался, на кокетливый ее вопрос: «Сильно ли

я волновалась?» — ответили добродушной рекомендацией смело идти на работу и спокойно трудиться, а, поделившись впечатлениями с сослуживцами, Людмила выяснила, что аналогичные вопросы задавались и им. Что, в общем-то, опять-таки успокаивало...

Последнюю неделю в городе стояла влажная, удушающая жара, и в обеденный перерыв Людмила ходила домой — съесть тарелку ледяной окрошки из холодильника и насладиться прохладным душем.

В очередной раз обронив рассеянно кивнувшей Зинаиде, что задержится после перерыва на полчаса, Людмила заперла кабинет и отправилась знакомой улицей к высившейся над кронами старых тополей кремовой двенадцатиэтажной башне своего дома, заглядывая под тряпичные навесы продуктовых палаток и прицениваясь ко всякой всячине.

Купила сочную летнюю клубнику, свежий домашний творог и деревенские, заботливо выращенные овощи...

Ранее в подобных деликатесах она себе отказывала, но сейчас с удовольствием тратила четыреста долларов, позаимствованных на умеренные бытовые роскошества из тех похищенных пятидесяти тысяч, чьи номера не фигурировали в документах ЭКО.

Укладывая в сумку провизию, не без раздражения подумала о раздолбае-муженьке, воспринимающем недавнее появление разносолов в семейном рационе как некую данность. Хотя в последнее время супруг проявлял некоторые целенаправленные усилия в поисках халтуры, уходя из дома утром и возвращаясь каждый вечер пусть с мизерным, но заработанным гонораром.

Приняв душ, она едва успела надеть халат, как вдруг раздался звонок в дверь.

В криво и сплюснуто искаженном оптикой дверного «глазка» пространстве общего коридорчика увиделась девочка в легком, свободного покроя платье.

— Что вам надо? — неприязненно спросила Людмила, отирая полотенцем намокшие пряди.

— Я ваша соседка с нижнего этажа, — проворковал юный ангельский голосок. — У вас что-то с трубами, нас заливает...

Собцова механически отодвинула стопорную задвижку, высунувшись в коридор.

И тут же, не успев рассмотреть лицо неведомой соседки, из-за спины которой внезапно вынырнули двое доселе сидевших на корточках громил, получила увесистый толчок в грудь, под горло, и, упав навзничь, проскользила спиной по линолеуму, стукнувшись головой о ножку серванта.

В следующий момент в ошеломленном сознании запечатлелся скрип петель запираемой двери, ведущей в квартиру, грубые руки подхватили ее под мышки и швырнули на диван.

— Заорешь — пристрелю, сучка! — донеслось хриплое предупреждение, и в плавающей перед глазами мути сначала возник направленный ей в лицо пистолет, а после — дегенеративная, плохо выбритая физиономия с тусклыми белесыми зенками и пористым носом бандита лет сорока.

С завороченным испугом она вглядывалась в его угрожающе отвисшую челюсть, впалые щеки, короткую стрижку-кляксу жиденьких, тронутых сединой волос.

Потерянно осмотрелась, узрев выворачивающего ящички серванта молодого плечистого парня лет восемнадцати, одетого в светлую футболку и в джинсы, из-за пояса которых выглядывала рукоять револьвера.

Из кухни донесся звон посуды — видимо, там орудовала расторопная малолетняя девица, сыгравшая роль приманки.

Приблизив к ней страшную рожу, потраченный временем ублюдоков, изрыгавший из слюнявой пасти смрадное дыхание, развязно спросил:

— Где деньги, тварь?

— Какие деньги? — пискнула Собцова жалобно. — Я на зарплате, муж не работает... — Тут она уяснила, что халат распахнулся, и бандит откровенно рассматривает ее грудь. Поправила одежду, судорожно подоткнув ворот под подбородок и сцепив на нем пальцы.

— Во, правильно, — одобрительно наклонил бугристый череп подонок. — А то на вымя твое зырить отвисшее — с души воротит... — И смачно сплюнул мутной, с зеленью слюной в любовно оттертый от пыли экран телевизора.

Комментировать такое определение своих женских прелестей Людмила не решилась, хотя почувствовала себя в немалой степени уязвленной.

— В общем, слушай, коза драная, — продолжил бандит размеренным тоном. — Леха нам все ваши сопли размотал. Видишь пушку? — Качнул перед носом Собцовой пистолетом. — От твоих задумок к нам пришла. Не узнаешь? Ну и не надо. А вот с деньгами Леху ты прокатила круто. Сказать, сколько сперла? Одних рублишек на пятьдесят тысяч баксов... Мы ведь все знаем, нас на мякине не проведешь... А потому, — убрал пистолет в карман, — помощь тебе звать не резон, не будет тебе никакой подмоги. Уяснила? Тебя спрашиваю!

Людмила механически качнула головой, выражая вялое согласие.

— Не, шмоном ничего не добьемся, — обратившись к старшему бандиту, промолвил румяный переросток, с озлоблением пнув носком кроссовки распотрошенный ящик серванта с нитками и вязанием. — Придется гладить тетю утюжком... Или тетя не даст себя жадности погубить? — Он раскрыл валявшийся на тумбочке кошелек Людмилы, вытряхнул его содержимое, составленное из мелкой рублевой наличности,

на ковер. Произнес вопросительно: — Остатки мусорской зарплаты?

Его старший напарник хлестнул Собцову по лицу, как плетью, костлявым веером пальцев. С яростью повторил:

— Где деньги?!

Жуть и оторопь владели Собцовой, предчувствие пыток и гибели обрывали сердце и перехватывали горло парализующей смертной тоской, озноб бил ослабшее, словно чужое тело, и так хотелось признаться, что зарыты деньги и раритетный «Вальтер» под березкой в парке, и готова она следовать туда хоть сейчас, только пощадите ее, только заберите все... Стоп! Никогда! Ведь что же выходит? Скомкав всю свою прошлую жизнь, подобно измаранной бумажной салфетке, и отшвырнув ее вон, как ничемный мусор, она сделала это напрасно? Да и разве оставят ее живой эти вурдалаки в человеческом обличье? Ведь потому и без масок они сейчас, потому и Леху упомянули...

— Хватит тут рыться, все равно ничего не найдете! — заявила она с внезапной злобой и решимостью. — Деньги в надежном месте.

— И где же надежное место? — высокомерно вздернул подбородок плечистый переросток.

— Деньги — в УЭП!

— Опять в мусорской? — недоверчиво прищурился старший бандит. — Это... как?

— А так, — грубо ответила она. — В доле — начальник отдела... Он нам рубли на экспертизу прислал, с ним и договор был... А вот что дебила Леху я в дело впутала — теперь каюсь...

— Значит, не будет бабок, — многозначительным тоном подытожил начинающий гангстер.

— Почему? Раз такой расклад — треть отдадим, — сказала Людмила.

— Да врешь ты, сука гнутая! — зарычал, брызгая слюной, дегенерат. — Да мы тебя ща распнем, как каракатицу, и...

— И что? — Спокойно посмотрела она в его бешено округлившиеся мутные зрачки. — В кармане от этого прибавится? — Добавила примирительно: — Вы же ребята с головами, а потому думайте... Хотя — чего тут думать? Коли влипла я, то уж и влипла. Коли обещаю вам денег — то куда денусь? Мне бежать некуда. Всего сразу лишусь. Работы, квартиры, мужа. И еще: идет следствие. И вдруг исчезает эксперт. Что следствие делает? Объявляет эксперта в федеральный розыск, поскольку автоматически выдвигается версия: у эксперта не выдержали нервишки. Ну и так далее... Чего вам дальше воду лить, не дураки, сами все понимаете...

Старший бандит кивком указал юнцу на дверь, проронил:

— Посмотри, чего там на кухне нарыли...

— Крупы с кастрюлями, — не удержалась от равнодушной реплики Собцова.

— Тэк-с... — Жутковатый собеседник сокрушенно покачал своей бедовой головенкой. Произнес: — Поешь ты складно, но с бабками так будет: притаранишь все...

— Всех уже нет, — возразила Людмила.

— Это почему?

— Деньги имеют обыкновение тратиться.

— Ну, объяснишь как дело было менту своему из УЭП, он, наверное, парень тоже сообразительный, добавит...

Такого рода предложение, связанное с личностью мифического подельника, Людмила одобрила:

— Хорошо, потолкую...

— Завтра в семь часов вечера выходи на лестничную клетку, — недовольно пробурчал бандюга, направляясь к двери. — Там и встретимся. Но учти — холостой

прогон выйдет, ставим на счетчик. Все! — И с силой всадил дверь в покачнувшуюся с треском коробку.

Донеслось:

— Сваливаем!

С трудом что-либо соображая, Собцова привела себя в порядок, запудрив выступившие на щеке красные полосы от хлесткого удара пальцев; после лихорадочно запихнула на место вывороченные из серванта, комода и кухонного гарнитура ящики и — поплелась, как в тумане, на работу.

Отдаленно, словно вопреки растерянности и страху, она испытывала удовлетворение от своей находчивости и воли.

Да, она не врала этой мрази, когда говорила, что, попытайся сбежать, проиграет всю свою прошлую жизнь... Но только что было в той жизни? Унылая работа, унылый и нелюбимый муж, мечта о жалкой дачке с грядками и о сытенькой пенсии...

Она ведь даже ни разу не была на море! Не говоря уже о разных там ослепительных заграничных курортах, куда ездят богатые и удачливые. А кто эти удачливые? Да те, кто украл и не попался! И нечего ей втюхивать про разные там самообеспечивающие себя таланты из мира творчества и бизнеса! Талантов — единицы, а на респектабельных пляжах — дивизии разнообразного жулья. В цепях и наколках, в интеллигентских очечках, в купальниках, затмевающих стоимостью автомобиль, который так и останется в мечтах ее непутевого мужа, кому тоже с пеленок вдалбливали истину о непогрешимости идеи ударного труда за рабскую зарплатку и за грошовую путевочку в убогий санаторий... А кто вдалбливал? Те, кто раскатывал на партийных «членовозах», а ныне поменял их на бронированные «мерседесы»? Кто рамочки прежних привилегий раздвинул и укрепил мешками, набитыми валютой?

Тогда спрашивается: кому же она, сирая, всю жизнь прислуживала? Закону на его третьестепенных оборонительных рубежах? Может быть. Но только для тех, из «членовозов-мерседесов», закона никогда не существовало. И не будет существовать, сколько бы ни корпели над его модификациями думские вертихвосты, также лишь своим благом и счетами на далеких островах-пляжах озабоченные... И, кстати, также неприкасаемые. И обслуживаемые как ей, Собцовой, так и теми же бандюгами. И какое дело этим земным небожителям, что решили бандюги отвернуть голову зарвавшемуся во внезапной криминальной отваге милиционеру, решившему хотя бы на цыпочках приподняться над мертвой зыбью своего бытия? Что им до этой суеты хорохорящихся плебеев?

Людмилу переполняли отчаяние и удалая, истерическая решимость.

И она уже знала, каким будет ее следующий ход в той большой игре с множеством жестоких правил, что называется жизнью человека.

Она не шла на работу. Она шла к сейфу, куда сегодня положила двенадцать тысяч предназначенных для экспертизы долларов.

Пакуро

Та философская концепция, что, обличая несправедливость мирового устройства, когда у одних есть все, а других — ничего, а потому или пусть все будет у всех, или ни у кого ничего не будет, — эта концепция, ныне столь любезная сердцу эксперта Собцовой, майору Пакуро, напротив, претила. Равно как и его соратнику Борису. Оба, без всякой симпатии относясь к хапугам, лихоимцам и разбойникам, классовой ненавистью себя не изнурили, сажали проходимцев

в клетку в соответствии с их доказанными заслугами и полагали, что мазурик может быть необыкновенно удачливым, но никогда — счастливым, и воздаяние неизбежно, поскольку, как гениально заметил неведомый мудрец, Бог терпит долго, но бьет — больно! И приобретение благ в ущерб ближнему своему неизменно компенсируется потерями.

Верующий Борис полагал, что среди разнообразия этих потерь разного рода материальные утраты и удары судьбы — всего лишь предупреждения и взыскания, чей непонятый смысл ведет на путь окончательно пагубный, ибо потеря в себе человека — сути, дарованной свыше, чревата отсутствием той перспективы, что дороже всех земных благовосприятий.

Впрочем, размышлениями и дебатами на темы морали и нравственности ни себя, ни ближних друзья и сослуживцы не утомляли, своим бескорыстием не кичились, а тянули привычно сыскную бесконечную лямку, выкручивались, как могли, под напором неблагоприятных социально-житейских обстоятельств и делали то, что вселяло во многие разочарованные слабые умы надежды на общественное лучшее.

Домой вернулся Пакуро под утро: всю ночь, проведенную в кабинете на Шаболовке, ему поступали сообщения о суете в чеченской группировке, контролирующей банк, где работала убитая Валентина Рудакова.

Судя по техническим записям разговоров, для руководящего звена чеченцев убийство представляло весьма неприятный сюрприз, поскольку речь шла о недоплате в сто тысяч наличных долларов, числившихся за ответственной работницей и неизвестно куда канувших. По данному поводу учинялось разбирательство в нижних звеньях, контактировавших с покойной и, возможно, сподобившихся на махинацию. В разговорах мелькали имена двух персонажей, живущих в столице с просроченной регистрацией, и, используя дан-

ный факт, Борис задержал обоих, решив поработать с залетными кавказскими субчиками в одном из ОВД.

Чем закончилась эта «пробивка», Пакуро еще не знал.

Лег спать в мутно льющемся из окна голубеньком свете начинающегося утра, преодолевая воспаленную сумятицу мыслей, и, едва забылся в непрочной дреме, в сознание ворвался, остервенело дребезжа длинными зовущими трелями, телефонный, явно междугородний звонок.

Схватил ватными пальцами трубку, пробормотав истомленно:

— Д-да, слушаю...

Бодрый голос знакомого коммерсанта, жителя Крыма, у кого в доме майор во время отпуска снимал комнату и кого не видел уже лет пять, со смущенным смешком произнес:

— Чего, милиция, дрыхнем?

— Да вот... с ночи я...

— Не оправдывайся! Как жизнь-то, рассказывай?

Пакуро посмотрел на будильник: семь часов утра... Экая непосредственность, а? Возмущенно скрипнув зубами, промолвил недовольным голосом:

— Ну, чего у тебя?

— Слушай, тут дело такое, — отозвался собеседник, — у меня три бочки с подсолнечным маслом, я с трассы звоню. А говорят, в Москве цены упали. Так или нет?

— Да я-то откуда знаю?!

— Понятно... Так может, мне с маслом в Ульяновск лучше, как думаешь? Угадаю? Я прямо на развилке стою... Или, может, выяснишь оптовые цены? Слечай, купи газетку, а? Я тебе перезвоню через час...

— Давай! — согласился Пакуро с вдумчивым одобрением и — выдернул из розетки телефонный шнур.

Опять нахлынула сумятица мыслей и образов, ме-

шая желанному забвению; вспомнился тот самый далекий отдых в Крыму, побережье из серой гальки, прозрачная соленая волна, тенистый прохладный дворик, увитый виноградом, незабвенно простецкая, улыбчивая физиономия хозяина-коммерсанта, его запыленный рабочий грузовичок с тяжело провисшими на перекладинах кузовных рам складками выбеленного солнцем брезента...

Да будь оно все неладно!

Но наконец, пришел сон. Тревожный, смутный. А в нем — крупным, парализующим сознание планом — возбужденно несущий какую-то околесицу Боря Гуменюк...

И — снова звонок. На сей раз — в дверь.

Качаясь от слабости, с плавающими в глазах золотистыми точками, Пакуро, хватаясь за стены, в одних трусах вышел в тамбур.

За рябым, с залитой проволочной сеткой стеклом общей двери маячили какие-то рожи.

— Что надо? — спросил Пакуро слабым голосом.

— Поговорить с вами, — донесся неопределенный ответ.

— О чем?

— О Библии...

Позволив себе фразу, в которой упоминалась символическая мать сектантов-вербовщиков, Пакуро, остервенело крутя головой и изумляясь своей востребованности всем праздным шалопаем мира, вновь улегся в постель. Да уж куда там со сном...

Включил телефон, позвонил Борису, уже прибывшему на службу:

— Что с твоей чеченской парочкой?

— Да анекдот! Меж двух огней они попали... Свои шефы прессуют, а тут еще мы... Ну, побеседовали жестко... Нет на них крови нет, уверен.

— А в чем анекдот?

— Они из ОВД свою машину вызвали, мы за ней «наружку» наладили... Потом к себе на квартиру приехали, сразу за телефон... Ну и выяснилось: вышли из ОВД разгоряченные, напустились на шофера, что в машине бардак — пакеты с остатками пищи, журналы разодранные с порнухой... В общем, сядешь в тачку, сразу ясно, кто как жил, кто что ел... И у поста на выезде всю эту дребедень рядом с урной вышвырнули... А приехали — хватъ, ненароком кулек с тремя тысячами баксов вместе с мусором на волю выпустили...

— И чего? — невольно улыбнулся Пакуро.

— Ну, я к посту. Там сержант. Да, говорит, сначала одна машина остановилась, обедки и бумага из нее полетели, а потом джип тихонько подкатил, вышел человек, изучил мусор, что-то из него взял, и — поехал джип дальше... Белый, спрашиваю, джип? Белый, отвечает. Ясно, говорю. А потом, значит, опять «чехи» подъехали в своих отходах копать... Какой у «чехов» результат — понимаешь... Мат поднимался выше уровня облаков!

— А чего «наружка»?

— Я намекнул... Но они же, сам знаешь — коли прикинутся шлангами, то и не отсвечивают... Когда появишься?

— Уже одеваюсь, — буркнул Пакуро, натягивая брюки.

— Давай быстрее, есть у меня еще новостенка — ахнешь!

Пакуро уже направлялся к двери, когда телефон зазвонил вновь.

— Ну, чего там с маслом? — услышался недовольный голос разъезжего бизнесмена. — Звоню тебе, звоню...

— Выяснил! — с мстительной радостью ответил Пакуро. — Ты просто ясновидец, вот чего доложу!

— Это... в смысле?

— Самые высокие цены по России — именно в Ульяновске! — Выждав паузу, Пакуро доверительно прибавил: — Сведения из Интернета...

— Иди ты!.. — выдохнул собеседник растерянно и восхищенно.

— Опять угадал. Я именно что на выходе.

Прибыв на Шаболовку, майор с удовлетворением выслушал приготовленную ему неутомимым Борисом новость: пули из «мелкашки», застрявшие в головах жертв, претерпели, что было редкостью, лишь незначительную деформацию конфигураций, и из центральной пуле-гильзовой картотеки пришло сообщение: выстрелы производились из газового пистолета маузер, переделанного для боевой стрельбы и ныне хранящегося в ЭКО одного из столичных округов.

— Как в ЭКО? — удивился Пакуро.

— Вот именно! — вдумчиво молвил Борис. — Из ЭКО его свистнули. Вместе с деньгами и с кучей других стволов. И в расследовании принимают участие наши ребята из «десятки»...

Десятый отдел РУБОП занимался делами, связанными с бандитизмом и незаконным оборотом оружия.

— И что в «десятке»? — спросил Пакуро.

— Ждут нас! — картинно развел руки Борис, озаряясь широкой улыбкой. — Обещали чай с домашним пирогом.

— Чай — это ладно, — отмахнулся Пакуро, в который уже раз с удивлением и возрастной завистью сознавая, что на лице его боевого, извечно жизнерадостного соратника, нет ни единой приметы тяжелой бессонной ночи. — Сдвиги какие-нибудь у них имеются?

— Да еще какие!

Пакуро резко поднялся со стула.

— Пошли!

Собцова

Помимо двенадцати тысяч долларов, присланных для экспертизы, Людмила достала из сейфа один из заграничных паспортов, хранящийся в качестве вещдока и выписанный на имя сидящей под следствием аферистки.

Среди всякой всячины в железном шкафу хранились всевозможные печати, оттиски, туши и спецклеи, а покопавшись в картонном ящике, набитом инструментом фальшивомонетчиков, Собцова достала пинцеты, кривое тонкое лезвие, раздвижной портпир, после чего, заперев дверь кабинета на замок, в течение часа, благо позволяли навыки, аккуратно переклеила в паспорт мошенницы свою фотографию, точно подогнав к ее уголку необходимый фрагмент печати.

Рассмотрев документ в ультрафиолете, под лупой, мрачно и удовлетворенно кивнула: никакой пограничный контроль не прицепится... А до истечения срока действия зелененькой шенгенской визы — европейского вездехода — остается неполный месяц... Вполне достаточно!

Вслед за тем замелькали мысли: что, если номер паспорта, изъятого у арестованной неудачницы, сидит в памяти компьютеров, расставленных на рубежах страны необъятной?

В этом случае комфортабельный вылет в зарубежные дали из аэропорта или же уют купе международного вагона — категорически исключены.

Она пересечет условную границу братской Белоруссии, после, путая след, переберется на Украину, а в безопасном Киеве смело возьмет билет либо на самолет, либо на поезд. Купить же банковскую справку на валюту — не проблема. И кстати, ведь были же у нее бланки этих справок со всеми необходимыми

штампами, и нет чтобы оставить себе на всякий случай хотя бы парочку, сдала все заказчику экспертизы, дура! Хотя кто знал, что ей предстоит столь внезапно и сказочно разбогатеть?

На подходе к дому встретила соседку, выгуливающую во дворе овчарку.

С соседкой она общалась редко и неохотно, однако на сей раз подошла, поздоровалась, побрела рядом, сетуя, что часто ломается лифт и надо бы написать убедительную жалобу в управу округа, а кроме того, на лестничной площадке разбито стекло форточки, и до зимы общими усилиями надо бы вставить новое — от жилищной конторы подарков не дождешься...

Она говорила, присматриваясь к заполонившим двор машинам, подозревая, что за ней сейчас наблюдает если не милицейская, то бандитская «наружка».

Одна из машин — перламутровая сиреневая «девятка» с непроницаемо черным остеклением кузова вызвала у нее тревогу, и, подхватив соседку под руку, она направилась в сторону автомобиля, высматривая горку окурков у обращенных к бордюрному камню дверей — верный признак методично ведущейся слежки.

Окурков не заметила, как не смогла разглядеть за вязкой тьмой лобового стекла и очертаний своих возможных соглядатаев.

Как истязаяще жутко ощущение расплаты и витающей вокруг тебя зловещей тайной силы, подкарауливающей за каждым углом... Зачем она все это сделала, зачем?!

Явившись домой, застала возбужденно ходящего по комнате мужа. Трагическим голосом муж сообщил, что только что звонила Лехина жена: на днях ее супруг таинственно исчез.

— Все вещи на месте, документы... — недоуменно цедил он. — Куда делся? Они на ферму ушли, а Леха во дворе с бензопилой копался... Приходят — пила

лежит разобранная, дверь в дом открыта, а его нет... Думали сначала, что запил, в загул подался, бывало такое, но вот уже сколько времени...

— Я должна с тобой поговорить, — торопливо и в нос проговорила она. — И очень серьезно.

— Чего-то знаешь? — насторожился он.

— Да, знаю...

И она рассказала ему все, от начала и до конца.

— Да что же у вас зачесалось-то! — с чувством промолвил супруг. — Вроде нормальные люди, вроде никаких заскоков... А уж от тебя такого авантюризма, дорогая, ожидал, как от нарзана похмелья...

— Сама не ожидала, — бесстрастно согласилась она. — Но что сделано, то сделано. Надо уезжать. Загранпаспорт у тебя есть, ты словно чувствовал, что пригодится тебе...

Муж оформил выездной документик в расчете на турпутевку, предлагаемую ему как гонорар за очередную халтурку.

— Постой-постой! — поднял он руку. — Куда уезжать-то?

— Да ты в Европе по своей специальности... — с чувством начала она, но муж перебил, вращая из стороны в сторону головой, будто разминал шейные позвонки:

— Ну, Людка! Аферы из тебя, как из нарыва перезревшего, прут... Какая еще Европа?! Я в своей-то стране, как мышь пугливая, а ты вон чего удумала!

— Но у меня-то выбор какой?! — воскликнула она. — Если бы не бандюги эти... — Шмыгнула носом.

— Ну, тогда что ж... — Он сокрушенно почесал затылок. — Тогда — беги. А я Славке позвоню, есть у нас мордоворот на заводе, развелся месяц назад, по друзьям кантуется. Пусть ко мне перебирается. Вооружимся топорами да монтировками, начнем отбиваться. Ну, втянула меня в историю!

— Подумай, может, вместе... — вымолвила она сквозь слезы, хотя отрезвленно, с гулкой пустотой безысходности, уяснилось, что скитания с этим увальнем, конечно же, будут ей в тягость.

— Чего мне думать? На мне греха нет...

Муж, как всегда, был непробиваемо туп и невозмутим. Вот же, осел упрямый... И еще телевизор включил, новости дня его интересуют!

Наивная иллюзорность своей сопричастности к событиям, происходящим вне его воли, и самоохранительный, приспособленческий их анализ, подобный растревоженному чутью таракана, обложенному безукоризненно гибельными, непреодолимыми рубежами отравы...

Она всплеснула руками, готовясь выпалить гневную тираду, но осадила себя: что взять с насекомого? Да и вообще... все уже в прошлом, о чем ты, Люда?..

Произнесла безучастно:

— Я должна собрать сумку.

— На антресолях какой-то баул... — донесся ответ. — Забирай.

Вечер провели в отчужденном молчании.

Она взяла только самое необходимое — все остальное купит, отныне мелочиться не стоит, отныне — жизнь для нее, а не она для жизни...

Надела джинсы, кроссовки, легкую спортивную куртку.

— Если что, — напутствовала, целуя тяжело вздыхающего супруга, — ты ничего не знаешь. Я, мол, сказала, что преследуют бандиты, вынуждена временно уехать, буду звонить...

— А звонить-то будешь?

— Конечно...

В три часа ночи, обвязавшись длинной бельевой веревкой, она скользнула мимо сонных окон в черноту тыльной, неосвещенной стороны дома. Подхватив

заранее спущенную на землю сумку, аллеей побрела к перекрестку, поймала «левака».

Усевшись на заднее сиденье, оглянулась на пустую ночную улицу. Никакие подозрительные фары ее не преследовали.

— Тут недалеко, к парку езжай, — сказала она водителю.

— В такое время? К парку? — выразил тот сомнение. — Чего ж там делать-то?

— Клад откапывать! — заявила она с насмешливой злобой.

— А... Ну только если так... — раздалось со смешком.

Ей захотелось закурить. И только тут она вспомнила, что забыла на подоконнике пачку сигарет и дорожную позолоченную зажигалку, с которой не расставалась уже лет пять...

Вот незадача!

Было особенно жаль элегантной и безотказной зажигалки... Прямо хоть возвращайся!

«Хотя... сгорел дом, гори и сарай!» — подумалось отчаянно и безысходно.

Расплатилась с водителем ночной машины, и — побрела еле заметной тропкой в темень трепетавшей под вороватым легким ветерком листвы.

Вот и знакомый, слабо белеющий во мраке березовый ствол...

Надев резиновые перчатки, она ухватила под корнями — вслепую, но уверенно и наверняка — пласт дерева, словно сердцем опознав его расположение на темной земле.

Точно... Угадала. Все-таки существует нечто, потаенно-мистическое, интуитивное, и — главное... Что? Душа?

Когда банка с долларами перекочевала в сумку, она, тревожно вглядываясь в темноту, поднесла

к лицу «вальтер» и передернула затвор, послав патрон в ствол. Подумала механически, что в ее положении оружие в ночном городе — штука незряшная, а уж если кто-то попытается отобрать у нее деньги, означающие отныне всю дальнейшую жизнь, то на спуск она нажмет бестрепетно и — не раздумывая...

Вновь вышла на трассу, подняла руку на приближающийся свет фар.

Вот тебе — на! Патрульный бело-синий «форд».

— Ваши документики, гражданочка...

Она предъявила милицее удостоверение. Сказала:

— Свои...

— Свои дома сидят, — заметил на это добродушного вида, худощавый майор лет сорока, вглядываясь в документ.

— Наш дом — Россия, — нашла в себе силы для остроты Собцова.

— О, экспертов я уважаю, без науки нам никуда! — произнес патрульный, возвращая ей корочки. — Так может, подвезти? А то ведь ночь, а тут женщина с сумкой... Что же вы так рискуете?

— В отпуск собралась, поезд через час отходит, — сокрушенно поделилась Собцова. — Ждала машину, а та сломалась. Вот и кувыркаюсь теперь.

— Ну, так и быть, довезем, — кивнул милиционер. — Садитесь сзади, ребята потеснятся. А сумочку в багажник давайте... Боря, багажник открой... Какой вокзал нужен?

— Белорусский. На бензин, как говорится...

— Да ладно, — отмахнулся майор Пакуро. — Бензин казенный... И для нужд казенных людей предназначен. Поздравляю, кстати, с первым днем заслуженного отпуска.

— Спасибо большое...

Майор Пакуро

Проверку на полиграфе, устроенную следствием для сотрудников ЭКО, Собцова прошла успешно: то бишь показания прибора не оставляли ни единого сомнения в ее причастности к преступлению, однако, прежде чем провести жесткий и откровенный допрос, решено было проработать личность исполнителя, которой, благодаря тому же полиграфу, соответствовал брат мужа Людмилы, живший во Владимирской области и часто навещавший столицу.

Правильность версии подтвердил печальный факт внезапного исчезновения Алексея из дома. Ни вещей, ни одежды, ни документов, он с собой не взял, что наводило на мысль о его убийстве. Только кем? Покупателями оружия?

Лишенный за пьянку водительских прав, Алексей последнее время посещал столицу на машине своего знакомого Виктора, способного, исходя из логики ситуации, выступать в роли его подельника, тем паче, парень был неоднократно судим; однако куда-то исчез и Виктор — правда, на сей раз его пропажа никакой таинственностью не отличалась: сам передал соседке на попечение сторожевую собаку, закрыл дом и, сказав, что отбывает на заработки, уехал на личном автомобиле в неизвестном направлении.

Номера у автомобиля были московские, машину Виктор приобрел по доверенности, запомнить их местные жители не удосужились, а потому, раскатывай он сейчас по Первопрестольной или же вне ее, мог чувствовать себя в одинаковой безопасности, не страшась никаких розыскных мероприятий. Кстати, практически неосуществимых.

Допросы Собцовой, взятой с поличным и не ставшей запираться перед очевидными фактами, прояснили еще одно ответвление истории с похищением

оружия и денег: накануне неудавшегося побега к ней домой заявили бандиты, точно осведомленные о сумме находившихся на экспертизе рублей, и потребовали бандиты данную сумму, плюс — иностранную валюту в качестве компенсации за обман исполнителя акции. Предлог, ясное дело, формальный и смехотворный. Обычный наглый «развод». Однако — с реальной перспективой успеха, поскольку апеллировать к кому-либо в данном случае запутавшаяся в махинациях дура попросту не могла.

Утечка информации относительно размеров похищенного явно происходила из того же ЭКО, где сидел если не осведомитель гангстеров, то активный болтун, что подтверждалось и фактом неявки злодеев за оговоренной мздой на лестничную площадку.

А жаль! Ухватившись за данную ниточку, можно было бы уверенно размотать весь клубок, включающий в себя и таинственное убийство Рудаковой, которым непосредственно занимался Пакуро.

Как уяснили себе коллеги из «десятки», Алексей, прибыв после кражи из ЭКО в родной поселок, оставил свои сумки в машине Виктора, что означало острую необходимость поисков канувшего в неизвестность шофера и — подробное выяснение фактов его криминальной биографии.

Если бывший зек имел выход на покупателей огнестрельного товара, то связи с этими покупателями наверняка обрелись им в течение обитания за колючей проволокой. А потому, поразмыслив, Пакуро отрядил Бориса в командировку по местам земного воздаяния Виктору за его прошлые грехи, а сам поехал на встречу с вдовцом Рудаковым, вновь собирающимся отбыть на свою посольскую работу.

Никакой взаимосвязи между оставленным убийцей рисунком исламского символа и профессиональной деятельностью дипломата ФСБ установлено не

было, а помимо того, надпись, предлагавшая позвонить сыщикам по редакционному телефону ведущего рубрики «невозможных встреч», была сделана на азербайджанском языке, практически аналогичном языку турецкому. То есть злодей, вероятно, являлся выходцем из нерушимого, как недалновидно утверждалось, Союза.

Посвятив ответственного сотрудника редакции в некоторые аспекты расследования, Пакуро предложил разместить в искомой рубрике копию оставленного убийцей послания, сопровождаемого номером одного из телефонов РУБОП.

Конечный смысл такого мероприятия был, чего греха таить, спрогнозирован довольно смутно: дескать, а вдруг, душегуб и позвонит? Тогда на пленке зафиксировается его голос — если не зацепка, то будущее косвенное доказательство... Чушь, конечно, но — вдруг? Если держишься на плаву, то — почему бы не ухватиться за соломинку? Хотя бы и любопытства ради?

Послание начали печатать, причем — в каждом выпуске рубрики.

Предположение о мести чеченцев подлой растратчице Рудаковой окончательно отпало: кавказские группировщики находились в унынии от канувших в никуда средств и вели собственные поиски убийцы — покуда, естественно, безуспешные.

Проработка связей убитой с сотрудниками редакции также ничего не дала — знакомств с журналистами Валентина Рудакова не водила, на искомое издание ни разу за свою жизнь не подписывалась, все средства массовой информации ей с успехом заменял телевизор.

Не увенчались успехом и поиски каких-либо знакомых ей азербайджанцев.

Пролить след на таинственное убийство мог скрывшийся Виктор, а потому, прихватив его фотографии,

полученные из УВД Владимирской области, Пакуро поехал в знакомую квартиру, застав в ней корректного, явно угнетенного свалившимся на него несчастьем человека лет пятидесяти — мужа покойной.

До сей поры с Рудаковым он не общался, опрашивал дипломата Борис.

Прошли на кухню, и майор невольно посмотрел на то место, где, как ему отчетливо помнилось, сидела, закинув простреленную голову к стене, убитая женщина.

— Вот здесь... она? — спросил, покривившись болезненно, хозяин.

Пакуро сумрачно кивнул. Достал папку, предъявил фотографии:

— Узнаете? Прошу вас — очень внимательно посмотрите...

— Я понимаю... — Рудаков, ознакомившись с фотокарточками, решительно отложил их в сторону. — Никогда не видел... Лицо характерное, я бы запомнил. Кто он?

— Да так, сельский житель.

— У меня нет знакомых среди сельских жителей.

Майор хотел сказать о столь плотной и запутанной тесноте связей в людском сообществе, что, почти ежедневно препарируя их, ему видится звено максимум из десяти посредников, дабы установился контакт между подзаборным бомжом и папой Римским, однако время и место для праздных размышлений были неподобающи, и он задал конкретный вопрос:

— А во Владимирскую область ваша жена, случаем, не ездила?

— Нет... Хотя... Нет.

— Ну, в отпуск, в деревню... Или к друзьям?

— Что-то припоминается, что-то крутится... — Рудаков щелкнул пальцами. — Но вот что?..

— Вы ведь в курсе, что куда-то пропали сто тысяч... — продолжил Пакуро.

Рудаков раздраженно поморщился.

— Да при чем здесь я? Валя была человеком очень скрытным и очень самостоятельным, понимаете? И — ответственным. Кроме того — требовательным и порядочным. В свои банковские передраги меня не посвящала, говорила, что это нудно и неинтересно. Деньги в отличие от меня она зарабатывать умела, хотя никакими сравнениями таких наших способностей не грешила. Была семья... — Он сжал зубы, и кадык его скользнул по перехваченному судорогой горлу. Повторил, с невольной хрипотцой, словно преодолевая боль: — Была семья, в которой все трудились, складывая доходы в общий, что называется, котел... Никто друг друга... — Внезапно он замолчал, словно осененный какой-то догадкой. Незряче уставившись на Пакуро, выдавил: — Я вспомнил... Да. Владимирская область. Совершенно верно. Там живет муж, то есть бывший муж ее сестры. Юра Хвастунов. Я, правда, с ним не виделся уже лет пять, но слышал, что после развода потянуло его в деревню. Квартира у него в Москве роскошная, пятикомнатная, еще от деда осталась... Так вот. Квартиру он, кажется, сдал, купил себе хороший дом в области... Там и живет.

— От кого слышали? От жены?

— Да, конечно. А сестра ее вышла замуж за француза, уехала в Париж; я, собственно, даже не знаю ее телефона, записной книжки не нашел, потому ничего не сумею сообщить...

— Записную книжку забрал убийца, — вздохнул майор. — Нисколько в этом не сомневаюсь. А Хвастунов... Что за человек?

— Абсолютно нормальный парень. С норовом, правда, обидчив... Занимался торговлей мебелью,

собственный магазин имел... А потом — опять же по слухам — заработал большие деньги и от дел отошел.

— То есть переехал в деревню, купил козу и на том успокоился?

— Я не знаю... — устало промолвил Рудаков, утомленный этим малоприятным для него разговором. — Валя, кстати, к нему относилась очень хорошо. Говорила, что человек он основательный и прямой. А вот сестричка ее — вертихвостка, сама дело до развода довела своими шурами-мурами.

— Его адрес во Владимирской области вам известен? — Пакуро поднялся со стула.

— Понятия не имею. Мы были не настолько близки, чтобы... Пойдите! Вы его подозреваете? Это — чушь! Уверенно заявляю!

— Подозрительность в моей профессии — очень полезное качество, — ответил Пакуро. — Более того: объективная необходимость.

— А не тяжело вот так — подозревать нормальных людей во всяких гадостях?..

— Вы к докторам ходите? — спросил Пакуро. — Ходите. Тогда представьте ситуацию: образовалось у вас какое-нибудь уплотнение неподобающее. Но так, явно пустяковое, жировичок, к примеру... И пять разных докторов дружным хором утверждают: пустяк, чик — и нет этой несообразности. Но каждый из этих пяти наверняка удаленную ткань пошлет на гистологический анализ... Что это? Подозрительность? И да, и нет. Но то, что — ответственность, точно. И когда экспертиза присылает ответ, что ничего злокачественного в тканях не обнаружено, у нормального доктора подобная информация вызывает только одного чувство...

— Глубокого удовлетворения, — мрачно добавил Рудаков.

— Конечно, — беззаботно отозвался Пакуро. — Не надо, как минимум, себе больше голову морочить... И, как говорится, следующий!

Перед тем как ехать в командировку под Владимир, Пакуро навел справки о Хвастунове. Почерпнутая из справок информация была обескураживающе внезапна: во-первых, пятикомнатную квартиру деда Хвастунов продал, ибо прогорел в коммерческих катастрофах. Так что переселение на периферию носило для него характер вынужденный, и ни о какой благостной жизни рантье речи тут быть не могло. Во-вторых, родом происходил Хвастунов из семьи в незапамятные времена перебравшихся в Россию турков. Предки Хвастунова поначалу получили фамилию Осьмакиных, чей корень указывал на их происхождение из недр Османской империи, а после, благодаря задиристому характеру прадеда-забияки, фамилия переменялась на Хвастуновых... За данной информацией стояла бездна кропотливой архивной работы.

И, наконец, третье, самое банальное: дом Юрия Хвастунова располагался буквально в нескольких шагах от дома пропавшего Виктора.

Вместо безнадежно оборванной нити в руках Пакуро отныне оказался прочный канат. С основательным крюком...

Приехавший из командировки по местам заключения Борис доложил, что во время последней отсидки Виктор находился на побегушках у авторитетного блатного по кличке Чума, и проходил Чума по делам, связанным с квартирными разбоями.

Памятуя рассказанную Собцовой историю о проникновении в ее квартиру вымогателей, прохлопанных «наружкой», Борис предъявил опальной сотруднице милиции, томящейся под следствием, фотографию Чумы.

По словам экс-эксперта, в число разбойников, посетивших ее жилье, тот не входил. Хотя доверять адекватности Собцовой было трудно: она пребывала в отупевшем, полувменяемом состоянии, раздавленная арестом и предстоящим сроком.

Передав данные Чумы в «десятку», усердно занимающуюся розыском похищенных стволов, Пакуро и Борис, заручившись санкцией прокурора, ясным утречком покатали во Владимирскую губернию.

— Ты знаешь, — говорил Борис, пристально глядя на несущуюся под капот автомобиля трассу, бывшую дорожку российских каторжников, — смущает меня это послание... Ну откуда этому Хвастунову знать тюркский язык?

— Хотел запутать дело, разберемся, — отмахивался майор.

— Что дело хотел запутать — не сомневаюсь, — отвечал Борис. — Но кто автор надписи? Ведь он — свидетель, так? Может, какие азербайджанцы в поселке живут?

— А может, приезжали помидорами торговать, — бесстрастно отозвался Пакуро.

— В любом случае давай сначала наведемся к участковому.

Постучав в дверь дома, где жил участковый, облокотились на перила крыльца, слыша неспешный скрип половиц и сонное покашливание бредущего через сени хозяина, — до сей поры, видимо, наслаждавшегося послеобеденной дремой.

— Во где служить надо! — шепотом позавидовал Боря.

— Да как сказать, — возразил Пакуро. — У них в этом колхозе целый бандитский выводок, тут впору филиал РУБОП открывать...

Раздался лязг запора, и на пороге появился одетый в одни лишь длинные цветастые трусы до колен туч-

ный, загорелый человек — черноволосый, с ухоженными густыми усами.

Кавказское происхождение хозяина дома было очевидным.

Представившись, извинились за нарушенную тишину и прошли в просторную чистую комнату, оклеенную голубенькими обоями в веселых цветочках.

Пакуро вкратце объяснил суть дела. Затем, выложив перед участковым копию послания убийцы, спросил:

— Как думаете, кто в поселке мог это ему пере-
вести?

Усы участкового возмущенно зашевелились. Окружились глаза.

— Да я ему и перевел! — выпалил с негодованием. — Пришел, попросил... Я же под Баку родился...

Борис захохотал, откинув назад голову.

— Вы чего смеетесь? — опешившим тоном произнес блюститель сельского правопорядка.

— Ваша улица полна неожиданностей, — нейтральным тоном пояснил Пакуро.

— Галифе у вас есть? — спросил Борис хозяина дома, кивнув на его семейное нижнее белье.

— Конечно...

— Советую надеть. Фуражку возьмите. И — пойдем к нашему общему подопечному. Заждался небось...

Хвастунов, облаченный лишь в плавки и в пластиковые растерзанные шлепанцы, лежал на надувном матрасе в гамаке, установленном посередине сада, с вниманием читая детектив в характерной убогопестренькой обложке.

Узрев идущих к нему навстречу двух мужчин в аккуратно выглаженных брюках, одинаковых белых рубашках с короткими рукавами и строгих галстуках, за которыми, отдуваясь, семенил, отирая пот со лба,

тучный участковый, небрежно отбросил книжку в сторону и, болезненно и понятливо кривясь, привстал.

В его глазах, уныло и пусто взирающих поверх голов незваных гостей, читалось столь откровенное осознание сути данного визита, что Пакуро, не утомляя себе преамбулой знакомства, коротко и отчужденно спросил:

— Пистолет в доме?

— Нет, — отвернувшись, буркнул убийца.

— В доме Виктора? — Пакуро кивнул на соседний дом.

— Не знаю. Братва с ним какая-то приезжала, отобрали... Деньги вернули.

Борис, несший в руке служебную папочку, раскрыл ее, вытащил фотографию Чумы:

— Этот?..

Вскользь посмотрев на фотографию, Хвастунов устало щурясь, обронил:

— Точно. — И добавил разочарованно и с тоской: — А все-таки — умеете...

— Сто тысяч долларов здесь? — спросил Пакуро.

— Да какие сто тысяч... — Махнул рукой. — Неполная десятка осталась...

— Гасил долги по прошлым мебельным программам?.. — вступил в беседу Борис.

Хвастунов удивленно хмыкнул:

— И это знаете...

— Ну, — Пакуро обернулся к участковому, — давайте понятых, уважаемый переводчик, начнем обыск, потом обед, а после проедемся с арестованным до места его нового жительства. Увы, Юра, согласия у вас не спрашиваю...

— Каждую минуту вас ждал... — поведал тот невпопад.

— Сказать вам одну вещь? — доверительно произнес Пакуро. — Эту фразу мне приходилось слушать

ровно столько же раз, сколько и другую... Другая фраза такая: «Ненавижу вас!»

— Лично я... не вас, а — себя, — бесстрастно отозвался убийца.

На следующий день к вечеру, оставшись в одиночестве в пустом кабинете, Пакуро ткнул пальцем в клавишу диктофона, и тесное пространство помещения заполнил глухой и мерный голос Хвастунова:

— Почему я сразу на признание пошел? А как увидел ваши лица, походку, глаза... От всего этого такое знание и такая уверенность исходили, что сразу уяснил — амба! Клещи! Да и чего крутить, время терять? На гриве не удержался — на хвосте не удержишься!

А почему Валюху убил? До сих пор не разберусь... Я же у нее деньги постоянно брал. И все получалось с их оборотом, честь по чести возвращал долги с процентами... А после — срыв за срывом... Квартиру пришлось продать. А когда склад с мебелью сгорел, начал выкручиваться из последних сил... Кредит на мне висел сумасшедший. Ей, конечно, ничего не сказал, взял сто тысяч, думал, выкручусь, а не вышло — пришлось долги проплатить. Скучная, в общем, песня. Таких, как я — сотни. А тут и она наезжать стала... Давай деньги, и все! А я был в курсе: банк, где Валька работала, чеченский, сдаст меня хозяевам — выводы будут плачевные... Кстати, она так и сказала: не обижайся, Юра, сдать тебя придется. Да ладно бы так сказала, а то такой грязью полила... Ну, я твердо заверил, что все будет в порядке, попросил еще недельку, тем более, знал — обо мне никто ни гугу, она женщина замкнутая была, волевая, все в себе держала... А уж если банковские деньги втемную крутила, то кому же о том скажет? Ее это, личное. К тому же — злоупотребление...

И вот лежу как-то ночью, не спится, думаю... И всякая чушь в голову лезет... Ну ведь кто она мне?

Бывшая родственница? Да какая еще родственница — сестра какой-то бляди... Да, гуляла моя женушка, был грех... И злоба меня берет: хлебнул я сначала от одной сестрички, а теперь вот — от другой... А потом о предках своих почему-то вспомнил... Ведь кто предки-то были? Янычары! Вам смешно? А вот мне — нет... У нас в роду все мужики горячие, прадед был, тот вообще — чуть что — за нож... Ну, думаю, ведь не боялись крови они, эти предки. А я, славянскими генами разбавленный, трусоват стал, всю жизнь всем навстречу иду, кланяюсь, проплачиваю, как фраер... Раб и приспособленец! И что в результате имею? Хибару в захолустье? И ту чечены отцапают со дня на день... Ну, думаю, давай-ка, правнук турецкоподданного, решать вопрос дедовским способом... А тут вижу — у Витька, соседа, пистолет имеется. Ну, поторговались, купил. Сел на электричку на следующий день, поехал к Вальке. Да! Тут как раз участковый зашел, а я газету читал, рубрику эту — про невозможные встречи... И — сам не знаю, почему, говорю ему: переведи, мол, на азербайджанский, он же с турецким — один в один; переведи, мол, фразочку: кто хочет со мной встретиться, звоните по такому-то телефону...

Тот перевел. Я бумажку с текстом в карман положил и — поехал. И все-таки убивать ее не хотел. Дай, думаю, куплю хорошего вина бутылку, арбуз... Посидим, я ей все расскажу как есть, может, подсобит, войдет в положение...

Встретил ее у подъезда — она из магазина возвращалась.

Сначала разговор шел ровный; я все, как есть, описал, пообещал долг со временем отработать и — предложил: внеси пока свои деньги в банк, ведь есть же у тебя, знаю. У них вообще семейка такая была... накопителей. Муж за границей, как понимаю, счет в хорошем банке открыл, туда доходы и стекались... Ну, это

личное дело каждого, тут не мне судить. А все же не то чтобы зависть, а озлобленность меня душила... Вот они — благополучные, здоровые, все у них получается, капиталец нарастает день ото дня, а я — в полном дерьме утопаю глубже и глубже... А они, суки сытые, еще и душат меня планомерно. И ведь задушат, точно! Но — убивать?.. Нет, не хотел я ее убивать. И не убил бы, если бы не начала она орать и с грязью меня смешивать. Ты, дескать, никчемная тварь, трепач, подлец, подставил меня... И — снова чеченами стала угрожать, причем всерьез. Я, говорит, заплачу деньги в банк, я порядочная и обязательная, но из тебя за это душу с корнем вырвут. Ну, тут я уже чисто механически... Достал пистолет, она и сообразить даже не успела, что к чему, а я — бах! И все, закончился гневный монолог, просто все оказалось... Ну, так мне виделось тогда... А тут девочка вошла, дочка ее... А я — будто робот — абсолютно никаких эмоций... Даже умудренная снисходительность какая-то нахлынула. И — ощущение силы. Необыкновенное, чарующее... Наваждение просто. После, конечно, все это надстояние над смертными в такую темень души обратилось, в такую тоску стылую... Ну, взял я девчонку за плечо, развернул, меня она знала, не боялась, и — в голову, в упор... Два раза. Почему два, когда одного бы хватило? Не знаю... То ли — любопытство, как пуля в плоть входит, то ли вновь эту техническую простоту убийства ощутить... Бах — готово! Н-да... Деньги, какие в квартире были, забрал, записную книжку в карман сунул, а золотишко не тронул, вас запутать хотел... Мол, не ограбление, а типа мести...

Арбуз и винишко, кстати, обратно забрал... Поднял гильзы с пола, и — вышел. Дверь приоткрытой оставил, лифт вызывать не стал, спустился по лестнице... А! Надпись еще оставил, чтобы воду замутировать... Вы говорите, что объявление в газете поместили? Не

знал... А ведь, наверное, и позвонил бы... Да, точно бы позвонил, если бы прочитал, не удержался бы...

Куда гильзы выбросил? А у вокзала, пока электричку ждал, шлялся, там забор какой-то бетонный, на одном пролете надпись: «Весь мир — говно!» Вот я за тот пролет и бросил... Все три штуки. Одну за одной. Методично...

Окончание записи Пакуро слушал уже в компании Бориса и двух вернувшихся из оперативных скитаний по городу сотрудников.

— Вот чего предлагаю! — выслушав признания Хвастунова, громогласно подытожил неугомонный Боря. — Поехали сейчас к вокзалу, найдем гильзы.

Пакуро взглянул на плотную вечернюю темень за окном.

— Давай завтра, с утра, там же сейчас ничего не разглядеть...

— У меня завтра дел — во! — Борис провел указательным пальцем по горлу. — И у ребят беготни не впрокорот. Поехали, хотя бы в общем посмотрим...

Плутая в окрестностях вокзала и проклиная начавшийся дождь, обогнули внешнюю сторону упомянутого Хвастуновым забора, который Боря охарактеризовал, как «описанный им»; наткнулись на обвисшие заржавленные ворота; по колдобинам разбитой узкой дороги въехали на загадочную пустынную территорию, окружавшую темный стеклянный модуль запертого на замок строения — вероятно, третьесортной закуской.

— Вроде здесь, — усердно подсвечивая фонариком, говорил Борис, стряхивая с пиджака дождевые струи. Сел на корточки. Слепо водя ладонями по почве и оглядываясь на дымный свет фар, посетовал: — Тут хрен чего разберешь... Железяки какие-то, листва еще прошлогодняя... По-моему, погорячились мы, придет-

ся завтра утренний график на часок пораньше сдвигать...

Присоединившийся к напрасным поискам гильз Пакуро, внезапно резко поднявшись, с настороженным вниманием обнюхал свои ладони. Растерянно произнес:

— Тьфу, дерьмо... — И тут же, толкнув локтем в бок неугомонного соратника, еле удержавшего равновесие, с негодованием продолжил: — Все ты! К хирургу тебе надо!

— Это зачем? — обиженно спросил Боря.

— Шило из одного места вынуть!

— Ты — осквернитель высоких порывов, — сказал Борис.

— Э, мы колесо прокололи! — донесся горестный возглас мокнувшего под дождем шофера.

— А запаска?

— Тоже... Того...

— Ну, и чего я теперь жене доложу?! — с гневом обратился Пакуро к истекающим противной влагой небесам и косясь на Бориса. — Что уже был на выходе, сказал ей, чтобы разогревала ужин и ждала, хотя ей к семи утра на работу вставать, а сам покатыл с энтузиастами в золотари переквалифицироваться? А?!

С неведомой, плохо освещенной территории буксовавшую в глинистых лужах машину выталкивали едва ли не час. Далее созвонились с жившим неподалеку товарищем, подвезшим запаску.

Стояла ночь, когда Пакуро, уже на собственной машине, подъехал к посту ГАИ, находящемуся неподалеку от дома. Ставить автомобиль в гараж, от которого потом предстояло топать под дождем темной улицей минут пять, не хотелось.

Дежурили знакомые инспекторы, указавшие майору месту парковки, среди нагромождения изувеченных в авариях кузовов.

Стоя у поста и сетуя на превратности неожиданно нагрянувшего ненастья патрульному лейтенанту, Пакуро рассеянно смотрел, как принимает к обочине новенькая «ауди», остановленная для рутинной проверки.

Лейтенант подошел к машине, козырнул, скороговоркой представившись. Затем до Пакуро донесся уверенный, даже слегка развязный голос водителя:

— Ребята, торопимся, МУР...

Инспектор, наклонив голову, всмотрелся в предъявленные ему из бокового оконца корочки.

Пакуро, отслуживший в МУРе не один год, также подошел к машине, надеясь узреть старых знакомых.

Мордатый тип, сидевший за рулем «ауди», был ему неизвестен.

— Из какого отдела? — дружелюбно спросил Пакуро.

— Из девятого...

— Правда? А я ваших ребят знаю, довелось один раз с ними... — Пакуро наморщил лоб. — Забыл только начальника вашего фамилию...

Мордатый без запинки назвал фамилию начальника. Назвал верно.

— Точно! — улыбнулся Пакуро. — Я, правда, с ним мало общался... А вот опер у вас там еще был, Боря Гуменюк... Как он? Жив-здоров?

— А его это... — кашлянув, сообщил мордатый, — На повышение его, в министерство...

— Жаль, толковый был сыщик, — хохотнул Пакуро. — Теперь в бумагах -закопается! Стонет, небось?

— Да вроде как... ничего.

— А Акимов Серега? Он тоже вроде в девятом?..

— Перевелся в округ! — доложил мордатый.

Пакуро, выхватив пистолет, направил оружие в окаменевшую от неожиданности и страха рожу.

— Выходим из машины! — Боковым зрением отметил, как секундное замешательство на лице инспектора сменяет понятливая готовность к действию...

Вынырнул из-за спины автомат патрульного, щелкнул затвор...

— Вы чего, ребята?!

— Без шуток! Руки в гору!

— Да ты кто такой?!.

Уместив на мокрый асфальт с заложенными на затылки руками водителя и пассажира «ауди», Пакуро, оставив их под присмотром инспектора, прошел на пост.

Набирая номер дежурного, рассмотрел удостоверения — вроде подлинные, вроде все совпадает в мелочах... Только вот Боря Гуменюк и Сережа Акимов никогда сотрудниками девятого отдела не являлись, а потому его проверочку эти хмыри не прошли, и, кто бы они ни были, он все равно будет прав...

Через час ситуация прояснилась: документы — безукоризненная липа, и импровизация Пакуро имеет далеко идущие последствия...

«Ауди» запарковали по соседству с его машиной, муровцы увезли своих лжеколлег на необходимую для повышения их информационного уровня экскурсию по Петровке-38, а майор наконец-таки добрался до дома.

Съев холодный ужин, улегся в постель и, под обреченный вздох проснувшейся жены, погрузился в краткое забвение...

А в восемь часов утра хмурая и невыспавшаяся группа гильзоискателей вновь явилась к искомому месту.

Нежный утренний свет замечательно и всецело озарял вчерашнее слепое пространство, предназначенное для поисков трех металлических цилиндриков со впадинками, оставленными на их краях пистолетным бойком.

Позади сыщиков приземисто распластался знакомый модуль из серого пыльного стекла, оказавшийся

дешевой пивнушкой, а предназначенный для исследования подзаборный ландшафт являл собой местность, пересеченную обломками бетонных плит, прикопанной ржавой арматурой, обрывками кабеля и — буквально горами испражнений, оставленными, без сомнения, завсегдатаями питейного заведения.

Пакуро, вооруженный лишь детской лопаткой, одолженной у ребенка, печально вздохнул...

Поиски гильз на загаженной, смрадно вонявшей почве, концентрированно пропитанной аммиаком на данном участке, по мнению Бориса, аж до центра планеты, велись два дня. При этом от места поисков ежеминутно отправлялись по известному адресу претенденты на подзаборное облегчение своих организмов от разного рода накоплений. Претендентами являлись ожидавшие поездов пассажиры, местные бомжи и посетители пивной, судя по всему, пользующейся огромной популярностью в районе.

Через два дня облагороженный ландшафт идеально соответствовал площади, предназначенной для высадки английского газона.

— Центральный РУБОП на субботнике по благоустройству города, — бормотал Борис, разглядывая две лежащие на ладони гильзы. — Чем не название газетной статьи, а?

— Ладно тебе, — отвечал Пакуро, утирая пот со лба и набирая телефонный номер курирующего расследование прокурора.

Воодушевленно сообщив прокурору о найденных гильзах, услышал:

— Так вы нашли две?

— Да...

— А он три раза стрелял?

— Три. Но мы тут все перерыли... Как кроты...

И потом — двух же достаточно...

— Мало! — донеслось категорическое заключение.

— Мало ему! — скрипнув зубами, сообщил Пакуро истерзанным поисками сотрудникам. Взглянул на закатное небо, отчетливо заволакивающееся пеленой дождевых облаков. Сказал решительно: — Завтра продолжим! На сегодня — все!

На следующий день, посетив уже изученную до квадратного миллиметра площадку, с обреченным унынием воззрились на характерные возвышения, напоминавшие картину начала строительства пирамид в ровной плоскости пустыни египетской с высоты птичьего полета...

К полдню с помощью чуткого металлоискателя извлекли из ядовитого грунта третью гильзу.

Дело об убийстве Валентины Рудаковой и ее дочери в компетенции РУБОП было завершено, хотя оружие убийства, находящееся ныне в руках головореза Чумы, означало лишь продолжение цепной реакции последующих преступлений.

А потому Пакуро с холодным и удрученным пониманием признавал, что развенчал лишь тайну одного эпизода обширной, составленной из множества человеческих трагедий, истории.

Витёк

После отъезда Чумы из поселка, Витёк вернулся к себе домой, преисполненный черной и липкой, как печная сажа, ненавистью к изощренно-вероломному бандюге.

Не зажигая свет, уселся на веранде, механически поглаживая лобастую голову сенбернара, сочувственно уткнувшуюся ему в колени, и, глядя на ночную темень за оконным стеклом, призадумался.

Со всей очевидностью вырисовывался тот факт, что, навесив на него, дурака, долг в пять тысяч зе-

ленных, Чума от своих намерений хапнуть деньги на ровном месте не откажется. Придется продать все и сирым бродягой отправляться в гибельную неизвестность жестокого мира.

А мразь пропьет-прогуляет эти денежки, нисколько судьбой какого-то там деревенского Витька — тупого и корыстного барана, возомнившего себя волком, не удручаясь...

Далее. Следообразующие детали оружия, похищенного из ЭКО, криминальные оружейники изменят; номера выкорчуют, однако это не изменит главного — работы следствия по факту громкого, надо полагать, преступления. И он каким-то нутряным, безошибочным чувством угадывает неотвратимость появления в своем доме тех, кто сумеет раскрутить эту историю со всеми участвующими в ней персонажами...

Это не было опасением, это была уверенность — ясная и жуткая.

И тут созрел план... Рискованный донельзя, но, как представлялось, единственно верный в своей спасительной перспективе.

Выждав два дня, когда улеглась милицейская суматоха, связанная с исчезновением Лехи, он, дав участковому показания, что уже давно не общался с арендатором своей машины, и о причинах его таинственного исчезновения ничего, даже приблизительно, не ведает, начал собираться в дорогу.

Уложил в багажник все ценные вещи и инструмент, запер дом и отвел сенбернара к соседке, оставив ей деньги на прокорм собаки. Пояснил, что отъезжает на заработки в Питер.

С тоской посмотрев на дом, оставляемый, видимо, навсегда, уселся в машину и — тронулся в Москву.

А вот и знакомая дверь логова, за которой ему довелось посидеть в качестве изнемогающего от страха пленника...

Открыл дверь Весло — явно опешивший от его внезапного появления.

— Ну, зайти-то можно? — Витёк бесцеремонно протиснулся в коридор, поставил на пол сумку с вещами.

И тут же наткнулся на опустошенно-изучающий взор Чумы, сидевшего за пустым обеденным столом в комнате.

— Прибыл для разговора, — скучным голосом доложил Витёк.

— Ну, уместай зад... — Чума, скрестив на груди руки, кивнул гостю на стул.

— Значит, подумал я хорошенько, — начал Витёк, — и решил так: приговор ты мне вынес серьезный, противоречить ему не стану, но без хаты и без тачки мне хоть в петлю, терять нечего...

— Не мои проблемы, — разлепил свои бледные губы Чума.

— Верно, — кивнул Витёк. — Но хочу спросить: что лучше — получить пять штук, от которых ты ни беднее, ни богаче не станешь, и сгубить верного человека, или — дать ему возможность должок отработать, и — как запасную опору для дальнейшей жизни оставить? Ведь жизнь-то — она по-всякому обернуться способна... Вон, я винт ржавый лет десять назад на дороге подобрал, в ящик кинул, а тут начал глушак на тачке менять, крепеж хомута — чпок, и лопни, сгнил, падла; я туда-сюда, нет замены, а потом спохватился, в ящик полез, а винтик-то тот оказался, родной... Затянул им хомут и — покатыл куда надо. А?

— Грамотно гонишь, — согласился Чума. — Только ведь поджилочки у тебя того... тряские, для наших дел негодные... Нам народ с твердой поступью нужен... Коли через мертвяков шагаешь, споткнуться нельзя!

— А я в те дела, где негоден, нос совать не стану, — сказал Витёк. — Но одну работенку для себя вижу: водилой в бардаке твоём... Девоч-то тьма, а клиенты по

всему городу горохом рассыпаны. Только и успевай задницы развозить.

— А чего... — подал голос Весло. — В точку!

— Да? Тогда бери его к себе в квартиранты. — Чума поднялся из-за стола. Посмотрел на часы. Буркнул рассеянно: — Пора... Надо к Крученому лететь, вызывал папа... Кстати! — Тревожно зыркнул на Витька. — Как там насчет этого... Лехи?

— Подергались менты чуток да затихли...

— У тебя были?

— У всех были. А мне-то чего? Я ему не сторож и не приятель.

— Понятно. В общем, кантоваться у Весла будешь, он — старший. Телкам мы как раз сегодня хату снимаем. Вроде как... диспетчерский пункт, во. Телефончик с определителем, то-се... И завтра, думаю, начнешь развозы. Насчет бабок решим.

— Хотя бы на бензин, а то ж я голый... — жалостливо вымолвил Витёк.

Чума безглаголиво pokrивился.

— Весло отстегнет. Все! Я уехал. — И, сутулясь, направился к двери.

Когда за шефом хлопнула дверь, Весло, качнув головой, вдумчиво произнес:

— А ты, Витюха, умник. И с бабками не расстался, и у кормушки пристроился.

— Кстати, пожрать-то чего есть? — спросил находчивый сельский житель.

— Ну ты хорек! В холодильнике бациллы... И наш цирроз там. Наливай за свиданьице...

— Это — момент!

На свою новую работу развозчика проституток Витёк не жаловался: к полдню он подъезжал в диспетчерскую — огромную неухоженную квартиру, арендованную у хозяина-пропойцы, ютившегося в одной из

комнат; выслушивал указания миловидной «мамочки» Аллы — ухоженной, налитой зрелой чувственной красотой украинки, развозил безнравственных девчонок по указанным адресам, взывая с клиентов плату и предупреждая их об ответственности за всякого рода силовые извращения; получал деньги на карманные расходы и ремонт машины, бесплатные сексуальные утехи в любое время дня и ночи, и — усердно вынашивал дальнейший рискованный план, составлявший суть его будущего...

Постепенно в голове его накапливалась полезная информация: Чума и Весло подчинялись вору в законе Крученому, одурившему богатую коммерсантку, ныне пребывавшую в психбольнице, и с удобством расположившемуся в ее квартире. Малолетняя дочь коммерсантки стала сожительницей старого гангстера, а сын — порученцем-шестеркой.

Вор, судя по всему, контролировал несколько хлебных точек, а кроме того, крутил с Чумой откровенно уголовные делишки.

Обо всем этом по пьянке Витьку проболтался Весло — надзирающий за нелегальной фирмой досуга, доходы от которой также шли в распоряжение криминального авторитета. Кроме того, через проституток поступали наводки на перспективные для совершения налетов частные квартиры. Аналитическо-информационное препарирование наводок осуществлялось все той же ушлой «мамочкой» Аллой.

С некоторой обескураженностью Витёк уяснил и тот факт, что группировка, о которой не раз хвастливо упоминал Чума, не принимает никакого прямого участия в деятельности его шефов, лишь косвенно примыкающих к иерархии глав того криминального сообщества, что ныне неотвратимо вступало на путь вполне легального бизнеса.

Демаркационные пограничные линии между мафиозными организациями и откровенно уголовными бандами с каждым днем приобретали все более четкий и отчуждающий характер.

И, как понимал Витёк, случись что с Крученым или с Чумой, особо усердствовать в помощи им новая поросль беловоротничковых бандитов не станет.

«Новые» вынужденно считались с «синими», во-первых, из-за их от замороженной непредсказуемости, а во-вторых, из-за традиционного главенства блатных над миллионной массой зековского покорного быдла.

Данный факт сугубо практического и формального симбиоза также поселял в смекалистом Витьке некоторые надежды...

Вскоре в бардаке разгорелся скандал: попавшая в поле зрения «мамочки» Аллы тридцатилетняя Надежда, также провинциальная украинка, работавшая продавцом на рынке, который курировал Крученый, наотрез отказалась работать в качестве шлюхи, хотя поначалу дала на это согласие.

Согласие было вынужденным, ибо у Надежды украли выручку за неделю торговли, и вербовку привлекательной одинокой женщины, кормившей своими московскими заработками престарелую мать и малолетнего сына, живших в селе под Харьковом, осуществлял лично Крученый — бестрепетный и грозный, как демон.

Витёк, привезший Чуму в квартиру, где ныне обитал вор, топтался в просторной прихожей, прислушиваясь к глухо доносившимся из-за остекленной цветным витражом двери кухни рассуждениям высшего руководителя:

— Отказывается, сука? Ну и хорошо! Алка тоже хвостом крутит, самостоятельная больно стала... Вот и научим ее нашим выводам... Девка к батарее прикована? Так... Вечером собираетесь в хате втроем: ты,

Антон и — Алла. Девке кляп в рот, и режьте ее на лоскуты. А Алка пусть смотрит, запоминает. Мясо в пакет упакуете и — на свалку. Подальше от дома только... Водилу своего этого... Пусть в стороне будет, чего-то не нравится мне колхозник твой... Или смотри — пусть тоже вымажется...

Витёк с силой сцепил в замок хрустнувшие пальцы. Вот, жизнь... Ведь когда впервые увидел он эту Надежду, трепыхнулось у него возбужденно и гулко сердце: какая баба! Вот бы с такой жить-поживать... Не из этих ведь шкур липких...

А потом враждебная отчужденность нахлынула: коли здесь, то — такая же, и нечего в лазоревые хламиды ее наряжать... Да завтра же ее окучит! В любом варианте. А оно — вон как... Конец бабе! Да и еще его в мясники припадут... Вот погань!

Выйдя в прихожую, Чума внушительным тоном произнес:

— Лети в диспетчерскую, Алке скажешь, что буду в семь вечера. Телка там к батарее наручниками приклепанная сидит — можешь попользоваться. Легко. Противиться станет — пасть заклеи и бей, как кузнец оковалок... Но — чтобы не сдохла, у нас воспитательное мероприятие с ней намечается. Что еще? Путан по ночным страдальцам развезешь, гребни к Веслу. И жди меня у него на хате завтра утром, дело есть.

Витёк услужливо наклонил голову, выражая полнейшее согласие с полученными указаниями. Относительно рекомендации пользования пленницей глумливо проронил:

— Благодарствую... Отметимся. Оторвемся, вернее! Баба — шик!

— Ну, давай-давай, — гадливо покривился Чума, подталкивая его к выходу.

Сев в машину, Витёк в сердцах ударил себя кулаком в ладонь. Произнес потерянно:

— Ну, уроды без привязи!

Пройдя тюрьмы и зоны, став наблюдателем бесчисленного множества измывательств, подлости, кровавой жестокости, он, удачливо избегнув многих пронесшихся над самой макушкой напастей, однако закаленно приемля насилие, как неизбежную данность, сейчас, пребывая в тесноте колючих бандитских пут, вдруг отчетливо осознал весь мрак того ада, в котором вынужденно оказался. Но ведь — вынужденно, с расчетом... А Надежда? Незадачливая несчастная дуреха...

Приехал в диспетчерскую.

Алла сидела на кухне, попивая сухой мартины, и смотрела телевизор. Хозяин квартиры, мертвецки пьяный, спал в своей комнате.

— Чума сказал, — развязно начал Витёк, обращаясь к хозяйке проституток, — что Надя в отказ пошла, сегодня воспитывать ее будут...

— Когда он придет? — не отрываясь от экрана, спросила «мамочка».

— Велел, чтобы ты тут в семь часов вечера присутствовала.

— Что с ней делать будем? — Алла коротко указала рукой себе за спину. Ее целиком занимала эротическая сцена мыльной оперы.

— Чума сказал, для начала я могу попользоваться...

— И то верно... — Порывшись в кармане халата, она достала ключи от наручников.

— Да я с ней и так слажу, — хмыкнул Витёк. — Даже интереснее...

— О, тогда и я посмотрю! — оторвалась старая развратница от телевизора. — Страсть люблю акробатов...

— Зенки вывалятся! — угрюмо молвил Витёк. — Обойдешься! Дай нож!

— Зачем тебе?

— К глотке приставлю, чтоб не дергалась, гнида...

— Возьми вон... На мойке...

Войдя в комнату, наткнулся на затравленный, исполненный ненависти взгляд женщины, сидевшей на полу возле батареи.

Смущенно приблизившись к ней, Витёк поднес палец к губам в предостерегающем жесте, затем, наклонившись, зашептал на ухо:

— Сиди тихо, поняла?.. У Чумы приказ: порезать тебя сегодня на куски. В назидание... Короче — труба! Прямая, без изгибов. — Перегнувшись, он рассмотрел наручники. Усмехнулся: — Китайское железо... — И, вытащив из кармана щипчики для ногтей с вмонтированным в них кривым дугообразным лезвием, вставил его острие в паз замка, сноровисто провернул приученными слесарить пальцами. Замок открылся. — Делаем так, — продолжил Витёк. — Я отвлекаю Алку, закрываю дверь на кухню, а ты — в коридор. Запор — на защелке... Дверью не хлопай. Вот... — Он судорожно порылся в карманах, достал сто долларов: — На, большего нет... Я тут сам в рабах... — И добавил виновато, глядя в ее серые, настоженно распахнутые глаза: — Нравишься ты мне, Надежда... Как увидел тебя, так сразу и... Такая история. — И — внезапно для самого себя, осторожно поцеловал ее в висок.

— Так, может, вместе?.. — прошептала она.

— Не время... Адрес мне свой скажи...

Она произнесла название поселка под Харьковом.

— А улица?

— Октябрьская, два...

— Ну, бывай! — Он стиснул ее плечо. — И учти — приеду. Скоро.

Вышел из комнаты, вернувшись на кухню. Закрыв за собой дверь.

— Больно ты скоро.... — произнесла бандерша, истомленно потянувшись всем телом.

— А ну ее, тварь!.. — отмахнулся виновато Витёк. — Дергается, как на пружинах... Неинтересно!

— А чего интересно? — с озорством посмотрела на него Алла.

— Вот с такой бы женщиной, как ты... — Витёк, присев рядом, обнял многоопытную жрицу плотской любви.

На него пахло бабьим потом и дорогой парфюмерией.

— Да иди ты! — отодвинула она его руку.

— Это почему?

— Не в моем вкусе, понял?! — В глазах ее блеснула отчужденная злость.

— А если за пятьдесят баксов?

Взгляд Аллы тут же кокетливо залучился.

— Это предложение можно рассмотреть...

Витёк, усердно прислушивающийся к долгожданному осторожному скрипу ведущей в квартиру двери, наконец расслышал его — боязливый, краткий... И, небрежно взбивая кончиками пальцев локоны повелительницы чаровниц, громогласно продекламировал:

— Кудри выются, кудри выются, кудри выются у блядей... Почему они не выются у порядочных людей? Потому что у людей, — объяснил с горестным нажимом, — нету средств для бигудей... Ведь порядочные люди тратят деньги на... Эх! — прибавил. — Были бы сейчас эти пятьдесят! Может, в долг, а?

Взор бандерши снова посуровел:

— Ага, монгольскими тугриками по перечислению...

— Ну, как знаешь, главпункт проката...

Попили кофе, покалякали о тяготах жизни и о проблемах эпидемии охвативших столицу венерических заболеваний, чья профилактика концентрированным раствором марганцовки искушенная Алла считала самым действенным средством.

Наконец, зевнув, Витёк сказал, что пора ему начинать объезд точек — девчонки свое отработали...

Выходя из квартиры, он даже не обернулся на дверь комнаты, за которой, по идее, томилась предназначенная для кровавого заклания жертва бандитских амбиций.

Однако вечером, выпивая в компании Весла, был потревожен истерическим телефонным звонком.

Звонил пышущий негодованием Чума:

— Ты зачем телку от магистрали отковал?!!

— Да ты чего?.. — возмущенно произнес Витёк. — Ну, лепишь! Извини, конечно... С какого еще хрена я бы ее...

— Ко мне! Срочно! На полусогнутых!

— Чума, да ты совсем... Тачка на стоянке, мы с Веслом киряем... О чем базар? В бега она, что ли, подалась?

— Ладно, утром приеду, объясню, — внезапно сбавив обороты, промолвил Чума. — Упорхнула, канарейка...

— Как?!

— Хрен знает... Браслеты распрягла... До завтра, в общем!

— Надька сбежала! — с изумлением доложил Витёк неторопливо раскуривающему косячок Веслу.

— А... Ну... Алке — финалис вагиналис! — вынес тот невозмутимое резюме.

— Чего?

— Это так по латыни наше «п...ц»!

Приехавший утром Чума выглядел удрученным и озлобленно-задумчивым, однако никаких претензий по поводу побега строптивой пленницы Витьку не высказал, приняв, вероятно, версию о некачественных кандалах. Усевшись за стол, повелительно объявил:

— Собираемся скоренько и — шлепаем на дело. Будем брать хату. Всё под прицелом, Антон пасет выход,

Ольга уже в машине. Наводка ее, кстати. Ты, — небрежно кивнул Витьку, — идешь с нами, ствол получишь... — И выжидательно замолчал, ковыряя ногтем заусенец на пальце.

Витёк также молчал, понимая, что, начини он сейчас противоречить, ссылаясь на бывшие благодетельные договоренности, дело может обернуться самыми плачевными для него выводами.

Вчерашние слова Крученого о недоверии новому водиле, а также его, Витька, вероятное, хотя и недоказанное соучастие побегу Надежды, скорее всего, вынудили бандитов привлечь новичка к тем акциям, после которых о роли стороннего свидетеля ему уже не следовало и мечтать.

— Ну, что молчим? — задал вопрос Чума, не поднимая глаз на собеседника. — Или, думаешь, покручусь, должок отобью, и — в сторону? Ошибочка, Витя! От нас не уйдешь, ты не в аптеке работаешь.

— Я отвечаю, — твердым голосом начал Витёк. — На воровское дело батраков не берут, так понимаю. И, значит, коли подписываюсь, то должен быть в честной доле. Чтоб знать, за что грустить в неволе...

— Ты мне чего, условия ставить будешь? — откинувшись на спинку стула, надменно молвил Чума.

— Ладно, Чума, хорош разводить парня, — неожиданно подал голос Весло. — Коли уж он с нами канат тянуть ухватился, другой конец не отвязывай! Мне лично Витюха по душе.

Чума удивленно поиграл бровями. Сказал:

— Ишь как спелись... Кто бы знал! Но да ладно. — Строго взглянул на Витька. — Коли Весло по такому течению погреб, я сворачиваю паруса. Но ты, Весло, и в ответе за него будешь... — Вытащив из-за пояса два пистолета, положил их на стол — потертый «Макаров» с треснутой щечкой рукоятки и знакомый элегантный маузер-мелкашку.

Корявая лапа Весла накрыла некогда милый сердцу Витька пистолетик.

Пришлось довольствоваться расхожим армейским оружием.

— Ну, полетели! — Чума сладко потянулся. — Расклад такой: меняем номера и едем к хате. Ольга, как всегда, звонит в дверь. Лох вроде один... Ее узнает, откроет. Тут чисто психологически... У фраера женошья, он Ольгу с тротуара свинтил, попользовался, а теперь — нате — явилась... Вопрос: зачем? Забыла что? Колечко, к примеру, потерялось... А вдруг претензия какая? Или блажь? Вдруг пришлепает вновь, когда супружница в доме?.. Тут Крученный все точняком прикинул... Мы с тобой, — подмигнул Веслу, — за Ольгиной попкой хоронимся. Как обычно. Влетаем и — понеслось. Антоша и Витюха — следом. Прессуем фраера, начинаем шмон. Ольга с рацией отваливает на «атас». Такая азбука.

Витёк хотел задать вопрос о возможности крайне нежелательной для него «мокрухи», но — прикусил язык... В любом случае отступить было некуда. Добиться от лживого насквозь Чумы правды о его истинных замыслах не смог бы и дьявол, а попытка торга означала бы потерю лица... И, соответственно, головы.

Расчет Крученого оказался точен: увидев в дверном «глазке» безобидную девчонку, с которой он провел незабвенное времечко, хозяин квартиры, ошалев от десятка спутанных версий, касающихся сути такого визита, однако опасного подвоха не заподозрив, отодвинул задвижку замка, и в следующую секунду банда ворвалась в коридор.

Чума — привычно, без промаха, ударил жертву кулаком в кончик носа, используя таким образом свой любимый прием: кровь, невольные слезы, растерянность и ослепленность...

Не теряя зря времени, Весло коротко и пружинисто толкнул незадачливого кавалера ладонями в грудь, отчего тот, потеряв равновесие, отлетел к стене и сверзился на пол.

— А теперь — тихо! — зловеще молвил Чума, уперев ствол пистолета ему в лоб. Коротко обернувшись на входящих в квартиру Витька и Антона, распорядился: — Оба: шмон по сусекам; один — на рации... — Затем, вновь обратившись к поверженному человеку — молодому, симпатичному крепышу лет тридцати, до сей поры лучившемуся уверенностью и благополучием, с угрозой продолжил: — Значит, так. Буду задавать вопросы. Один неверный ответ — пуля у тебя в башке, обещаю твердо. Вопрос первый: где бабки?!

— Спокойно, ребята, все понимаю... — утерев кровь с подбородка ладонью и с досадой на ладонь посмотрев, отозвался хозяин. — Деньги и драгоценности в сейфе, сейчас открою, бить не надо, все отдам... — Держась неверной рукой за край антикварного, в искусной резьбе, комода, приподнялся, подошел, покачнувшись, к сейфу, вмонтированному в стену над письменным столом. Растерянно чертыхнувшись, произнес:

— Ключ в столе... — И потянулся уже открыть ящик, но был остановлен бдительным выкриком Чумы:

— Я сам! Не дергаться, гнида!

Хозяин квартиры послушно замер на месте.

Чума выдернул на пол ящик стола, рассыпавшегося разной всячиной: бумаги, скрепки, компьютерные дискеты, зажигалки, авторучки, ключи...

— Который? — указав глазами на ключи, спросил Чума.

— Вот этот... — ответил хозяин, ткнув пальцем в лежащий поодаль от вываленной россыпи мелочевки, — плоский, с хитрыми, извилистыми бородками...

Чума механически наклонился, поднимая указанный предмет.

Витёк и Весло, зазевавшиеся на украшавшую стену коллекцию старинных мечей, даже не заметили, как покорная до сей поры жертва вдруг молниеносно и жестко ударила наклонившегося к ключу Чуму умело вывернутой стопой в лоб.

Чума отлетел под ноги подельников; мгновенно, впрочем, поднялся, однако коварный хозяин времени зря не терял: сунув руку за боковую стенку стола, извлек — наверняка с давним расчетом спрятанный за ней — никелированный «ТТ», незамедлительно грохнувший оглушительными выстрелами...

Дернулся, потерянно схватившись за грудь, Весло; завыл, вращая глазами, Чума, кому пуля угодила в руку; почувствовал, как упруго обожгло висок, Витёк, — в следующее мгновение, пригнувшись, выскользнувший в прихожую...

Далее все происходило, как в тумане...

Едва не сбив с ног выскочившего из соседней комнаты Антона, они скопом выбежали из квартиры; понеслись под ногами ступеньки лестницы, ведущей к выходу из подъезда, где прохаживалась, блаженно щурясь под солнышком в темным очках и чаруя прохожих стройными, загорелыми ножками, едва прикрытыми легким платьицем, стоящая на «атасе» Ольга.

Не стовариваясь, попрыгали в машины: Антон и его ничего не понимающая сестрица уехали на своей; Витёк, Чума и Весло покатали куда глаза глядят, в прежнем составе.

Ехали, матерясь и исходя иступленной злобой.

Витёк, впрочем, помалкивал, косясь на сидящего на переднем сиденье Весло, чье смуглое лицо на глазах приобретало мучнистый оттенок, а лоб покрылся крупными каплями пота.

Пуля, выпущенная из «ТТ», прошла его грудь на вылет, он терял кровь, уже обильно расплзающуюся на чехле сиденья, а поскуливающий на заднем сиденье Чума, обнажившийся до пояса и свирепо разглядывающий сине-багровые округлые раны входных и выходных отверстий на бицепсе левой руки, чувствовалось, обретал способность вновь принять на себя командование.

— Рули в Люблино! — сквозь стиснутые от боли зубы приказал он Витьку. — Лепила там у меня... Аптекарь, мать его так...

— Быстрее... — прохрипел Весло, и в следующее мгновение, уронив голову на грудь, замолчал.

Перегнувшись через сиденье, Чума охватил ладонью его шею. Скривившись, молвил на выдохе:

— Кончился, дуралей...

Остановившись возле пустыря, выволокли из машины убитого соратника, обыскали; забрав ключи и бумажник, отволокли тело в кусты.

Для верности Чума перерезал покойнику горло. Свое действие прокомментировал так:

— Тяжело расставаться со старыми товарищами, но уж коли такая судьба — надо гуманно, чтоб, если очнется ненароком, не мучился... Мы же люди...

Подъехав по указанному адресу в Люблино, Витёк выключил движок, глядя, как Чума, бережно прижимая к туловищу простреленную конечность, покачиваясь, бредет к подъезду, где жил известный ему врач.

Вернулся через час — взвинченно веселый, явно под действием наркотика. Приказал:

— Домой меня вези, на Красносельскую...

По пути отрывисто наставлял:

— Теперь ты — на месте Весла, понял? Сиди в хате, нос не высовывай, обмозгуем с Крученым, как и чего, тебе сообщу... Салон отмой, чехлы — в помойку. Но не у дома, хотя бы за квартал отъедь... Пистолет давай...

Витёк протянул бандиту так и не пригодившийся, слава Богу, «Макаров».

— Э-э! — крикнул Чума изумленно. — А мелкашка где?

— В смысле?

— Ну та, что у Весла была?..

— Откуда мне знать?

— Там оставили... — Чума досадливо закусил губу. — Весло выронил! Точняк — выронил!

— И чего? — испуганно обернулся к нему Витёк.

— Там номер не запилили... Ладно. Авось пронесет!

Витёк почувствовал холодок в груди. Это «авось» означало одно: если пистолет идентифицирует приехавшая на место неудачного преступления милиция, то в тлеющие угли ведущегося следствия полетит новое сухое поленце, взвив россыпь искр прибавившегося у сыщиков энтузиазма...

На Красносельской Чума жил в основательном, послевоенной постройки, доме.

Квартира, куда он пригласил подняться Витька, оказалась снабженной двумя входными дверьми из толстенной стали, а в металлической раме проема тускло горела контрольная красненькая лампочка сигнализации: Чума тоже боялся разбойников.

— Вот тут и обитаю, — говорил Чума, подталкивая компаньона в гостиную, заставленную дорогой, но разномастной пыльной мебелью, напрочь лишенной какого-либо ухода.

На зеркальной полировке обеденного стола в пивных лужах валялись порожние бутылки и селедочные головы; из переполненных окурками хрустальных пепельниц несло прогорклым табачным смрадом. Смятые серые простыни и скрученное винтом одеяло свисали с пухлого кожаного дивана на затоптанный грязными каблуками ковер.

Обнаженные дамы, населявшие многочисленные живописные полотна, теснившиеся на обтянутых гобеленами стенах, недоуменно взирали на неряшливое убожество бандитского быта.

— Ну, пить будем? — доставая из секретера коньяк, спросил Чума. — Помянем Весло, полагается...

— Стремный сегодня день, — отрицательно покачал головой Витёк. — Вдруг менты зацепят... А на тачке номера шальные... Не, поеду к себе на хату, там нервы уйму.

— Ну, твое право... — Чума глотнул коньяк из горлышка. Сморщившись, ощупал простреленный бицепс руки, просунутой в петлю надетой на шею подвязки. Подытожил: — Завтра едем к Крученому. Про то, что пушку посеяли — молчи! И без того лютовать станет... Долю твою всерьез обсудим, коли вместо Весла впрягаешься... — Он вытащил из-за пояса пистолеты, положил их на стол. Прибавил сокрушенно: — Вот тебе и наводочка... Напоролись, как овцы в загоне на вилы... Верткий фраерок попался, удалой. А ты, Витюха, того... — Сузил презрительно глаза. — Сразу в бега... Как таракан ошпаренный.

Витёк указал на красный рубец, оставленный пулей на виске. Произнес запальчиво:

— Меня, как хлыстом... Сразу в сторону повело... Думал, в черепушку свинец ввинтился!

— Все еще впереди! — многозначительно пообещал Чума, вновь отхлебнув коньяк. — В сторону его повело... А в какую? На срочный свал, к калитке...

Витёк, уже собиравшийся покинуть компанию бандита, передумал. Присел за стол, отрешенно воспринимая язвительные нарекания, склонность к которым с новой силой вспыхнула в оправляющимся от потрясений тяжкого дня шефе.

Взял со стола «Макаров». Механически передернул затвор.

— Э-э! — Заполошно вскинулся на взведенный курок Чума. — Не шали, лапоть!

Тупая пуля «Макарова», обладающая при выстреле с близкого расстояния таранной ударной силой, попав ему в лоб, повалила на пол вместе со стулом.

Витёк, нагнувшись, с брезгливым и зачарованным вниманием смотрел, как медленно и удивленно гаснут, застывая в беспомощном негодовании, желтые, подергивающиеся остекленелой поволокой, беспощадные глаза упыря.

Смутный план завладеть сколь-нибудь значительной суммой воровских денег, подобравшись к ним поближе, ничуть не противоречил, как ныне казалось Витьку, его заветному желанию одновременного избавления от диктатуры кровавого изверга, будущего своего погубителя, которого с недавней поры он ненавидел беззаветно и люто.

Он убил нелюдя, перед кем поневоле юлил и пресмыкался, выгадывая подходящий момент исполнения этого тайного желания, потому что внезапно и озаренно уяснил: лучшего момента, возможно, не будет, и в путаной логике такого поступка присутствовал и издевательский тон считавшего его за придурка бандита, и протухшее роскошество его логова, и доступный пистолет, и уверенность в неотвратимом конце банды, и сторожевой огонек сигнализации, указывающий, что в квартире есть ценности, и, конечно же, устремление к вожделенной свободе захваченного в плен и униженного раба....

Он стер с пистолета отпечатки пальцев и — приступил к планомерному обыску квартиры, нещадно куроча мебель, отдирая плинтусы, выстукивая паркет и снимая облицовки входных дверей, под одной из которых обнаружился первый ожидаемый сверток с долларами.

После многочасового труда, завершившегося лишь под утро следующего дня, он нашел три тайника и,

вывалив на столик стоящего в прихожей трюмо — высоченного, в кружевах завитушек красного дерева — пачки валюты и россыпи украшений, замер, устало и опустошенно созная, что, вот, наконец, и все...

Теперь — свободен!

Вернее, он завоевал свободу, но ее еще предстояло многогранно и бдительно отстоять.

Крученный

Тяготили предчувствия... Скорой и неизбежной беды. В голове нудно и тревожно стучало:

«Что-то случилось, что-то не так...»

И оснований для самых худших предположений после незадавшегося ограбления квартиры и последующего за ним исчезновения Чумы с подручными имелось с лихвой.

Как объяснили Антон и Ольга, лошок, попавшийся на уловку, дверь открыл, был запрессован, но затем каким-то неясным образом сумел затеять пальбу, в результате которой бригада грабителей, получив огнестрельные ранения, ринулась наутек, растаяв в неизвестности.

На телефонные звонки в квартирах Чумы и Весла никто не отзывался, посещать соратничков с визитом было небезопасно, а потому оставалось лишь ждать, строя самые унылые версии по поводу их исчезновения.

Попытка выяснения событий, произошедших после стрельбы в квартире — в частности, вызывал ли хозяин или его переполошившиеся соседи милицию, не задалась: глава группировки, способный помочь ему в предоставлении такого рода информации, ответил отказом, причем сквозило в отказе откровенное пре-

небрежение — дескать, мараться сопричастностью к подобного рода романтике — ниже его достоинства...

Крученный затаил обиду, хотя втайне справедливость такого пренебрежения признал: благосклонность к нему циничной, расчетливо мыслящей криминальной молодежи диктовалась всего лишь необходимостью тюремной страховки, но и не более; он был не у дел в новом, тщательно перекраиваемом мафиозном пространстве, где физическое насилие признавалось не как приоритет, а как крайняя необходимость.

Приоритетом являлось насилие интеллектуальное, чьими составляющими были информация, анализ, прогноз, факторы экономических рисков и вполне респектабельный в своей законопослушности результат.

Миром, где правит топор и удавка, новое поколение брезговало. Этот мир принадлежал неуклонно вымирающим питекантропам.

Так что пора было отдать себе отчет, кем именно он является в группировке. И он уяснил: да никем... Внештатником на всякий случай. Материальным воплощением затухающих отголосков прежних пещерно-уголовных традиций.

А как он оплошал с подведомственным рынком, над которым держал «крышу»!

Хитроумный и льстивый директор, знакомый ему с давних лет, извечно щедро прикармливающий в том же расчете на «кабы чего не вышло», сумел уломать его на ежемесячную сумму mzды, равную пяти тысячам долларам, причем взял с него слово, что планка оброка устанавливается твердо и незыблемо на два года.

И он получал эти пять тысконок, вполне ими удовлетворяясь, однако, проговорившись об этих своих дивидендах в группировке, получил насмешливую отповедь: высокодоходный рынок был должен отстегивать ему как минимум сто пятьдесят кусков ежеквартально!

А слово он уже сказал, не вернешь слово... Купился на подачки, на икорку с осетринкой, на пакеты с овощами-фруктами, на «уважение» копеечное...

Вот уж лох так лох!

Униженная злоба терзала Крученого, и подогревалась злоба сопутствующими неудачами: оклемалась в больнице Ирина, принялась названивать домой, с тревогой выпрашивая, — как, мол, дети, чем заняты, ходят ли в школу?..

Ну, с Ириной он разберется, не впервой. Спишет в утиль. Способов много: ночное нападение хулиганов на улице или передозировочка... Придумается! С Аптекарем еще посоветуется...

Аптекарь, кстати, сообщил, что Чума приезжал к нему для осмотра простреленной клешни. Необходимые медицинские процедуры были проведены, а вот куда Чума отправился впоследствии — загадка. Был с ним водила деревенский, но и водила пропал... А может, водила — стукач? Может, оттого и с хатой пролет случился? Нет, вряд ли... Там бы всех и повязали, с поличным. Тогда почему Чума не выходит на связь?

Ответа не находилось.

Довершением всех незадач стал звонок Аллы, хозяйки подведомственного вертепа.

Со слезой в голосе бандерша сообщила, что трудно налаженный бизнес находится на грани срыва. Причина — хозяин съемной квартиры, превращенной в диспетчерский пункт и, одновременно, в место постоянного проживания проституток.

Хозяин заявил, что оговоренные в устном контракте с Крученым деньги не получает, довольствоваться водкой, выдаваемой ему в качестве гонорара, не желает, а потому забирает у жриц любви паспорта и изгоняет их на улицу. Паспорта готов вернуть за обещанное вознаграждение, а что же касается возобновления деятельности притона — то более рассчиты-

вать на его благосклонность не следует, общежитие шлюх пришлось ему не по нраву.

Далее «мамочка» пояснила, что пыталась урезонить разбушевавшегося алкоголика, в котором проснулось коммерческое осознание своей необходимости в деле полового ублаготворения страждущих масс, однако мирный диалог сукин сын вести отказался, и, выгнав девочек, напоследок засветил их руководительнице в глаз, отчего ее миловидное лицо, одновременно являющееся и лицом фирмы, претерпело ужасающие и прямо воздействующие на привлекательность предприятия изменения.

В качестве постскриптума Алла прибавила, что в переговорах с агрессором ссылалась на авторитет Крученого как на первоначального и главного арендатора жилой площади, используемой под вертеп, однако алкоголик с убежденностью заявил, что свое уже отсидел, блат в пенитенциарных учреждениях ему отныне ни к чему, и просил, мол, передать гнусному халявщику-урке пламенный привет!

Это наглое заявление словно кипятком ошпарило и без того уязвленные амбиции обуянного гордыней вора.

— Устраивай девок по временкам, и — срочно ко мне! — срывающимся от негодования голосом приказал он бандерше. — Сегодня же отшибем рога козлу запойному! Счеты со мной вздумал вести, короед гнусный! Пламенный, говоришь, привет мне послал?! Хорошо, в долгу не останемся!

Его грозные посулы падали на благодарную почву: полученная Аллой травма, обезобразившая лицо, вызвала к незамедлительному и бескомпромиссному отмщению.

Спустя час Крученый давал необходимые инструкции спешно собранной зондер-команде, состоящей из бандерши, Антона и его спарринг-партнера по заняти-

ям каратэ — тупого и мощного, как трактор, Дениса, на днях завербованного в банду в качестве надзирателя и охранника проституток.

Схема воздаяния зарвавшемуся в своих претензиях алкашу, задуманная Крученым, ни малейшего практического смысла в себе не несла, однако ее воспитательная составляющая, в первую очередь предназначенная для повышения дисциплины в рядах подчиненных, отличалась безусловной значимостью.

Алкаша следовало забить до смерти, затем уложить в сумки все более-менее ценное из того, что хранилось в квартире, а далее, включив газовые форсунки, надлежало квартиру поджечь, возвратив таким образом оппоненту его же пламенный привет в реальном, а не в голословном воплощении.

С задания каратели вернулись к полуночи — возбужденно-запыхавшиеся и весьма довольные собой. Сообщили, что подняли пьяницу с постели, сказав, что принесли ему долг, затем отметелили его с таким задором, что тот захлебнулся собственной кровью; после, согласно предписанию, облили мебель бензином и, включив газ, запалили бывшую диспетчерскую.

— Он точнонок окочурился? Проверили? — выслушав доклад, настороженно спросил Крученый.

— Я ему ногой в репу так задвинул, что кровь из ушей потекла! — хвастливо заверил Денис. — И эта, — кивнул на Аллу, — попрыгала на нем, как на батуте, — ребра как хворост трещали...

— Слушайте вы, гимнасты! — проревел Крученый. — Я как вам сказал жмурика проверить? Пульс щупали? Зеркало к хлебобрезке подносили?

— Да готов он был... — небрежно отмахнулся Антон. — А еще и поджарился, как антрекот... Даже думать не надо!

— Думать надо всегда, щенок бестолковый! — вскинулся на него Крученый, спешно одеваясь. — Вот

же... Родина ждет героев, п...да рождает дураков! Гоним туда, чтобы... — Он не закончил фразу, обернувшись на экран телевизора.

Транслировали повторение криминальных новостей прошедшей недели. Комментатор повествовал о пожаре, приведшем к гибели одинокого пенсионера, временно поселившегося в квартире своей дочери, уехавшей в отпуск.

Как утверждали соседи, в квартире недавно сделали ремонт, и курящего пенсионера родственники обычно выпроваживали дымить на лестничную площадку, однако после их отъезда он, тяготея к комфорту, начал курить в квартире. Утверждалось также, что дедок регулярно выпивал, а потому причина пожара наверняка прозаична: бедолага заснул с непотушенной сигаретой...

Данную квартиру после ее ограбления и убийства старика поджигал Чума, и, гневно тыча в экран пальцем, Крученый поставил в пример неумехам-новобранцам профессионализм их соратника — увы, канувшего в неизвестность.

Подъехав на место недавней кровавой разборки, застали возле подъезда толпу зевак, машины милиции и скорой помощи.

Потолкавшись среди любопытствующих лиц и, глядя на черные подпалины оконных проемов, Крученый получил противоречивую информацию: кто-то говорил, что пострадавший мертв, а кто-то запальчиво утверждал, что его отвезли в больницу в крайне тяжелом состоянии.

Уловив на себе испытующий взор одного из милиционеров, Крученый решил, что вдаваться в дальнейшие расспросы означает привлечение к своей персоне крайне нежелательного внимания, и удалился прочь, кипя яростью от халатности легкомысленных палачей.

Сел в машину, вклеил оплеуху взвизгнувшей Алле, затем — Антону...

— Сволочи! По зоне соскучились! Жив скот! Я так и знал!

— Да не может быть... — залепетал Денис, но тут же получил жестким и злым кулаком в зубы и — заткнулся, чмокая разбитыми губами.

— Всех вас урою! — продолжал бушевать Крученый, размахивая руками. — А ты, Алла, сучка поганая, завтра же по больничкам поедешь его искать! Найдешь и вколешь ему дурь под завязку! И если не сделаешь это, на куски, падлу, порву!

В своих безудержных угрозах Крученый переусердствовал: бандерша, уже всерьез тяготившаяся своей вовлеченностью в откровенно бандитские мероприятия, помышляла выйти из игры, вернувшись на Украину с солидной суммой комиссионных, вырученных от трудов подчиненных ей потаскух.

В уютном украинском городке, раскинувшемся над живописной речкой, имелся у Аллы собственный ладный домик со всеми удобствами, где проживали всецело подчиненный ее капризам и решениям муж и — неописуемая красавица дочь Лена, занимавшаяся проституцией с тринадцати лет. Что, кстати, Аллу ни в малейшей степени не смущало: профессия, как профессия, не хуже иных.

К тому же исчезновение Чумы и Весла, проводивших по ее наводкам разбойные нападения, поселили в ней серьезное подозрение, что бандиты могли угодить в руки сыщиков.

Кроме того, сегодня, после скандальной процедуры выселения из квартиры, с ней отказались работать три самые красивые шлюхи, собрав монатки и уехав, плюнув на оставленные паспорта, по неизвестным адресам.

Об этом инциденте она еще Крученому не сообщила, но прекрасно представляла, какова будет реакция психованного изувера на такого рода новость.

И потому, клятвенно заверив патрона в готовности отыскать чудом выжившего алкаша и, переодевшись медсестрой, гарантированно умертвить его уколом надлежащего снадобья, она вернулась на свою личную съемную квартирку, и начала спешно укладывать в чемодан вещи: поезд в ее родные края отправлялся из обрыдшей и ставшей крайне опасной столицы государства российского ранним утром.

Майор Родион Атанесян

Оперативное совещание в кабинете Пакуро, на котором присутствовали сотрудники, ведущие расследование хищения оружия из ЭКО, и майор Атанесян, с недавних пор занятый персоной Крученого, продолжалось недолго — завеса криминального тумана неуклонно рассеивалась, и цели будущих разработок виделись отчетливо и уязвимо.

На днях в квартире, оформленной на имя родственника-инвалида, был обнаружен труп Чумы. Соседи, обратившие внимание на незапертую входную дверь, полюбопытствовали, в чем причина этой беспечности хозяина, и, обнаружив его бездыханным, вызвали милицию.

В квартире все было перевернуто вверх дном: видимо, кто-то из соратничков Чумы искал тайники убитого.

Орудие убийства — пистолет «Макарова», находящийся в розыске, лежал на обеденном столе в гостиной. Помимо того, на трупе было обнаружено огнестрельное ранение, полученное незадолго до смерти.

«Мерседес» Чумы, оформленный на имя того же родственника, был найден в одном из боксов автостоянки, расположенной неподалеку от дома.

В боксе обнаружилось похищенное из ЭКО оружие и боеприпасы.

Среди найденного арсенала отсутствовал лишь один ствол — переделанный для стрельбы мелкокалиберными патронами маузер.

Днем позже, в кустах на пустыре, ребяташки наткнулись на труп неизвестного мужчины, впоследствии идентифицированного как сподвижник Чумы по кличке Весло. Бандит скончался от сквозного огнестрельного ранения в грудь.

Возникла версия: Чума и Весло побывали в переделке, где получили достойный отпор. Но что это была за переделка? Разборка? Незадавшееся разбойное нападение? Так или иначе, с бандитами был некто третий, и именно этот третий решил покончить с Чумой, завладев ценностями из его тайников. Кто же он?

Вероятно, ответ на данный вопрос мог дать Крученый, под чьим патронажем с давних пор находились убитые злодеи.

Однако оперативные данные, имеющиеся на старого вора у майора Атанесяна, ни малейшей сенсационностью не отличались: выйдя из тюрьмы, уголовник приписался к одной из мощных группировок в статусе пенсионера-внештатника; получил, благодаря прошлым заслугам, под личный контроль один из процветающих рынков, где директорствовал его старый знакомый, и на том успокоился. В делах группировки не участвовал, вращался среди криминальных авторитетов на правах праздного тусовщика, находящегося в резерве, а вскоре сошелся с переехавшей в Москву коммерсанткой из Сибири, начав едва ли не благостную семейную жизнь. Бизнесменка, впрочем, ныне пребывала в одной из психиатрических клиник.

Узнав о подведомственном вору рынке, Пакуро засомневался в его причастности как к делишкам Чумы, так и к каким-либо рискованным преступлениям. Даже по расчетам весьма общего свойства рынок должен был приносить вору столь огромный и постоянный доход, что главной проблемой Крученого становилось не участие во всякого рода криминальных акциях, а легализация и вложение получаемых средств, способных, к примеру, легко трансформироваться в недвижимость под пальмами оффшорных островков, чьи прибрежные воды неуклонно чернели благодаря отмываемым на тропических берегах долларом российских нуворишей.

Однако майор Атанесян, внимательно изучивший материалы по чрезвычайно происшествию в ЭКО, особо отметил показания бывшего эксперта Собцовой, касающиеся проникновения в ее квартиру рэкетиров. В показаниях фигурировал молодой румяный человек атлетического сложения и — девочка, представившаяся соседкой с нижнего этажа.

Лицо девочки Собцова не рассмотрела, а вот на представленных ей фотографиях Весла и сына скоропостижно спятившей коммерсантки — Антона — опознала физиономии ворвавшихся в ее жилище бандитов.

Таким образом, последнее звено цепной реакции покуда еще неведомых преступлений, совершенных, в частности, с помощью похищенного из ЭКО оружия и наверняка числившихся в категории «висяков» по разным районам столицы и ее пригородов, предстояло выявить майору Атанесяну. Ему же заодно надлежало разгадать тайну гибели Чумы.

Внешность майора Атанесяна прямо ассоциировалась со стереотипом холодно уверенного в себе, элегантного донельзя и чуткого, как натянутая струна, тореодора. От его предков, выходцев с Кавказа, майо-

ру достались карие, сосредоточенно спокойные глаза, тонкий нос с едва заметной горбинкой, прямые черные волосы и... неукротимо-бесстрашное устремление к победе над любым противником в любых обстоятельствах, за что частенько, как за неоправданный риск, майор получал гневные начальственные нарекания.

Первым делом Атанесян установил, что Ольга и Антон уже давно не появлялись в школе, а позвонившему домой завучу неприязненный мужской голос ответил, будто подростки переезжают в другой район и данный номер телефона взволнованным педагогам следует позабыть. Без сомнения, такого рода рекомендацию дал Крученый.

Мысль о том, что старый бандюга начал подготовку несмышленишей в свои сподвижники, была очевидной... Как и факт привлечения акселератов в криминальные деяния Чумы и Весла.

С Олей Атанесян познакомился на улице. Рассыпаясь в комплиментах и одновременно удивленно постигая вторым планом, что выглядит симпатичная девчонка весьма зрело, лет на девятнадцать, предложил перекусить в ресторанчике, получив на это моментальное и благожелательное согласие.

Впрочем, тут необходимо заметить, что благожелательность самого Атанесяна была присуща ему настолько органически и безыскусно, что обезоруживала и самых искушенных циников.

За обедом, шутливо расспрашивая, чем занимается юная красавица и где живет, услышал вялые ответы о внезапно прихворнувшей маме, лежащей в больнице, о заботливых отчине и старшем брате, чьими стараниями закрываются ее материальные проблемы. А вот к предложению поехать домой к внезапно возникшему возле нее кавалеру, напротив, отнеслась с живостью и с полнейшей готовностью.

— А не боишься, что буду ухаживать? — подмигнув, спросил коварный кавказский красавец.

— А как же без этого? — кокетливо поиграла она хрупкими плечиками, на которых подрагивали узенькие бретельки короткого невесомого платяца.

— Оля! — Тон Атанесяна стал вдумчиво-серьезен. — Тебе всего пятнадцать лет, а не восемнадцать, как ты утверждаешь. Скажи, с какой поры ты столь легко и непринужденно соглашаешься лечь в постель с незнакомыми мужчинами?

Глаза девчонки растерянно округлились.

— А что такого... Я... Ты же сам предложил...

— А теперь я предлагаю другое, — продолжил Родион. — Мы сейчас сядем в мою машину и поедем ко мне работу. В РУБОП. Ты слышала о такой организации?

— Зачем? — Голос ее сорвался на испуганный шепот.

— Затем, что я очень хочу тебе помочь. Затем, что тот, кого ты именуешь отчимом, может в любой момент перерезать тебе горло, как нежелательному свидетелю. Затем, что представляться соседкой с нижнего этажа, квартиру которой заливают соседи сверху, чтобы тебе открыли дверь, а в дверь ворвались бы твои сообщники-бандиты — означает сесть рано или поздно в тюрьму. Достаточно объяснений?

На нежных плечиках появились отчетливые мурашки. Блеснули слезы в глазах, наполненных отчаянием и страхом.

— И если ты захочешь помочь мне, то обещаю помочь тебе, — заверил Атанесян. — Где сейчас, кстати, этот твой якобы отчим и Антон?

— Их уже два дня нет, на какой-то даче... — внезапно севшим голосом пояснила она. — Звонили, сказали, если что произойдет... ну, милиция там... В общем, чтобы мелом входную дверь пометила... А... вы меня сегодня в тюрьму?..

— Успокойся, никаких тюрем ни сегодня, ни завтра не будет, — сказал Атанесян, подсовывая под ресторанный счет деньги. — И — проснись! Кошмар закончился... Все. Поехали.

Через час она взхлеб рассказала ему и о своем изнасиловании, и о вовлечении ее и Антона в банду, и о череде разбоев, которые под руководством Крученого осуществляли Весло и Чума, и о сгоревшей диспетчерской подпольной фирмы досуга...

Не успевая записывать потоком хлынувшие признания, Атанесян, глядя на нее — словно в действительности очнувшуюся от гипноза, отчетливо представлял, что ныне творится в душе этой девчонки.

Уже прижившаяся в ее сознании «наука» Крученого, напроць отвергавшего какую-либо мораль рода людского и упивающегося той властью, что даруют оружие и деньги, отторгалась, как короста засохшей крови от раны, и пусть с трудом, но все-таки постигалось ей существование в этом мире тех, кто способен противостоять ее уже прошлому покровителю и погубителю. И суть неожиданности такого ее открытия Атанесян понимал с философской удрученностью...

Что являла собой для этой Оли милиция? Мордастые дяди с резиновыми дубинками в метро и на улицах, вылавливающие пьяниц и гостей столицы без надлежащей регистрации... Охотники за дорожными нарушителями с полосатыми жезлами... Большинство из них делало из своей профессии нехитрый и понятный всем бизнес, и наверняка тот же Крученый с откровенной и бесспорной гадливостью характеризовал их — всецело устремленных к подачкам и взяткам, как продажное, беспринципное быдло, как полуроботов, чья фискальная программа с автоматической готовностью нейтрализовывалась всунутой в карман купюркой. Заплатил — проходи... Существа-турникеты.

А те, кто носил ту же самую форму, подразумевавшую совершенно иное содержание, те, напрочь иные, существовали лишь в ирреальном киношно-книжном пространстве, и уповать на них мог либо одураченный пропагандой идиот, либо вконец отчаявшийся.

Издавна и основательно укрепившийся в общественном сознании стереотип... Укрепившийся справедливо! И в разрушении его Атанесяну в который раз пришлось приложить усилия титанические. Тем более, девчонку приходилось убеждать в брезгливо отвергнутой ей истине, что существуют на планете Земля и нормальные люди, а не только те, кто вернулся из преисподней.

Еще в ресторане Атанесян приметил розовые косые шрамики на предплечьях девочки, невольно насторожившие его, и, улучив паузу в беседе, как бы между прочим спросил, кивнув на подживающие раны:

— А теперь вот об этом расскажи... — И небрежно, имитируя секущие удары ножа, провел кончиком пальца по своей руке.

На мгновение она замялась. Произнесла вяло:

— И это заметили?

Атанесян выжидающе молчал.

— У него проблемы последнее время начались... Ну, мужские. И он... В общем, он мне надрезы делал, и кровь пил... Возбуждало его... — Она отвела глаза от майора, всеми силами пытавшегося скрыть свою ошеломленность подобным признанием. — А потом, — продолжила неуверенно, — себя резал, и меня заставлял... вот.

В восемь часов вечера Атанесян встал из-за стола. Убрал документы в сейф. Сказал:

— Сейчас едем к тебе домой, дождемся наших офицеров, они останутся с тобой в квартире. Будет звонить Крученый или Антон, скажешь, что никто не приходил, что скучаешь, пусть приезжают. Поняла?

Она послушно кивнула. В глазах ее стояла боль и усталость.

— Тогда — поехали...

На подъезде к дому Ольга ухватила Атанесяна за руку, с заполошным испугом пролепетав:

— Они здесь... Вон — машина...

И майор, невольно притормозив, увидел припаркованное возле подъезда БМВ, возле которого стояли, угрюмо о чем-то беседуя, Антон и Крученый.

На мгновение Атанесян растерялся. Что делать? Бандиты, вероятно, поджидают Ольгу, а может, не застав ее, уже собираются отъезжать...

Да, Антон, похоже, садится за руль...

— Из машины не выходить! — прикрикнул Атанесян на Ольгу и — выскочил из машины, не без досады уясняя, что оставил оружие на службе.

Схватил Крученого, уже протискивающегося в салон, за локоть.

— Не торопитесь, Александр Иванович, есть разговор...

— Ты чего, фраер?! — В колючих глазках, уставившихся исподлобья на майора, читалась яростная готовность к отпору.

Атанесян показал удостоверение. Невозмутимо пояснил:

— РУБОП. Вам и Антону придется проехать со мной.

— Клал я на твою ксиву вонючую, — с терпеливым презрением отозвался вор, совершая новую попытку влезть в автомобиль. — А на тебя... — Договорить он не успел: Атанесян, ухватив его за плечо пиджака, рывком выдернул из салона. Дружелюбно предупредил:

— Ты меня, Крученый, не зли, а то — допросишься, чего не хотел... Больно ведь будет...

— Да ты чего тут быкуешь?! — Кулак Крученого поднялся для удара, однако противник, искусенный

в искусстве восточных единоборств, широко и косо взмахнул ногой, угодив каблуком в подбородок оказывающего сопротивление задержанного.

Крученный рухнул на асфальт.

Боковым зрением майор усмотрел вылезающего из автомобиля здоровяка Антона.

Лицо Антона выражало гамму сложных чувств: во-первых, его откровенно поразило, что могущественный и грозный кумир и хозяин в ответ на свое неподчинение приказу какого-то там мента получил от него — профессионально и без излишних препирательств — по физиономии; во-вторых, спешить на помощь своему патрону — означало атаковать сотрудника милиции, что не поощрялось уголовным кодексом; и в-третьих, появился этот сотрудник со своими требованиями в данное время и в данном месте, конечно же, неслучайно.

Крученный между тем встал на ноги и — бросился на майора.

Атанесян провел подсечку, вновь повалив противника, в ком чувствовалась, несмотря на возраст, могучая физическая сила и готовность стоять в своем сопротивлении до конца.

Антон между тем сделал первый робкий шаг к месту схватки. То, что за первым последует второй и третий, сомнений не вызывало.

Вновь атака Крученого, вновь удар майора, сваливший неугомонного вора наземь, и его нутряной рык: — Антон, сука, фас!

Переросток, как сомнамбула, двинулся на Атанесяна, в эту секунду с неудовольствием припомнившего о самозабвенном увлечении будущего противника тайными каратэ. Полумеры в отношении поклонника профессионального рукопашного боя были недопустимы: в Антоне мог привычно проснуться слепой агрессивный азарт бескомпромиссной схватки.

Подскочив к покуда еще мешкавшему с активными действиями неприятелю, Атанесян нанес ему сокрушительный удар сгибом локтя в челюсть.

Юнец тут же принял горизонтальное положение, в то время как Крученный вновь обрел устойчивость своей вертикальной позиции.

Дальнейшие передвижения Атанесяна от противника к противнику сопровождались удручающе однообразными и рутинными результатами: падал Крученный, вставал Антон; падал Антон, вставал Крученный...

Майор чувствовал, что затянувшаяся игра в эти опасные ваньки-встаньки отнимает у него последние силы.

Между тем события происходили во дворе респектабельного дома и выглядели со стороны так: человек лет тридцати пяти, явно спортивного телосложения, одетый в джинсы и легкую шелковую рубашечку, методично избивает изысканно одетого пожилого господина и — пусть переростка, однако явно мальчишку, вступающего за своего, предположительно, папу.

По тротуару в изобилии проходили разнообразные люди, в том числе — крепкие мужчины; из окон за потасовкой наблюдала не одна пара глаз, однако со звонком в милицию и даже с трусливым выкриком-требованием прекратить безобразие никто категорически не спешил.

Перед глазами упревшего от метаний Атанесяна уже плавали мутные, сплетающиеся между собой кольца, но вот наступил тот долгожданный момент, когда оба недруга, совершая попытки подняться с асфальта, никак не могли достичь в этом своем устремлении положительного результата.

Неверной рукой майор отстегнул от брючного ремня упакованный в кожаный чехольчик мобильный телефон, судорожно набрал номер дежурной части, и,

скороговоркой промолвив адрес, попросил срочного подкрепления.

В этот момент бандитам наконец-таки удалась попытка одновременного обретения почвы под ногами. Телефон полетел на травку газона, и драка вспыхнула с новой силой.

«Только бы продержаться... — думал Атанесян, пропуская удар Антона и нанося ответный. — Ну, быстрее, ребята, быстрее»...

Заветный вой сирены и визг тормозов оперативной машины прозвучал в ушах Атанесяна сладким победным маршем... А затем последовала увертюра новой рапсодии: лязг автоматных затворов, короткие и отчетливо-глухие удары прикладов спецназа, всхлипы и стоны...

Всё...

Наказав Ольге утром идти в школу, а после приехать в РУБОП, Атанесян вернулся на службу: следовало немедленно допросить деморализованного арестом Антона, не давая ему опомниться от шока.

Результат допроса майора обескуражил: предъявив юнцу фотографию мертвого Весла, в ответ он услышал историю о неудавшемся ограблении, в котором участвовал некто Витёк — один из подручных Чумы.

Покопавшись в папках, Атанесян извлек фото скрывшегося со своего постоянного места жительства селянина.

— Этот?

— Ну да... — шмыгая носом, ответил юный бандит, с водворением в стены РУБОП незамедлительно вставший на путь безудержного раскаяния.

«Значит, — рассуждал Атанесян, рассматривая прокисшую физиономию допрашиваемого, — Весло отдал концы в машине, после чего, бросив труп на пустыре, поделнички отправились на квартиру Чумы, где, вероятно, сообразительному Витьку пришла в го-

лову мысль порвать связи с бандой и одновременно овладеть финансовым наследием своего босса... Что же, разумно и, главное, вовремя... Теперь — ищи-свищи этого озорного Витька»...

— Адрес, где вы наравались на ствол, помнишь? — спросил Атанесян.

— Конечно, пишите...

— А теперь Антон, если не хочешь в камеру, а хочешь, дав подписку о невыезде, вернуться сегодня домой, то — выкладывай про все налеты. Договорились, или как?

— Пишите... — вздохнув, повторил Антон.

Он рассказал все, что знал, включая эпизоды с убийством незадачливого Лехи, поджогом бывшего вертепа и беспощадным избиением строптивного хозяина-алкоголика, скончавшегося, кстати, от побоев.

Руку майора, державшую авторучку, уже начинала сводить судорога от непрерывной и судорожной писанины.

Уже поздним вечером он отвез Антона домой. Сказал на прощанье:

— Утром — в школу. После — вместе с Ольгой — ко мне на коллоквиум... За то, что получил от меня по загривку, прощения не прошу. Ни Крученого, ни дружков его не бойся — они для тебя уже так... призраки.

Антон разлепил разбитые губы:

— И сколько мне дадут... лет?

— Не знаю, — честно признался Атанесян.

Через день из больницы выписалась Ирина Ганичева, усилиями врачей обретшая способность к адекватному восприятию действительности. Действительности, увы, ужасающей.

Разговора с этой сломленной, истерзанной невзгодами женщиной, напрочь утратившей былую при-

влекательность и какую-либо уверенность, не получилось: она выбралась из бездны, но утраченное ей было безмерно, и его восполнение, после неизбежного осуждения детей, виделось Атанесяну уже непоправимо безнадежным, хотя в таком мнении ему очень хотелось ошибаться...

Долгий и тяжкий труд души, мучимой стыдом и раскаянием, — окажется ли он ей под силу? И как тут не вспомнить о той самой мистической карме?..

Подписала необходимые документы, робко, словно не веря, что ее отпустят, спросила: «Могу идти?» — и — скрылась за дверь, оставив после себя осязаемый след темного знака безысходной беды.

Крученный, напротив, держался крайне уверенно и дерзко: причастность к разбоям отрицал, показания Ольги, касающиеся ее изнасилования, называл бредовыми измышлениями, придуманными Атанесяном, и каждодневно отправлял из камеры записочки, то бишь «маявки», шефам группировки.

В письменных посланиях вор просил о том, чтобы голова проворного мента «Родиона» полежала до похорон отдельно от туловища, а малолетней сучке, с потрохами его заложившей, устроили передозировочку героина...

Перехваченные рекомендации майор с удовлетворением подверстывал к неуклонно распухающему делу, однако, по оперативным сведениям, в разговорах группировщиков начала подозрительно часто повторяться его фамилия, и потому в целях профилактики непредсказуемых действий противников Родион вызвал в РУБОП Олега — главу сообщества.

— Есть повод для доверительного разговора, — сообщил он мафиозо в предварительном телефонном разговоре. — Приезжайте, если хотите, с надежным свидетелем, дабы вас не обвинили... ну, понимаете...

— Понимаю, — холодно согласился собеседник.

Олег, происходивший из семьи профессоров-медиков — личность, от которой буквально за версту веяло интеллектом, несокрушимой уверенностью и ледяной логикой, с брезгливостью ознакомился с показаниями подростков: Ольги, Дениса и Антона. Дойдя до эпизода о склонности Крученого к вампиризму, озадаченно хмыкнул.

Далее прочитал просьбу вора о том, чтобы грустной головой майора братки сыграли в веселый футбол.

— Ну и?.. — вопросительно поднял Олег безучастные глаза на Атанесяна.

— Вот и у меня тот же вопрос, — отозвался тот.

— Тогда — отвечаю, — молвил глава группировки. — Может, он и Крученый, но разровняли вы его в плоский блин. Со всеми подробностями. Для меня, по крайней мере. Теперь — вывод: зовут его — мразь, и он — никто...

— На данный момент и по данному поводу наши точки зрения абсолютно и отрадно совпадают, — откликнулся Атанесян. — Не смею задерживать. Пока!..

Оценив двусмысленность последнего слова, собеседник усмехнулся:

— Хотел бы сказать вам «прощайте!», но вдруг неправильно поймете... Сказать «до свидания»? Язык не поворачивается. А потому остановимся на варианте: честь имею...

— Хотелось бы надеяться, — заметил Атанесян.

Витёк

Выскользнув из квартиры Чумы с сумкой трофейного барахла, прикрывающего пачки валюты, Витёк уселся в автомобиль и доехал до крытой автостоянки, где обычно оставлял на ночь машину.

Договорившись с частниками-автослесарями, промышлявшими мелкими ремонтами на территории гаражного комплекса, въехал в их бокс, оснащенный подъемником и необходимым оборудованием для производства кузовных работ.

Умело подрезал тонким диском шлифовальной ручной машины сварные точки короба, оттянул его в сторону монтировкой и — одну за другой запихнул в глубь образовавшейся прорехи обернутые в плотный полиэтилен пачки валюты, связанные между собой, подобно сосискам, суровой нитью.

Закрепив разъехавшийся шов струбцинами, вновь прихватил его сваркой, а затем аккуратно заровнял и зачистил следы своих манипуляций.

Обмакнул кисть в тягучий деготь масляной отработки и тщательно промазал нижний край коробов и днище.

Теперь оставалось промчаться на приличной скорости по сухому разъезженному проселку, дабы масляную пленку подернули взбитые колесами клубы дорожной пыли.

Первым таким проселком для Витька стала дорога, ведущая к одному из пригородных частных домов, где обитала свора цыган — фальшивомонетчиков и наркоторговцев, «закрышенных» Чумой.

До сей поры Чума и Витёк посещали криминальный табор не единожды, а потому незванный гость был встречен толстой и усатой супругой главы вечно безработного и делового сообщества крайне предупредительно и вместе с тем вполне по-свойски.

Устроившись в просторной гостиной, уставленной мебелью из ценных древесных пород и псевдоантичными статуями, Витёк сквозь зубы поведал, что прибыл, во-первых, по поручению Чумы за очередной данью; во-вторых, ему нужна доверенность на машину и — паспорт, фотографию для которого он

незамедлительно готов предоставить; а в-третьих, происхождение и качество поддельного документика обязано выдержать любого рода проверку, поскольку он, Чума и Весло отправляются в ближнее зарубежье на разборки.

Выслушав данное заявление, произнесенное безапелляционным тоном, толстая ведьма, щуря хитрые масляные глазищи, ответила, что бланки доверенностей и подходящий паспортишко у нее имеются, и сейчас она востребует для исполнения поставленной задачи необходимого рукодельника, своего брата, отдыхающего ныне в одной из спален второго этажа. Однако с выплатой регулярной mzды существует проблема: денег сейчас нет. К тому же обозначенный срок выплаты наступает лишь через неделю, и требование многоуважаемого Чумы представляется ей, мягко говоря, странным.

— Сказал же! — оскалась и, имитируя интонации убиенного шефа, с угрозой промолвил Витёк. — Едем в пампасы, нужны бабки... Старайся-напрягайся!

Поканючив о несправедливости подобного рода требований, цыганка, вздыхая, отправилась на второй этаж — дескать, вдруг да сумеет перехватить необходимую сумму у родственничка-фальшивомонетчика.

Вернулась минут через пять, вручив наглому посетителю три тысячи долларов и сообщив, что работа по внедрению в ответственный документ фотографии Витька уже началась. Попутно задала меркантильный вопрос: кто и когда за изготовление данного удостоверения личности заплатит?

— Это — с Чумой... — отчужденно покачал головой Витёк. — Мне — что сказано, то и передал...

Цыганка вновь обморочно и смиренно вздохнула.

При первом же взгляде на искусно вклеенную фотографию с безукоризненным оттиском Витёк понял, что в этом вертепе находятся профессионалы высочайшей квалификации и всесторонней уголовной ответствен-

ности. Он даже хотел проронить вполне естественное «спасибо», однако, вновь вспомнив Чуму, удержался: внезапная вежливость бандита могла поневоле насторожить прожженную мошенницу своей несообразностью.

Вежливость среди таких, как Чума, была признаком слабости — это Витёк уяснил прочно.

А потому, лишь холодно кивнув, сунул деньги в карман и отправился вальяжной походкой к машине, ощущая на спине испытующий взор хозяйки дома...

Цыганка, поднявшись на второй этаж, наверняка отзвонила по связному телефону Чумы, отключенному Витьком, и, не получив подобающего подтверждения, ныне испытывала смутные сомнения по поводу правомерности требований залетного ухаля и своего покорного подчинения им.

Однако Витька данные сомнения уже не касались, тем более, дальнейший график напряженного дня взывал к сосредоточенности на будущих актуальных целях.

Приехав на бывшую квартиру Весла, он вымылся под душем, собрал необходимые вещи и позволил себе несколько часов сна, весьма освеживших его после бдительного производства ночного шмона в квартире Чумы.

После заехал в уже закрывающийся банк, купил справку на выманенные у цыганки доллары.

К ночи, спрятав машину в знакомой до слезливой сердечной истомы березовой рощице рядом с поселком, двинулся согбенным призраком к дому соседки-любовницы. На свой дом старался не смотреть — больно...

Взбrehнул сенбернар, заслышав шорох ночных шагов и тут же взвизгнул — радостно и нетерпеливо...

— Тихо, малыш, тихо... — зажимая ладонью пасть любимца, с неумным ликованием вылизывающего его лицо, шептал Витёк, отстегивая от ошейника цепь. — Ну, пошли гулять... Рядом! Да что же ты ска-

чешь козлом! Вот, обрадовался... Ну! Рядом, тебе говорю! Разбудишь лихо на мою голову...

Уложив на заднее сиденье возбужденного от возвращения хозяина пса, тронулся в обратный путь.

А солнечным полднем следующего дня его «жигуленок» стоял в веренице выстроившихся у пограничного украинского пункта машин.

Подошедший к Витьку белобрысый таможенник с презрительной гримасой на щекастой, толстогубой морде, кивнув на выглядывающую из оконного проема радостную собачью морду, недовольно процедил:

— А это еще что за пассажир? Какого хрена?

— Везу на международную выставку, — смиренно доложил Витёк. — Родословная, сертификат этот... ветеринарный — все в норме, наши вон проверили...

— *Ваши* мне по барабану! На выставку, говоришь? — В свиных глазках охранника украинской экономики мелькнуло подозрение. — Ну-ка, пусть выйдет...

— Зачем?

— Я сказал!

— Ага... — Витёк с покорностью раскрыл дверцу, уязвленно постигая истину, что там, где начинается свобода одного человека, кончается свобода другого.

Пес с готовностью выпрыгнул из машины; встав у переднего колеса, задрал лапу, остудив тормозные колодки.

— Десять часов без оправки... — извиняющимся тоном произнес Витёк.

— Десять часов! — повторил за ним молодой парень, сидящий вместе с девицей в машине неподалеку. — Прикинь, — кивнул на собаку, — какая у него релаксация...

Покосившись на комментатора, таможенник молвил загадочную фразу:

— Это как раз хорошо...

Пес между тем прошел на газончик, разбитый возле таможенной будки и с естественной непосредственностью разместился на пятачке травы в позе готовящегося к взлету орла.

Удобрив газончик, вновь вернулся к хозяину.

Таможенник, подняв с земли пыльный обломок узкой доски, прошел на газон, поковырял палкой собачье дерьмо, и растерянно произнес, неизвестно к кому обращаясь:

— Извините...

Этакое проявление бдительности заставило Витька буквально поперхнуться неумным позывом нервного смеха.

Впрочем, смешного покуда было мало. Застрявшие в пограничной полосе машины украинские молодчики исследовали всесторонне, а по носившимся среди страдальцев слухам очереди на осмотр здесь можно было дожидаться еще сутки.

Попытка дать взятку также несла в себе определенный риск: сунешь свинной роже, допустим, сотню, а он и решит: коли сотни не жаль, то и на другую расколешься... А то и вновь чего заподозрит...

Следы свежей точечной сварки на крае короба покрылись густым и ровным слоем въевшейся в масло пыли, в чем Витёк тщательно удостоверился, остановившись за десяток километров на подъезде к российской границе, однако, как начинающий контрабандист, не ведающий таможенных оперативных технологий, он уже всерьез начинал сомневаться в удаче своего первого, и, как надеялся, последнего предприятия такого рода.

Побродив около часа в сомнениях вокруг машины, все-таки сунулся в будку, где сидел, степенно и вдумчиво изучая какие-то бумаги, облеченный полномочиями изверг.

Пролепетал:

— Извините... Пса жаль... Мается ведь, бедолага... — И тут же наткнулся на вспыхнувший лютым негодованием взор отвлеченного от дел государственной важности обормота, перед которым в ту же секунду легла пятидесятидолларовая купюра.

Злой и ленивый человек, целиком поглощенный созерцанием бумаг, автоматически купюру накрывших, мгновенно превратился в заботливого и дружелюбного ассистента.

— Справочка на ввозимую валюту имеется?

— Вот декларация... Я там заполнял... — Витёк кивнул в сторону российской границы.

— Очень хорошо... Будьте любезны паспорт... Очень хорошо... Вот вам штампик... Все, езжайте!

— А... очередь? Меня ж четвертуют...

— Естественно, я иду с вами...

И — понеслась под горячие колеса заветная украинская трасса, ведущая в то затерянное село, где жила Надежда...

Только как встретит она его? Вдруг да пошлет куда подальше? А если еще не добралась, еще в Москве бедует? Тогда куда? За ней?

Успокаивало одно: тот большой кошелек, что представлял собой набитый купюрами короб машины; кошелек, позволявший смело смотреть в будущее, не заботясь о тяготах хлеба насущного и ночлега ни для себя, грешного, ни для верного сенбернара с его чистой собачьей душой...

В село он приехал под вечер. Осторожно постучал в дверь дома, невольно озираясь на ухоженный огород и покосившуюся крышу сарая — надо бы перебрать... Да и кладка фундамента разъехалась... Ну, кладка — пара часов работы, был бы крепкий цемент да песочек поядреней...

Дверь открыла она, Надя, тут же растерянно и со страхом отступившая назад...

— Ну, чего? — беспечно проговорил Витёк. — Я тоже сдернул, как и обещал. Если не ко двору — извини, тревожить не стану, не беспокойся даже...

Закрыв глаза, она растерянно мотнула головой:

— Входи...

— Не, — уточнил Витёк, — я ведь всерьез приехал... Вот какой, понимаешь, анекдот... Так что с приглашением подумай...

— Входи!

Следствие

О смерти Чумы и Весла Крученный не знал, как и не знал о побеге бандерши Аллы, чей адрес на Украине через ее землячек-путан Атанесян вскоре выяснил. Это были козыри, которые майор пытался использовать для изобличения тертого уголовника.

Упорно напирая на факты разработанных и лично осуществленных Крученым разбойных нападений, Атанесян внезапно менял тактику, отступая от них, и — возвращался к показаниям Ольги о ее изнасиловании, предоставляя тем самым бандиту своеобразный выбор в признаниях.

Поневоле сознавая бесперспективность тупого отнекивания от очевидных реалий, тот пошел на уступку, сознавшись в насилии над малолетней. Однако свое участие в налетах по-прежнему отвергал, требуя очных ставок с Чумой и Веслом.

О сельском жителе Витьке отозвался с недоумением: ну, вертелся какой-то чувырло на побегушках у того же Чумы, я-то при чем?

Какие еще вопросы, начальник? Об убийстве владельца снятой под диспетчерскую разъездного борделя квартиры? Не убивал... А то, что показывают соплики — Денис и Антон — чушь! Или сами накуроле-

силы, или вы их подучили, запугали... Алла там была? Давайте очную с Аллой...

На очередном допросе Атанесян положил перед ворм одну из фотографий, обнаруженных в квартире Ганичевой. Фотография отображала веселое застолье, где Крученный, сидя за столом, обильно заставленным яствами, обнимал за плечи широко известного в стране песнопевца.

— И чего ты мне эту картину суешь? — надменно спросил Крученный.

— Эта картина дорогого стоит, — ответил Атанесян, убирая фотокарточку в сейф. — Певец, конечно, личность известная, но — прежде всего тем, что он — педик, соображаешь?

— Не понял...

— Прокол, Александр Иванович... Кошмарный прокол! Ты, вор, делишь трапезу с петушком... Да еще в обнимку... Вот что с людьми честолюбие творит... Стремление, так сказать, к сопричастности элите... А это — дерьмо, а не элита! Во всех смыслах. И измарался ты в этом дерьме, Александр Иванович, с головы до ног! Все, ты уже не вор в законе. Ты — петушку подобный. И коли запущу я эту, как ты выражаешься, картинку, по зонам да по авторитетам...

— Чего тебе надо? — Взгляд Крученого мертво остекленел. Затряслись губы.

— Надо, чтобы ты всерьез подумал о сотрудничестве со следствием...

— В камеру давай... — Крученный поднес ладонь к перехваченному судорогой горлу.

— Так думать будем?

— Да...

В камере Крученный перегрыз себе вены, но — откачали, спасли гуманисты-медики...

Допросы из-за плохенького состояния неудавшегося самоубийцы временно прервались, и Атанесян

переключился на розыск потерпевших в тех разбоях, в которых участвовал лично Крученый.

Розыск был безуспешен: жертвы надежно молчали, живых свидетелей старый бандит не оставлял...

В неведомых эпизодах, таящихся за кадром следствия, вполне могла участвовать Алла, однако каким образом вызвать в Москву гражданку иностранного государства, с большой неохотой идущего на сотрудничество с российскими правоохранителями?

В жилище Чумы были обнаружены паспорта тех украинских путан, которые, по словам Антона, ранее проживали в выгоревшей «диспетчерской», причем одна из женщин, попавшая в долги рыночная торговка, принуждаемая Крученым к проституции, сумела еще накануне разборок из логова бежать...

В тот момент, когда Атанесян задумчиво изучал удостоверение личности беглянки, лежавшее перед ним на столе, ему позвонил Пакуро, поинтересовался ходом расследования.

Изложив новости, Атанесян услышал от коллеги, что на днях тот собирается в командировку в Харьков, и если в течение его отсутствия возникнут те или иные вопросы, их способен решить Борис Гуменюк.

Харьков...

Атанесян, преодолев секундное замешательство, вновь перелистал паспорт скрывшейся от бандитской мести украинки.

Точно! Село, в котором она была прописана, находилось в Харьковской области...

Идея навестить указанный в паспорте адрес, коли уж Пакуро скоро очутится в данных краях, представилась майору весьма заманчивой.

Вдруг да прольется свет на какие-либо неведомые махинации Крученого?

— Услугу мне не окажешь? — спросил он Па-

куро. — Надо на Украине кое-кого навестить... — И вкратце изложил суть дела.

— Тогда давай паспорт... — подытожил собеседник. — Вручим его хозяйке как награду за откровенность...

— И то верно!

После встречи с Пакуро Атанесян навестил квартиру, где проживал хозяин, сумевший дать отпор Чуме, Веслу и Витьку.

В квартире майор застал несостоявшегося пострадавшего — удалого молодца, бывшего командира разведроты морских пехотинцев, а ныне — коммерсанта.

Не моргнув глазом, тот дал следующие объяснения: да, познакомился с девочкой, пригласил к себе; девочку, если для протокола, то и пальцем и не тронул; далее случайная знакомая заявила вновь, уже в качестве наводчицы, и привела с собой бандитов.

Одного из бандитов он сумел обезоружить, выбив из его руки «ТТ», находящийся на боевом взводе, и — незамедлительно открыл огонь, обратив налетчиков в позорное бегство.

Истекая кровью от полученных ран и утратив газовый пистолет маузер, переделанный под мелкашку, незванные гости скрылись, а следом за ними прибыла милиция, вызванная переполошенными стрельбой соседями. Он, пострадавший, чинно-благородно передал представителям власти трофейное оружие и написал требуемое объяснение.

Выслушав данную версию, Атанесян позволил себе сдержанный аплодисмент в адрес находчивого боевого офицера в запасе и — отправился в ОВД округа, где, согласно словам отбившего разбойничью атаку молодца, находилось и его объяснение, и «ТТ», и незабвенный маузер с богатой криминальной биографией.

Тщательно просмотрев книгу учета происшествий и журнал учета информации, никаких отметок о вооруженном разбойном нападении майор не обнаружил. Хотя... Вот адрес удалого флотского пехотинца, а вот и запись о его... Что?! О его стычке с неизвестными хулиганами на лестничной площадке, куда он вышел с мусорным ведром.

Хулиганы, как следовало из краткого пояснения, написанного словно под вражеским огнем, подебошпирив, скрылись и более в подъезде не появлялись. И — ни малейшего упоминания о стрельбе...

Атанесян почесал затылок: здорово шифруются местные работнички... Недаром во многих ОВД бытует принцип: искусство раскрытия преступления — ничто в сравнении с искусством его сокрытия.

Проклятые бюрократы с их неистребимой тягой к благостной отчетности и — запредельной ленью!..

После нелицеприятного и энергичного разговора с начальством в местных милицейских сусеках отыскался и «ТТ», и маузер, и объяснение потерпевшего.

Кипя негодованием, Атанесян отправился по иному адресу, где, согласно словам Ольги, произошел один из первых разбоев, в котором она принимала участие под непосредственным руководством Крученого. Чем закончился разбой, Ольга не знала — как только бандиты проникли в жилище, ее отправили к машине.

В квартире майор застал бледного, явственно изнуренного хворью пожилого человека, едва передвигающегося на костылях.

С трудом ворочая языком, человек пояснил, что два месяца назад подвергся жестокому разбойному нападению, получил восемь тяжелых ножевых ран и жив остался благодаря то ли чародеям-хирургам, то ли воле Всевышнего, испытывающего его страданиями долгого и мучительного выздоровления, которому не видно конца.

Из колоды предъявленных фотографий инвалид безошибочно выбрал четыре: Ольга, Чума, Весло и — Крученый!

Воодушевленный этим весомым достижением, Атанесян тотчас отправился в местное ОВД.

И вновь ознакомился с документом, заставившим его лишь потерянно и беспомощно усмехнуться...

В ту минуту, когда изувеченный и изрезанный бандитскими ножами человек лежал на операционном столе, золотое милицейское перо хладнокровно выводило строки отказного материала, в котором фигурировал незадачливый гражданин, проводивший ремонт собственной квартиры и по неосторожности упавший со стремянки на разбившиеся при его падении пустые пивные бутылки...

Майору невольно припомнилась история об участковом, которому принесли из подведомственного зоопарка заявление о краже муфлона — дикого барана, предка домашней овцы. Что такое муфлон, участковый не ведал и, расспросив на сей счет коллег, получил расплывчатый ответ, будто муфлон — разновидность некоей пернатой дрофы. Отказ в возбуждении уголовного дела был сформулирован так:

«В связи с тем, что муфлону вовремя не подрезали крылья, он улетел с перелетными птицами».

Апофеозом же находчивости в сочинении отказных материалов для Атанесяна являлось обоснование кражи двух тонн арматуры с одной из московских строек. Кражу совершили во время провалившегося путча девяносто первого года, а потому сметливый милицейский ум квалифицировал хищение как вывоз материала на строительство демократических баррикад. Уловив политическую конъюнктуру, капризный и въедливый прокурор на сей раз утвердил «отказуху» безоговорочно, списав криминал в актив революции.

Ну что же... Каждый живет сообразно собственной совести.

Этим выводом Атанесян в который раз и утешился, спеша на доклад к начальству с предложением попытаться вызволить из недоступных украинских просторов столь необходимую в производстве дальнейшего следствия Аллу.

Выслушав предложение майора, начальство категорически заключило:

— Авантюризм!

— Хорошо, я возьму отпуск за свой счет. Вы — ничего не знаете...

— Нам не хватало только обвинений в похищении иностранного гражданина с территории его проживания!

— Она приедет добровольно.

— Ох, Атанесян... Даю пять дней. И учти: эти пять дней могут быть квалифицированы как самоволка. Что скажешь на это?

— Спасибо!

— Ох, Атанесян...

Витёк

Ночью Витька разбудил загрохотавший стук в дверь.

Пристав с постели, он настороженно всмотрелся в молочные рассветные сумерки за кружевной занавесочкой, аккуратно приткнул край одеяла под оголенное плечо встрепенувшейся Людмилы, и, шепнув ей: «Спи!», на цыпочках прошел в прихожую, механически прихватив стоящий возле отопительного котла топор.

— Витюха, подъем! Срочно! — услышался за входной дверью возбужденный голос соседа.

На сыром от утренней росы крыльце стоял, приплясывая от непонятного, однако явного нетерпе-

ния раскрасневшийся селянин, одетый небрежно и наспех.

Дыша перегаром, сосед, с кем Витёк уже успел наладить дружеские отношения, сулящие столь необходимую в сельском проживании взаимовыручку, заговорщески поведал, что неподалеку на трассе потерпела аварию, слетев в кювет, автомобильная фура, груженная импортной электроникой.

— Шофера с пассажиром в больницу увезли, там Сашка-гаишник ошивается... — лихорадочно озираясь по сторонам, пояснял он. — Тот, что через два дома от тебя...

— Ну? — ошарашенно мотнул тяжелой со сна головой Витёк. — Я-то при чем?

— Да там добра — на цельный город! — запальчиво продолжил увлеченный идеей мародерства сосед. — Сашка говорит, скидывайтесь по двести баксов, и даю вам час... Понял? Одолжи деньжат, а? И сам собирайся... За час мы с тобой гору перетаскаем!

— Ты вообще-то как, сидел? — скучно спросил Витёк.

— В смысле?

— В смысле, не в сортире, а на параше...

— Да ладно тебе! — возмущенно развел руки собеседник. — Там же Сашка, говорю тебе...

— Ну и чего твой Сашка? — сонно моргая, спросил Витёк. — Такой же недоумок... Только в форме с лычками. Трех дней не пройдет, как появится тут уголовка, выдернут тебя, как репу из грядки, и начнут шкуру снимать... На фуре украинские номера?

— Да...

— Значит, еще круче говна гора! Значит, коли не менты тебя припутают, так братки, если коммерсы, кому товар везли, под ними ходят...

— Думаешь? — В голосе соседа появилось сомнение.

— Вот именно — думаю, — ответил Витёк. — И зону попутно вспоминаю. И еще поговорку: на чужой каравай хлебoretку не разевай... И вообще... три украинца — это уже партизанский отряд с предателем.

— Ты это... — Собеседник криво усмехнулся. — Осторожный!

— Ученый просто, — сказал Витёк. — И уж коли постиг науку, забывать ее — грех. Потому как снова учить заставят. И не в теплом классе с доброй училкой. Всё, по койкам давай... Завтра едем с тобой будку на развилке смотреть... — И закрыл перед носом незваного посетителя дверь. Ругнулся беззлобно, укладываясь в постель: — Вот, дурак...

— Кто? — спросила проснувшаяся Надежда.

— Да Колька заходил, добавить клянчил...

— Вот же пьянь неугомонная! Утро на дворе!

— Да и я о том же...

— Не бери ты его на работу к себе, Виктор! Намаешься!

— Посмотрим...

С утра Витёк планировал осмотреть бетонную будку недостроенной подстанции, которую в своих планах он предназначал для переустройства под пункт придорожного автосервиса, благо автотрасса проходила в двух шагах. Сосед Колька, незадавшийся мародер, мужик рукастый и в настоящее время безработный, виделся в этакое начинании в качестве наемного автослесаря.

Отоспавшись, Витёк позавтракал, растолкал страдающего от недосыпа и похмельного недомогания соседа и поехал к руинам прошлой социалистической стройки — позабытой и заброшенной, подобно миллионам иных на бывшем пространстве канувшей в Лету Совдепии.

Побродив в затхлых бетонных стенах, между куч засохшего дерьма, оставленных придорожной пу-

бликой, прикинул, что затраты на реконструкцию и взятки местным властям должны оправдаться в самое ближайшее время, если взяться за дело с умом и приложить к строительству собственные руки.

— Узнай, почем доска, кирпич и три грузовика с бетоном, — отдал распоряжение понурому подчиненному.

— Вить, на бутылочку пивка... как? — осторожно задал тот вопрос о заветном.

— Вот... — Витёк сунул ему купюру. — Но учти: еще одна такая просьба, и ты — уволен. Плачешься, что работы нет? Во, — кивнул на строение. — Твоя работа. И охотников на нее найдется, сам знаешь, сколько...

— Я все понял, Вить... Ты — человек авторитетный, понимаю...

— Сгинь! Паскуда льстивая! И чтобы сегодня с ценами поспел!

После обеда, переодевшись в драные брюки и застиранную рубашку, Витёк замешал цемент, принявшись за ремонт разъехавшейся кладки опорного столба под сараем.

Присев на низенький табурет и перемешивая мастерком цемент в старом оцинкованном корыте, неожиданно увидел подтянутого худощавого человека в аккуратной белой рубашке и модного покроя брюках, проходящего через калитку во двор. В руках человек держал обтекаемый и плоский портфельчик с хромированными застежками утопленных замков.

Зашелся грозным брехом сенбернар Понтяра, выскочивший из-под веранды, где доселе дремал в холодке.

— Место! — урезонил собаку Витёк.

— Простите, Надежда Шепитько здесь проживает? — поинтересовался незнакомец, и тут же, при взгляде на Витьку, замершего с мастерком, в глазах его появилась настороженная тень *узнавания*...

Узнавания! Это Витёк уяснил сразу, и дрогнуло беспомощно сердце: достали, влип!

— Ну... здесь, — выдавил хрипло.

Незнакомец, явно и бесспорно, — мент, внимательно оглядев корыто с цементом, произнес безучастно:

— А вы, значит, хозяин дома?

— Ну... — Витёк откашлялся, не в силах унять внезапную осиплость голоса.

— И давно здесь проживаете, если не секрет?

— Ты знаешь что? — Совладав наконец с судорогой голосовых связок, устало отозвался Витёк, опуская мастерок в раствор. — Ты — не юли... Вопросы есть, задавай прямо...

— Хорошо, — согласился незнакомец, доставая из кармана рубашки удостоверение. — Вот, ознакомьтесь. И... начнем, что ли, с Лехи... Помнишь такого?

— А чем закончим? — вызывающим тоном спросил Витёк, вытирая ладони о рабочие штаны.

— Закончим? Историей, к примеру, как отошел в лучший мир Чума... Хотя едва ли для него он будет лучшим, благодаря земным его похождениям...

— Ага. Ну, тогда слушай, чего уж... Мы ж на территории иностранного государства беседы ведем, так?

— Соображаешь.

— А портфельчик твой... Я извиняюсь, конечно, но в машинку покуда положи и дверцу закрой... Вот так...

Завершив свой рассказ, Витёк, с горьким прищуром глядя на приезжего майора из московского РУБОП, спросил:

— У вас, конечно, свои расклады. Но что моей вины касается, то лично я в одном ее вижу: польстил-ся стволы поганые эти продать... Тут — да, каюсь. А что Чуму хлопнул, это мне искупление, а не грех, так рассуждаю. Дальше ваш вывод...

— То есть в твердой завязке? — внезапно спросил опасный гость.

— Да. С Россией, вот, распрощался, это — жаль...

— Портфель из машины вытащить можно?

— Ну-у... вытаскивай.

Покопавшись в портфеле, сыщик извлек из него украинский паспорт. Вручил Витьку:

— Передай Надежде... Ее.

— А она уже новый выхлопотала...

— Значит, на память.

— Так что, гражданин начальник, прощаемся или до свидания?

— Честно?

— Конечно, я ж не кривил...

— Ну что ж... В Москву тебя калачом не заманишь, а заманишь — будешь в несознанке, верно?

— Обязательно.

— Значит, считаешь, что совесть твоя чиста? Зря. Из маузера, который ты соседу своему Юре продал, он женщину убил и ребенка. Женщине должен был денег, а ребенок свидетелем оказался...

— Да ты чего лепишь?!

— Ладно, клади цемент без халтуры... Для себя же, поди, стараешься?

— Это — так...

Майор Атанесян

Приехав в благостный украинский городок, где проживала Алла, Атанесян без труда устроился в дешевой и полупустой местной гостинице, откуда, побрившись и сменив рубашку, первым делом отправился к представителям местной милиции.

Свое посещение иностранной провинции в состоявшемся разговоре с начальником уголовного розыска объяснил тем, что гостил у знакомых в Донецке, а после завернул сюда, где, по слухам, можно прове-

сти недельку отпуска, предавшись лову крупного сома в живописных рыбных местах. А как не навестить при этом коллег-единомышленников? Даже неудобно не представиться... Тем более — подскажут, посоветуют... А если главный сыщик городка не возражает, то хорошо бы и отметить знакомство в каком-нибудь ресторане... Выбор ресторана — естественно, за всезнающим местным милиционером, а угощает, столь же естественно, — он, майор Атанесян...

От приглашения провести вечер в компании своего московского коллеги сыщик не отказался, и вечер в ресторане провели на славу.

Выпили крепко, от души.

— Видел тут одну дамочку... Очень, скажу тебе, даже... — доверительно проговорил Атанесян, поднимая очередную рюмку. — Обменялись с ней взглядами... Ну... в общем, хотя и в зрелом возрасте тетя, а весьма... Хочу познакомиться.

— Где живет? — деловито осведомился компетентный собеседник.

— Там то ли водокачка, то ли... Через улицу от гостиницы. А рядом с водокачкой — дом двухэтажный, желтый...

— Темненькая такая и глаза голубые, да? — уточнил сыщик.

— Голубые-голубые... — мечтательно протянул Атанесян.

— И цепей золотых на шее штук пять... — фыркнул милиционер. — Так?

— Ну... — озабоченно подтвердил майор.

— Так это ж — Алка! — Сотрапезник расхохотался. — Вот ты молодец, что мне сказал! А то бы сунулся!

— А чего?

— Уникальный бабец! — последовал ироничный ответ. — Только она — что?.. Отработка. А вот дочурка ее — это, скажу, тебе, матерьял! Увидишь —

остолбенеешь! Какие там топ-модели, вот кого бы на обложки всех секс-журнальчиков! Обе, кстати, профессионалки... Понял, да? На этом деле — помешаны.

— А муж у этой Аллы есть?

— Да чего муж?.. Свыкся. Ее и при нем можно, глазом не моргнет.

— А чего ты тогда насчет «вот бы сунулся!»

— Ну, слушай историю... — откликнулся сыщик. — Алка, значит, у нас еще при социализме платным разворотом грешила. Но — грамотно. Охмурила нашего прокурора, и он ей, сам понимаешь, «крышу» и не хотел, а предоставил. Потом перестройка пошла, мутная водичка хлынула и — поехала она ловить в ней золотую рыбку в Донецк. Открыла бордель, начала дело. Крутилась там долго. Приезжает, а ей сюрприз: дочка Лена в родных краях маму заменила... Не знаю, какой у них разговор вышел, но в Донецк вскоре отправились обе... А там вскоре с бандитами переругались: подсунула Алка какому-то авторитету шлюху, а у нее — сифилис. Тот ей за тухлый товарчик и обман покупателя — неустойку. Как они расплевались — не в курсе, но скоренько вернулись мама с дочкой обратно. А к нам как раз один парень из Армении подкатил, бизнесмен. Устроился тут, развернулся, торговлишку под себя подмял... И выставляет ему Алка, недолго думая, дочку... В качестве любовницы. Армянин — семейный, кстати, дядя, ее поит-кормит, но в кровать тащить не спешит. Месяц проходит, два, крепится кавказский переселенец. А потом, конечно, не удержался... А Леночка прямиком из его койки спешит домой и докладывает маме: получилось! Срочно на медэкспертизу! Съездили на экспертизу, а оттуда к прокурору — выше, так сказать, упомянутому... Прокурор репу почесал — дело сомнительное, судебная перспектива туманна, да и говорит: чего тебе от армянина надо? Денег? Тогда и затеваться — глупость,

давай его сюда на беседу... Поговорили. Ну, насчет уголовного преследования кавалер и сам не очень-то опасался, но шум ему лишний был ни к чему, и согласился он уладить дело полюбовно. Заплатил, короче. А Алка, не будь дура, вторую жертву избрала: начальника, представь, милиции. Уж не знаю, чем руководствовалась, но на шантаж пошла. Ну и — нарвалась! Нервы у начальника крепкие, норов крутой, а возможностей всяких — сам понимаешь... Кончилось дело тем, что поддерживает Алка юбочнку и срочно линяет на заработки то ли в Москву, то ли в Питер... Покуда у начальника озлобление пройдет... А сейчас снова вернулась. Потому, майор, не исключено, что, запав на маму, познакомился бы ты с ее дочкой, а после — с прокурором...

— Моя милиция меня бережет... — засмеялся Атанесян. — Воистину!

— Ну, давай на посошок... Насчет рыбалки — подскажу, с людьми познакомлю. А этим щукам в пасти свою блесну не бросай...

Вернувшись в гостиницу, Атанесян лег на кровать, задумавшись. Первоначальный план знакомства с Аллой, предполагавший ресторанный кутеж, комплименты, ухаживание и, наконец, предложение съездить погулять в кабаках столицы, — все это виделось ныне если не чушью, то откровенно пустой авантюрой.

Ушлая дамочка наверняка сообразит, что его приезд неслучаен, и туманом любовных чар ее не проймешь. Нет, надо по-другому... И выход, собственно, один...

Он пришел к ней домой в полдень: изыскан, тщательно побрит... Словом, красавец. Представился прямо с порога:

— Я из Центрального РУБОП, майор Атанесян. Хотелось бы, Алла, с вами поговорить. Желательно, наедине. Вашему мужу и дочери о сути нашего разговора, думаю, знать не надо.

На ее ухоженное молоджавое лицо легла тень озабоченности. Однако глаза оставались беспечно лукавы и смешливы:

— Мужа нет, а Леночка в своей комнате, проходите.

Усевшись в предложенное хозяйкой кресло, Атанесян дружелюбно продолжил:

— У нас в Москве беда... Найдены две ваших подруги. Увы, убитыми. В записной книжке одной из них — ваш адрес.

— Кто это? — дрогнувшим голосом спросила она.

Атанесян хладнокровно описал внешность проституток — бывших подопечных Аллы, а настоящий момент пребывающих если не в полном, то — в относительном здравии, проходящих свидетельницами по эпизоду убийства хозяина квартиры-диспетчерской.

— Оксана из Донецка и Таня из Кривого Рога, — выслушав майора, заключила она. — Но как же... Что произошло?

— Понятия не имею, ведется следствие, — вздохнул Атанесян. — Они сняли квартиру, занимались там... сами понимаете, чем... Я, в общем-то, не скрою, — добавил бесстрастно, — что мы беседовали с их подругой, прекрасно известной и вам — некоей Риммой Евсеевой, и она сказала, что одно время вы были у девочек «мамочкой»... Но я не из полиции нравов, и меня это не интересует. Меня интересует другое: человек, который еще раз опознает трупы. Вот и все.

— То есть? — Смешинки в ее глазах потухли.

— То есть — вы... — развел руками Атанесян.

— И что вы предлагаете?

— Предлагаю поехать со мной в Москву, я на машине... — Посмотрел на часы. — Если сейчас тронемся, то завтра утром подпишите все бумажки, и я провожу вас на поезд. Или на самолет, как угодно. Проезд, гостиницы и питание оплачу, насчет расходов не беспокойтесь. — Выразительно посмотрев на

нее — и в самом деле привлекательную, как зрелый, сочный плод, безо всякого притворства произнес: — Очень жаль, если получу отказ от *такой* женщины...

И в устремленном на него изучающем взгляде внезапно почувствовал неуклонно разгорающееся желание...

— А если откажусь? — словно нехотя произнесла она.

— Тогда начнется созвон между моим начальством и вашими местными ребятами, прочая чепуха... — равнодушно проронил он. — Вам это надо? Городок у вас небольшой, потянутся грязные слухи... Нет, вы смотрите... — поправился вдумчиво. — Я не настаиваю... В конце концов, вы — всего лишь свидетельница, и вас никто ни в чем не обвиняет. Но, по-моему, лучше решить проблему раз и навсегда, чтобы к ней не возвращаться через барьеры и тернии. Мне — что? Я — человек служивый, увы... Могу, конечно, пойти к вашим милицееским начальникам, решить все с ними, но — зачем? Вы же не дура... Я бы сказал — отнюдь... — И Атанесян вновь недвусмысленно и откровенно уставился на загорелые, слегка полноватые, но оттого особенно волнующие своими зрелыми линиями ноги хозяйки.

Суть его взора она превосходно поняла. Встала, неловко и торопливо поправив прическу.

— Но я должна собраться... Хотя бы принять душ... И дочь надо предупредить!

— Пожалуйста... Спешки нет.

— Вы здесь подождите...

— Я лучше в машине...

Алла вышла из комнаты, послышался в отдалении ее голос, обращенный к дочери, после зажурчала вода в ванной, и майор, осторожно перекрестившись, поднялся из кресла, двинувшись к входной двери узким и длинным коридором.

В коридоре его ожидало нечто... Длинноногое, ясноглазое и русоволосое создание, облаченное лишь в белоснежные прозрачные трусики с просвечивающим темным треугольным пятном внизу нежного живота и — в просторную, свисающую до колен мужскую рубашку, в чьем вырезе виднелась упруго приподнятая, идеальных очертаний грудь с розовыми, как лепестки шиповника, сосками.

Это называлось: остановись на мгновение, ты прекрасна! — хотя нужды в том, чтобы удержать рядом с собой этот ослепительный в своей красоте экземпляр рода человеческого, который, того и гляди, стыдливо прикрывшись, скользнет в глубь дома, не было: воззрившись смеющимися серыми глазищами на оторопевшего Атанесяна, искустельница нежным, как звон хрустальных колокольчиков, голоском проворковала:

— Вы не хотите кофе? Составьте компанию... Мама будет собираться минимум полчаса... А? — И — вздернула прелестную головку, уставившись на гостя уже с вызывающей прямоотой приглашения отнюдь не к распитию бодрящих напитков...

Атанесян почувствовал, что теряет контроль над ситуацией.

Злой дух будто шептал — горячо и увещающе — на ухо: пошли ты к чертям собачьим все эти въевшиеся в мозг полицейские установки, хватай это диво за точеные плечи, целуй, словно в беспамятстве, неси в спальню, от тебя только этого и хотят, истукан неповоротливый!

Майор, несмотря на все полученные спецзнания и богатый горький опыт столкновения с многогранностью человеческих коварств и уловок, был, тем не менее, нормальным мужиком со здоровой реакцией на тот пол, которому подходило определение «прекрасный», и полагал, что небрежение представителями данного пола означает проявление или нездоровой

мужской психики, или же — ущербную импотенцию, с которой ее носитель обреченно смирился.

Но сознание профессионала одержало верх над естественными поползновениями натуры.

— В следующий раз, когда мы встретимся, а встретимся мы обязательно... — бормотал он, протискиваясь в тесном пространстве, и чувствуя с мучительной и сладкой истомой через тонкий шелк своей рубашки упоительно совершенное тело прелестницы, — так вот... В следующий раз мы обязательно что-нибудь выпьем...

Очутившись за дверью, утер со лба пот горького разочарования в своей жестокой профессии...

А затем машинально открыл дверь вновь.

Отвергнутая мечта уже упорхнула, однако сквозь шум льющейся в ванной комнате воды он расслышал ее срывающийся от негодования голос:

— Ты — сволочь, поняла?! Ты с ним в Москву едешь, у тебя времени — лом! Ты его уже через час попользуешь! А мне что, двадцать минут с ним нельзя?! Где тут таких сыщешь? Ты чего мужика напугала?!

— Не пугала я его... Леночка... Он сам... Он же — мент...

— Да мне по хрену! Хоть папа римский! И если ты...

Атанесян поспешил притворить дверь. Изумленно присвистнув, спустился к машине. Включил приемник, дабы отвлечься от сумятицы мыслей.

Вскоре, в одной руке держа сумку с пожитками, а другой — поправляя спадающую с ноги туфлю, в салон уселась раскрасневшаяся, смущенная Алла. Вытащила сигареты, прикурила от поданной ей зажигалки. Сказала — упрямо и твердо:

— Слушай. Иди в дом. Ленка за полчаса все успеет. Иначе — не еду. У нас свои расклады...

— Ну да. И я тут же привлекаюсь за совращение малолетней, — насмешливо прокомментировал Атанесян.

— Да иди ты... — поморщилась она. — Тут бабские дела. Втрескалась она... Давай, иначе дела не будет... Я ей обещала.

— Не могу.

— Тогда и я — не могу... — Алла решительно взялась за петли сумки, намереваясь вылезти из машины.

— Алла, да ты чего, серьезно? — взмолился Атанесян.

— Ты попросил, я не отказала. Так? А теперь я прошу. Вот и все. Резинка тебе для спокойствия нужна? — Она покопалась в одном из кармашков сумки. — На!

— Ты сошла с ума!

— Это она, стерва, сошла...

До границы Украины и России оставалось пятьдесят километров.

Атанесян остановил машину возле придорожного кафе. Он был обеспокоен состоянием Аллы — ее была нервная дрожь, и она внезапно и отчужденно замкнулась.

Не хватало, чтобы на пропускном пункте она заявила пограничникам, что ее увозит из страны для дачи свидетельских показаний офицер иностранной спецслужбы... Это — конец!

Уселись за столик, заказали обед. Для своей попутчицы Атанесян попросил официанта принести водки — пусть расслабится...

— А ведь ты арестовывать меня везешь... — неожиданно произнесла она. — Врун несчастный... На погибель! Знаю... Не было у девчонок моего адреса, понял? Не давала я его им...

— Чего ты вибрируешь? — устало отозвался Атанесян, наливая в ее рюмку алкоголь. — Давай, дерни... Хватит себя накручивать... Арестовывать! Ха! Надо мне очень! Тебя бы на другой машине в Москву при-

везли... Да и за что арестовывать? Что девками торговала? Таких, как ты... Адрес она никому не давала! Да эта Римма Евсеева знаешь, какими подробностями на тебя располагает? Тебе только кажется, будто никто ничего не ведаёт, а среди этих девочек информация блуждает, как ручьи под землей...

— И какие же это подробности?

— Как ты армянина какого-то, например, изнасилованием Ленки шантажировала... И начальника милиции... Было? Или врет? Что на меня смотришь, пей...

— А ты?

— А я обещаю: выпью в России... С тобой. Здесь как-то не по себе... Вот — чушь, да? Ещё недавно нас только дорожные указатели разъединяли, а сейчас я — иностранный подданный? Как думаешь, объединимся?

Майор цеплял слово за слово, фразу за фразу, мучительно и холодно сознавая, что все сейчас зависит от её настроения и капризов — пошлет его к черту, выйдет из-за стола, подхватив сумку с пожитками, и — все...

Да это, считай, легко отделался...

— Объединимся? — Она задумчиво завела глаза к потолку. Неожиданно засмеялась. — Ну, мы сегодня с тобой — точно... — И, устремив на него исполненный прежнего желания и страсти взгляд, проговорила: — Я, когда тебя увидела, сразу усекла: мой... Как только в дом вошел, уже знала: сегодня буду с ним спать... Понял? — И — продолжила — с убежденностью и напором: — Давай в мотель, а?! А завтра с утра — к границе... Ну, Атанесян?! Прошу...

— Мотель — после границы, — сказал он. — Не устраивает — извини.

— Ладно...

Границу, на удивление, прошли быстро и спокойно-

но. На вопрос пограничника о цели визита в Россию хмельная Алла уверенно и насмешливо ответила, кивнув на Атанесяна:

— Трахаться! Все?!

Прапорщик, невозмутимо пожав плечами, вернул ей паспорт.

И, наконец, опустил за багажником автомобиля шлагбаум уже российской границы, и Атанесян, понимая, что выиграл, однако почему-то ничуть от этого выигрыша не ликую, прибавил газку, настороженно и пусто глядя на несущуюся в глаза вечернюю, мокрую от редкого пасмурного дождя, трассу.

— Ну что? — внезапно спросила она, охватив его плечи руками. — Добился? Вывез?

— Ты о чем?

— Ладно, сворачивай... Тут гостиница и ресторан. Обещал? Или ты — мент поганый? Или правду воры талдычат?

— Где гостиница?

Уже на кольцевой дороге, опоясывающей Москву, в сгущающихся над миллионами огней сумерках, Алла сказала:

— Ладно, хорош финтить. Давай ответ: о Крученом знаешь?

— Конечно.

— И все? Без комментариев, да?

— И все.

— Другой вопрос: я вместе с ним по делу прохожу?

— Да.

— Девочки живы? Врал?

— Врал.

— Классно врал! Тогда слушай...

И, не запинаясь, мерно и скучно, она рассказала о десяти нераскрытых квартирных налетах с убийствами, проведенных Крученым, Чумой и Веслом.

В долгой паузе, заполненной рокотом бегущих под пупырями асфальта шин, была безысходность и, как казалось, понимание ими обоими неизбежности той самой мистической, но исподволь постигающей каждого живущего кармы... Или же — осознания неизбежности испытаний и воздаяния...

— Как я сумею, так и помогу тебе, — промолвил, не задумываясь, Атанесян.

Сердце его теснила отчаянная, опустошенная горечь: ну почему?! Что же мы делаем с собой в этом мире — предбаннике преисподней? Кто виноват? И кому повезет спастись? Где бесспорный ответ?

И нужен ли он? Или, может, нужны лишь его поиски? И в них — смысл?

Наверное, так.

НИТИ

Беседы на высшем уровне

— Я был у Главного.

— Я в курсе.

— В курсе беседы?

— Естественно, нет.

— Так вот. Он взбешен. Это в самом деле — нонсенс... Похитить внаглую его советника! Над нами смеется весь мир.

— Ты сам знаешь, кто и как создал территорию, на которой от подобного не застрахованы даже мы с тобой.

— Вопрос не в территории. А именно что в нас с тобой... Ты понимаешь?

— Я понимаю.

— Тогда надо выбираться из проблемы совместными усилиями обоих ведомств. Сегодня ушат дерьма вылит на меня, завтра — на тебя. Уже заготовленный, кстати.

— Что ты конкретно предлагаешь?

— Сейчас нам нужны зацепки... Любые. На уши надо поставить агентуру по всей стране. И нашу, и вашу. Любой случайный разговор, любой намек...

— Я уже дал команду. Хватаемся за каждую нить. Теперь. Есть информация: за акцией стоят люди, приближенные к Дагестанцу.

— Наш дагестанский авторитетный друг тут ни при чем...

— Да, но он может выйти на этих людей, уже достаточно. К тому же он вроде действительно твой друг...

— Давай не передергивай...

— Хорошо. Поговори с ним. Доверительно.

— Я понял, но, думаю, пока рано...

— Почему?

— Это — будущие уступки. Касающиеся в том числе и бюджетных распределений. Если обманем его — окажемся в болоте еще более вонючем и глубоком.

— И что предлагаешь?

— Потянем время. Башку пленнику не отрежут, советник — товар перспективный, а там — посмотрим на настроение Главного... Глядишь, остынет... А тогда — другая игра.

— Значит, напрягаем хлопцев, пусть ищут ниточки?

— А это — их работа! И вообще... среднее звено костенеть не должно, пусть бегают...

— Верно. Но! Найдем несколько миллионов на крайний случай?

— Давай пока о крайних случаях не...

— Я понял.

— Тогда — до связи!

Мужские страсти

Автобус, видимо, только что ушел. Под прозрачным пластиковым колпаком остановки не было ни единого человека, кроме стройной высокой блондинки в легком элегантном плаще с изящно подвернутыми рукавами, открывавшими ее точеные руки.

Женщина, чья красота была оценена им, Вадимом, ослепляюще-молниеносно, как найденная на асфальте камья, заставила его невольно сбавить скорость, а когда кисть ее нерешительно поднялась в просящем

жесте, он, не раздумывая, вывернул нос «кадиллака» к кромке дороги, окончательно затормозив.

Ах, какое лицо — нежное, милое... Ах, какие волосы, словно лучащиеся своей ухоженностью и чистотой... А легкий изящный шарфик, подчеркивающий хрупкую беззащитность шеи?.. А эти чуточку припухлые, словно зовущие к поцелую губы?.. Как оказалось это прелестно-утонченное совершенство здесь, в промышленно-спальном районе, среди кривых и серых пятиэтажек с разномастно и угловато застекленными выступами балконов и безликими складскими модулями со подслеповатыми оконцами?

— Мне до метро... — виновато произнесла она.

— Садитесь, конечно...

И сразу мысли Вадима перемешал в бестолковую круговерть пахнувший на него щемяще-тонкий аромат дорогих духов, и застил глаза, как отпечаток солнечного диска, гладенький, обливной капрон колготок на умопомрачительных коленях незнакомки, и табу на прикосновение к этим коленям в тот же миг стало невыносимо, однако он привычно совладал с собой, довольно-таки небрежно и вместе с тем насмешливо промолвив:

— Вообще-то я не таксист, мне просто неудобно оставлять на обочине в ожидании корявого автобуса столь прелестную даму... К тому же я располагаю временем. А потому не стесняйтесь, говорите адрес, и я вас доставлю куда-либо безо всякого там «до метро»...

— Да что вы! Мне в Новые Черемушки, а это — через весь город...

— Сочту за честь, — отозвался он беспечно. — Кстати — Вадим...

— Настя, — представилась она с ноткой стеснения.

— Какое красивое имя... И вполне, надо сказать, соответствует вашей внешности.

— Спасибо... — Она явно смутилась.

— Чем занимаетесь, Настя? В этой жизни? — весело спросил он. — Если не секрет, конечно...

— Не секрет. Работаю учительницей.

— Вы?! — искренне изумился он.

— Да, я! — отозвалась она, с некоторым вызовом вскинув на него глаза. — А что, это, по-вашему, презренная профессия? Или я ей внешне не соответствую?..

— Профессия наибогороднейшая! — заверил он. — Но вам больше подходит, на мой взгляд, ремесло фотомодели... Не пробовали?

— Представьте — нет.

— А какая у вас специальность, о, прекраснейшая из учительниц?

— Французский язык.

— А вот это замечательно! — проговорил он с чувством, и даже пристукнул по рулю кулаком. — И знаете, почему?

— И почему же?

— У меня был приятель, — пояснил Вадим. — Вернее, он и сейчас есть... Но — эмигрировал в Австралию. И, отъезжая, оставил мне свою библиотеку. А библиотеку собирала его покойная матушка — переводчица с французского... Так вот. У меня куча всяких толстенных словарей, книг... Сам я французскому учиться не собираюсь, выбросить книги — святотатство, а вот кому бы их отдать для пользы дела... Настенька, если у вас есть желание, может, взглянете? Если что-нибудь вас заинтересует, беру на себя обязательство: непременно отвезу всю эту литературу прямо к вам... До порога. Ну, как?

— Предложение, конечно, интригующее... — мягко улыбнулась она.

— И что же вам мешает его принять?

— Ну... — Она замялась. — Приеду к незнакомому мужчине, там еще какая-нибудь жена...

— Во-первых, мы уже познакомились, — возразил он. — Меня зовут Вадим, а вас — Настя, так, по моему? Во-вторых, жены нет... В-третьих, позвольте вопрос: а вы замужем?

— Нет...

— Тогда это просто судьба...

— Вы полагаете?

— Уверен.

Она с кокетливым вниманием посмотрела на него и, встретив взор, исполненный сосредоточенного обожания, с замешательством отвернулась, сказав:

— Что же... Все может быть.

Эта ее ремарка в немалой степени укрепила надежды Вадима...

— Так когда же произойдет осмотр библиотеки? — настойчиво спросил он. — Давайте заедем сейчас?

— Что вы! — Она взглянула на часы. — У меня сегодня еще уйма дел...

— А какие планы на вечер?

— Ну, на вечер... Вероятно. Но — не раньше семи часов.

— Вот и дивно. А телефончик ваш, Настя, можно узнать?

— Телефончик? — Она задумчиво посмотрела вперед себя, в несущееся в глаза пространство серого, осеннего города, угнетенного ненастьем подступающей зимы. — Знаете, Вадим, давайте поступим так... Вы мне оставьте свой, я вам непременно позвоню.

— Ведь обманете... — недоверчиво прищурился он.

— Нет, ни в коем случае, — просто и искренне произнесла она. — В семь часов вечера — обязательно...

— Вот... — он вытащил из бумажника «визитку». — Тут мой домашний, служебный, мобильный... Звоните на мобильный, это наверняка. Но все-таки дайте и ваш...

— Не сегодня, ладно? — Она вздохнула. Произнесла нехотя: — У меня мама очень недоверчиво относится к мужским голосам... Свои семейные дразги...

— Вот как? — Вадим удивленно вскинул брови. — И чем же они вызваны, извините за бестактность?

— Я развелась с мужем... В общем, длинная история, потом расскажу... — И обреченно взмахнула рукой.

Последние слова, произнесенные вполне естественно, без всякого намека на лукавство, явились для Вадима просто-таки вожделенной благодатью, пролившейся на истомленное сердце... Значит, он тоже приглянулся ей, значит, встреча обязательно состоится, значит...

Неуемный бесенок желания сблизиться с этой женщиной и, что греха таить, непременно и самым скорым образом затащить ее в постель, этот бесенок возликовал: одинокая разведенная красавица! Подобранный в буквальном смысле на обочине! И тут он — молодой, красивый вице-президент крупной торговой компании, на «кадиллаке»... И что самое главное — также разведенный!

Ведь уже неделю он мается в своей квартире, упиваясь обретенной свободой, и то и дело хватаясь за телефон с желанием позвонить знакомым подружкам, готовым скрасить его холостяцкие вечера, но в следующий миг неизменно передумывая приглашать ту или иную доступную, однако надоевшую, как щи с селедкой солдату, пассию. Только набери номер, и через считанные минуты раздастся звонок в дверь, однако — что последует за этим звонком? Рутинка! Тела давно прошедших дней...

А вся незадача — в нынешней тщетности поисков подружек новых...

И вот — подфартило! На ровном, как говорится, месте! Без приложения усилий! Подарок небес! Верно

говорят: никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь...

Он искоса обернулся на прелестный профиль, затем, в который уже раз перевел взор на вожделенные колени...

Неужели сегодня искрящиеся колготочки спадут с них, и он, ухватив эти колени сильными ладонями...

— Вот здесь остановите... — произнесла она.

«Кадиллак» вновь принял вправо и замер у обочины.

— Ну... — Взявшись за дверную ручку, она посмотрела на него уже с откровенным и испытующим интересом, от которого у Вадима поползла вниз живота томительная истома. — Ну... я звоню. В семь.

— Ох, Настенька... — покачал он головой. — Если этого не произойдет, вы нанесете мне удар, от которого едва ли оправлюсь...

Внезапно в глазах ее вспыхнул какой-то нежный, завораживающий блеск — зовущий, безоглядно устремленный будто в глубь его сути... И коротко, словно бы безотчетно наклонившись к нему, она чмокнула Вадима в щеку, а после решительно отворила дверцу и, не оборачиваясь, пошла в сторону снующих возле входа в метро людей, через секунду смешавшись с толпой.

Он закрыл глаза, совершенно одурев от прикосновения ее губ, аромата духов и от того пронзительного предощущения близости, что тенью и шорохом выпорхнувшей из рук птицы еще дрожало, истаивая, на всем его существе...

А следом пришли рассудительные и холодные мысли: непременно надо купить что-либо поесть, хотя бы — пищу, чтобы не возиться с готовкой... Далее и обязательно — фрукты... Презервативов целая упаковка, об этом беспокоиться не стоит... Что еще? Шампанского и сухого — целый бар, пару бутылок следует заморозить... А! Цветы! Чуть не упустил!

Впрочем, цветочницы в метро торгуют допоздна, так что с лютиками-орхидеями торопиться не стоит, а то не дожدهшься звонка, будешь эту оранжерею созерцать, как памятник своего наивного пролета...

А все-таки какая девочка, а? Чудо дивное! И неужели повезет? Неужели позвонит?

Настя позвонила в половине восьмого вечера. Торопливо извинилась за свою неточность.

— Чепуха, — урезонил он ее. — Неточность — вежливость королев... Надеюсь, встреча не отменяется?

— Ну, в общем, нет...

— Тогда — где?

— Не доезжая Курского вокзала из тоннеля — съезд на набережную...

— Так, знаю... Там, вроде казино и куча машин...

— Точно.

— Во сколько?

— Ну, я могу и через полчаса...

— Великолепно. Жду!

Уже сгустились черные октябрьские сумерки и хлынул противный и подленький дождичек, когда он подъехал на оговоренное место, припарковавшись среди неясно чернеющих вдоль спуска к набережной машин.

Заглушил двигатель. И тут же услышал стук в стекло.

Открыл дверцу, различив в темноте какую-то неясную фигуру.

— Что вам?

Вместо ответа в скулу ему уперся пистолетный ствол, и тихий голос с кавказским акцентом бесстрастно порекомендовал:

— Двигайся на пассажирское сиденье. И без шума, а то хлопну, как муху...

Открылись задние двери, и в салон уселись еще двое.

Он ощутил на шее прикосновение то ли кончика ножа, то ли шила.

Незнакомец с пистолетом уселся на сиденье водителя. Хлопнули дверцы и салон погрузился во мрак.

— Бумажник давай, — распорядился бандит, сидевший сзади.

Пляшущей рукой Вадим достал из кармана бумажник, передал, не оборачиваясь, в сторону приказывающего.

— Ключи от квартиры где? — последовал следующий вопрос.

— Вот... — Чувствуя безжалостное стальное жало, впившееся в шею и грозившее неотвратимой смертью, он кивнул на связку, свисающую из замка зажигания.

— Значит, так, — пояснил голос сзади, также с кавказским акцентом. — Сейчас ребята едут на твою хату. Есть там кто?

— Н-нет... никого...

— Сигнализация?

— Есть, но... Я ее не включал... Я думал...

— Если, — с нажимом перебил его голос, — с ребятами что-нибудь случится, ты — труп. Ясно?

Человек с пистолетом вытащил связку ключей из замка, отсоединил от нее ключ «кадиллака», вновь вставил его в замок, а остальные ключи передал сквозь щель приспущенного окна волосатой лапе, вынырнувшей из темноты. После чего резюмировал, неизвестно к кому обращаясь:

— Сидим, ждем.

«Вот тебе и красотка на дороге... Вот тебе и учительница... — с содроганием думал Вадим. — Хорошенький преподнесла урок... Или же бандиты — случайность? Тогда сейчас она должна подойти...»

Нет, Насти не было...

— Складно вы с девочкой придумали, — произнес он с ненавистью и одновременно с неуверенностью.

Ответа не последовало.

Бандиты угрюмо молчали, чернота за оконцами сгущалась, сыпал холодный дождь на стекла, подернутые влажной белесой пленкой, и тянула душу тоской и беспомощным страхом удручающая в своей беспросветности безвестность...

Осень. Скоро зима.

«Увидеть бы эту зиму... Вот же попал! На ровном месте... Где найдешь, где потеряешь...»

Мысли текли вяло, бестолково и удрученно.

«Пагубные мужские страстишки... А как без них? Без них — никак. То есть как-то и можно... Но это “как-то” и есть — никак...»

Майор Пакуро

Широкоскулый и коренастый чеченец лет двадцати пяти, с аккуратной набриолиненной прической и тщательно выстриженными, будто приклеенными усиками над жестким изгибом плотно сомкнутых губ сидел, охватив колено сцепленными на нем пальцами, напротив майора Пакуро и мерно, словно нехотя, цедил ответы на вопросы, касающиеся его, чеченца, биографии.

Никакими особенностями, относящимися к трудовым, боевым или же творческим вкладам данного лица в историю рода человеческого это жизнеописание не блистало. Школа, техникум, работа в совхозе, после — война...

Где и кем был во время войны? Да никем, сидел дома, проедал домашние сельскохозяйственные запасы, прятался от бомбежек в картофелехранилище. Потом село заняли бандиты, то бишь повстанцы, потом их выбили федералы, и пока выбивали, чья-то шальная пуля угодила ему, Мусе Асаеву, безвинной жертве

политических и военных игрищ — в ногу, задев кость. Теперь приходится привычно и колченого хромать...

— И, значит, похромал ты, Муса, после всех этих передрыг в столицу, — подытожил Пакуро. — Зачем?

— Всегда мечтал в институт поступить, юристом стать, — стеснительно поведал собеседник. — А тут, чувствую, и самом деле подоспела пора... Ну, родственники денег собрали, отправили сюда. Живу вот...

— Но сейчас вроде октябрь на дворе, — Пакуро указал на оконное стекло, задернутое безысходно-серой моросью холодного редкого дождя. — И вступительные экзамены, как мне кажется, минули...

— Опоздал, да, — согласился собеседник. — Но чем дома заниматься? В банду идти? Не хочу, я человек законопослушный. Что еще делать? У нас выбор невелик: либо криминал, либо нищета... Вот и решил: пока освоюсь в столице, на жизнь посмотрю, на людей... Вдруг и работа подвернется?

— То есть идет период акклиматизации, — уточнил майор.

— Именно. — Чеченец замолчал.

Замолчал и Пакуро, оценивающе глядя на сидящего перед ним кавказского гостя.

Многие факты своей биографии пришелец, естественно, утаил, сгладил острые углы, но это — ладно... Дело в другом.

Таких, как этот Муса, — в столице, увы, ошиваются сотни. И нынешний праздный статус, равно как и история жизни этого парня — по крайней мере, официально им заявленные — к сфере интересов РУБОП не имеют никакого прямого отношения, если бы не одна деталь: явился сюда этот посетитель с утверждением, что знает, кто похитил в Чечне важного правительственного Советника, где примерно чиновник содержится, и самое главное — каким образом его вызволить из плена.

Более того: ответы на уточняющие вопросы «кто» и «где» чеченцем даны правильные, полностью совпадающие с оперативной информацией, что заставляет майора отнестись к посетителю не только всерьез, но и с вниманием едва ли не трепетного свойства... Кто знает, вдруг благодаря этому парню будет обнаружен доступ к решению актуальнейшей проблемы возвращения Советника на мирные российские территории, — проблемы, над которой упорно и покуда бесполезно бьются требовательно озадаченные Кремлем спецслужбы?..

В последнее время Пакуро специализировался на деятельности этнических преступных группировок, составленных из жителей неблагополучного кавказского региона. Естественно, нити клановых отношений, тянущиеся из обиталищ чеченских боевиков к их землякам и родственникам, проживающим в России, эти нити майор находил и прощупывал методично, с прицелом на решение сегодняшней важнейшей оперативной задачи: вызволить из далеких гор незадачливого сановника. Да и не только его... Сколько их еще там — разного рода горемык: украденных работяг, оставшихся в плену солдат и офицеров, просто похищенного и вывезенного из России люда...

И безмерно важны любые сведения о томящихся в затерянных аулах пленниках, собираемые по крупицам, а тут — просто кладезь информации, пришедший сам, без принуждения...

Впрочем, в стенах любой спецслужбы время от времени, под всевозможными предлогами, однако неиссякаемо и непреложно появляются так называемые «инициативники».

«Инициативник» — это персонаж, обладающий той или иной информацией — безусловно, ценнейшего качества с точки зрения ее носителя, — и желающий поделиться с ней за конкретное, как правило, воздая-

ние со стороны могущественной государственной организации.

Условия и формы оплаты информации отличаются изрядным разнообразием: от банальной денежной суммы — иногда, правда, умопомрачительного свойства — до звания генерала секретного ведомства с правом ношения именного оружия или же — письменных гарантий тайного и эффективного умерщвления надоевшей до икоты тещи.

Те, кому по долгу службы положено выслушивать подобные пожелания или требования, проделывают это с глубокомысленным видом и с подчеркнутым дружелюбием. Одновременно в головах интервьюеров с погонями, естественным образом, согласно полученному специальному образованию, выстраивается простенькая схема-сеть, улавливающая все мотивы, подвигнувшие «инициативника» явиться в то заведение, которое благоразумные граждане предпочитают в любом состоянии души и тела обойти дальней стороной.

И довольно скоро личность явившегося в спецслужбу персонажа характеризуется следующими обозначениями:

— Действительно заслуживающий внимания информатор.

— Провокатор.

— Пустой авантюрист.

— Хитрый сумасшедший.

— Просто сумасшедший.

Между этими четырьмя категориями существуют порой и некоторые оттеночные взаимосвязи, однако доминирующий элемент принадлежности к системной породе извечно и непреложно проявляется. Вернее, кропотливо вычисляется различными методами, в том числе — методом проб и ошибок.

Окончательная же классификация «инициативника» сопряжена с теми или иными выводами. Порой —

плачевными. Причем неизменно плачевными для лукавого доброхота.

Чеченец, сидевший напротив майора, впечатление сумасшедшего никак не производил. Вел диалог ровно, связно, с достоинством, небрежно роняя термины, принятые в среде профессионалов разведки и контрразведки, и свои доводы подтверждал таким количеством и качеством фактического материала, который из случайно подслушанных разговоров и сплетен не выудишь.

— Значит, вы совершенно уверены, что Советника мы из ямы вытащим? — уточнял Пакуро.

— Абсолютно! Говорю же: мой брат в его охране, понимаете? Главное, выбрать, когда его смена... Ну и продумать, конечно, всю технологию, так сказать...

— Но откуда вы взяли, что ваш родственник окажет нам такого рода содействие?

— Почему — вам? — Собеседник позволил себе снисходительную ухмылку. — Предположим, меня арестовал РУБОП... Скажем, за продажу автомата... А родственников у нас принято выручать любой ценой.

— А что, приходилось автоматами торговать? — невзначай полюбопытствовал Пакуро.

— Здесь — нет, а в Чечне — что танк продаешь, что велосипед, без разницы... Кстати. В гостинице, где я сейчас живу, один осетин околачивается... У него три «Макаровых». Ищет надежного купца. Я не стукач, нет, я просто повторить хочу: не люблю закон нарушать, а оружие — оно не для забавы, оно — чтобы кровь лить, и потому сообщаю.

— Фамилия осетина?

— Не знаю, Резиком его кличут...

— А пистолеты он что, в номере держит?

— Вчера еще были в номере...

— Интересно... — Пакуро покачал головой.

Вот и первый, легко проверяемый факт... Своего рода саморекомендация Мусы как надежного информатора. И факт этот следует реализовать спешным образом. Однако неясным все-таки остается мотив сотрудничества... Неужели перед ним — борец за идею? Ну и попутно — соискатель мелких услуг со стороны РУБОП?

— Какие еще вопросы? — бесстрастно молвил собеседник.

— Вообще-то... — Майор выдержал паузу. — Вы, как понимаю, человек деловой, и потому предполагаете за свои действия и сведения, которые безусловно для нас важны...

— Ответную благодарность, — понятно перебил Муса. — Не беспокойтесь. Еще раз повторю: никаких несусветных просьб с моей стороны не последует. Ни сейчас, ни в дальнейшем. С кем имею дело — полностью сознаю и финтить с вами не собираюсь. Помогите с поступлением в институт и с пропиской. Все. Миллионы долларов за освобождение Советника не прошу. Да, кстати! — Поднял многозначительно палец. — Важно определить тактику. И тут, думаю, поступим так: я вылетаю в Чечню, провожу переговоры с братом. Затем еду или в Нальчик, или во Владикавказ. Оттуда звоню вам по нейтральному телефону. Из Чечни звонить не буду, мало ли что?..

— Это — верно, — подтвердил Пакуро.

— Но не исключена возможность, что вам тоже придется туда прилететь... Имею в виду, скорее всего, Владикавказ. У нас там родственница больная, брат отправится как бы ее проведать, а вы с ним и встретитесь... Обговорите детали. Я же не способен их обсуждать, а вам виднее, вы — профессионал... Да и УБОП там в отличие от Чечни существует, вас подстрахуют, если какие сомнения... — С деликатной иронией хохотнул: — Я же понимаю...

— Ну что же, предложение грамотное, — кивнул Пакуро.

— Тогда — за дело?..

— Дурного слова не услышите!

Проводив посетителя до проходной, Пакуро вернулся в рабочий кабинет, где застал соратника Борю Гуменюка, с вниманием прослушивающего запись беседы с чеченцем.

— Ну что? — оторвавшись от магнитофона, спросил тот. — Едем в гостиницу с визитом к осетинскому гостю столицы?

— А ты не знаешь ответ на этот вопрос? — откликнулся Пакуро. — Или, думаешь, я участкового с папочкой туда направлю? Лучше на мой вопрос ответь, он посущественней: твое мнение об этом кандидате в юристы?..

— Мотив сотрудничества — на поверхности, — начал загибать пальцы Борис. — Запросы добровольца — более чем скромные. Информация сходится с той, что в шифровках, причем в деталях... Кстати, насчет шифровок... Последнюю видел? Относительно целесообразности самых плотных контактов с ФСБ? Вот и вывод: давай его через коллег прокачаем, вдруг чем поделятся полезным?.. Вдруг засветился в их сферах?

— То есть вызывает у тебя хлопчик подозрения?

— Слишком гладко все излагает, не находишь? С прогнозом всех наших действий, как на блюдечке...

— А может, талант? Или книжек специфических начитался? Да и вообще... Недаром ведь он в юриспруденты устремился...

— А то, что он тебя на Кавказ вытаскивает, не настораживает?

— Подозреваешь комбинацию врага? Но я же с поддержкой туда полечу, да и местные ребята в обиду не дадут, это тебе не беспредельный город Грозный...

— Пока еще не город Грозный! Что будет дальше — посмотрим! — пессимистически заметил Борис, накидывая наплечную кобуру. — В общем, чего гадать? Так или иначе, а на поводу у этого Мусы какую-то диспансию пройти нам придется. В СОБР я уже заявочку дал, навестим гостиницу, проверим стучок. Кстати, — взглянул на часы, — у меня тут по приезду встреча с одним нашим пациентом... Представляешь, едет мужик по дороге, снимает с обочины диву неземной красоты, она ему встречу на вечер назначает, он приезжает куда сказано, а на месте randevu вместо красотки в его «кадиллак» залезает троица злодеев, суют кавалеру ствол в физиономию, приставляют шило к шее и рекомендуют не рыпаться. Уверяет — кавказцы. Забрали ключи от дома, подержали четыре часа в тачке, а после ключи вернули и — отпустили с миром.

— Повезло, — прокомментировал Пакуро.

— В общем, да, — согласился Борис. — Одно, правда, «но»: вернулся он домой, а там, оказывается, проведен тщательный обыск с конфискацией: тридцать тысяч долларов свистнули, раритеты, картины, иконы... Да ладно бы это! Все белье и одежду унесли, даже бар и холодильник выгребли! Во, устроился герой-любовник!

— А почему нам его под попечение пристроили? — нахмурился Пакуро.

— В том и дело, — накидывая курточку, небрежно пояснил Борис. — Парень русский, но вырос в Чечне. И знает тамошний язык. Так представь, покуда в машине он сидел, расслышал, как бандюги о Советнике упоминали. Мол, какой-то их родственник его захомутал... А значит, наш он клиент, не отвертимся. Принимай новый блин на штангу, Александр Викторович... И, стиснув зубы, иди на рывок...

— Блин-то — бумажный, — сказал майор. — Стоит из одного лишь заявления потерпевшего граж-

данина. За что зацепимся? Лиц в темноте он, конечно же, не разглядел, так?

— Так. — Борис, глядя в настенное зеркало, приводил в порядок прическу.

— В квартире бандиты не наследили, из соседей их никто не видел, не слышал...

— Соответственно, орудия преступления на месте преступления обнаружено не было, — подхватил Борис. — Как гласит протокол осмотра по делу об изнасиловании.

— А если каким-то чудом на ту красотку выйдем, — смешливо кивнув, продолжил Пакуро, руководствуясь, возможно, некоей затейливой ассоциацией, — то отовратиться ей — как чихнуть. Скажет — да, видела я подъехавшую машину, да только в нее мужиков столько набилось, что побоялась подойти... Вот и весь сказ.

— Более того, — не отрываясь от зеркала, произнес Борис. — Боюсь, потерпевший тоже соврать способен... В том смысле, что уловил конъюнктуру насчет Советника и — внес в заявление ма-аленькую такую детальку... Преследуя тем самым свои личные, и я бы сказал — корыстные интересы и, соответственно, направляя лучшие силы МВД.

— Вполне вероятно. А что тут скажешь? Молодец парень, соображает. Ладно... Поехали, лучшая сила...

Капитан Акимов

О своем дорожном злключении ограбленный «дальнобойщик» повествовал, не жалея эпитетов и красок, и потому история бедолаги словно вставала перед глазами капитана Акимова, едва успевавшего перефразировать эмоциональное живописание в казенные протокольные строки.

В принципе, как поначалу полагал «дальнобойщик», с этой поездкой ему просто повезло: буквально в последний момент кладовщики поменяли ассортимент груза, и теперь грузовик вез в Москву не коробки с хрупкой дорожной электроникой, а всего лишь упаковки какого-то сомнительного импортного кетчупа в небьющемся пластике. И потому, из-за специфики груза, сами собой умялись те напасти, которые неизменно таит в себе трасса и ожидание которых сидит, как заноза, в голове каждого перевозчика: придирки автоинспекции и — домогательства дорожных бандитов.

С водилы, везущего пищевой конгломерат, в котором и искушенный химик едва ли обнаружит полагающуюся томатную основу, денег не сорвешь, да и к тому же на прозрачные намеки дорожных блюстителей порядка у него имелось выверенное предложение: мол, командир, коли хочешь, возьми упаковочку приправы, только самому тебе вовнутрь организма вводить ее не советую, ибо не хочу сидеть за покушение на жизнь сотрудников правоохранительных органов... Ну и все. Махнет постовой жезлом разочарованно, езжай, мол, со своей отравой с глаз долой, не трать мое драгоценное время, вон сколько фур мимо просвистело, куда ты мне тут баки заливал... А у гангстеров кетчуп тоже острой заинтересованности не вызывает, им бы чего посущественней — в плане, так сказать, коммерческой ценности...

Он убрал ногу с педали газа: в осеннем холодном туманце, висевшем над обочиной, блекло виднелось пятно гаишной машины с планками мигалок на крыше и сутулился возле раскрытой дверцы патрульный, испытующе вглядывающийся в приближающийся грузовик.

Он невольно ругнул себя за праздные размышления о дорожных несудорогах: вот же, как накликал... Сейчас наверняка тормознут, наверняка...

Ленивое движение потертой полосатой палки, гордо именуемой жезлом: к обочине...

Ну, брат, что же, затягивай песню про низкокачественный кетчуп, не зря же ее всю дорогу репетировал...

Несколькими часами позже он — взъерошенный и растерянный, давал показания в милиции: остановили двое в форме ГАИ, или же — ГИБДД, согласно новейшей дурацкой аббревиатуре; заставили открыть контейнер, скинули на землю несколько упаковок, никак не могли поверить, что грузом действительно является кетчуп... А после появились еще трое, явно кавказцы, отвели под угрозой оружия в лес, отняли наличные деньги...

Он давал показания, отдаленно понимая, что, в общем-то, легко отделался. Заначку сотенных в кабине бандиты не обнаружили, машина и груз целы, ну, разве нервы потрепали, так это пустяк по нашим-то лихим временам; это — как с гуся...

Он не стал подчеркивать дознавателю, что тогда, на обочине, под бандитским стволом, отчетливо заподозрил, что ждали грабители именно его машину, именно его... Ту, что должна была везти действительно ценный груз, непонятно по каким причинам в последний момент перемещенный на другие колеса...

Да и что дознавателю его догадки? Вот начальству своему о них он сообщит непременно, да только и другое подозрение тут возникает — вдруг начальство тоже в курсе, что завелся в конторе наводчик? Потому без излишней суеты и сменило перевозчиков... А может, просто случай, судьба, кто знает?

Так или иначе, о версиях своих с милицейскими чинами беседовать бесполезно, у них своих забот хватает. Протокол, главное, составлен, гражданская совесть чиста, дави педаль, крути баранку, и благодари Бога, что в очередной раз пронесло...

Да, повезло ему с поездкой, чего там... И теперь — скинуть этот проклятый, а вернее, очень даже замечательный кетчуп адресату и — забыть о охлаждающем нутро приключении...

Но забудешь ли?

Нет, он, конечно же, не забыл ни одной минуты, прошедшей с той поры, когда шины грузовика, протаскивая за собой влажный гравий обочины, замерли, и, взяв потрепанную папку с документами, он спрыгнул с подножки навстречу приближающемуся инспектору, и — оступился, словно споткнувшись о настороженный и неприязненный взгляд... А вот слова патрульного были вкрадчиво-тихи:

— Чего в столицу возим, брат? Чем народ балуем?

— Да кетчуп... Химический.

— Ну, давай посмотреть твой кетчуп...

— Так вот же накладные...

— Давай-давай, открывай шкатулку, и чтоб без базара...

Нет, он не забыл лесной сырой полумрак, кожаные куртки окруживших его грабителей, их руки, сноровисто обшарившие карманы, сорванное с пальца обручальное кольцо, чувство дохнувшей ему в лицо гибели, казавшейся тогда не просто близкой, но и неизбежной, а после — обжигающее душу унижение и бессилие перед вооруженной сволочью...

А ведь была бы в контейнере аппаратура — наверняка и остался бы он в этом лесочке... А так — поразмыслили бандюги да и не стали на себя труп вешать: мол, ключи от фуры в канаве, поныряй, найдешь — поедешь, а в милицию, предупредили, не суйся, там у нас все свои... Запускай дизель и пили дальше. А покуда присядь на пенек минут на тридцать. Встанешь раньше, раньше и ляжешь... У нас тут грибник со стволом...

В таком вот духе. И понятно вроде, что на испуг берут, а все-таки — боязно, тем более, есть ли тут

грибник-снайпер и каков у него ствол — неясно, а вот у того, кто рекомендации выдает — поджарого, молодого кавказца с развязными манерами — очень даже убедительный пистолетик имеется. И потому приходится послушно и мрачно кивать, соглашаясь и одновременно изнывая душой и сердцем от ненависти и унижения.

И может, поэтому, спустя уже два месяца, сидя перед Акимовым в его служебном кабинете, «дальнобойщик» не без доли мстительного удовлетворения говорил:

— Ну, признал я их, гадов. Сразу же. Мы разгрузились, тачанки на охраняемую стоянку поставили и — в кафе. День рождения у меня, решил с ребятами отметить... Мы с час где-то сидели, а после эти входят... Я их прямо с порога узнал. Ну, эмоции, конечно, были, но с ними я сладил, отвернулся, а сам прикидываю: уместился в углу, в полумраке, а они на свету... Потом еще двое зашли, дружки их. Уселись, коньяк с кофе заказали, о чем-то потолковали и через полчаса ушли. А я ребят шепотком про инцидент просветил, и один, значит, пошел на улицу. Вроде как освежиться. В сыщиков мы играть не стали, но номера машин записали. Вот и все, собственно. А что не путаю я их — точно, мне эти рожи в память вклеились крепче, чем собственная фотка в права...

— Ну и кто они по национальности, как полагаешь? — спрашивал водителя капитан. — Кавказцы — понятие широкое, а в нашем деле уточнение многого стоит.

— Вроде... чеченцы. Но что не грузины, точно. И не армяне. Хотя — чтобы с уверенностью... Нет, с уверенностью — не могу. Но что не грузины...

— Понятно.

Капитан терпеливо вздохнул. Национальная классификация кавказских народностей и в самом деле

искусство, требующее знаний многогранных. А когда на тебя смотрит значок пистолета в предутреннем лесу, то вся классификация естественным образом сводится к крылатому — «лицо кавказской национальности». И тут, естественно, не до нюансов.

В течение двух последующих дней и обозначенные шофером граждане, и их национальность были не без некоторого труда, но установлены: некто Ахмед и Тахир, чеченцы, законно проживающие в столице, безработные, фиктивно женатые на москвичках. Впрочем, насчет «фиктивно» — это так, термин внутриведомственный и юридической силой не обладающий. Во-первых, факт «фиктивки» еще надо доказать, а если и докажешь, то что толку? Это в США за недобросовестный брак с целью получения вида на жительство только по одному подозрению иммиграционных служб иностранца депортируют из страны в наручниках, а его партнера или партнершу штрафуют на весьма болезненную сумму, а в Расеематушке — всем узникам Гименея воля вольная: заполучил печать в документе, прописался, и пушкой никто тебя из золотой и сладкой Москвы не выбьет. Да к тому же они ведь свои, эти российские кавказцы, сограждане, так сказать, члены братской семьи народов, а в свете же борьбы со всяким сеянием и урожаем национальной розни... В общем, какие к чертям наручники и вообще какая-либо доказательная база?..

А вот доказательная база в отношении конкретных криминальных деяний запленивших город новых москвичей — категория уже иная, конкретная и прямо привязанная к УК России. Что означает в известном смысле и депортацию. То есть препровождение переселенцев в строго ограниченное охраной и колючей проволокой пространство. Но созидание такой доказательной базы — труд муторный, тяжкий,

неблагодарный, однако — как для капитана Акимова, так и для его коллег — повседневный. И, в общем-то, привык капитан Акимов данного труда не бояться и не избегать, твердо для себя уяснив: клиентура у РУБОП — солидная, а потому, как только защелкиваются на запястьях этой клиентуры наручники, сразу же каждый шаг тех, кто их защелкнул, начинает вымеряться по прокурорской линейке, звенят телефонные трели, и звучат в трубках гневные голоса весьма уважаемых, кстати, людей с большими чиновными и общественными полномочиями. И что характерно, как подметил себе капитан, защитники эти зачастую и не входят ни в какие коррумпированные кланы, и даже искренне огорчаются, когда та самая доказательная база им предъявляется, и порой попросту поверить не могут они, что, скажем, уважаемый бизнесмен являлся заказчиком зверских убийств, а студент консерватории входил в преступную группу, занимающуюся разбоями...

«Ну и что в итоге мы имеем? — рассуждал Акимов. — Показания шофера? Но в данном случае показаниям этим цена невысока. Груз доехал до места, машина цела, шофер тоже, а уж кто его грабил или это приснилось утомленному дорогой «дальнобойщику» — материи достаточно отвлеченные в своей востребованности для возбуждения уголовного дела.

Далее. Есть двое чеченцев. Кто они? Бандиты? Возможно. Но опять-таки, как пелось в некогда известной песне — давай подробности... А с подробностями — тишина. Вот так!

С другой стороны — что такое дорожные грабители грузовиков? Да еще прикрывающиеся милицеской формой? Это — четко организованная банда. Товара в одном грузовике и на полмиллиона долларов бывает, а потому заработки у разбойников не

хуже, чем у самых удачливых бизнесменов. А чтобы реализовать товар, создаются гангстерами собственные рыночно-криминальные каналы, благодаря чему грубый разбой соединяется с утонченной экономической преступностью, и ком вовлеченных в махинации бандитов, перекупщиков, продавцов и прочих сопричастных растет, как на дрожжах. Опухоль. Злая, активная, энергичная... Но вот подобраться к ней...»

Акимов закрыл папку с установочными данными на вероятных грабителей грузовиков. С минуту сидел, пусто и сосредоточенно глядя в пространство. Уморительная комбинация, покуда еще только начинавшая брезжить в его сознании, сводилась именно что к понятию «подобраться»... А точнее — войти в тщательно залегендированный контакт с бандитами.

Маойр Пакуро

Осетина с тремя пистолетами «Макаров» взяли тихо и мягко, как зазевавшегося на птичку котенка. Парень и в самом деле производил впечатление легкомысленного дилетанта, к которому оружие попало по случаю.

Собственно, как выяснилось при первом же допросе, дело именно так и обстояло.

— У Гога пистолет брал, — объяснял осетин. — Я ему один тыщ долларов в долг давал, а он долг тянул, как резина... Разговор был много, толк — нет, потом нерв мой лопнул, я Гога по голова бил, он сказал, что денег сейчас трудно, только пистолет... О, сын осел и шайтан — Гога проклятый! Что делать я мог, а? Надо брать, пистолет — тожи вещь...

— И много у него еще пистолетов? — спросил Пакуро.

— Ящык, слюшай, наверно!.. Ты скажешь, я помогать буду! Все помогу! Только скажешь!

Пакуро и Борис обменялись задумчивыми взорами. Готовность осетина к сотрудничеству оценивалась ими как фактор безусловно позитивный, а кроме того, офицеры отчетливо сознавали, что сейчас ими нащупана прочная нить, ведущая не просто к некоему Гоге — незадачливому, видимо, деляге, запутавшемуся в каких-то криминально-коммерческих несообразностях, но и, возможно, к серьезному торговцу, способному в итоге крупно погореть на своих связях с откровенными раздолбаями, не искушенными в конспирации преступного ремесла. Старая и грустная для умников разного рода схема...

— Обходи трамвай спереди, троллейбус — сзади, а дурака — стороной, — резюмировал на сей счет Пакуро, когда задержанного увели. — Ну? Сами будем крутить комбинацию с выходом на этого самого Гогу?

— Одной задницей, — откликнулся Боря, — можно усидеть на двух стульях; технично ерзя, можно и на трех, но вот для двенадцати я лично слишком пропорционально сложен. А вы, Александр Викторович, вообще худенький. Давайте отдадим подарок в десятый отдел. Их профиль, да и ребята они не жадные, тоже готовы лишним добром делиться, проверено... А что касается нашей непосредственной работенки, то, покуда вы проявляли свойственную вам доблесть, задерживая лицо кавказской национальности, ее, работенки, доложу я вам, внезапно и радостно подвалило...

— Это как? — подозрительно взглянул майор на Бориса.

— Любителя снимать девочек с обочин помните? Так вот. Поздравьте! Сегодня ему позвонили грабители. Готовы вернуть иконы, картины и прочие без-

делушки за сумму в размере пятнадцать тысяч долларов.

— Экая прелесть! — изумился Пакуро. — Чтобы всегда так!

— Вот и я в полнейшем восхищении... — поддакнул Борис. — Хороший сюрприз, да? Единственное смущает, что за этим сюрпризиком наверняка кроются другие, весьма заковыристые...

— А каким образом должен произойти обмен дензнаков на произведения искусства?

— Вот! Хороший вопрос! — Борис дурашливо вскинул голову. — Тут все крайне незамысловато, что настораживает... Клиенту предписано положить означенную сумму в конвертик, а конвертик отвезти в хрестоматийно богатый уголовными традициями район Марьиной рощи. У дома номер пять, у первого углового подъезда, рядом с водосточной трубой, имеется подвальная ниша. Именно в эту нишу конвертик должен быть уместен. Завтра в три часа дня.

— Значит, живут они там, — высказал предположение Пакуро. — И угол дома просматривается из окон какой-то квартиры...

— Очень правильное предположение, — заключил Борис. — Правильнее некуда. Но только я уже там побывал, побеседовал с местной милицией, и интересные получаются выводы... Район пятиэтажек, а в пятиэтажках — сплошные чеченцы, ингуши, осетины и вообще полная и уникальная коллекция всех народностей седого Кавказа. Клоповник какой-то... Кстати, насчет угла дома. И вообще насчет местности... Ландшафт просматривается со ста позиций. Любую «наружку» они усекут сразу же. А нам ведь процесс изъятия конвертика на пленочку надо зафиксировать. Из соседнего дома — не выйдет, расстояние, кусты... Из автомобиля? Но незнакомая машина сразу бросится в глаза.

— А если бабушка на лавочке?

— Нет там лавочки. И бабушек кавказские переселенцы вывели, как превосходящие силы тли божьих коровок...

— И что предлагаешь?

— Вообще-то, — сказал Борис задумчиво, — ход конем я придумал.

— Вообще-то — не сомневался, — прокомментировал Пакуро. — И какой ход?

— Там есть элемент импровизации по обстоятельствам, — ответил Борис, — а потому — боюсь сгладить...

— Тогда — пожелаю удачи, — произнес Пакуро. — Я сегодня вечером вылетаю во Владикавказ. По поводу Советника этого... Муса уверяет, что обо всем уже договорился. Брат его будет меня там ждать. Ты разбирайся с текучкой и — с вымогателями. На хозяйстве, в общем. Что еще? А, иду в десятый отдел. Для подготовки процедуры торжественной передачи нашего осетинского оруженосца в заботливые руки.

Начальник десятого отдела РУБОП Виталий Николаевич, человек немногословный и жесткий, переживший несколько мучительных операций после тяжелейшего ранения, полученного при задержании вооруженного бандита, и целый год, закованный в гипс, балансировавший воистину на грани жизни и смерти, где каждая минута этого года являла собой адовое страдание, со своей обычной иронической невозмутимостью выслушал Пакуро, а затем, открыв сейф, вытащил из него служебную папочку, увенчанную эмблемой РУБОП.

Открыв папочку, Пакуро быстренько пролистал документы.

Из документов явствовало, что военные контрразведчики недавно любезно передали РУБОП материалы, касающиеся упомянутого осетином Гоги.

Расшифровки технических записей разговоров указывали, что Гога, запутавшийся в финансовых махинациях, предлагал своим кредиторам возврат денег не наличными, а тремя «калашниковыми».

История повторялась... Впрочем, при дефиците денег в стране и процветающем бартере — предложения Гоги по сути своей носили характер банальный, если бы не специфика материала погашения долгов...

Борису, к примеру, задолжавший безработный сосед компенсировал ссуду вялеными судаками собственного изготовления.

Контрразведчики, выяснив оперативными путями номера автоматов, пришли к двум выводам: оружие принадлежит к однородной партии, похищенной с армейского склада, — это раз; а два — склад находится или же находился в одном из глубоко дружественных Российской Федерации независимых государств нынешнего фантазмагорически-условного СНГ.

Как пояснил Виталий Николаевич, лобовая атака в отношении Гоги явно не годилась. Сорокалетний бойкий субъект, дважды судимый, а значит, весьма закаленный в общении с МВД, наверняка, как следовало из его психологического портрета, замкнулся бы на допросе и поплел бы, не сбиваясь, железную легенду, формулирующуюся в одной фразе: нашел автоматы за мусорным баком во дворе, находясь в состоянии опьянения. Показания осетина? Это ваш милицкий мрак и туман... Из которого вы каких угодно лжесвидетелей извлечете....

Вдаваться в расспросы о задуманной в десятом отделе комбинации в отношении распространителя оружия Пакуро не стал, мгновенно уяснив: Гога основательно и безысходно влип в прочные, покуда неразличимые для него сети. И отныне судьба его безотрадно предрешена. А потому, передав документы осетина в надежные руки Виталия Николаевича

и пожелав ему всяческих удач, спешно откланялся: самолет во Владикавказ улетал через три часа.

Муса, следуя указаниям, данным ему из Чечни, оставался в Москве, на связи с братом и, соответственно, с РУБОП, который представлял для него оставшийся на хозяйстве Борис.

А Пакуро, покинув десятый отдел, отправился в СОБР: два бойца летели вместе с ним, обеспечивая силовую поддержку. Кроме того, предстояло созвониться со вспомогательными силами, должны были проконтролировать его отлет и отследить возможное наружное наблюдение недругов за отбытием ответственного офицера РУБОП в дальние дали. И если такая «наружка» выявится, в искренности помыслов Мусы придется всерьез и бесповоротно усомниться...

Да, он не верит этому чеченцу, внезапно уяснил Пакуро.

И это органическое, нутряное чувство поневоле заставило его подобраться.

Он был более чем уверен, что предстоящая командировка в беспокойный кавказский регион принесет массу неожиданностей и, вероятно, неожиданностей опасного свойства, но выбирать не приходилось: куда обстоятельства диктовали ему поступки, и единственное, что оставалось — совершать эти поступки крайне осмотрительно, не доверяя обстоятельствам, способным в итоге обернуться ловушкой комбинации хитроумного противника.

Да, он не верил Мусе... И в любом случае в своем неверии был прав, ибо доверчивость в его профессии означала неизбежную катастрофу.

«Калечит ли эта наша холодная и ежечасная подозрительность душу? — невольно задумался Пакуро. — Ожесточает ли сердце? Вероятно... Но ведь это — не порок, а всего лишь — инструмент. Другое дело —

когда инструмент ремесла становится частью личности... И тогда, во всем узревая затаенные капканы и подвох, становишься либо мизантропом, либо попросту трусом...»

Десятый отдел

С осетином Резиком, давшим признательные показания, все стало ясно после получаса общения: фигура была отыгранной, не представляющей ценности в дальнейшей разработке Гоги, и являла собой первого разоблаченного фигуранта по начавшемуся оперативному делу, чей итог пока был далек и неведом.

Проводив Пакуро, начальник десятого отдела отправился к дежурному офицеру, с удовлетворением сообщившему о работе оперов в городе: Гога благополучно передал автоматы своему кредитору и, как только кредитор проследовал на личном автомобиле в свой загородный дом, тут же был повязан на посту ГАИ. Операция прошла вполне естественно и органично.

Через несколько часов, просмотрев видеозапись «бартерной» сделки, задержанный очень откровенно поведал о всех связях своего доблестно расплатившегося с ним должника. Одновременно — выразив несомненную готовность номер один к сотрудничеству с РУБОП. При этом добавил, что Гога, испытывающий ныне серьезные материальные затруднения, остался должен ему еще тысячу долларов. Это была своего рода зацепка... И медлить с ней, как решили на вечернем совещании, не стоило.

Оглядев оперов взором искушенного режиссера, шеф десятого отдела выбрал троицу, кого отличало крепкое телосложение, волевые физиономии и испытующе-грозные взоры исподлобья.

И утром следующего дня данная троица, увешанная золотыми цепями, позаимствованными из реквизита, с нарисованными на пальцах наколками, сноровисто запихнула вышедшего из подъезда «оружейника» в БМВ с затемненными стеклами. Разговор начался без экивоков и без елейной дипломатии, напрямик:

— Ты за что, гад, нашего кореша ментам вломил?

— Да вы чего, ребята...

— Мы его страховали, понял, гнида?! И все видели, понял! Его на первом же посту ГАИ приняли! И мы уже сутки как окрестности вокруг твоей хибары пасем, а никакой ментовской «наружки» нет! А менты — не шляпы, тебя бы уже свинтили, козла! Ну, колись!

— Да я... да сукой буду! — Возмущенная слюна пеннелась на сизых губах Гоги.

— Да ты уже... Ты нам дело стуком своим завалил! На двести штук из-за тебя пролетели! Да еще и человека теперь спасать надо! А знаешь, сколько следаку надо бабок ввинтить, чтобы он меру пресечения поменял? Десятка зеленых — минимум! А в довесок — и наши стволы в конфискацию ушли! Олег, пускай движок, едем этого дятла ощипывать!

— Мужики, да вы чего?!

— Мужики поле пашут! Вперед, Олег!

Готовый к сотрудничеству кредитор, по легенде уже находящийся под подпиской о невыезде, также выразил свое большое недоверие Гоге.

Взволнованный разговор двух бывших дружков происходил в стенах конспиративной квартиры.

— За штуку баксов решил подставить меня?! — бушевал кредитор. — Теперь по твоей милости мне в бега подаваться?! А ребятам дело сорвал, сволочь!

— Да ни при чем я! А если стволы нужны, у меня еще два имеются... По закупке отдам!

— Стволы-то чистые? — спросил утрюмо, но и миролюбиво один из оперов.

— Мамой клянусь!

— В общем, так, — жестко произнес опер, играющий роль старшего среди бандитов. — Поживешь у нас. Если все в ажуре состоится, получишь бабки и вернешься домой живым. Как с ним беда приключилась, — кивнул на кредитора, — выясним. Но если твоя была наводка, то...

— Да я... — И дрожащие руки Гоги истово прижались к впалой груди. — Чтобы я в гнилой заход...

— Где стволы?

— У кореша в гараже...

— Едем!

Два «калашников», обернутых в мешковину, действительно обнаружили в гараже одного из приятелей Гоги. Сделка таким образом состоялась. И живой невредимый Гога, переживший большое нервное потрясение, скоро вернулся под сень родимого крова, вспоминая поговорку, что, дескать, нет худа без добра, и отныне он, пусть и потеряв килограмм изношенных до ветхости нервов, обрел зато надежных партнеров для реализации огнестрельного товара, регулярно, как оказалось, поставляемого ему из Абхазии.

На месте Гоги поговорочку следовало бы перефразировать так: нет, худо, оно — без добра...

Но Гога, воодушевленный обретением благородной уголовной компании, честно расплачивающейся за товар, а потому, следовательно, дорожившей его жизнью, ни о каком худе уже не думал и через неделю привез для реализации новые стволы. За что был удостоен высокой чести личного знакомства с авторитетом Андреем — то бишь начальником одного из подразделений десятого отдела.

Андрей — широкоплечий, немногословный, мрачноватый, с пронзительным взором как бы отчужденных от всего глаз, произвел на вертлявого Гогу большое и уважительное впечатление.

Брезгливо кривя губу, Андрей, сидя в кресле, почтительно окруженном его «шестерками», неторопливо рассуждал, обращаясь в первую очередь к Гоге:

— Ты, вижу, пацан честный, хотя имелись сомнения, не скрою... И капитальные, между прочим, сомнения...

— Так ведь... выправилось! — радостно воскликнул Гога и — осекся под буравящим взглядом старшего товарища.

— Выправилось, да не наладилось, — молвил авторитет с ноткой сокрушения. А затем, снисходительно, как добрый папаша оглядев честную компанию, словно неразумных отпрысков, добавил: — Ну и чего вы, парни, по мелочам-то суетитесь, не понимаю?.. Туда ствол, сюда ствол, одна мелькотня... А вот у меня тут солидный имеется заказ, а потому и разговор к тебе основательный... — Доверительно протянул ладонь в сторону Гоги.

— Да-да... — Тот услужливо наклонился корпусом к важной персоне.

— Заказ такой: двести пятьдесят «калашей», масла, десять гранатометов... Работай, заколачивай бабки...

Гога, впад в некоторое раздумье, сокрушенно выдохнул воздух через нос. Покачал головой в сомнении.

— Чего, кишка тонка? — презрительно усмехнулся Андрей.

— Надо с людьми говорить... В одиночку такую партию...

— А она хоть есть, партия эта?..

— Да там такого добра, как грязи! — отмахнулся Гога. — Но вот транзит...

— Ну так мы поможем! — Андрей привстал. — У меня пацаны боевые, к трудностям не привыкать... По рукам и по ладоням?..

— Сегодня же буду пробивать вопрос...

— Вот это — по-нашему!

Основной жизненной специальностью Гоги в течение долгих лет была мелкая спекуляция. На ней в эпоху покойного социализма он и погорел, впервые познакомившись с тюрьмой, но, выйдя на свободу, специальности не изменил, переквалифицировавшись лишь на нынешний конъюнктурный товар. Товар прошлый — американские сигареты и видеокассеты — в актуальных временах редкостью не являлся, а поскольку прибыльная спекуляция держится исключительно на дефиците, то, как ни верти, но при любом политическом режиме неизменно сочетается она с уголовным кодексом. Ибо получить сверхприбыли в демократическом обществе возможно, торгуя лишь товаром подпольным, и если товар — сигареты, то обязательно — контрабандные, а коли кассеты — то пиратские. Но вот оружие — оно везде и всегда приносило дивиденды баснословные, и Гога, как он полагал, выбрал для себя наиперспективнейшее направление.

Однако в предложенной ему масштабной сделке верх над желанием крупной наживы одержала сущность спекулянта именно что мелкого, заставив его схитрить, а хитрость эта диктовалась элементарной трусостью... И потому, поразмыслив, заявил Андрею — так или иначе пропащему головорезу, что, мол, его, Гогу, удовлетворит в намечающемся предприятии мелкий процент за коммерческое сводничество, ибо слаб он стал здоровьем, а от нервных потрясений последнего времени получил ослабление зрения, дрожь во всех сочленениях и для оперативной бандитской работы негоден, что в состоянии подтвердить любая медкомиссия, в том числе и самая бездушная тюремная.

Собственно, такой поворот событий учитывался, но возмущение свое по поводу подозрительной немощи оружейного снабженца Андрей выразил,

грозно намекнув на необходимость надлежащих выводов.

Плачущим голосом Гога заверил, что дарует ему все «концы» вкупе с его личными и наилучшими рекомендациями, а уж взамен ему и подачки хватит от щедрот авторитета, поскольку человек он лет зрелых, запросов скромных, и, продавая один-два автомата в месяц, успешно закроет данными доходами проблемы и с кефиром, и с аптекой.

Гога позвонил в Сочи своему снабженцу, сказав, что очень серьезные и, безусловно, надежные люди хотят встретиться с ним для переговоров. И вскоре снабженец Армен — низкорослый небритый тип в поношенных джинсах и латаной кожаной куртке, прибыл в столицу.

Дорогому гостю был оказан должный прием, благодаря которому тот убедился, что находится в сплоченной и не стесненной средствами уголовной компании, имеющей твердые моральные и материальные устои.

На аудиенции с авторитетом-Андреем состоялся неторопливый, но заинтересованный разговор собратьев по криминальному ремеслу.

— За заказ берусь, — говорил Армен, совмещая свой бокал с бокалом уважаемого человека. — Большой бизнес будем делать, слушай!

— А то! — подтверждал, катая в губах модную сигарету «Парламент», основательный Андрюша, чей артистизм вызывал у сидящих за столом молодых оперов трудно скрываемое восхищение.

— Но куда вам столько стволов?

— А это, браток, как базарят торгашики, коммерческая тайна, — ухмылялся Андрей. — Я ведь не спрашиваю, откуда к вам железо плывет...

После гуманитарных тостов общего свойства за успех предстоящего долгосрочного бизнеса и вооб-

ще за процветание частного предпринимательства и экспортно-импортных операций, приступили к скучной, но, увы, необходимой деловой части.

Непременным условием Армен выдвигал приезд в Сочи ответственного представителя покупателя с наличными, ибо, не узрев денег, он не пошевелит и пальцем, дабы воплотить замечательный проект в реальное дело — в данном случае уголовное.

С таким доводом московский авторитет согласился, однако заметил, что, учитывая масштабность задуманного, поедет в Сочи сам, с боевыми соратниками, дабы убедиться на месте в солидности и дееспособности любезных его широкому сердцу партнеров.

Армен на такую ремарку собеседника выразил аналогичное согласие. И по той легкости, с которой согласие выражалось, стало понятно, что в южном городе, бывшей соцздравнице, будущий партнер чувствовал себя, как тамошняя роза под благодатным солнышком и теплым морским бризом.

Не проявив никакого интереса к историческим и культурным местам столицы, что, впрочем, никого и нисколько не удивило, южный гость с завидной напористостью и энтузиазмом посетил не охраняемые государством места злачные и, дымящийся от скверны, был почтительно препровожден в аэропорт, откуда, взмыв в высь небесную, отчалил на свое покуда постоянное место жительства.

Опергруппа, возвращавшаяся из аэропорта, пребывала в угрюмом молчании. Лучезарные улыбки, с которыми провожался парламентар-оружейник, исчезли без следа. Офицеры понимали: теперь начинается та игра, где в качестве ставок вполне могут быть выставлены на кон их головы. И отступать некуда. Поскольку — такая работа. Да и судьба.

— Чего приуныли? — подал голос Андрей. — На дворе май, в Сочи все в цвету, на полном гособеспече-

нии скоро двинем на курорт, предстоит интересный, живой отдых... Я со своей стороны уверен в куче ярких впечатлений... Ну, кто из вас сумеет опровергнуть хотя бы одно из этих утверждений?

— Мы-то — ладно, — сказал один из оперов. — А вот дружки Армена...

Борис Гуменюк

Получив итоговое сообщение из десятого отдела, что оружие приходит в Москву не по «чеченскому», как предполагалось, а по «абхазскому» каналу, и в очередной раз горестно постигая, насколько же широки и разнообразны огнестрельные залежи на территориях бывшей страны Советов, Борис уселся в свое старенькое, однако надежное «ауди» и покатил к месту закладки пакета, указанному вымогателями.

В пакете, уже умещенном ограбленным Вадимом в подвальную нишу, находилась, правда, не затребованная бандитами сумма, а всего лишь записка, гласящая, что пятнадцати тысяч долларов, увы, не наскреблось и в ближайшее время в наличии не предвидится, а вот восемь тысяч на выкуп похищенных раритетов найдутся, и если подобный торг перспективен, то искомые доллары будут выплачены незамедлительно.

Наблюдение за подвальной нишей велось с чердака соседнего дома, куда еще ранним утром проникли специалисты из «наружки».

Район блокировали семь оперативных машин, составленных с учетом долговременного и гибкого слежения, если вымогатели придут на место закладки на колесах.

Утро внезапно выдалось сухим и солнечным, словно в город опять возвратилось, будто что-то забыв,

лето — казалось, уже безвозвратно истаявшее в череде сумеречных дней поздней осени.

Борис, сидя в машине, озирает оголенные деревья, газоны, застланные ворохами желтой листвы, искрящейся от ночной изморози, и думал, до чего же быстротечны в своем неуловимом ускользании в никуда и навсегда отрадные теплые деньки; и завтра уже зима, зима...

— «Ниссан», — раздалось в рации. — В нем — двое... Нарезают вокруг дома уже третий круг...

— Я — в готовности... — оторвавшись от сентиментальных мыслей, пробормотал Борис.

— Так... «Ниссан» встал напротив ниши. Стоит. Бабушка появилась. В руках — сумка. Зовет кого-то... Ой!

В следующее мгновение голос из рации пояснил, что к бабушке начинают сбегаться все местные дворовые коты, которых добросердечная женщина, очевидно, прикармливает в урочный час.

Через пять минут из «Ниссана» вышел молодой человек в кожаной куртке, подошел к кормилице котов, о чем-то ее спросил, а после, наклонившись, якобы погладить киску, вытащил из ниши пакет, молниеносно сунув его за пазуху.

— Конверт взяли, «Ниссан» отъезжает, ведите! — раздалось в рации.

— Отъезд по левой схеме... Второй, выходи на трассу! Вишу у них на хвосте до эстакады, четвертый блокирует Дмитровку... — взбудоражился оперативный эфир.

Борис завел двигатель, устремившись к забитой автомобилями трассе.

«Ниссан», нагло обогнув стоящую у светофора «пробку» по встречной полосе, в следующий миг с визгом шин свернул на красный свет налево, понесся по узкой улице в сторону городского центра, затем круто развернувшись, полетел в обратном направлении,

и, как понял Гуменюк, также принимавший участие в гонках, вымогатели имели все шансы если не оторваться от преследования, то вычислить «наружку», если бы не семь искушенных милицейских водил и не продуманный заранее сценарий блокирования трасс.

Грубейшим образом нарушая правила движения, петляя по всему городу с обескураживающе опасными разворотами на эстакадах и односторонних улицах, «Ниссан» через час подкатил к пятиэтажке в Марьиной роще...

К той самой пятиэтажке, на чердаке которой сидела терпеливая «наружка».

Из машины вышли двое молодых кавказцев, проследовав в угловой подъезд.

Буквально через пять минут Борис, истомленный виражами затейливой гонки, получил сообщение: кавказцы вошли в квартиру на третьем этаже. Квартира устанавливается.

Предположение Пакуро о том, что вымогатели живут рядом с местом закладки гонорара за их несправедливые труды, оправдалось. И окна квартиры, как понял Борис, наверняка выходят на ту сторону, откуда всецело и ясно просматривается угол дома с подвальной нишей.

— С бабушкой они хорошо придумали, — пробурчал Боря себе под нос. — Красиво... Пригладели бабушку. Находчивые стервецы. Просто — шпионы...

— Ну что, отбой? — спросила рация.

— За «Ниссаном» надо еще посмотреть, — возразил Борис.

— А мы посмотрим, — откликнулся чей-то вредный голос. — Мы ему в выхлопную трубу картофель забили, интересно и трудно он будет стартовать...

Весь день из квартиры никто не выходил. А вечером в разоренном жилище страдальца-Вадима раздался телефонный звонок.

— Прочли твою маляву, — доложил ему развязный голос. — Восемь штук — мало!

— Больше нет, и эти деньги едва наскреб, — последовал твердый и неприязненный ответ.

— Десять давай! Последнее слово!

— Восемь с половиной — это все! Вообще без гроша остаюсь!

— Одолжи.

— Ха! А откуда эти восемь взяли? Их и одолжил.

— Ладно... — откликнулись устало. — Положишь завтра в девять часов утра туда же...

— А вещи где?

— Вещи на пустыре возьмешь, в мешке... Где — объясним.

— А какие гарантии?

— Много разговариваешь!

— Ладно, хорошо...

— Вот так!

Следующим утром после закладки в нишу полиэтиленового пакета, в котором лежал конверт с долларами, Борис, одетый в рабочий комбинезон, толкал вместе с одним из оперов «ауди» с открытым капотом, из-под которого отчетливо и густо парило благодаря умещенной в подкапотное пространство кастрюле с крутым кипятком.

«Ауди» толкали в направлении того угла дома, где располагалась искомая ниша, дабы установленная в салоне видеокамера могла с близкого расстояния зафиксировать во всех подробностях процедуру извлечения пакета и личность исполнителя акции.

Вымогатели, не сумевшие завести «Ниссан» с забитой выхлопной трубой, на сей раз вызвали на подмогу ржавенький слабосильный «жигуленок», на котором с прежним упорством принялись исследовать местность в поисках затаившейся «наружки».

«Жигуленок», проезжавший мимо «ауди», был оста-

новлен Борисом — озабоченным, взлохмаченным, с руками, перемазанными сажей перегоревшего моторного масла, следы которого, кроме того, виднелись у него на щеке и на подбородке.

— Мужик! — с мукой в голосе обратился Борис к водителю «жигуленка». — Не знаешь, где тут поблизости техстанция? Драндулет, сука, напрочь накрылся! Доконал, сволочь! — И пнул озлобленно колесо парившей машины, принося в душе извинения безотказному железному другу.

— Где-то там... — неопределенно ответил водитель — молодой чеченец с беспокойными, пронзительными глазами.

— Может, дотащишь на тресе? Я заплачу!

— Времени нет, друг...

— Э-эх! — И, обреченно махнув рукой, Борис полез в автомобильные потроха, выкладывая на асфальт воздушный фильтр, патрубки и болты.

— Да ты снимай термостат, и заведешь телегу! На хрен тебе станция! — прокомментировал ситуацию помощник-опер, игравший роль уличного доброхота. — Напрямую соединишь шланги, вот и все дела!

— Тогда труба нужна, переходник...

— Да просто шланг подлиннее, спроси у ребят...

— Ребята, — вновь обратился Борис в сторону уже тронувшегося «жигуля», — а шланга не найдете?

— Какой еще шланг, слушай! — донесся возмущенный ответ, и бандиты тронулись прочь.

Как и предполагалось, в надлежащий час, с точностью хронометра, к углу дома проследовала уже известная кормилица беспризорного кошачьего племени и началась раздача пищевых отходов санитарам московских помоек и подвалов.

Копавшийся в двигателе Борис внезапно услышал напряженный шепот опера, протянувшего ему гаечный ключ:

— Бабка взяла пакет.

— Да ты чего?... — оторопел Гуменюк.

— И ловко так... Сунула в сумку.

— Нормально... — не отрывая взора от двигателя, промолвил Борис. — Давай в салон и передай: пусть бабулю ведут. В случае чего — задерживайте. И сам в дело включайся... Бери канистру, делай вид, будто за водичкой отправился...

— А ты?

— Я еще с движком покопаюсь, мне тут теперь этот конструктор собирать и собирать...

Через двадцать минут, услышав зовущий писк радиции в салоне, Борис пробормотал в микрофон:

— Первый на связи.

— Бабулю взяли, — доложили растерянно. — Но это... Пакет у нее, конверт, а денег нет...

— Как?!

— Говорит, вчера заметила, будто какой-то парень чего-то из ниши вытащил, а сегодня решила проверить — вдруг там опять что?..

— А как «Жигули»?

— Притормозили с обратной стороны дома, и в них какой-то тип уселся... Из кустов вышел...

— И что?

— Подъезжают к подъезду, где «Ниссан» вчерашний стоит...

— Так! Срубайте всех! — решительно распорядился Борис.

— Сделаем...

Он уже прикрутил воздушный фильтр и вылил из кастрюли остывший кипяток, как вдруг возле угла дома появился высокий, ладно сложенный кавказец лет тридцати в новеньком джинсовом костюме.

Парень остановился напротив ниши, внимательно вглядываясь в ее черный зев, потом настороженно зыркнул по сторонам, отошел на два шага в сторону,

вновь вернулся на прежнее место и — снова устоялся на нишу.

После перевел взор на Бориса. Взор был оценивающим и враждебен.

Словно уяснив что-то, одному ему ведомое, в облике копающегося в моторе человека, кавказец резко повернулся и уже отправился восвояси, когда Борис, выхватив перемазанной в масляной копоты рукой удостоверение, вынырнул сбоку от него, требовательно поведая:

— РУБОП! Ваши документы!

Незнакомец, сузив вспыхнувшие ненавистью глаза, в тот же момент сделал неуловимо короткое движение рукой, и прежде чем Борис успел каким-то образом на это движение отреагировать, ощутил тупой удар сгиба локтя в челюсть и — сверзился на асфальт.

Сознание, на миг помутившееся, тут же прояснилось от блеска лезвия ножа, извлеченного противником из кармана брюк.

Лезвие грозно и неотвратимо начало приближаться к поверженному наземь сыщику, заставив его спешно подтянуться на локтях, отвалившись спиной на бордюрный камень газона, и извлечь из-под комбинезона пистолет.

— Брось пику...

В ответ кавказец наклонился над барахтающимся на асфальте недругом, рука с ножом круто возделась вверх, и когда лезвие достигло крайней точки замаха, грохнул «Макаров», упруго дернувшись в кисти Бориса.

На джинсовой куртке тут же возникло черное пятно, и агрессора, влекомого инерцией пули, отбросило в сторону. Звякнул нож-«бабочка», выроненный из безвольной руки.

Пав навзничь, кавказец поначалу сосредоточил изумленный взор на дымящемся стволе, все еще бдительно направленном на него, затем подsunул ладонь

под рубаху, бережно ощупал пальцами живот и после, поднеся окровавленную руку к расширенным в ужасе глазам, прохрипел:

— Врача...

Борис метнулся к рации. Доложил:

— На меня напали, тут раненый...

— Кто напал?

— Да пес его знает...

— Поняли. Сейчас будем. Срубили трех чеченов, наши доллары у них... Номера совпадают.

— А... бабуля? То есть тьфу, каким образом...

— Выясним, чего ты беспокоишься?

— Чего беспокоюсь? Да того, что у меня тут полутруп и сплошные загадки...

— Да выясним!

Когда раненого кавказца в сопровождении оперов увезла «скорая», Борис занялся задержанными.

Секрет нахождения у них долларов, предназначенных для выкупа раритетов, оказался столь прост, что вызвал у Гуменюка приступ нервного смеха: в то время, когда он занимался авторемонтными работами, а установленная в «ауди» камера добросовестно фиксировала приближение к подвальной нише будущих фигурантов уголовного дела, один из сообщников бандитов, находящийся в кустах с противоположной стороны дома, выбрал с помощью ломика кирпичи из разъехавшейся кладки, прополз узким и темным подвалом с обратной стороны ниши и выгреб деньги из конверта, после чего уселся в подобранный его «жигуленок».

Раритеты, похищенные у Вадима, нашлись на квартире одного из грабителей. Возвращать их незадачливому охотнику за прелестными дамами никто из вымогателей, конечно же, не собирався.

Имя и место проживания чаровницы-подельницы установить не удалось. А тот факт, что в разговорах

грабителей якобы прозвучало имя Советника и обозначились его похитители, оказался, как и подозревалось, блефом, выдумкой многомудрого Вадима, в чем тот с большой и явной неохотой, однако признался:

— Вы меня поймите правильно... Оставь я заявление в отделении... В лучшем случае получил бы его обратно. После переработки. В виде какой-нибудь упаковки. Сигарет или кефира. А я эти деньги заработал горбом, безо всяких там анекдотов...

Нить оборвалась.

Но единственное, чем себя Борис утешал, — событием ликвидации очередной из орудующих в столице кавказских банд. Хотя почестей от начальства за эту ликвидацию ожидать не приходилось: раненый чеченец оказался в данной ситуации абсолютно ни при чем, он попросту дожидался на улице знакомую девушку, проживающую в том самом подъезде, рядом с которым находилась злосчастная ниша.

Парень попросту отличался излишней горячностью нрава и не поверил в статус перемазанного продуктами нефтепереработки Бориса, приняв его то ли за психа, то ли за хулигана.

Тем не менее районная прокуратура по поводу стрельбы возбудила уголовное дело, и Бориса, согласно правилам, отстранили от дел, предоставив решать его судьбу юристам.

С одной стороны, правота его была очевидна: инициатором нападения выступал чеченец, кому предъявлялось служебное удостоверение; в деле фигурировал нож, а вот с другой стороны — конкретно и жестоко пострадал случайный прохожий, пусть и со скверным характером...

Решив навестить пострадавшего в больнице, Борис застал на выходе из его палаты пожилого человека с крючковатым носом, загорелым морщинистым ли-

цом, с узловатой тростью и в высоченной бараньей папахе, смахивающей на тиару.

Узрев в руках Бориса пакет с фруктами, человек в кавказском головном уборе вздохнув, произнес:

— Что делают тут в Москва, а? Мальчик по тротуар гуляет, а его за это из револьвер, а?

— Да это я... — горестно признался Борис. — Недоразумение...

— Как ти?! — всплеснул руками благообразный горец. — Как нидаразумений?!

— Ну вот так... Он же с ножом на меня...

— У нас... — Кавказец остро прищурился. — Домовой книга есть... Ми туда всех наш враг пишем...

— Вы вот что, — произнес Борис отчужденно. — Без угроз, пожалуйста. А то мы и домовую книгу перелистаем, и прописку вам поменяем. А теперь извините, у меня священный долг: навестить больного.

— Ничего не понимаю я в эта милиция... — пробурчал человек гор. — Зачем стрелять, чтоб потом апыльсин по больнице носить? Ничего не понимаю...

Пакуро

Прилетев во Владикавказ, Пакуро мгновенно и остро ощутил тягостную напряженность, безраздельно царившую в городе. Провинциальная российская убогость, непобедимо выпиравшая сквозь налет кавказской экзотики и пестрые пятна коммерческих витрин, усугублялась атмосферой всеобщего и постоянного ожидания — если не войны, уже тлевшей по окраинам региона, то изуверского «исламского» террора, гремевшего внезапными взрывами на рыночных площадях, угонявшего пленников в рабство или же беспощадно лившего кровь при набегах, под стать кочевым, на безответные села.

Дремучая и однотонно-черная, как траурное одеяние мусульманки, мораль «истинно правоверных» грозно надвигалась на Кавказ, не оставляя никаких шансов для тех, кто не входил в ряды и кланы «избранных».

Просвещенный ислам конца двадцатого века упорно теснился кинжально бескомпромиссной беспощадностью извращенных средневековых уложений.

Ярлык «мусульманин» определял для большинства российского непросвещенного обывателя стереотип некоей враждебной и чуждой силы, хотя в такой формулировке несправедливо смешивались принадлежность национальная и конфессиональная. Ведь кто такой мусульманин? Это человек, всецело принявший порядок, установленный Богом. Гуманист, не должен покусаться на чью-либо жизнь. А тем более — на жизнь своего собрата по вере, ибо скрестившие оружие правоверные, как гласит коран, неизбежно попадают в ад. И, будь ислам античеловечен, вряд ли бы собрал он миллионы сторонников, став мировой религией.

Однако сегодняшние ослепленные «избранные» от якобы ислама не брали на себя труд прочесть великую книгу, наполненную поэзией и мудростью, предпочитая ей изустные доморощенные истины наставников-экстремистов, зовущих на кровь и смерть. Воспевающих праведность гибели в неравном бою. Хотя в том же коране сказано, что если враг сильнее тебя, сиди, дружок, дома... Но — неумна энергия сектантства и строителей институтов крайностей.

И волей-неволей Пакуро озадаченно раздумывал, к чему бы привело сегодняшнюю католическую Европу воссоздание «святой» инквизиции... Впрочем, в различного рода ипостасях, таковая бытовала и в новейшей истории. Вспомнить хотя бы германские, испанские и совдеповские охранки... А потому ни от чего зарекаться не следовало.

«А ведь действительно? — рассуждал майор. — Кто бы еще недавно и подумать мог о тихом-мирном крушении могучего Союза? Засмеяли бы такого провидца, сочли бы за фантазера с большим воображением. И, соответственно, за проявление активной ереси отравили бы силами современной инквизиции, то есть пятого идеологического управления КГБ, на гуманное излечение воображения в специализированное медзаведение... И весь сказ».

Да, могуч был Союз. И даже не идеологией и оружием, а практикой власти. Практикой гибкой и лицемерной, ибо местная система управления виноградных республик очевидно отличалась в своих принципах от нордических и славянских институтов правления. Будь то Рига, Москва или Вологда, чиновник взятки опасался, а вот номенклатурные привилегии использовал на всю катушку. А Юг и Восток государства российского извечно хранил традиции выкупа должности, поступка и чужой жизни. И традиции эти соответствовали основам администрирования страны Советов, как лозе — теплый грунт, верблюдам — оазис, овечке — горный лужок. Мзда снизу шла наверх, оплаченные должности волевым решением не отбирались, статусы эмиров, шейхов и визирей претерпели лишь внешние изменения, но никак не внутренние, и какая, в принципе, разница, именуешься ты султаном или первым секретарем партии?

И недаром любимой и искренней присказкой ответственных должностных лиц в ту пору была: «Клянусь Аллахом и партией Ленина!»

А кем был в то время исламский экстремист, проповедник противления Старшему российскому брату? Был он кровным врагом первого секретаря-султана! И всех его приближенных! А потому надлежало султану именовать его, согласно правилам игры, врагом

народа и светлого коммунистического будущего! Собственно, для султана — уже настоящего...

Вот и текли крамольные мысли противленцев и раскольников, как горные реки в неприступных стенах ущелий, способные если и приподняться в них, то — на вершок, а высота же стен уходила в поднебесье, с большим запасом сооружена была та высота...

И вдруг, словно бы в одночасье, рухнули стены-стражи, грозя демократическим потоком. И ментально сообразили султаны и эмиры, что демократия — прежде всего — крах традиций. И, соответственно, власти. Да и вообще всего. И лекарство от нее — независимость. Причем — спешная. Пока быдло не очухалось и не прониклось какой-нибудь руководящей идеей. А потому независимость надлежало сочетать с укреплением повсеместной дисциплины. Вот — метода.

У кого-то получилось, у кого-то — нет, у кого-то — с середины на половинку. Те, у кого получилось, аргументы имели серьезные: статусы республик, ресурсы, многомиллионное население. То бишь не отделите нас, начнем войну. И куда деваться? Отделили. А кто на правах автономии, на голой земле, да с национально-раздробленным населением, тот благо-разумно воздержался, решив время от времени, как еж при опасности, щетиниться — мол, нацвопрос у меня всегда в кармане, как пистолет, и — опять-таки, угадал! Прошел понт, утвердилось табу на неприкасаемость...

И только у одной Чечни с середины на половинку вышло. Коса спешно возрожденных традиций сепаратизма уперлась в каменюгу геополитических интересов. Да и вообще опасений. Дай неугомонной Чечне официальную независимость, глядишь, по всему Кавказу свистопляска пойдет... А потом еще вопрос: чем будут люди заниматься в государстве Ичкерия?

Барашков пасти и нефть продавать? Это — безусловно. Но имеются очень большие и крайне болезненные подозрения, что и другими занятиями народ не побрезгует, а именно: вырубит на корню прогрессивную власть, создаст государство патриархального ислама и начнет вести очень недружественные действия, навязывая свою идеологию сопредельным регионам. И создадутся в таком государстве самые могучие террористические центры, и хлынут туда и оттуда — оружие, наркотики и фальшивая валюта высочайшего качества, и начнется — в первую очередь на территории ближайшего соседа — бывшего Старшего брата, такой трам-тарарам, что и татаро-монгольское иго покажется сродни вводу в Казань ограниченного миротворческого контингента, курирующего княжескую междоусобицу...

Предвидел ли это Сталин, знавший Кавказ в сотни раз лучше, чем все его окружение и советники? И потому, не столько за сотрудничество с немецкими нацистами, лукаво обещавшими Чечне независимость, сколько предчувствуя перспективу смуты, рассеял неукротимый народ в чужедальних просторах, с беспредельной жестокостью погубив тысячи и тысячи жизней? И что этим выиграл? Передышку на время.

А сегодняшняя патовая внутривосточная ситуация зародилась в начале девяностых, когда закрутились широкомасштабные чеченские банковские аферы, когда эмиссары Грозного разъехались на Запад и на Восток, зондируя каналы переправки оружия и наркотиков, отмывки черного нала.

Где только не мелькали эти тайные посланники! И в Колумбии, и в США, и в Европе, и в арабском мире... С представителями каких только мафий и секретных служб не встречались, ведя заинтересованные беседы и обкатывая нащупанные контрабандные пути-дорожки!

Не дремала и разведка, чутко отслеживающая передвижения лощенных горцев в иностранных далях. Но донесения резидентов в итоге ложились на правительственные столы тех псевдолибералов, кто впоследствии будет с брезгливым презрением осмеян одураченным ими народом. Но и смех будет запоздало горький, ибо вскоре российского короля на шахматной доске политического игрища загонит в угол черная чеченская пешечка. И — встанет он лоб в лоб к ней в безысходно-тупиковом противостоянии.

Да, пат.

Обо всем этом Пакуро говорил за ужином со встретившими его сотрудниками местного УБОП, один из которых был дагестанцем, а второй — чеченцем. Собственно, не столько говорили, сколько задавались опять-таки безответными вопросами. Однако одно было предельно и обреченно ясно: субъект Российской Федерации Чечня жила по собственным законам, являлась крайне опасной и агрессивной территорией, чья бесспорная самостоятельность определялась хотя бы тем простеньким фактом, что, сунься сейчас майор Пакуро хотя бы и с ротой спецназа на поиски Советника в любую сторону окрестностей города Грозного, то вскоре, не исключено, количество заложников в мятежном непризнанном государстве несколько бы пополнилось...

А там, глядишь, приехал бы в город Грозный Боря Гуменюк, пошел бы на центральный рынок, где вывешены фотографии имеющих в наличии пленников, ткнул бы в необходимую, и уже через пару минут толковал бы с компетентным посредником, обсуждая размеры суммы выкупа за верного друга...

Не просто правдоподобная, а жизненная версия!

От общей темы чеченского сепаратизма перешли к обсуждению ее конкретной частности, касающейся освобождения Советника.

Собеседники, досконально знакомые с местной спецификой похищений людей и технологиями их вызволения, квалифицировали вариант, предложенный Мусой, как авантюру, причем — теоретического свойства, весьма далекую от реалий практики.

Брат-охранник, соглашались они, конечно же, значимая фигура, однако, пади на него подозрение в измене, а оно падет неотвратимо, он превратится в смертельного врага могущественной и кровожадной группировки. Не слишком ли высокая цена за устройство его родственника в столице? Кроме того, каким образом этот самый брат полагает переправить своего подопечного через границу, оторвавшись от неизбежного аврального преследования?

— Что-то тут... не то! — качал в сомнении головой дагестанец.

— А вдруг какая-то акция против тебя за этой легендой таится? — выдвигал предположение чеченец. — А Муса этот — подкидной дурак? Наживка?

Пакуро оставалось лишь пожимать плечами, повторяя неопределенное «Посмотрим...»

Утром из Москвы позвонил Муса. Отрывисто, словно приказывая, произнес:

— Идешь от гостиницы прямо, потом перекресток, за перекрестком — закусочная. Стой у входа. Подойдет брат. Он в кожаной куртке, синем свитере, все зубы — золотые.

— Когда идти?

— Прямо сейчас.

Положив трубку, Пакуро оглядел сидевших в номере сотрудников — московских и местных. Сказал:

— Вроде началось... Встреча у закусочной. Надо идти от гостиницы прямо, а за перекрестком...

— Есть там закусочная, — подтвердил местный опер, вытаскивая из кармана рацию. — Я пошел на рекогносцировку ландшафта, народ сейчас выставит-

ся на позиции, а вы — подтягиваетесь... Кстати, — вытащил из сумки, стоящей в ногах, бронежилет, протянул его Пакуро. — Одень под курточку, неро-вён час...

Окружающие майора люди угрюмо и согласно кивнули, молчаливо подтверждая справедливость такой рекомендации.

Возле закусочной Пакуро прошатался около двух часов, однако никакой золотозубый человек в кожаной куртке к нему не подошел.

Пришлось возвращаться в гостиницу, снимать с себя тяжеленную спецодежку, а затем, в компании коллег, отправляться на обед в кафе.

Из кафе заехали в УБОП, провели короткое совещание с местным начальством и вновь возвратились в гостиницу.

Едва Пакуро открыл дверь номера, раздался телефонный звонок.

— Извини, сорвалось, — раздался в трубке голос Мусы.

— Что сорвалось?! — раздраженно спросил Пакуро. — Чего ты мне мозги морочишь?!

— Ты не кричи, — злым голосом урезонил его Муса. — Все знаю: пошел ты к закусочной, был в куртке-«алюске»; два часа там торчал, потом в гостиницу отправился, а после на джипе в кафе вы поехали... Так?

— Ну... — сбавил обороты Пакуро.

— А потом в УБОП час сидели... Так? Я ведь не ясновидец, правильно? Люди звонили, есть проблема... Салман — шеф моего брата, «хвост» за ним направили, чего-то унюхал... Такое вот дело. А ты — горячишься...

— И что теперь?

— Жди завтра моего звонка. От девяти до десяти часов утра.

— Ладно...

На следующий день история в точности повторилась. Встреча, правда, была назначена в холмистой местности, у городской смрадной помойки, но, как и в прошлый раз, Пакуро, одуревший от воздуха, густо напоенного специфическими ароматами, вернулся ни с чем.

Вечером вновь позвонил Муса, сообщив, что происки Салмана — реально, как подтвердили Пакуро в УБОП, существующего полевого командира, — увы, продолжаются, и randevу придется перенести на неделю.

Праздно околачиваться неделю во Владикавказе майор себе позволить не мог. Сказал Мусе:

— Дашь брату номер телефона. С ним встретятся мои местные друзья. Гарантии по его безопасности — железные. К тому же никакой разницы, кто именно с ним встретится, нет.

— Но... — протянул Муса, однако Пакуро безапелляционно отрезал:

— До встречи. — И положил трубку.

Улетал он, впрочем, не с пустыми руками и — весьма обескураженный. Кавказские коллеги из УБОП и ФСБ предоставили ему некоторые материалы, касающиеся личности Мусы.

Во время войны тот, оказывается, вовсе не отсиживался в овощехранилище, а пребывал в должности коменданта села, переходящего то и дело из рук повстанцев под попечение федеральных войск.

Сообразно присутствию того или иного вооруженного контингента, Муса прилежно вывешивал то зеленый флаг свободной Ичкерии, то — масонороссийский триколор.

Внезапно обретенной властью Муса упивался, как водозаборный насос.

Вершил суд, вынося суровейшие вердикты.

Когда же постановлением революционного руководства села было решено казнить за кражу барана одного из пришлых городских жителей, он, взяв на себя роль главнокомандующего расстрелом, отправился вместе с двумя соратниками на окраину села, конвоируя приговоренного к высшей мере социальной защиты баранокрада.

По дороге члены зондер-команды переругались то ли из-за бытовых пустяков, то ли из-за вопроса, кто и в чем главное, однако так или иначе словесная перепалка перешла в перепалку огнестрельную, благодаря чему комендант села, а ныне — соискатель звания студента-юриста, получил пулю в ногу, ставшую причиной последующей хромоты.

Смертник-баранокрад, воспользовавшись вспыхнувшим среди палачей конфликтом, сумел бежать, выставив всю троицу на посмешище.

После излечения Муса вновь вернулся в село, однако должность коменданта в связи с окончанием войны была упразднена, подходящего занятия он для себя не нашел и — подался в Грозный, откуда не выясненными до конца путями попал в Пакистан, пройдя обучение в диверсионно-разведывательной школе.

«Вот откуда у него профессионализм формулировок, столь нас с Борей настороживший...» — подумал Пакуро, одновременно отдавая должное контрразведчикам и их доблестной агентуре, чья ценность сейчас, на территории горной вольницы, куда чужакам заказан любой доступ, была воистину неоценимой, как, впрочем, и риск тайной работы.

Брат же Мусы, как следовало из справки, действительно был бандитом, но, судя по сведениям из надежного источника, погиб в самом начале войны.

Информация — это оружие. И теперь, вооруженный, Пакуро, возвращаясь в Москву, с невольной мстительностью сознавал, что условия навязанной

ему Мусой игры — пускай еще неясной по сути, тем не менее непоправимо поменялись. Причем — не в пользу инициатора. Точнее, «инициативника». Чья нынешняя характеристика уже предполагала определение «provokator». Действующий, очень возможно, по наущению спецслужбы. И вот же — смех! — чеченской спецслужбы, формально должной подчиняться Лубянке, а в действительности — глубоко ей враждебной... Да, казус, поскольку занимайся этот Муса в Москве хоть шпионажем, хоть провокациями, перед законом он чист... Ибо юридически дело можно квалифицировать как внутренние интриги отечественных секретных ведомств...

Клоунада!

Беседы на высшем уровне

— Слушай, мой дорогой, проблема с нашим лопухнувшимся Советничком усугубляется...

— Это — да... У тебя никаких результатов?

— Ищем концы, нажимаем...

— Мы тоже, причем вовсю.

— Да, но тут банкиры и прочие деловые кавказские друзья в Администрацию накапали, плачутся, что, мол, идет откровенный шантаж... Главный, кстати, насупился...

— Знаю. Шантаж! А кого эти банкиры и деловые кормят, а?! И сколько оружия, на их денежки у арабов купленного, туда ушло?! Жалобщики! А всякие миссии... «Врачи без границ...» Шпионы без границ!

— А что предлагаешь? Воздушное пространство перекрыть?

— Ладно... Что у тебя с Дагестанцем?

— В Москве сейчас. Дал ему машину, охрану... Обещает.

— И всего-то?

— Ну ты же знаешь, кто в горах парадом командует... Несколько конкретных лиц. И решение принимают только они. Поэтому у Дагестанца естественные сложности. Но переговоры ведет...

— Пока ведет, они заложнику голову оттяпают... Как англичанам этим и новозеландцу...

— Ну, там другая ситуация была. Не тот уровень, не те перспективы.

— То есть?

— Они же под прикрытием одной из группировок там околачивались. А другая группировка возьми да утяни их к себе. Тогда первая банда крадет вожака второй и заявляет: вернем в обмен на наших подопечных. А те в ответ: оставьте себе этого слабака. Ну, первые в экстазе беспомощного гнева слабаку голову отвернули, а вторые, погорячившись, ответили тем же. Только в массовом порядке.

— А тут, думаешь, какие-либо всплески эмоций исключены? Я, например, так не считаю. От этой публики можно ожидать всего. И, полагаю, если протянем еще неделю, добром дело не кончится.

— В смысле?

— Последуют выводы.

— Имеешь в виду...

— Да, нас с тобой. Советую: поговори с Дагестанцем сегодня же и жестко. В Москве ему делать нечего, хватит ему под мигалками по кабакам раскатывать, тщеславие тешить! Пусть к себе летит и на месте займется делом. Не займется — устроим ему небо в овчинку. У меня на него столько всего, что и ему в пору в горные дали линять, банду сколачивать, за независимость ратовать... От генеральной прокуратуры.

— У меня на него не меньше.

— Значит, решили.

АКИМОВ

Установив места проживания грабителей грузовиков, капитан Акимов через путанные связи в московском криминальном мире, хитросплетения различного рода интересов и нужд попытался установить контакт с одним из бандитов, однако, когда подступ к необходимому знакомству был нащупан, пришла обескураживающая весть: разбойника по подозрению в грабеже и в вымогательстве взял с поличным Центральный РУБОП.

Ситуация была отнюдь не выдающейся, а, напротив, достаточно рядовой и банальной, хотя немало Акимова раздосадовала, поскольку приходилось на корню менять уже выработанную тактику будущих действий.

Выяснить, кто именно отличился в данной операции, труда у Акимова не составило, и вскоре вместе с Борисом Гуменюком, в мрачноватых стенах следственного изолятора, он получил возможность побеседовать по душам с арестованным.

Беседа, отмеченная взаимной заинтересованностью сторон, проходила плодотворно: за обещанные послабления чеченец выразил готовность вывести капитана на некоего Ахмеда — по его словам, молодого, но весьма расторопного и хваткого парня, являвшегося бригадиром криминального сообщества, в чей личный состав задержанная группа входила на правах второстепенной рабочей «пятерки». Как понял Акимов, речь шла о тщательно законспирированной банде, в основном состоящей из кавказцев, с четко обозначенным для каждого члена уровнем информативности и связей.

Не оканчивая школ спецслужб и милиции, современные гангстеры, тем не менее, вдумчиво и творчески перерабатывая информацию о методах опе-

ративной работы, а также, анализируя негативный и позитивный опыты своих коллег, с каждым днем проявляли в своих злодействах все более ухищренный профессионализм, и феномен перехода криминального количества в качество вырисовывался с удручающей наглядностью.

Законы времени постперестроечных дилетантов со всей очевидностью не властвовали, пожалуй, лишь в двух сферах общественного бытия: организованной преступности и системе ее сдерживания.

Увы, сдерживалась и система, подобно пружине с жестко фиксированным ходом. Пружине, работающей по горизонтали...

И именно в этом горизонтальном направлении, как сознавал Акимов, его товарищи — Пакуро и Гуменюк ныне искали нити, ведущие к решению проблемы с вызволением пресловутого Советника. Впрочем, не только они, но и десятки иных офицеров спецслужб.

Каждодневно велась определенного рода работа по контактам и с респектабельными деловыми кавказцами, весьма заинтересованными в своей спокойной жизни в столице, и с некоторыми влиятельными лицами, проживающими за рубежом, и с политиками, широко известными в жизни общественной, но мало кому знакомыми в части их категорически тайных устремлений, амбиций и финансовых махинаций.

Прощаясь с Акимовым, Борис сказал:

— В общем, наши оперативные интересы ты уяснил, так что прокачивай бандюг с учетом этих интересов, ага? Может, Ахмед или кто-то из его подручных народ силком в Чечню таскает?.. А потом, знаешь, я для себя аксиому вывел: те «чехи», что у нас, в Москве, прямо или косвенно, а с засевшими в горах абреками — связаны. Ведь на кого заложников меняем? На кавказских сидельцев. Генеральная схема.

— Это — да, — согласно наклонил лобастую, коротко стриженную голову Акимов. — Но с Советником по-другому будет, помяни мое слово...

— А как?

— А так, что заплатят... Ставка в финансах слишком высокая, чтобы на нее урок разменивать. Другой вариант, правда, тоже есть: заплатят политическими интересами. Но это — те же деньги.

— Тогда — чего ради напрягаться?

— Как это? Подметим под это дело мрази на целый мусорный грузовик, информации получим — море, а она — задел... Да и вообще — вдруг чего чудом прострелит?

— Во, такую точку зрения я разделяю, — согласился трудолюбивый Боря.

Контакт с Ахмедом состоялся на уровне средних звеньев — один из сотрудников РУБОП, лейтенант Васин, был представлен Ахмеду как представитель славянской группировки, орудующей в Южном округе столицы и ищущей выходы на стабильных поставщиков оружия.

Разговор поначалу шел уклончивый, термины собеседники обоюдно выбирали обтекаемые, но суть беседы была достаточно прозрачна: «славянам» требовалось вооружение для совершения разбоев, и именно разбой, как было преподнесено Ахмеду, является основной специализацией банды.

В итоге же разговора, отбросив дипломатические пассажи, Васин сформулировал заказ: необходимы пять «Стечкиных». И доверительно добавил:

— Я, конечно, понимаю — ты меня не знаешь, наши дела и расклады — это исключительно наши дела и расклады, но ведь и я тебя за язык не тяну. Что нам надо — ты усек, поговори со своей братвой, обсуди тему... Ну, а кроме железа есть еще и другой момент: был у нас

тут один терпила, коммерсант. Ну, отстегивал, никаких проблем... И вдруг к ментам переметнулся. Ну, мы напролом не полезли, решили выждать. И — точняк! То ли он ментов кинул, то ли они его за жадность куда подальше послали, а только все снова-здорово пошло... Опять у него какие-то непонятки, опять с кем-то он схлестнулся по своим расчетам гнилым, и, короче, снова на нас выходит: мол, выручайте...

— И чего? — заинтересованно сощурился Ахмед.

— Ну как — чего? — хмыкнул собеседник. — Принимайте клиента... Подныривайте к нему со стороны... И — по схеме... Пусть ищет пятый уголок... Или вы не по этой части?

— Лохов, думаешь, не «разводить» не умеем?.. — Ахмед покровительственно усмехнулся. — У нас их знаешь сколько?

— А, вот так?.. — покладисто и уважительно кивнул лейтенант. — Ну тогда чего объяснять? На него чуть нажмешь — на все подпишется... А подпишется — за слова ответит! Короче... Мы вам все детали объясняем, вы наезжаете, он к нам в соплях приползает, а дальше — «стрелка», и лох проплачивает в два конца... Кстати! — Многозначительно поджав губы, лейтенант выдержал паузу. — Мы же таким макаром десятками этих кроликов сладеньких раздирать можем. Вы за одно ухо, мы — за другое. На контрастах работа, понял? Вы масти пиковой, мы — червонной, а дурак подкидной — он же общий...

Ахмед понятливо загоготал. Формулировки коллеги явно пришлись ему по душе.

— Ну, тема? — довольным голосом произнес лейтенант, выставляя вперед ладонь.

— Будем работать! — Ахмед коротко пожал его кисть. Рука у чеченца была сухой и цепкой. Да и веяло от него, несмотря на худощавое телосложение, недюжинной уверенной силой.

Простились тепло.

Из прощальных намеков кавказца явствовало, что предложенное мероприятие новизной в его глазах не отличается, и ремесло вымогателя известно ему досконально. Таким образом сам собой напрашивался вывод: друзья Ахмеда рэкетом не брезговали, занимались им давно и активно, и теперь предстояло выяснить круг их «клиентуры». Хотя, благодаря логике разработанной комбинации, пути выхода на подопечных коммерсантов кавказцы должны были указать своим славянским коллегам сами. Однако первый шаг к укреплению «бандитского» сотрудничества поневоле предстояло сделать Акимову. Естественно, согласовав подобный шаг во всех начальственных инстанциях. И — продуманно его обставив, ибо безоглядочное доверие друг другу в криминальной среде — категория достаточно редкая. Надеяться на то, что Ахмед со своими дружками с места в карьер начнет раскрывать перед «коллегой» все аспекты своей многогранной, чувствовалось, деятельности, не приходилось. Как говаривал незабвенный капитан Сильвер: «Джентльмены удачи редко доверяют друг другу. И правильно делают...»

На повторной встрече с Ахмедом лейтенант вел уже предметный и детальный разговор, касающийся не только персоны конкретного коммерсанта, но и технологии вымогательства. Знаний данной технологии офицеру было не занимать, и бандит лишь упрямо соглашался с весьма грамотными предложениями будущего партнера. Партнер же исподволь проводил главную линию в своем монологе: никакого физического насилия! Грамотный запугивающий разговор, психологическое давление, атмосфера нешуточной угрозы... Но — и не более того. В конце концов, после выплаты первых оброков, отношения, как показывает практика, перейдут в иную стадию — некоей,

как будет представляться коммерсанту, доверительности... Ведь главное — подвести подопечного ненароком к той иллюзорной самоуспокоительной мысли, что вовсе и не грабят его бессовестно и нагло бандиты, а всего лишь охраняют от бандитов других — куда более жестоких, непредсказуемых и беспредельных...

По хмурой реакции Ахмеда чувствовалось, что предложенная мягкость мер его команде несвойственна и особенно деликатничать с коммерсантами ему не приходилось. Чувствовалось и другое: этот парень с легкостью пойдет не просто на насилие, но и на убийство, причем — самое изощренное. Нутром чувствовал лейтенант эту суть собеседника — суть того, кто утверждает себя через чужое страдание и кровь, испытывая при этом едва ли не наслаждение и более того — видя в подобном смысл всей своей жизни.

Скулы цепенели от ненависти к мрази, рассуждавшей, что эффективнее всего в беседе с жертвами — выбитые рукоятью пистолета зубы, ледяные ванны и электронагревательные приборы. Но приходилось, снисходительно посмеиваясь, с доводами собеседника если не соглашаться, то одобрительно им внимать и дружески похлопывать бандита по плечам, уверяя его в безусловной перспективности совместных грядущих дел.

«Терпила-коммерсант» — бывший сотрудник милиции, приятель Акимова, необходимость установления делового контакта между группировками понял без излишних объяснений, и роль свою перед скрытыми камерами сыграл точно, и было в той роли замешательство и страх, и робкая попытка противоречить, окончившаяся, по его последующему возмущенному признанию, «надеванием факса на уши» — не утерпел все-таки Ахмед, дал волю рукам... Однако так или иначе, согласие выплачивать мзду было по-

лучено, после чего состоялась «стрелка» кавказцев со «славянами», представлявшая собой для коммерсанта целый спектакль, и, увы, итогом спектакля стала увесистая пачка казенных долларов, исчезнувшая в кармане Ахмеда...

Данный эпизод в доказательную базу действий вымогателей щепетильный Акимов помещать не хотел.

Эпизод являл для него, во-первых, проверку дееспособности и профессионализма бандитов, а во-вторых — тот фундамент, оттолкнувшись от которого, можно было переместиться в круг повседневных интересов банды, а значит, и в круг ее лидеров.

Таким образом начала завязываться некоторая криминально-деловая суэта, касающаяся в основном рыночного устройства похищенного с грузовиков товара и поиска подходящих объектов для вымогательств.

Общение между группировками по-прежнему велось на уровне средних звеньев, но встреча лидеров теперь была неизбежна, и вскоре Ахмед поведал лейтенанту Васину, что является руководителем всего лишь отдельной боевой когорты, а когорт таких существует много, и руководит ими некий Аслан — человек молодой, но весьма авторитетный и мудрый. И желает Аслан встретиться с лидером «славян».

В качестве лидера решено было отправить на встречу капитана Акимова.

Первый контакт руководства бандитского интернационала происходил в обстановке весьма и весьма обыденной: встретились на холодной январской улице, побрели по тротуару, зябко кутаясь в дубленки, неторопливо и степенно беседуя об укреплении начавшегося содружества, обсуждая круг взаимных интересов и забот.

Аслан оказался бандитом всеядным, его привлекало буквально все: и разбойные нападения на офисы,

обменные пункты и отдельных граждан; и похищение коммерческих грузов на дорогах, и рэкет, и продажа оружия, и получение денег за похищенных на Кавказе военнослужащих...

Акимов слушал босса кавказцев внимательно, с каждой минутой разговора постигая, что тот далек от праздного хвастовства в описании общих аспектов своей деятельности. Но — именно что общих. Ума и осторожности Аслану было не занимать, каждое слово он тщательно взвешивал, в детали не вдавался, и капитан не без досады сознавал, что магнитная запись разговора едва ли будет большим подспорьем в анализе уже совершенных группировкой преступлений и выходов на точные адресаты. Подробности Аслан умышленно опускал и излишней откровенностью в описании своих подвигов не грешил.

Вывод, впрочем, из сказанного им был ясен: с задержанием бандитов спешить не следовало. Хотя бы потому, что даже в результате этого общего разговора на улице стало ясно: банда имеет разветвленные связи и по горизонтали, и по вертикали, собственные каналы поставки оружия из горячих точек и весьма стабильную базу за горными хребтами...

Однако кое-какая конкретная информация в разговоре все-таки промелькнула. И касалась информация недавнего нападения на пункт сбора денег на одном из оптовых рынков Москвы.

— «Московский комсомолец» в среду читал? — небрежно спросил Аслан.

— Чистая работа, — одобрительно подтвердил Акимов.

— Нормально все сделали, — сдержанно кивнул кавказец.

— Ну так не надо останавливаться на достигнутом, — со смешком произнес капитан.

— А кто собирается?..

— Вот и я о том же... — Акимов посерьезнел. Предложил сухо: — Ты, конечно, Аслан, парень бравый, и ребята у тебя лихие, но вот что скажу: Москва — город наш... В том смысле, что каждый булыжник нам тут знаком, как и тебе твое место рождения... Ну, понимаешь, в общем...

— Москвы всем хватит, — обронил сквозь зубы Аслан. — И мы сюда приехали, чтобы, не обижайся, брат, иметь эту столицу нашей родины так, как только захочется... И — имеем! — продолжил с вызовом.

— А никто и не запрещает! — подтвердил Акимов жизнерадостно. — Но только о другом я... Куда лучше дела вместе месить. Пусть и впополаме. У вас свои сильные стороны, у нас — свои... Дружить не вредно, точно ведь я говорю? Может, когда мы вас толково подстрахуем, а когда и вы нас...

— Ну, а кто против?.. — после некоторого раздумья произнес Аслан. — Пора серьезными делами заняться. Хватит с дерьма пенку снимать. Есть тут на примете одна точка... Офис фирмы. Бабок налом через него идет тьма. Пойдешь на дело? — Он испытующе уставился на собеседника.

— Что за офис? — деловито осведомился Акимов. — В смысле, где расположен? Место не стремное?

— Офис как офис... — Аслан поднял воротник пальто, потер им покрасневшие от мороза уши. — В полуподвале, на Садовом кольце.

— Но надо же знать, когда там хороший нал уместится... Чтоб не в холостую...

— Точно. — Аслан зябко передернул плечами. — Гнилая у вас в Москве зима... — Вдохнул удрученно. — Ну пошли, в тачке договорим...

Усевшись на теплые велюровые кресла в салоне мощного «форда», партнеры повели дальнейший разговор.

— Дело лучше обстригать днем, — продолжил Аслан. — Есть у нас классная девка, она туда с бу-
мажками сунется... ну, типа за справкой, и — снимет
охрану. Стреляет она клево, рука твердая... А потом
залетают наши ребята. Пиф-паф, всех валим, берем
сейф, выносим его, уместаем в багажник и — привет!

— Погоди-погоди! — Акимов покачал головой. —
Нал-то какой? «Черный», ведь так?

— Конечно...

— Ну и дивно! Так ты сам посуди: кто будет об
ограблении заявлять? Не усекаешь? Тогда зачем
этот «пиф-паф» в принципе нужен? Войдем ран-
ним утречком под видом участкового инспектора
с помощником, приглушим интеллигентно охрану,
заберем сейф, и на хрена порох ребятам нюхать в
замкнутом, тем более, помещении? Вредно же для
здоровья...

— А вообще — да... — Аслан с уважением посмо-
трел на собеседника.

— Вот и да, — кивнул Акимов. — Мокруха как ни
верти — мокруха. И тут уж каков бы нал не был, а
заява автоматом последует...

— Давай на субботу забиваться, — сказал Аслан. —
Бабки к выходным точно поднакопятся, день нерабо-
чий, всего два охранника в конторе...

— Погоди... В субботу же мы с твоими ребятами
коммерсов потрошим...

— Да подождут эти коммерсы... Ты вот чего...
«Стечкиных» просил?

— Ну.

— Вот и «ну». Паровоз вчера прибыл.

— То есть?

— Из Чечни...

— Прямо из Чечни?!

— Да мы чего, дураки? С пересадкой двигаемся,
кто же буром с товаром в столицу прет? В общем,

у меня твой заказ. Пять волын, как просил. На каждой — муха не сидела! По две штуки зеленых. Можешь получить хоть сегодня. Бабки имеются?

— Обижаешь... — Акимов рассеянно смотрел на укрепленный в углу лобового стекла пропуск московской мэрии, отчужденно постигая, что пропуск настоящий, не липа...

Мысли капитана метались: так, значит, оружие возят по железной дороге. Курьер сходит с поезда наверняка в соседней с Подмосковьем области, дальше добирается до столицы электричками. Ход простенький, но эффективный. Теперь — о пистолетах. Являют собой пистолеты своего рода хорошие кирпичи в фундамент столь трудно выстраиваемой доказательной базы. Только как эти пистолетики четко привязать к Аслану и к его подручным?..

— Значит, брат, так, — Аслан сладко потянулся, сцепив руки на затылке. — Пора бы нам отметить первые дела и вообще знакомство, как полагаешь?

— Без вопросов!

— Вечером по паре капель... как? Но с тебя — подарок, понял? Люблю блондинок. Имеются?

— Во сколько встречаемся? — откликнулся Акимов весело.

— В семь часов. С Ахмедом договоришься, он тебя довезет... Но ты и себе телку возьми, понял? Я группухи не люблю...

— Понял, ты — не сачок...

Расстались тепло.

Проведя профилактические проверочные мероприятия и убедившись, что «хвоста» за ним не пустили, капитан вновь тяжело задумался.

Помимо десятка горячих рабочих дел, которые еще надлежало выполнить по службе, предстояло еще срочно связаться с технарями, дабы те выделили изотоп,

которым будут помечены пистолеты; одновременно следовало начинать вычисление расположения офиса, ибо хитроумный Аслан до самого последнего момента не укажет искомый адрес, а кроме того, волей-неволей приходилось задуматься, где отыскать эту самую блондинку, черт бы ее побрал... Впрочем, определенного типа блондинок в Москве развелось достаточно, и с этой проблемой тот же самый Васин ему подсобит. Теперь — насчет второй подруги. Придется выполнить и это пожелание кавказского друга, благо, кандидатура подходящая имеется: старший лейтенант Катя Макеева, думается, с предназначенной ролью справится. Хотя восторга и благодарности по поводу предложенной роли от нее наверняка не дождешься. Но, так или иначе, но на контакт, причем неформальный, Аслан пошел, а там — война планы покажет...

И вот уже в который раз убедился Акимов, насколько непредсказуемым образом способны развиваться события на его профессиональном поприще!

Съемная квартира, куда его, лейтенанта Васина и прелестных дам привез Ахмед, изысканностью обстановки не отличалась, представляя собой несколько запущенное конспиративное логово со следами регулярных гулянок, но, главное, комнат было несколько, и задача остаться наедине с оружием, дабы его поместить, заложив изотоп под «щечки» рукояток, теоретически виделась выполнимой.

Однако — только теоретически. Аслан комнату покидать не желал, стол, заставленный водкой и расхожей ресторанной закуской, стоял в невыгодной близости от сумки со «Стечкиными», и к тому же рядом с шефом неотлучно крутился верткий и остроглазый Ахмед.

Тут-то судьба преподнесла Акимову непредвиденный сюрприз: несмотря на свои заявленные симпа-

тии к блондинкам, Аслан предложенную ему путану отверг и отчего-то возжелал шатенку Катю, найдя в ней какие-то одному ему ведомые скрытые достоинства. Более того — с места в карьер предпринял в отношении ее персоны действия недвусмысленно-конкретные.

Активные убеждения Васи́на в пользу профессионалки-блондинки до него упорно не доходили. Природа в данном случае решительно одержала верх над принципами. Блондинку же Аслан даровал верному Ахмеду, тотчас уединившемуся с ней в соседней комнате.

Напряжение росло. Катя, под блузкой которой, кстати, был укреплен оперативный микрофончик, старательно от настырного кавалера отбивалась, но ее «давай чуть-чуть попозже» ни малейшей радостной перспективы в плане охлаждения определенных мужских желаний не сулило.

Улучив момент, Васин, скрипнув зубами, шепнул Акимову на ухо:

— Чего делать будем? Вырубать этого черта?

И вдруг — новая неожиданность: Катя, внезапно вспыхнув трудно объяснимой страстью к Аслану, взяла его за руку, при этом недвусмысленно указав Акимову и Васину на дверь.

Они прошли на кухню.

— Ничего не понимаю... — озадаченно прошептал лейтенант, оглянувшись на дверь соседней комнаты, за которой слышались томные вздохи блондинки и сладострастное рычание Ахмеда.

— Тут что-то не... — произнес Акимов, но завершить фразу не успел: из комнаты буквально вылетел, злобно матерясь, белый от злобы Аслан, стягивая с себя рубашку со следами рвоты.

— С-сучка ужратая... — прошипел, скрываясь в ванной.

Акимов жестом приказал лейтенанту: следи за дверьми...

Вошел в комнату.

— Отвертку, быстро... — встретил его спокойный голос Кати.

— Да, сейчас...

— Он в ванной?

— Да.

— Быстрее... — Она кивнула на сумку с оружием. — Метъ стволы...

— А... как ты? — растерянно прошептал он.

— Хлебнула соду с маслом... Сообщила.

— Да, улетучился у парня запал... — Акимов лихорадочно откручивал крепежные винты «щечек». — Недаром, Катенька, у тебя диплом психолога... Курсовые работы по сексопатологии, небось, на «отлично» защищала?

— Шевелись, Акимов, острить позже будем, времени нет...

— Уже вовсю кончаю, не дави на мозг.

Когда Аслан вошел в комнату, то застал трогательную сцену: партнер напрасно, хотя и упорно пытался привести в чувство незадачливую шатенку, пьяно валившуюся на продавленный диван...

Вечеринка окончилась препровождением якобы неадекватно воспринимающей действительность Екатерины в салон подъехавшей машины и — расчетом за оружие.

Однако брать с собой «Стечкины» Акимов отказался, заявив: ночь, вдруг остановят, нам же через весь город тащиться... Будет лучше, если оружие подвезут люди Аслана прямо к офису. Чего впустую сталь с места на место передвигать? Или мы — переносчики тяжестей?

С такими аргументами было трудно не согласиться.

Весьма раздосадованный случившимся срывом с вожденной шатенкой, Аслан холодно процедил в сторону Акимова:

— Завтра с утра давай вопрос обсуждать, куда твоих людей ставить, куда моих...

— Имеешь в виду разгон с офисом? — уточнил капитан. — Лады... Мне главное — знать, где там ментовка и каков из себя дом — жилой или контора на конторе, деловой курятник?..

— Дом жилой, — устало вздохнул Аслан.

И — назвал адрес.

Командировка на курорт

Первым в Сочи приехал «авторитет» Андрей — один и без оружия. Осмотреть, так сказать, диспозиции места будущей боевой славы.

Армен встретил его на вокзале.

Усевшись в потрепанное «вольво», покатали в пригороды. По дороге провожатый пояснял, что является беженцем из Абхазии и здесь, на не потревоженной войной российской территории, выстроил себе скромный домик, где обретается со своим морально и материально пострадавшим от вынужденной перемены жительства семейством.

Машина притормозила у глухих железных ворот, густо выкрашенных голубенькой масляной краской, и вскоре, под яростный рев цепного кавказца, будущие партнеры прошли просторным чистеньким двором в обителище беженца, представляющее из себя трехэтажную каменную виллу, украшенную на фасаде коваными, ручной работы решетками балконов.

— Скромно я живу, скромно, — сетовал Армен, располагаясь на кожаном диване в гостиной, обставленной гарнитуром из карельской березы. — Вот

видел бы ты, дорогой, какой у меня дом в Гудауте был...

Далее в помещение шагнули двое соотечественников Армена с неприветливыми физиономиями, несмотря буркнули себе под нос слова приветствия. После пришедшие сгорбясь уселись на диван, сцепив короткопалые пальцы в замки — знак отчуждения и обороны.

— Вот мои друзья, хотят спросить, с чем приехал, где остальные ребята, — перевел их сумрачное молчание Армен.

— Ну, прежде чем делегацией сюда ломиться, — небрежным и веским тоном начал Андрей, — решили мы оглядеться, не стремно ли в ваших окрестностях и вообще...

— И што вашэ? — внезапно проронил один из соратничков хозяина дома.

— Вообще — познакомиться, — пояснил гость.

— Поживешь у меня — познакомишься, — напряженным голосом произнес Армен.

— Не, зачем у тебя? — Андрей отрицательно покачал головой. — Кому такое светилово надо? Поживу в гостинице, хотя за приглашение — спасибо.

— А други твой когда приедут? — внезапно произнес второй тип.

— Значит, так, — вдумчиво поведал Андрей. — Мы как договаривались? Привозим лавэ на всю партию железа, иначе дела не будет. Так? — Кивнул в сторону Армена.

— Ну, — осторожно подтвердил тот.

— А это — четверть лимона зелени, — продолжил Андрей. — Деньги, — покривился, — в общем-то, не очень и большие... — Тут он заметил, что после данной ремарки южные люди посмотрели на него с явной толикой молчаливого уважения. — Но все же — бабки! — сделал неоспоримый вывод. — И в дровах

их редко находят. Хотя — бывает. Так вот. Коли мы решили работать вместе, то надо убедиться в надежности друг друга. А как? А очень просто! — Полез в карман, тряхнул пачкой денег, отпущенных на оперативные расходы. — Мне надо три «калаша» с подствольниками. Плачу — сейчас. И пусть железо едет в Москву-красавицу. Вот и проверим, как у вас обстоит дело с перевозом.

— Платы! — кратко отозвался один из типов, неотрывно глядя на заветную пачку.

— Легко, — сказал состоятельный гость. — Только сначала покажи стволы.

— Стволы завтра будут, — сказал Армен.

— Ну тогда и расчет завтра... — Андрей сладко потянулся, — А сегодня — гуляем... Я хоть сюда и в командировку прибыл, так сказать, но все же и на курорт, чего не оттянуться? Кабаки-то приличные в городе есть?

Потертые люди уставились на него довольно-таки доброжелательно.

— Если ест дэнги, па-ачему нет кабак?

— Ну вот, слышу золотые слова, а не шарманку, — подытожил Андрей. — Кончаем тереть, едем в гостиницу. Душик, полотенчику и — за стол!

По дороге в гостиницу он судорожно подсчитывал, каким образом распределить выданную в РУБОП сумму денег — чтобы хватило и на контрольную закупку оружия, и — на проживание. Проживать — сообразно его нынешнему образу — означало жизнь прожигать. И скромненькое бытие командировочного милиционера, способного в качестве обеда удовлетвориться парой пирожков с пепси-колой, ему в данной ситуации категорически не подходило. Бандитская удаль диктовала посещение ресторанов, летящие в оркестр купюры и засовываемые в трусики стриптизерш поощрительные доллары.

Помимо финансовых вычислений он был озабочен действиями уже прилетевшей в город группы поддержки, должной очень грамотно, не засветившись, отследить как его передвижения, так и суметь поселить в соседнем от его двухкомнатного «люкса» номере связника.

Кроме того, «люкс» нуждался в оборудовании специальной техникой, фиксирующей телефонные разговоры и производящей надлежащую съемку.

Внедряться в банды Андрею доводилось многократно, и главный принцип в таком мероприятии — никогда не рассчитывать на обязательную помощь извне. В первую очередь потому, что непроизвольно начинает сиять вокруг разведчика ореол настораживающей самоуверенности, способной быть ложно, а вернее, очень даже четко понятой наблюдательными бандитами, звериным своим чутьем распознающими своих кровных врагов, в чье число он без сомнения входил.

Существовала и небольшая побочная проблемка: в ресторане ему предстояло выпить. А на алкоголь у него существовала стойкая и агрессивная аллергия. Терпеть не мог он алкоголя, такое уж было дано Богом счастье. В данном случае — способное быть истолкованным совершенно не в его пользу.

Уселись за стол.

Пригубив бокал за знакомство, он отставил его сторону, тут же пояснив подозрительно уставившимся на него сотрапезникам:

— Верите, кореша, у меня валет, как говорится, в кармане... Дурь: ну, не могу ничего, кроме виски... Сразу изжога начинается. Попроси халдея, — небрежно обратился к Армену, — пусть притаранит пузырек «Глен Фиддитч»... — И Андрей невозмутимо стряхнул пепел с сигареты во влажную пепельницу, не без удовольствия подумав, что данный сорт шотландского виски едва ли предусмотрен провинциальным ресто-

ранным ассортиментом, а значит, так и не начавшемуся алкогольному испытанию пришел естественный конец.

В произнесении названия желаемого напитка Армен испытал вполне понятную сложность, и попросить официанта принести искомый алкоголь пришлось гостю.

Официант, учтиво кивнув, попросил обождать минутку и, вернувшись по истечении оной, сообщил, что «Глен» в городе имеется только в одном ресторане — в «Астре».

— Едем! — вставая из-за стола, решительно произнес Армен.

— Куда?

— Нэдалеко, — пояснил его собрат. — Дэсять минут, дорога в гора...

Поехали «в гора».

«Глен» по местным расценкам стоил около ста долларов. Изнывая в душе, Андрей бросил надменным жестом официанту ворох российских ущербных купюр — сдачи не надо!

Вот же — попал!

Бутылку, из которой он с трудом влил в организм сто грамм, по окончании вечера все-таки взял с собой в номер, обосновав свою меркантильность якобы выработанной традицией промочить горло перед сном. Оставлять дорогостоящий напиток на столе в пользу ресторанного жульнического бара и в самом деле было жаль, а к тому же скоро из Москвы должны были прилететь сослуживцы, которые, в чем он не сомневался, отметить свое прибытие казенным «Гленом» определенно бы не погнушались.

Вечер провели в солидных, на полушепоте разговорах, обоюдно уверяющих стороны в серьезности намерений, чистоте помыслов и надежности дальнейших бандитских отношений.

Уже ночью, бредя гостиничным коридором к своему номеру, Андрей заметил открывающего соседнюю дверь мужчину — начальника десятого отдела Виталия Николаевича.

Вот кого было решено начальством послать на роль связника — опытнейшего, стреляного и битого муровского опера. Решение точное: при проведении операции нужен был не просто «почтовый ящик», а и координатор совместных действий с группами поддержки, одной из которых являлась «Альфа» ФСБ.

Лучшей кандидатуры, способной мгновенно выработать тот или иной оперативный вариант действий, Андрей не мог себе и представить.

Через пятнадцать минут он выбрался на широкий балкон, опоясывающий здание гостиницы и, буквально упершись лоб в лоб, офицеры обсудили дальнейшие планы, способные развиваться по направлениям самым что ни на есть непредсказуемым...

На следующий день, подтверждая слово делом, Армен предъявил перспективному партнеру заказанные стволы.

После Андрей проинструктировал перевозчика — молоденького, худощавого паренька с настороженными, злыми глазами:

— Выйдешь из поезда, к тебе подойдет женщина. Назовется Ларисой. Канай за ней. Накормим, спать положим, по Москве погуляешь...

— Чего я там не видел?! — отозвался юный контрабандист неприветливо.

— О, многого! — пообещали ему.

Мальчишку Андрей проводил на вокзал лично. То бишь — в компании Армена. Кроме того, в общей толпе за курьером следовали, ничем не выделяясь в массе законо- и не очень послушных граждан, сотрудники из группы поддержки, отследившие технологию

перевозки автоматов: мальчишка сразу же сдал свой криминальный баул великолепно, чувствуется, известной ему проводнице, та упрятала нежными женскими ручками суровый и тяжелый груз в своем купе, а сам юный контрабандист, жуя жвачку, завалился на плацкартную полку, развернув книжонку с переводными американскими комиксами, полностью отвечающими своим содержанием его интересам и вообще интеллекту.

Пройдя в машину, Андрей незамедлительно передал оговоренную сумму Армену.

Мальчишку теперь требовалось аккуратно провести по городу, поселив на одной из конспиративных квартир.

Следовало также учитывать, что за курьером вполне мог следовать пущенный друзьями Армена проверочный «хвост», который предстояло усмотреть и переиграть.

Как намекнул Армен, в Москве у них существовала некая перевалочная база, однако и естественно — ни в какие намеки относительно ее расположения он вдаваться не стал. Излишнего интереса не проявил и Андрей: ухваченная криминальная нить была еще слишком тонкой и ветхой, и непоправимо оборвать ее могло не только любое неосторожное слово, но даже интонация и взгляд...

Мысленно он посетовал на то, что важнейшую из дисциплин — актерское мастерство выпускники школ милиции и спецслужб вынуждены осваивать исключительно на практике, где зритель куда привередливее самого дотошного режиссера, а провал спектакля означает не вялый аплодисмент и даже не салют из тухлых яиц, а удар ножом либо — выстрел в упор.

Беседы на высшем уровне

— Ты, чувствую, взялся за дело горячо... Дагестанец пятый угол ищет...

— А как он хотел? В лимузинах на икорно-шампанские рауты разъезжать? Пусть разъезжает, но пусть и работает...

— Слушай, но ты же его в горы загнал, причем конкретно!

— Ничего, посидит среди скал, подумает, в небо звездное глядя, а потом спустится...

— Вот это — позиция, понимаю.

— Как там... настроение?

— Вчера был, сказал о тебе самые трогательные фразы. О принципиальности, последовательности в действиях...

— Неделя еще есть?

— Думаю — да. Хотя что там в голове у Главного...

— Ясно...

— Да никому ничего не ясно! Ты связь со страдальцем-то опальным имеешь?

— Ну, людишки рассказывают с каким настроением он встает и ложится... И с кем связь держит.

— Очень хорошо. Как созреет — звони сразу же. И вообще если какая поддержка моя потребуется...

— Спасибо, ты — верный друг.

Пакуро

По приезде в Москву, ознакомившись с накопившимися оперативными сводками, касающимися текущей работы отдела, Пакуро красным карандашом отчеркнул строки сообщений о миграции поступающих с Кавказа фальшивых долларов, чьи крупные партии фигурировали в обращении уже в четырнад-

цати российских регионах. География распространения фальшивок была широчайшей — от Питера до Хабаровска.

Образцы подделок, хранившихся у майора в сейфе, отличало завидное в своей качественности исполнение: гознаковская бумага высокой степени подготовки, пропитанная специальным составом, придающим ей кремовый оттенок, контрольная ниточка, продернутая в лист, водяной знак, нанесенный спецкраской, искусно подкрашенная цифра «100», переливающаяся зеленью и фиолетом, и, наконец, следы клише, придающие цветной копии вид изделия, выполненного методом глубокой печати. Словом — залюбуешься!

Купюры, обработанные, вероятно, хитроумным магнитным составом, без осечек проходили контрольные банковские детекторы. При этом номера дензнаков не повторялись.

Источник фальшивок откуда выявлен не был, но территорию их изготовления установили: Дагестан. И сейчас майору предстояло связаться с коллегами из Махачкалы, дабы выяснить, как идет работа, и сообщить, что обнаружен подступ к распространителю купюр в Москве.

Капитан Акимов, успешно разрабатывающий цепочку кавказских бандитов, недавно получил от них предложение масштабной закупки долларовой липы и — два образца, чей лабораторный анализ подтвердил их принадлежность к партиям, поступающим из Дагестана.

В кабинет вошел, а вернее, ворвался Борис — как всегда возбужденно и оптимистически готовый к любому действию, несомненно должному увенчаться победой.

— Поздравьте, я при пистолете, происки прокуратуры закончены! — доложил он.

— Ты о чем? — коротко обернулся на него Пакуро.

— Как? Я же в человека стрелял!

— А-а... Действия признаны правомерными?

— А как же! А против человека, наоборот, возбуждено уголовное дело. По факту нападения на сотрудника милиции при исполнении... Хотя, — легкомысленно отмахнулся, — там такой папа кавказский в папахе до небес, что наверняка все замнется... И ладно! Лично я мстью не горю. Урок он получил, этот хмырь психованный, и запомнит его надолго. Кстати, как слетал?

— Да так... — досадливо качнул головой Пакуро. — Вон папка с данными на Мусу этого, посмотри. Много чего любопытного.

— Ага! — И Борис присел к столу, погрузившись в чтение. Перевернув последний лист, широко улыбнулся, заключив: — Оказывается, он — парень с биографией! Кстати, я по своим лубянским каналам на него тоже кое-что нарыл... Немного, но — весомо. Факт такой: мелькал он в коридорах чеченской госбезопасности.

— Я так и думал, — проронил Пакуро.

— Тогда — что же, интересно, он выкручивает, вода нас за нос, а? Диверсант этот...

— Да вот хочу с аналитиками поговорить, — отозвался Пакуро. — А потом и с ним — по душам...

— Готов принять участие! — бодро заявил Борис. — Самое непосредственное и жесткое. Теперь. Чего местные про Советника говорят?

— Да то же, что и мы... Политический козырек. А на крайний случай — просто мешок с деньгами... Все наверху решится, он не у случайного сброда обретается, там минимум десантный полк нужен, чтобы его вырвать грубой силой. А полк не пошлешь, навалились. Кстати, что тут новенького по похищениям народа в Ичкерии эту неладную?

— Парня одного свинтили, — доложил Борис. — Сынка крупного промышленного деятеля. Командующего добычей никеля. Ехал на «порше» с подругой, вдруг наперерез «Жигули»... Ну, похитили. Вчера звонили маме с папой: гоните три, кажется, миллиона баксов. Откуда звонили, установлено: из автомашины вневедомственной охраны трубопровода.

— Какого?

— Естественно, чеченского. И парень уже действительно в горах, косвенно подтвердилось. Вот устроился, да? Ехал в сторону Кремля, а прибыл к горным вершинам.

— И в какой стадии дело?

— В плохой. Папа с мамой своими силами решили разобраться, нам не доверяют. А их, кстати, тоже во Владикавказ выдергивают на переговоры... Так что дело есть, а сочувствующих... Впрочем, не наш отдел ведет, соседи... Теперь о хороших новостях. Генерал мне вчера твердо жилье пообещал. Очень хочется верить. Очень!

Борис жил за городом, ютась с женой и тремя детьми в однокомнатной квартирке.

— Мне тоже, — сочувственно вздохнул Пакуро.

— Что еще? — призадумался Борис. — Два дела по текучке закрыты, вчера из Дагестана звонили по фальшивым баксам, вышли ребята на администратора и на одного из курьеров. Представляешь — обе — дамы! Причем — респектабельные. А у одной — удостоверение ФСБ! То ли липа, то ли нет — разбираются. Потолок ей вчера просверлили, поставили аппаратуру, фиксируют преступный быт. А курьер завтра вылетает в Питер, сопровождают. Вот, пожалуй, и все новости наших серых героических будней. Да! Чувствую, опять с Акимовым пересечься придется, читал шифровки? Во как все запутано! А ведь кто знал, что наши бандюги в его мероприятиях фигурируют?..

— Мир тесен, как фибровый чемодан, — пожал плечами Пакуро. — А мирок преступный — тем паче. Тебе ли мне объяснять? Но баксы, замечу, мазурики клепают отменные. Имитируя все циклы заводской технологии.

— Вот какими деньгами за всяких Советников надо расплачиваться, — вдумчиво молвил Борис.

— Чтобы потом эти деньги к нам снова на голову свалились? — возразил Пакуро. — Нет... Уж лучше с МВФ по их процентам-удавкам... Ладно, хорош трепаться. Пошли на консультацию к теоретикам?

— Насчет провокатора? Непременно! Ух, я его... — И Боря воздел к потолку крепкий кулак.

— погоди... Вдруг, у парня наилучшие намерения? — высказал сомнение осторожный Пакуро.

— Те самые, которыми дорога в ад устлана? — покосился на него Борис. — Вот тут — да, верю!

После совещания с аналитиками, на котором присутствовал один из опытейших ветеранов контрразведки, и дотошного изучения имеющихся материалов диагноз «провокатор» все-таки был заменен определением «авантюрист».

— Мне думается, дело обстояло так, — предположил контрразведчик. — После войны парень повис в воздухе, амбиции ему покоя не давали, и отправился он в то учреждение, где, по его разумению, лежат ключи от власти, к которой он всегда стремился. Отправился в госбезопасность. В тайную власть. К власти явной пути ему были заказаны. Власть явная — это карьера, годы труда... Или же — приближенность к лидирующему клану. На худой конец — деньги, на которые покупается должность. Нет этого — живи среди плебеев. А власть тайная многообразна. И пусть ты в ней — шестеренка, однако если твое тщеславие определенными привилегиями удовлетворено, значит, пребываешь в ладу со сво-

ей гордыней. Далее. Дилетант в спецслужбах стоит на воротах, что ему, возможно, и было предложено. Специалист должен пройти обучение. Вот он себе и выкрутил имеющуюся вакансию курсанта. Отучился в Пакистане, вернулся назад, однако — что это за учеба? Общие навыки, необходимые для мелкой агентуры с основным боевым предназначением. То есть иди воюй в поле... А он рассчитывал на другое — на беловоротничковый статус. А когда уяснил, что с данными позициями — туго, решился на самостоятельный финт. То бишь явился в РУБОП с конъюнктурным предложением. Основу общения в спецслужбах он понял: это — конкретика, детали. Чем вас и подзавлек.

— Это все ясно, — сказал Пакуро. — И я, в общем-то, согласен. Одного не могу понять: какой он видел перспективу, мороча нам голову?

— А никакой, — вступил в разговор Борис. — Сорвалось бы с Советником, так и сорвалось... Главное, чтобы процесс всех радовал, а то, что результат огорчает, он же не виноват, верно?.. Он же старался... А его личный результат — это знакомство с нами. Крайне интересное для чеченского ГБ, где он тоже крутит хвостом. Мол, вербую ответственных офицеров российской спецслужбы, непосредственно занимающихся этническими криминальными группировками. И вот вам доказательства: вылетает важная птица во Владикавказ, остановится там-то и там-то, завтра пойдет на встречу с агентом к такой-то закуской... Опять конкретика, опять ему верят. На сей раз — на другой стороне. А какой-нибудь его дружок действительно отслеживает перемещения московского гостя и докладывает ему детали перемещений. А он эти детали — тебе, Александр Викторович... В общем, по принципу: главное — завоевать доверие. Хоть какое, хоть условное, а там — что-нибудь выплывет...

Предложение работы, к примеру. Или здесь, или — в Грозном.

— Тут есть еще один элемент, — подал голос один из аналитиков. — Признаки паранойи.

— Болезнь большинства «инициативников», — согласился контрразведчик. — То бишь тех, кто маркирован как «авантюрист». И если о процессе как таковом, то им он действительно важен в первую очередь. Возвышает он их, рождает иллюзию востребованности и значимости. Но в данном случае существуют и чисто практические соображения: он наверняка ищет каких-либо полномочных покровителей. Офицеры РУБОП — надежная страховка для проживающего в Москве кавказца.

— А почему на Лубянку он не пошел? — задумчиво спросил Пакуро.

— Да тут может быть много объяснений, — отозвался контрразведчик. — Традиционный страх, если хотите... Затем — он в курсе, как в разведке и контрразведке поступают с лукавой агентурой; а тут вроде тоже спецслужба, однако куда с большей привязкой к закону... Где-то в этом районе мыслишки у него крутились. А потом, насколько понимаю, он возвращается в околोकриминальной среде и, случись чего, оправдается самостоятельностью разработок по прямым интересам управления...

— Точно, — сказал Борис. — Недаром он нам осетина с пистолетами подарил. Для затравочки. И опять-таки — конкретика. Причем — реализованная.

— Вывод, — подытожил Пакуро. — Проводим нелицеприятную беседу. Прямого вопроса «Чего же ты хочешь?» задавать не будем. Но к ответу на него бесстыдно подведем...

Присутствующие синхронно наклонили головы, единодушно соглашаясь с таким заключением.

Вызванный в РУБОП Муса выглядел угнетенно-задумчивым. Вздыхнув, сел напротив Пакуро, сказал:

— Извините меня с этой поездкой, кто знал, что за братом «хвост» пустят... Вот же — шакалы коварные!

— Ничего, бывает, — отмахнулся майор. — Большие дела никогда гладко под горку не катятся. Наоборот — только в гору, через рытвины и ухабы.

— И все-таки мне неудобно...

— Я понимаю — хотел, как лучше...

— Слушай, Муса, ты у нас вроде теперь уже свой парень, — подал голос Борис. — Но вот ведь закавыка какая: учреждение наше секретное, кто попадая сюда не ходит и к делам не допускается, согласен?

— Безусловно! — Взгляд Мусы лучился искренностью и полнейшим согласием со словами офицера.

— А коли так, — продолжил Борис, — необходимо исполнить некоторые формальности. Если, конечно, у тебя есть намерения с нами и впредь общаться... Формальности такие: придется тебе уже не в общих чертах, а подробно поведать нам свою биографию. Начнем с даты рождения, папы, мамы и бабушки с бабушкой... — Он достал из стола диктофон. — Не возражаешь? — Кивнул на компактный аппаратик, присоединяя его к сети.

— Пожалуйста. Биографию по минутам излагать?

— По знаменательным событиям. И желательно — правдиво. На худой конец — как было на самом деле. Итак. Дата и место рождения.

На вопросы Муса отвечал спокойно и с достоинством, без единой заминки.

— Значит, грянула бездарная война, — подобрался Борис к главной теме. — Твои действия?

— Я же говорил... Сидел дома.

— В окно, что ли, смотрел, сложив руки? Медитировал?

— Вы подозреваете, что я воевал на той стороне? — усмехнулся Муса. — К этому клоните?

— Нет, — сказал Пакуро. — Уверены, что не воевал. Более чем.

— Я занимался хозяйством, читал книжки, что еще?.. — Голос Мусы был напряженно-терпелив. — Спал, в конце концов...

— А в селении вашем какая-нибудь администрация существовала? Координирующая сила, так сказать? — спросил Пакуро.

— Да какая там еще сила...

— Извини, — недоверчиво покачал головой Борис. — В селах у вас коменданты были с помощниками, все, как надо... Ориентировали население в определенное политическое русло...

— Ну, был какой-то комендант... — покривился Муса. — Бродил с ружьем, следил за порядком. Придурок.

— Такого, значит, ты о себе мнения? — холодно констатировал Борис.

Взгляд Мусы метнулся по сторонам.

— Почему о себе?

— Потому что комендантом был ты! Ну, рассказать тебе, как вел ты на расстрел любителя баранины, а в итоге сам пулю схлопотал? Действительно, как придурок...

— Хорошо. — Тон Мусы стал отчужденно сух. — Был комендантом. Схлопотал пулю. Обязан вам это рассказывать? До трусов тут раздеваться? По-моему, у каждого человека бывает в жизни то, что принадлежит исключительно ему. И у вас промахов и всякого дерьма — тоже, хоть отбавляй! И ни с кем этим дерьмом делиться вы не намерены.

— А как насчет контактов с госбезопасностью республики Ичкерия? — бесстрастно молвил Пакуро. — Эти контакты из той же интимно-дерьмовой категории?

— Устраивался туда водителем, — спокойно ответил Муса. — Но зарплата — чушь, будущего — никакого... А потом — не понимаю... Это российское учреждение, я же не в ЦРУ на службу поступал...

— Твой брат, который должен был со мной встретиться, погиб в начале войны, — резко переменял тему Пакуро. — Он что, восстал из мертвых?

— Вы видели его могилу? — парировал Муса. — Цветы принесли?

— Грамотный ответ, — кивнул майор. — Ладно, вернемся к несостоявшемуся трудоустройству в тайное ведомство. Отказался от должности водителя, и... куда?

— Обратно в село.

— Книжки читать?

— Не только. Заниматься хозяйством и спать.

— Отоспался. Дальше?

— А дальше поехал в Москву.

— Через Пакистан?

Муса поджал губы, медля с ответом. Затем, осторожно разминая подбородок пальцами, произнес:

— Туда меня направило руководство страны... То есть, — поспешно поправился, — республики. Входящей в Российскую федерацию! Я — военнообязанный, выполнял приказ Родины... Все?

— И чему обучали в Пакистане? — спросил Борис. — Как на территории этой самой Родины диверсии совершать?

Муса угрюмо молчал.

— Ну так что насчет Советника? Блеф? — презрительно спросил Пакуро.

— У нас пошел плохой разговор, — откликнулся чеченец. — Продолжать его не собираюсь. Если это — допрос, оформляйте его надлежащим образом.

— Слушай, дорогой друг, — дружелюбно улыбнулся Пакуро. — Давай-ка мы сейчас отбросим все в сто-

рону. Все твои грешки, авантюристические метания... Что было — то было. Мы понимаем: изложенные факты говорят не в твою пользу, утаил ты их по понятной причине, ибо нашему прошлому общению они бы если и не помешали, то здорово бы его омрачили, так? Именно поэтому ты и не стал вдаваться в подробности... В общем, забыли! Проехали! Оказались на новой диспозиции. Слушаем в этой радостной связи твои предложения.

— Предложения должны исходить от вас, — пожал плечами Муса. — Я — кто?

— Вот именно. Пока — никто. Сомнительный тип. Но ты же не будешь отрицать, что кем-то себя хочешь видеть? Но только не говори о том, что хочешь видеть себя исключительно студентом юрфака. Это так, приложение.

— Нет, это — основа, — сказал Муса. — Но если речь идет о сотрудничестве...

— О нем, родимом, о нем...

— Ну... Готов выполнить любое ваше задание.

— То есть войти в состав агентыры.

— А почему бы и нет? Не мне вам объяснять, на чем держится оперативная работа. А я к ней способен. И, кстати, только у нас, в России, секретный сотрудник считается чем-то вроде порочной гниды. А в Штатах, слышал, это лицо, к которому проявлено особое доверие государства. И практически каждый обыватель так считает.

— Позицию понял, возвращаемся к истории с Советником...

— Я этой историей не управляю, — процедил Муса. — Что могу, то и делаю.

— Значит, настаиваешь на том, что брат жив и не смог встретиться с нами в силу объективных причин?

— Именно.

Пакуро и Гуменюк обменялись задумчивыми взорами.

— Понимаешь, Муса, что сегодня это обстоятельство будет самым определенным образом выяснено? — сказал Пакуро. — У тебя куча родственников в Чечне, а у нас, не скрою, не меньшая куча уважаемых тобой секретных сотрудников, живущих бок о бок с ними... Дальше продолжать?

— У моего брата — нелады с законом, — сказал Муса. — И его гибель — это легенда. Вы будете проверять легенду? В Чечне? Что же... попробуйте. — Взглянул на часы. — У меня, извините, деловое свидание. Должен идти. Если, конечно, не возражаете...

— На свободу с чистой совестью? — иронично прищурился Пакуро.

— Естественно...

— Ну, если человек выходит из этого кабинета самостоятельно, значит, совесть у него, по идее, действительно должна быть чиста, — резюмировал Борис. — Я провожу, Александр Викторович...

Оставшись в одиночестве, Пакуро дернул щекой в усмешливом и усталом негодовании.

Вот, проходимец... И ведь, что печально, не первый, и не последний... Тоже — своеобразные плоды демократии. Хотя такие издержки все равно куда более приемлемы, нежели незабвенные прошлые...

И всплыл перед глазами майора документик военного СМЕРШ, с которым ему по долгу службы как-то довелось ознакомиться:

Разсмотрев личность добровольного информатора, и с твердой убежденностью увериные в его правакаторских замыслах, постановили: расстрелять!

Сержант госбезопасности

С.Еремейко

«Разсмотрели — разстреляли». Это лучше?

Припомнилась и крайность иного рода: лет десять назад, когда Пакуро еще работал в МУРе, в отдел пришло агентурное сообщение о готовящемся ограблении церкви — один из жуликов решил украсть ценную икону. День и час ограбления, а также личность мерзавца, загода были установлены.

О готовящемся преступлении волей-неволей пришлось поставить в известность батюшку.

Выслушав сыщиков, священник сказал:

— А не лучше ли, сыночки, чем ловушки налаживать, поговорить с ним да убедить раба Божьего, корыстью ослепленного, искушения избежать? А уж коли ему самому так эта икона нужна... Тогда — что ж? Пусть берет. Вдруг он молиться на нее станет и вдруг, через святой лик, Господь его вразумит? Нет, не надо в Божьем храме засад, не надо... Остерегите его...

Или так — лучше?

Вернулся Борис.

— Слушай, вот ты — человек верующий, — обратился к нему Пакуро. — Как думаешь, этот наш провокатор способен свою страсть ко всякого рода подлянкам отринуть? Или ему без щекотки нервов и комбинаций — никак?..

— Ну, это ему — равно, как в монастырь... — неопределенно ответил Боря.

— У мусульман монастырей нет. Почему, кстати?

— И у евреев нет, — сказал Борис. — Почему? Да потому, что, согласно обеим религиям, отречься от радостей жизни — значит, отречься от даров Всевышнего. Религии же эти, как мне один компетентный богослов объяснял, развивались из Ветхого Завета, где сказано: плодитесь и размножайтесь. А в монастырях для такой директивы обстановка не способствует...

В полночь, едва Пакуро успел задремать, раздался надсадный гудок домофона. Чертыхаясь, он вылез из-под одеяла, подошел к укрепленному в коридоре переговорному устройству.

— Кто?!

— Александр Викторович? — донесся вежливый бесцветный голос. — Мы из ФСБ. Необходимо с вами поговорить.

Пакуро ошалело посмотрел на настенные часы.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— И вы думаете, я так к вам и побегу, захлебываясь от восторга? В чем дело?

— Одевайтесь, выходите, мы вам все объясним.

— Вот что, умники, — отозвался майор раздраженно. — По служебным делам я беседую в своем служебном кабинете. Завтра после развода — жду.

— Но...

— Все, конец связи!

Набрав номер мобильного телефона Бориса, Пакуро сообщил ему о странном визите якобы контрразведчиков, наказав:

— С утра езжай ко мне, ключ от подъезда у тебя есть, проверишь лестничную площадку и местность около дома, потом, если не произойдут приключения, вместе катим на работу...

— Понял.

Ни в подъезде, ни возле дома подозрительных личностей не обнаружилось, и, усевшись в «ауди» Бориса, офицеры благополучно добрались до штаб-квартиры РУБОП.

Шагая после развода к кабинету, Пакуро узрел двух озабоченных молодых людей в плохо пошитых костюмах, топчущихся у запертой двери.

— Ко мне? — спросил сухо, уже подозревая в этих безликих типажах своих вчерашних ночных визитеров.

— К вам, к вам...

— Это вы вчера?..

— Мы, мы...

— А в чем дело? И почему надо было ночью...

— Очень срочное дело, Александр Викторович! — неприязненно и развязно отозвался один из представителей нынешнего ЧК, предъявляя удостоверение.

— Ну, заходите... — Пакуро растворил дверь.

— У нас поговорим, — буркнул второй чекист, не обнаруживая ни малейшего желания ступить за порог.

— У вас так у вас. — Пакуро вновь запер дверь.

Черная «Волга» остановилась в переулке у приземистого здания следственного управления ФСБ.

В сопровождении своих немногословных конвоиров майор поднялся по лестнице на второй этаж, вошел в кабинет, где за широким письменным столом сидел желчный человек в черном костюме, неприветливо буркнувший, указав на стул:

— Устраивайтесь...

Безликие опера, вежливо человеку кивнув, вышли из кабинета.

Устраиваясь на продавленном сиденье казенного стула, майор покосился в сторону голубеющего экрана компьютера, установленного на углу стола, узрев на нем свои установочные данные и — заготовленный список вопросов...

Отчетливо различить удалось лишь фразу: «Первый секретарь посольства...»

— Иннокентий Иванович, — представился человек за столом, привычно не протягивая руки.

— Ну, мое имя вам известно, — сказал Пакуро равнодушно.

— Положено представиться, вы же в курсе...

Пакуро представился.

Дальнейший разговор отличался какой-то дичайшей несообразностью. Майору инкриминировалась

тайная встреча с первым секретарем посольства Саудовской Аравии, получение от него гонорара в размере восемнадцати тысяч долларов за организацию недавнего взрыва синагоги, а также оплаченная пятью тысячами долларов ликвидация одного из воров в законе, организовавшего данный подрыв.

— Да что за чушь! — потрясал руками Пакуро. — Бред параноика!

— Я вас попрошу...

— Я вас тоже попрошу, — настойчиво произнес майор. — Свяжитесь с вашим антитеррористическим департаментом. Пусть сюда придет... — Назвал фамилию генерала, неоднократно общавшегося с ним по связанным с РУБОП вопросам. — И вместе поговорим.

Явившийся в кабинет генерал заставил следователя авторитетом своей персоны несколько изменить ключую манеру общения с подозреваемым в теракте офицером МВД.

— Информация поступила от представителя МОССАД, из израильского посольства, — объяснил следователь ответственному лицу. — Детали совпадают. Имя первого секретаря посольства Саудовской Аравии, затем... э-э...

— А от кого поступили сведения в МОССАД? — перебил генерал.

— Неустановленное лицо.

— Кем не установленное?

— Естественно — нами. МОССАД же нам не выдаст источник... Но вот конкретика...

И тут в голове Пакуро полыхнуло: конкретика! Знакомый термин! Неужели — месть раздосадованного своим позорным разоблачением Мусы? Хотя — даже не месть... Вдруг побоялся, что его разоблачат окончательно относительно вранья о брате, и не только разоблачат, но примут какие-либо неформальные меры?

Вот и нанесен упреждающий удар — мол, в суматохе после такого доноса майору Пакуро определенно будет не до него...

— Кажется, я знаю, с какой помойки ветер дует, — сказал Пакуро. И — изложил свою версию.

Генерал поднялся со стула. Махнул рукой. Обратившись к следователю, произнес:

— Кончай эту волынку... Еще не хватало под дудку всякого сброда плясать. Все, я пошел.

— Ну, — оставшись наедине со следователем, произнес Пакуро. — И неужели вы думаете, что я, офицер РУБОП, за какие-то восемнадцать тысяч долларов пойду взрывать храм Божий? И... Сколько я там за убийство вора в законе заплатил? Всего пять тысяч? Не кажется ли вам, что сумма явно занижена?

— Ну, вы расценки лучше меня знаете... — неопределенно отозвался оппонент, откидываясь на спинку стула.

— Ладно. Могу быть свободен?

— Идите...

У двери Пакуро задержался, кивнув на маленький приставной столик, на котором лежал окрашенный салатовой краской цилиндр, опутанный какими-то разношерстными проводами. Спросил механически:

— Что это?

— В смысле? — Следователь смотрел на него стылым свинцовым взором.

— Да вот... Похоже на взрывное устройство...

— Вам виднее... — последовал ответ.

— Тьфу! — только и произнес Пакуро, захлопывая за собой дверь.

Вернувшись на Шаболовку, незамедлительно позвонил в ОВД округа, где находилась гостиница, в которой проживал многомудрый Муса.

Связавшись с приятелем, одним из самых толковых оперов, дал данные на чеченца, попросив:

— Посмотри за ним внимательно, хорошо? Наверняка какой-нибудь криминал выстрелит...

— Сильно тебя достал? — поинтересовался приятель.

— Если честно, хотя это личное, — огорчил до невозможности!

— Приглядим...

Акимов

Как размышлял Акимов, пора разгрома банды уже наступила: выяснились имена и адреса многих ее участников, задокументировались эпизоды более чем двадцати вымогательств, всплыли прошлые преступления, связанные с грабежами автотранспорта, отчетливо выступили из рыночно-коммерческой кутерьмы каналы реализации товара через людей Аслана на московских рынках... Но каждый день «сотрудничества» приносил все новую и новую информацию: через Аслана шли деньги на выкуп похищенных в Чечне военнослужащих, и на днях в беспокойных кавказских горах готовилась операция по вызволению из плена нескольких солдат.

Однако намеки относительно личности Советника и перспектив выхода на его местонахождение были категорически Асланом проигнорированы — дескать, не мой уровень, и карабкаться на него — попросту наивно... Забудь!

С другой стороны, позитивным с точки зрения Акимова открытием явилось признание Аслана, что существует целое звено курьеров с Кавказа, и доставляют курьеры в Москву не только оружие и информацию, но и фальшивые американские доллары.

Две купюры с изображением незабвенного Бенджамина Франклина, переданные капитану в каче-

стве коммерческих образцов, заставили сокрушенно покачать головами выдавших виды экспертов: липовые американские денежки были изготовлены на совесть, со многими степенями защиты, и поверхностную проверку проходили под громкое «Ура!», которое, подредактировав, можно было справедливо видоизменить в «Караул!»

Валюта, изготовленная промышленным способом в одной из арабских стран, где, как уверяли масс-медиа, царят террор и реакция, в изрядных количествах переправлялась отчего-то именно что в кавказский регион. Аслан в свою очередь пояснил, что арабов, у которых жен и денег куры не клюют, лично не знает, но через доверенных лиц уполномочен обменивать полтора миллиона фальшивой валюты номер один на сорок процентов ее номинальной стоимости. То ли умышленно врал, легендируя источник, то ли попросту заблуждался, ибо предложенные им образцы, как установили эксперты, принадлежали к фальшивкам, печатающимся в Дагестане и именуемым «алиевками» — сообразно фамилии некоего Алиева, инициатора подпольного производства липовой валюты.

Как сообщил Акимову Пакуро, тесно связанный с дагестанскими коллегами, за главным фальшивомонетчиком ныне велась активная охота. Что же касается «арабских» долларов, то их качество, по словам тех же экспертов, было на порядок хуже кавказских подделок.

Так или иначе, однако предложение Аслана о покупке изрядной партии самопальной валюты меняло многие планы РУБОП, касающиеся разгрома его банды. И, в частности, вносило серьезные коррективы в операцию по задержанию преступников при планируемом ограблении офиса, тем более что в целях укрепления личного авторитета Аслан не желал оста-

ваться в стороне и также выразил намерение участвовать в деле.

Акимов, понимая всю дальнейшую юридическую значимость уже неизбежного налета, не уставал вдалбливать в бандитские головы трогательную истину: никакой крови! Кровь — значит, расследование. Расследование — значит, вероятный прокол. И если кавказские друзья в любой момент могут кануть в недоступных далях своих хребтов и долин, то ему и его людям суждено оставаться в Москве, и потому рискует он куда как больше... Так что — без фанатизма, пожалуйста, как любил приговаривать рассудительный Пакуро...

И вот наступил этот день, главный, в общем-то, день, когда на постамент доказательной базы должен был взгромоздиться эпизод абсолютно конкретного и тяжкого преступления, в котором была задействована вся бандитская элита кавказской группировки.

Обычный пасмурный денек московской зимы: бледное солнце в мглистом небе, нехотя срывающиеся из его глубины редкие снежинки, почернелые сугробы, подмерзший снег, хрустящий под подошвами, как битое стекло... И — обычный жилой дом, облицованный белой и голубой плиткой, чьи подъезды выходят на дворик с катающейся с горки детворой... Вокруг — также обычные люди: домохозяйки, неспешно бредущие с продуктовыми сумками, случайные прохожие... Но среди них — наблюдатели бандитов, тщательно изучающие и припаркованные во дворе машины, и появляющихся на тротуаре персонажей, и подъезды соседнего дома...

Напрасно! Не вычислить наблюдателям ни притаившихся в замаскированных укрытиях спецназовцев, ни оперативников, ни машин РУБОП...

Камеры, поставленные в офисе и на улице, бесстрастно фиксировали события: трое молодых не-

взрачных людей, идущих по улице к подъезду, где располагается офис, подъезжающий к ним «форд», женщина, сидящая рядом с водителем и безмятежно смотрящая в окно...

«Форд» притормаживает, опускается стекло, и коротким движением дама вручает одному из троих мирных пешеходов увесистый пластиковый пакет.

И сразу же сообщение на оперативной волне:

— Передали оружие. Так... Вошли в подъезд. Ждем!

«Форд» неторопливо развернулся на пяточке, обставленном гаражными «ракушками» и замер, попытаясь белесым дымком.

Тем временем установленные в офисе камеры фиксировали стремительно развивающиеся события: мгновенное разоружение охраны, крючки наручников, защелкнувшихся на запястьях незадачливых стражей и, соответственно, — на водопроводных трубах, после — заход бандитов в главное помещение офиса, раскрывшиеся дверцы шкафчика, за которыми блеснул хромированным пяточком замка вожденный сейф...

Бандиты «работали» не торопясь, без малейшего намека на какую-либо суету и нервозность, не обмениваясь ни единым словом.

Один из подручных Аслана легко, словно ребенка, взял сейф в руки и спокойно понес его к выходу.

Уже потом, просматривая видеозапись, Акимов невольно присвистнул: двое здоровенных спецназовцев при имитации сцены ограбления едва подняли тяжеленный ящик, а этот абрек нес его, словно пустую картонную коробку, пружинисто поднимаясь по лестнице.

Ограбление, гипотетически сулившее куш в полмиллиона долларов, неожиданно совершил Ахмед: словно спохватившись, вернулся к висевшему на вешалке пальто и обшарил карманы... И вспомнилось

невольно Акимову обручальное кольцо, сорванное с пальца бедолаги-водителя...

«Ну-у, крыса...»

Через минуту троица появилась на тротуаре у подъезда.

«Форд», совершив короткий рывок, подкатил к ней.

Считанные секунды, и вот уже сейф исчезает в чреве просторного багажника, дама на переднем сиденье принимает пакет с оружием, и машина неторопливо скользит к выезду из двора, оставляя позади себя трех невзрачных молодых людей, которые, поправляя воротники и шарфы, спокойненько бредут прочь...

Впрочем, спокойствие оставляет троицу, когда буквально под ногами у нее хлопает, застилая глаза плотным серым дымом взрывпакет и сухо шелкают пусть холостые, но весьма грозные автоматные очереди, заставляя бандитов, пригибаясь, слепо бежать в расплывающееся перед глазами пространство...

И тут же, будто материализовавшиеся из воздуха, возникают в мирном и тихом до сей поры двореке спецназовцы в серых плотных куртках, звучат отрывистые команды и рев автомобильных двигателей...

Впрочем, бандитский «фФорд», лошадиных сил в котором было больше, чем во всей Московской области, несмотря на спланированные засады, весьма лихо обогнул их, и, проявляя чудеса в искусстве скоростного маневрирования, водитель сумел-таки выскочить на магистраль — предусмотрительно, впрочем, застрахованную машинами РУБОП.

Искусство седока за рулем «форда» было оценено должным образом, и потому, дабы не тешить мирного обывателя перипетиями феерической гонки по московским улицам, было принято пусть грубое, но эффективное решение в задержании мощной и верткой машины...

Тяжелый, сваренный из толстых труб и мертво укрепленный на раме бампер милицейского джипа, выкатившегося из переуллка, в глухом поперечном таране смял крыло «форда», отбросив его к тротуару; покореженное железо заклинило колесо, и, прежде чем водитель успел потянуться к ключам, пытаясь завести заглухший движок, матовыми брызгами полетело под автоматными прикладами разбитое остекление, и в следующие мгновение спецназовцы умело вытянули вон из салона рискованного каскадера...

А вместе с ним — и даму, на бедре которой в кобуре обнаружился еще один пистолет...

После изымались из пакета помеченные изотопом «Стечкины», и видеокамера регистрировала изъятые стволы, выкладываемые на капот и — мерный голос офицера, комментирующий:

— Три пистолета... Обоймы... Теперь — открываем багажник... Так... Видите — сейф...

Когда схлынула нервная лихорадка, когда перестали противно и непослушно дрожать пальцы и утихомирился хаос горячечных мыслей, Акимов понял, что еще ничего не кончилось...

Да, операция задалась. Причем окончилась она именно так, как и планировалась: вполне естественно, без какой-либо натяжки.

С места совершения преступления скрылись трое преступников: он сам, то бишь глава славянской группировки, Аслан и — один из бандитов, непосредственно участвовавших в ограблении.

Однако с данной минуты ему предстояло точно сыграть перед Асланом роль неудачливого подельника.

Легко сказать — сыграть! Любая фальшь, малейший интонационный или мимический провал будут тут же уловлены настороженным и взвинченным от

неудачи гангстером, и последующие за тем выводы чреваты отнюдь не задушевными упреками в адрес вероломного провокатора...

Сидя в конспиративном логове Аслана, капитан мрачно выслушивал возбужденно ходившего по комнате кавказца:

— Откуда спецназ взялся, а? Ждали нас, что ли?

— Там окружной отдел РУБОП рядом, может, сигнализацию туда коммерсы протянули, хрен знает... — с усталым раздражением говорил Акимов. — А если б нас ждали... — зло усмехнулся, — хрен бы мы тут с тобой сидели, дебаты разводили... Кто бы нам дал уйти? Давай думать, как ребята себя поведут, кто колоться будет, а кто...

— Мои — не колются, — оборвал его Аслан высокомерно.

— А женщина эта?... Ну, которая пушки подвозила...

— Ольга? — отмахнулся Аслан. — Быстрее я поплыву, чем она... Хоть и наполовину наших кровей, держаться будет, как кремень...

Тут он не ошибся. Показания дали все участники преступления, и лишь Ольга держалась с ледяной неприступностью, не давая никаких признаний. И даже когда сами бандиты убеждали ее: мол, ладно, ты тут сбоку-припеку, мы все рассказали... любительница ношения пистолета под юбкой чистосердечными признаниями порадовать следователя не захотела.

Следователь, не раз бывавший в горячих точках, глубокомысленно заметил Акимову:

— Встречал я таких, так сказать, дам... И знаю эту категорию.

— Что же за категория?

— Из них снайперы первоклассные получают...

Курортники из Десятого отдела

Через два дня Андрей и Армен вновь очутились на вокзале, встречая двух лейтенантов РУБОП, выступающих в качестве прибывших по приказу шефа «братков».

После короткого совещания гости решили поселиться в просторном «люксе» своего непосредственного во всех смыслах руководителя.

Войдя с Арменом в номер, ребята демонстративно сунули под подушки позаимствованные из служебного арсенала «ТТ», и, перехватив обострившийся взгляд кавказца, Андрей кратко и дружелюбно заметил ему:

— Мы тебе верим, друг, но сам знаешь — судьба чревата подлянками... Особенно — когда ты находишься в тесной компании с дензнаками. — И в подтверждение своих слов открыл привезенный из столицы кейс, предоставив на обозрение принимающей стороне ровные, затянутые в полиэтилен пачки крупнокалиберных российских купюр. — За всю партию, — пояснил внушительным тоном.

Армен, не ведающий, что ему демонстрируется «кукла», уважительно наклонил голову.

— Ну, сегодня гуляем? — полувопросительно, однако с ноткой торжественности спросил Андрей.

— Естественно! — озарился Армен радостной улыбкой.

После ресторанной кутерьмы, верхнего слоя денег, доставаемых из раздербаненной «куклы», тостов, гремющей музыки, которая порой предварялась фразой: «А теперь для пацанов из Москвы прозвучит...», — словом, после удалого бандитского праздника наступили опять-таки бандитские будни, посвященные разного рода переговорам о стратегии и тактике предстоящей контрабанды.

Отлучившись в туалет, а после вернувшись обратно к столу, Андрей, каким-то мистическим чувством осознав мысли сослуживцев, понял, что во время его отсутствия местные «партнеры» усердно пробивали «простаков-боевиков» относительно персоны их босса, да и вообще насчет истории знакомства с ним, друженности сегодняшних взаимоотношений и продуктивности бизнеса.

Пробивали, как выяснилось впоследствии, довольно тонко и изощренно искусно. Но только бы знали они, как говорится, с кем связываться...

Преступник сталкивается с опером или со следователем раз в энное количество лет. Иная сторона этого противостояния сталкивается с преступником каждый день. Существует количественная и, соответственно, качественная разница в тренировках, касающихся такого общения, а потому результат откровенной, глаза в глаза, схватки, практически всегда предreshен.

Впрочем, никогда и никому не следует обольщаться, ибо схватка изобилует приемами разнообразными и порою — неведомыми.

Технологию перемещения оружия из Абхазии Андрею надлежало выяснить, не вызывая своей любознательностью настороженности у шайки, в которую входил Армен. Шайки, как он полагал, многочисленной, обладающей определенными навыками конспирации и на праздные контакты с новыми знакомыми идущей крайне неохотно. Зато — планомерно и ежеминутно отслеживающей все контакты и передвижения трех залетных «братков».

— Значит, так, — втолковывал Андрей Армену и паре его легализованных для общения с ним соратничков, бродя по приморскому бульварчику и беспечно щуря глаза от полуденного настырного солнца. — Бабки мы привезли, теперь дело за вами. Когда будут стволы?

— У нас тут некоторые сложности, — виновато говорил Армен. — Надо вытерпеть день-два, на границе не все слава Аллаху!

— Че-его?! — погнал возмущенный рык из горла Андрей, гневно холодея сверлящими собеседника глазами. — Мы чего, в натуре, на курорт сюда пригребли? Да мы бы лучше на Канарах задницы погрели! Как вообще с вашей категорией дело иметь, а?!

— Все будет в лучшем виде!

— Это все язык, а дел-то — ноль!

— Ну хотя бы сутки... — лепетал Армен.

— Чего, вообще нет товара? В принципе?..

— Будет! А пока... два гранатомета остались...

— Почему?

— Отдам, как подарок... По двести баксов. И сегодня же налажу их в Москву.

— Кому?

— Наш человек гонца встретит, отвечаю. Как придете отсюда, все получите...

И из кейса, уже несколько облегченного процессами ресторанных гулянок, из стремительно тающего слоя оперативных купюр был тут же выплачен задаток.

Окончательный расчет договорились произвести уже в столице, с хозяином перевалочной базы, кому передадут координаты московских партнеров.

Андрей между тем искусно разыгрывал некую психопатическую блатную нервозность, итогом которой стало следующее его заявление Армену:

— Я, конечно, не то чтобы на измене, друг, но возможности ваши хочу увидеть собственными глазами... Вернее, вот... — Его тяжелая рука опустилась на плечо одного из лейтенантов. — Вот он... Пусть идет на ту сторону, во всем убедится сам.

— В чем именно? — насторожился Армен.

— В том, что товара в натуре навалом и что мы зря напрягаемся, — сказал Андрей. — И что канал пере-

правы верный, осечек не будет. Мы вслепую не хотим рисковать. Ни бабками, ни временем. А то раскатаем губы, а у вас на той стороне — пшик с фасоном... Или, — усмехнулся, — его боитесь? Так он безоружный и один, а вас там, судя по базару, — дивизия, и все с пушками...

— Я посоветуюсь, — осторожно сказал Армен.

— В бывшей стране Советов живем, отчего ж... — покладисто согласился «авторитет». — Привычка — как мазут, хрен и пемзой ототрешь...

Доводы Андрея показались кавказцам не просто убедительными, но и взаимовыгодными: им виделся явный резон в демонстрации перед партнерами неистощимости своего арсенала и безупречного взаимодействия местных криминальных звеньев. Заодно московским гостям представлялась возможность осознать и тот факт, что любая их недобросовестность в поступках и в расчетах найдет соответствующее силовое воздаяние.

Опасения, что кто-либо из парламентаров московской группировки способен навести дядь с погонами на базы абхазских боевиков, были попросту смешны: для того чтобы справиться со здешними бандами, требовалось задействовать регулярную армию.

В качестве ответственного экскурсанта бандиты, посоветовавшись, определили Андрея — как-никак, а начальник, пускай во всем убедится не со слов шестерок, а самолично.

Границу минули без сложностей: на российской и сопредельной сторонах коррумпированные солдатики всего лишь за пару стаканов анаши сноровисто организовали «окна» для беспрепятственного прохода, Андрей перешел вброд зеленую горную речку, и вскоре шагал затерянной в скалах тропой в глубь уже иностранной, ха-ха, территории.

Он брел, изрезая подметки выданных ему тяжелых десантных башмаков о ломкий выщербленный грунт, видя перед собой «калашников» на широком плече своего провожатого, пятна пота, выступившие на жабьем камуфляже его куртки, и вспоминал другую Абхазию, в которой неоднократно бывал...

Другую. Где было детство, море, папа с мамой, каждое лето приезжавшие вместе с ним отдыхать в дом своих друзей; вспоминал выдававшуюся в прозрачное море песчаную косу, над которой взлетали и садились самолеты с беспечными курортниками; ватагу местных босоногих и смуглых мальчишек, с кем ловил бычков и крабов; вспоминал иную, сгинувшую в безвозвратность жизнь...

Давно уже не летают над этой косою самолеты, пляж стал пустынной прибрежной зоной, а те милые сорванцы превратились, вероятно, в таких же, как его провожатые, бородатых и загорелых громил, прошедших через кровь и войну, ставшую их естественной профессией.

Развал Союза откинул прежние благодатные территории в нищее средневековье.

На этих территориях никогда и ничего не производили. Поскольку и не умели ничего производить. В силу особенностей национального характера и вообще менталитета. Издревле остающихся неизменными. Здесь не было истоков искусств и наук, в этих вторичных слоях человеческой цивилизации. И выкинь сюда хотя бы все деньги и технологии мира и поставь перед здешним народонаселением задачу: сделать тот же «Калашников» или «мерседес», ничего, кроме кривой телеги или убогого ружьишка, в итоге бы не вышло. Аграрно-курортная зона. С загнанными тоталитарной системой амбициями, что вылились в итоге в непрекращающуюся бойню. И в местный бизнес: торговлю оружием, наркотиками и людьми.

Тот бизнес, щупальца которого, простирающиеся уже до Москвы, теперь было необходимо жестоко и без оглядок отсекаать.

И смешны были Андрею захлебывающиеся вопли либералов-демократов о дискриминации хлынувших в Россию кавказцев. Уж он-то знал, что представляет собой их большая часть — невежественная, паразитирующая, производящая лишь деньги из денег, с агрессивно-криминальным сознанием, не имеющая практически никаких моральных обязательств перед страной, в которую они проникли, и чья культура была им абсолютно чужда и безразлична...

Американцы и европейцы, уяснившие эту исторически-кочевную суть, быстренько поставили прочнейшие визовые заслоны для хлынувшей в их страны кавказской лавины, а Россия — извечное государство-буфер, приняло удар на себя — безропотно и бездарно. И уповать оставалось лишь на будущее. На будущее эффективных полицейских и иммиграционных мероприятий, не способных быть подорванными коррупцией и взяточничеством. Утопия?

Провожатые шагнули в прохладный полумрак сложенного из сцементированных булыжников домика. Домика, представляющего один из оружейных складов.

Груды автоматов, ящики с патронами, мины, гранаты, винтовки...

Наследство бывшей советской армии, а вернее, тех деятелей в погонах, кто посодействовал тому, чтобы арсенал перекочевал в руки местных бандитствующих заправил. Настоящая армия свое оружие не бросает.

— Ну что, брат? — открывая брезент, под которым хранились «Мухи», поинтересовался заведующий складом. — Будешь брать шайтан-трубу? Или если хочешь — десять «Утесов» есть, пять ДШК...

— Я Кремль покуда штурмовать не собираюсь...

Простодушный гогот.

— А хочешь бронетранспортер? Колес, правда, нет, но ты от ГАЗ-66 поставишь, хорошо подходят...

— А как же его через речку?..

— Ты денег дай, а «через речку» — наши трудности, брат...

Он пробыл в гостях у боевиков двое суток. И убедился: оружия тут в самом деле хватит на армию, организация переправки налажена, причем за каждый этап контрабанды отвечает конкретное лицо. Кто-то — за открытие «окна» на одной стороне, кто-то — на другой, российской, откуда затем стволы поступают в затерянные в горах тайники. А из тайников огнестрельный товар партиями перевозится в курортный безмятежный город. Далее в силу вступает схема разнообразных транзитов.

И вновь раздвинулись пограничные посты, и вновь, слава Богу, он сумел второй раз ступить в зеленую быструю воду той же самой реки, покрытой предутренним вязким туманом, а вечером уже сидел в номере с сослуживцами и с Арменом, восхищенно живописуя компании неограниченные возможности оружейного промысла.

— Пятьдесят стволов уже в городе, — говорил Армен. — Гоните бабки.

— Нам надо двести пятьдесят...

— У меня с памятью хорошо... Как у слона. Хоть триста, но сначала — бабки за то, что уже переправлено!

— Во-первых, давай посмотрим стволы, — урезонил разгорячившегося партнера Андрей. — Не ката в мешке покупаем, надо проверить каждую пушку...

— Чего проверять, новяк, все в масле...

— Армен, ты пойми: у нас — свой капризный заказчик, и нам «обраток» не надо...

- Ладно, кто будет проверять?..
- Да все и будем!
- Ладно...

Насколько возможно Андрей оттягивал момент оплаты. Момент, впрочем, категорически иллюзорный хотя бы потому, что все выданные в РУБОП деньги кончились. Нынешняя задача была проста: дожидаться, когда в город переправят всю партию стволов, чтобы отследить места их хранения и всех лиц, входящих в местную группировку.

Московский курьер был уже арестован, но никто не знал, должен ли он выйти с Арменом на связь, что привносило в создавшуюся ситуацию дополнительную нервность.

Стволы прибывали и прибывали, и страсти явно и грозно накалялись. Москвичи твердо настаивали на той минуте полного расчета, когда увидят своими глазами последний из заказанных стволов, а бандиты столь же упорно требовали пятидесятипроцентного погашения сделки в счет уже доставленного товара. Бесконечно «забивались стрелки», одну из которых, вопреки, видимо, первоначально выработанной системе конспирации, посетил шеф Армена — кряжистый, с землистой физиономией местный авторитет по кличке Антифриз.

Кличка отражала способность угрюмого хрипатого бандюги остужать самые горячие страсти среди подчиненных и конкурентов с помощью огнестрельного инструмента, который он, не раздумывая, пускал в ход при каждом удобном случае.

От бесконечных бандитских наездов и претензий приходилось буквально ежечасно выкручиваться.

Слащавость в интонациях горных орлов сменил угрожающий клекот, и утихомиривали их ярость исключительно веские аргументы авторитета-Андрея:

— Никуда от вас бабки не уплывут! Мы здесь, и нам не до пляжа, бухалова и телок! Сами на больном нерве! Заказчик — в законе, усекаете? Если хотя бы один ствол с браком или недокомлект в партии, мы — попадаем! А за что? За нетерпеливость вашу?

Недовольно урча, бандиты смирялись с такой точкой зрения — кстати, вполне логичной.

Явки и базы были уже выявлены оперативными группами. Последнюю партию стволов ожидали через сутки, но поздним вечером, выйдя на балкон по сигналу связника-начальника, офицеры получили незапланированную информацию: оружие уже в городе, и с минуты на минуту покупателей должны посетить бандиты... С целью окончательного расчета.

Однако — не только местные. По каналам ФСБ сообщили, что с гор через границу перешла группа вооруженных боевиков, остро желающих потолковать с московской братвой, усердно вращающей пустопорожнее «динамо».

Андрей не успел прийти к какому-либо решению, как вдруг тонюсенько и тревожно пропищал сигнал рации и, выслушав очередное сообщение, Виталий Николаевич посуровел лицом и сподобился на пару выражений, далеких от изящной словесности: две машины с боевиками только что подъехали к гостинице...

Спешно перебросив в соседний номер все свои вещи, офицеры прикрыли балконную дверь и задержали ее шторой. Выключили свет.

Сидя в темноте, проверили оружие: два «ТТ» и один «ПСМ» — генеральская пукалка.

Противостоять десятку вооруженных «калашниками» головорезов силами имеющегося огнестрельного хулиганского арсенала было сродни попытке сбить булыжником с рельсов несущуюся на всех парах электричку. Оставалось надеяться на подстраховывающую

их «Альфу», однако воспользоваться ее услугами они не спешили: во-первых, случись стычка, они так или иначе обречены, а в перестрелке двух вооруженных групп наверняка погибло бы невесть сколько неповинного народа...

И они стали ждать. Отчетливо сознавая единственную перспективу оконцовочки своего земного бытия: продажи его в обмене горячим свинцом как только можно дороже... Такая вот простенькая коммерция. Всем им — притаившимся в тишине и темени гостиничного номера — понятная, и пустому обсуждению не подлежащая.

И тут категорически непьющий Андрей внезапно произнес:

— Ребята, кстати... У нас там вроде было виски...

— Э, трезвенник, что с тобой?

— Ладно, давай бутылку... Разбавлю адреналин...

В коридоре послышался уверенный топот приближающихся шагов.

В дверь покинутого «люкса» требовательно и зло постучали. Снова и снова. Затем донеслась отрывистая ругань. И вслед за ней — грохот выломанной вместе с коробкой двери.

Андрей поднес холодный «ТТ» ко лбу, остужая выступившую горячую испарину и попутно вспоминая, как закаляется сталь. Кто-то, как помнилось ему, радовал за закалку металла в масле, кто-то — в проточной воде, а вот что, интересно, насчет пота?..

Скрип балконной двери.

Снова ругань, переворачиваемая мебель...

И вдруг гортанно, по-русски:

— За балкон ушли! У-у-у, шакалы!

И — после бесконечности тех трех минут, которые боевики протоптались в опустевшем номере, снова — писк рации:

— Уехали...

Дождавшись глубокой ночи, они черным ходом вышли из гостиницы, продрались через колючие кущи опоясывающего тыльную сторону здания кустарника, и, вжимаясь в стены спящих домов, добрались до обозначенного места, где их ожидала машина.

Всю ночь ехали в соседнюю область, и лишь когда местная милиция проводила их в рейсовый самолетик, с трудом осознали, что все позади. И что в очередной раз остались живы.

А в городе уже шли аресты бандитов, изымались стволы, и насупленный Армен под охраной бойцов «Альфы» сидел у печи своего «домика беженца», угрюмо взирая на вытащенную из подвала кучу автоматов и снаряженных патронами рожков.

«Дипломатическая», а вернее, разведывательная миссия Андрея завершилась.

Главной ли была она в этой операции? Кто знает... Особенно если учесть ту адову, без сна и роздыха, и не менее рискованную работу в городе незаметных оперативных групп, вычисляющих тайники и бандитские звенья, держащих тигра за хвост...

Беспечно и отдохновенно Андрей отоспался только тогда, когда прибыл домой, провалившись, как в черную пропасть, в долгое, без сновидений, забытье.

Очнулся поздним утром от телефонного звонка.

Звонил шеф.

— Ну, оклемался? А у меня сюрприз: помнишь тех двух гранатометиков, уехавших неизвестно с кем и неизвестно к кому? Так вот. Адресат оказался человеком щепетильным и исполнительным. Нас ждут для окончательного расчета. Так что — давай в темпе, покуда жаждущий денежек человек не связался из чистого, скажем, любопытства, с известным нам городом... Куда, увы, тебе еще долго не стоит приезжать для отдыха...

Итак, новая нить.

Или она оборвется, знаменуя финал командировки на курорт, или, как не без оснований Андрей подозревал, потянется и потянется, скользко и длинно извиваясь, а затем из этой нити вылезет другая — поначалу тонюсенькая, призрачная, что начнет твердеть, все утолщаясь и утолщаясь...

Душ, кофе, пистолет в кобуру, удостоверение, здравствуй, машинка-труженица, — поехали!

Пакуро

Ознакомившись с шифровкой, пришедшей из министерства, Пакуро и Борис в немом недоумении взглянули друг на друга.

— Ты веришь?

— Нет... А ты?

— Тоже...

— А чего делать? Исполнить проверочные мероприятия предписано нам.

— Значит, будем исполнять, куда деваться?

Пакуро вновь внимательно прочитал шифровку, из которой следовало, что пресловутый Советник перевезен из Чечни в Подмоскowie, в одно из больших селений, где содержится в подвале деревенского дома. Точный адрес в шифровке отсутствовал, однако описание и расположение дома было дано в подробностях.

— Слушай, — в раздумье проговорил Борис. — А ведь кто его знает... Они же, эти похитители, такими, сволочи, ухищрениями последнее время блещут... Выкуп, например... Хрен о какой подвальной нише заикнутся! Вот вам счет в Гонконге, переведите деньги туда. А заложника отдадим, когда получим наличные в Швеции, к примеру, после соответствующего перевода... Так и тут: в Чечне агентура с ног сбивает-

ся, а объект в часе езды до Кремля сидит... Умный, вообще-то, ход!

— А риск переправы? — возразил Пакуро.

— А что риск? Если людей на их же машинах из Москвы в горы вывозят, то почему бы... — Борис осекся. — Слушай, давай позвони в министерство, надо потолковать с источником...

Пакуро поднял телефонную трубку, набрал номер. После краткого разговора положил трубку на место, хмуро сказал:

— Источник генеральский, личный, никакого доступа... Действуйте, мол, и докладывайте результат.

— Каблуками щелкать? — спросил Борис.

— Обойдётся.

— Тогда иду договариваться с СОБРОм. Вдруг там целая боевая когорта с гранатами и пулеметами свое сокровище охраняет?

— Какие у нас еще сегодня дела? — массируя ноющий затылок, невпопад поинтересовался Пакуро.

— Разное... В том числе — дожждаться новостей из Дагестана. По поводу этих самых долларов. Вчера даму-курьера свинтили в Питере. И знаешь, как ловко вышло? Она в туалет пошла, а когда платье и прочее бельишко поправляла, у нее из пояса, в котором деньги, пачка выпала. Прямо на пол. А она и не заметила. А следом в кабинку другая дама зашла. И встречаются же, доложу я тебе, порядочные люди! Узрела деньги, и чинно-благородно помчалась к милиционеру с десятью тысячами зеленых! Вот, мол, потеряли. Наши оперы, глядя, как она через зал бежит с этой пачкой в вытянутой руке, одурели просто... Ну, вопрос: где нашли? В сортире. А кто туда до вас наведывался? Она зал оглядела и тычет пальчиком — вон, она, растяпа! Дальше — дело техники. Что еще? — Потер лоб. — На Алиева, главаря печатников, вроде вышли. Эта женщина с удостоверением ФСБ — подлинным,

кстати — их прикрывала. На транзитных, как понимаю, перемещениях товара.

— Откуда у нее удостоверение?

— По блату в местном управлении выписали... Темная история, проясняют.

— В Гознаке насчет бумаги договорился? — спросил Пакуро, имея в виду получение образцов специального материала в РУБОП для сравнительного исследования.

— Во, кстати, — удрученно сказал Борис. — У них там целая процедура с двадцатью подписями и тремя печатями, чтобы листочек такой получить. Строжайший, говорят, учет. А у наших клиентов этой бумажки — центнеры. И ведь, подозреваю, они ее не производят, источник аналогичный...

— Ладно, иди в СОБР, — отмахнулся Пакуро. — Я вздремну минут на пятнадцать, башка разваливается. Погулял накануне у приятельницы жены на дне рождения. А сегодня мой организм крупно обиделся на меня за то, что я с ним сделал вчера.

— Вздремни, — согласился Борис. — Тем более, чувствую, вечерок нам предстоит веселый. Дверь я запру.

В указанное в шифровке селение двинулись тремя машинами: головной была «ауди» Бориса, следом ехала «Волга» с прокурорскими работниками, а замыкал процессию автобус со спецназом.

Двигались медленно: к вечеру ударил морозец, и узкую трассу подернул коварный ледяной панцирь.

Как назло, в «ауди» вышла из строя отопительная система, и через час у Пакуро, одетого в пальто на тонкой подкладке, зуб на зуб не попадал.

— Как ты можешь так ездить! — корил он невозмутимого Бориса, облаченного в основательную дубленку. — Вообще... что за телега? Рухлядь!

— Нормальная машина, тропический вариант, — отзывался Борис, тыльной стороной ладони отирая

испарину с лобового стекла. — Вы дышите повоздержаннее, Александр Викторович, а то из-за вашего выхлопа дороги не видать...

— Лучше бы я с прокурорами...

— С ними скучно.

В поселок приехали с наступлением темноты. Дом нашли сразу же — третий слева от дороги, фасад выкрашен зеленой краской, забор деревянный, глухой, на окнах — белые резные наличники.

Приплясывая от мороза в тонких ботиночках на заснеженной дороге, Пакуро выслушивал наставления командира спецназа:

— Я расставляю снайперов, ребята лезут через ограду, а мы с вами идем к дому. Калитка, кстати, не заперта...

— Да? Тогда зачем же преграды одолевать?

— А если из окна засекут, что ватага в камуфляже во двор врывается? Мало ли какие действия последуют? Того же заложника пристрелят в сердцах...

— Верно.

— Вот так. Ну, а мы с вами подходим к двери, стучимся... Вроде того, что машина заглохла, и у кого тут аккумулятор можно попросить? Идет?

— Идет-то идет, лишь бы прошло... — Зубы Пакуро выбивали неумную азбуку Морзе.

— Ишь, подморозило вас, — сочувственно крикнул шеф доблестных бойцов. — Эй, Васильев, давай сюда бронежилет! Вот... Оденьте, все будет теплее... Да и вообще, кто знает... А там, по ходу пьесы согреетесь, обещаю.

Когда прозвучали необходимые приказы бойцам, Пакуро в компании боевого командира двинулся к калитке, и в самом деле оказавшейся отворенной.

Перед ними простирался обширный, усталый свежим снежком двор. Сонно взбrehнула собачка из конуры, стоявшей под навесом сарая.

— Теперь — самое главное, — полушепотомставлял командир сыщика. — При первом же выстреле ложитесь на землю. Без рассуждений. Упал и — все. Понятно?

— Я-я-с-сно...

— Простудитесь, чувствую...

Утопая по щиколотку в пороше, подошли к крыльцу. Поднявшись на него, постучали в дверь.

— Кто там? — донесся из сеней деловитый мужской голос. Кавказский акцент в произнесенной фразе отсутствовал.

Шеф спецназа поведал легенду о скоропостижно скончавшемся аккумуляторе.

Дверь раскрылась.

В залитых светом сенях с чисто вымытым полом, увиделся лысоватый, полный мужичонка в валенках, байковой рубашке и меховой безрукавке.

Мужичонка, видимо, только что отужинавший, ковырялся в зубах пластиковой зубочисткой. Веяло от него сытостью, довольством и основательностью.

— Тэк-с, — шагнув на крыльцо, — молвил он. — Накрылась, значит, батарея... Вообще-то у меня есть, но машина в гараже, придется снимать... Э-э! — испуганно воззрился он на фигуру в пятнистом комбинезоне и в черной маске, появившуюся на гребне крыши сарая. — Ты чего тут забыл, парень?! Он же мне шифер проломит! — поведал скороговоркой, озабоченно обернувшись к Пакуро.

И тут неподалеку грянул тугой автоматный выстрел, грозным эхом потревожив морозную ночную тишину.

Пакуро замер. Лихорадочно метнулись мысли:

Падать? Куда? Сопливым носом в валенки хозяина на пяточке тесного крыльца? Или сигануть вниз? Вот — задача! Упадешь — дураком сочтут, не упадешь — пристрелят...

У хозяина, замершего с открытым ртом, из которого нелепо торчала зубочистка, окаменело лицо и опустились руки.

В следующую секунду, будто стряхнув с себя оторопь и, механически перекрестившись, мужичонка проворной юлой юркнул в дом.

А спустя считанные секунды в комнату, где до сей поры мирно ужинало семейство, состоящее из жены хозяина и трех детишек, ворвались громилы в черных масках с автоматами, заставив мирное население дружно и затравленно завывать от ужаса.

Зажурчали, образуя на полу характерные лужицы, потоки из детских и взрослых штанишек.

Как выяснилось позднее, причина автоматного выстрела заключалась в том, что один из бойцов при преодолении забора зацепился спуском «Калашникова» за верхний заостренный угол доски.

— Извините, — учтиво наклонил голову Пакуро, уясняя, что о похищенном Советнике эти люди если и знают, то — благодаря исключительно информационным теле и радиосообщениям. — Батарея сдохла, движок остыл, ребята замерзли, пришли погреться...

— Так... это... в гараж-то пойдем? — тупо уставившись на покачивающийся зад хозяйки, склоненной с половой тряпкой над образовавшимися лужами, произнес хозяин.

— За батареей? Да нашли уже... — ответил Пакуро.

— А-а-а...

Утром, вновь связавшись с МВД и, доложив, что по указанному адресу никаких преступников и заложников не обнаружено, майор с озлоблением брякнул трубку на вспискнувший рычажок.

Однако через час из МВД перезвонили вновь, уточняя, в каком именно доме производились проверочные мероприятия.

Пакуро, сморкаясь и покашливая, подробно и терпеливо объяснил.

Однако спустя некоторое время, его вновь потревожил звонок из главного правоохранительного ведомства.

— Дом стоит на другой стороне дороги, — недовольно попеняли ему. — Что же вы... так невнимательно, а? А во дворе — голубые «Жигули».

Пояснив о совершенной оплошности Борису, Пакуро вновь отправил его в СОБР, а сам позвонил в прокуратуру, предложив ответственному лицу повторную поездку за город.

— Да ну вас к бесу! — получил он раздраженный ответ. — Приезжайте, берите санкцию и — удач! Нам вчерашнего цирка хватит!

Возражать собеседнику майор не стал.

При повторной рекогносцировке местности в селении действительно отыскался дом-близнец с аналогичным забором, беленькими наличниками на окнах и — стоящей во дворе старенькой голубенькой машинкой.

Решение командира спецназа, вдохновленного полным соответствием установочных деталей, отличала безоговорочная воинская прямота:

— Берем хату внезапно и — в лоб!

Получив данную директиву, спецназовцы, удрученные прошлой неудачей, выворотив одним ударом входную дверь, сноровисто ворвались в жилище.

Следом за ними в дом шагнули Гуменюк и Пакуро.

От увиденной картины в глазах сыщиков качнулись и поплыли в разные стороны пол, потолок и — стены, сложенные из гладенько отесанных, проложенных сухим стародавним мхом бревен.

По комнате металась, истошно и жалобно блея, испуганная коза, до сей поры обретавшаяся в клетке, установленной в сенях. Дверь клетки валялась на полу,

являя собой результат то ли активных действий спецназа, то ли заполошного испуга животного.

На кровати, застеленной цветастым лоскутным одеялом, причитала одетая в ночную рубашку бабка с обернутой вокруг головы толстой шерстяной шалью.

— Что деется-то, что деется! — твердила бабка навзрыд, как заклинание. — Ой, умираю, ой, запужали, соколики!

— Одна живешь, бабушка? — участливо спросил Борис.

— Ой, что деется-то, что деется!

— Спроси ее, правительственных советников здесь не мелькало? — угрюмо посоветовал Пакуро Борису.

— В подвале — картофель, — деловито доложил командир спецназа сыщикам. — Больше — никого.

— Ой, что деется-то, что деется!

Пакуро взглянул на сорванную с петель дверь. Полез в бумажник. Достал последнюю сотню, оставшуюся до зарплат. Кашлянув стесненно, произнес:

— Вот, бабушка, дверь починишь...

— Кто ж мне ее за эту твою бумажку чинить-то будет! — плаксиво возразила старая женщина, обретая некоторую ясность мышления, продиктованную, вероятно, естественной крестьянской меркантильностью. — Ой, что дее...

— А сколько надо? — буркнул Борис.

— Хотя бы пятьсот, соколики... Кто вы будете-то?..

— Это... Уголовный розыск Московской области... — нашелся командир спецназа. — Сейчас скинемся, бабуля, ошибочка у нас вышла...

— Вам ведь к соседу надо! — плачущим голосом проговорила хозяйка, поднимаясь с кровати. — К Ваське!..

— А что он?.. — насторожился Борис.

— Я ж на него заявление писала!..

— Какое еще заявление?

— Половину поленницы у меня спер, пьяница!

— А-а... — протянул Пакуро. — А чья машина-то у тебя во дворе, бабушка?

— Петьки-кузнеца. У него двор малый, не протиснешься...

Отдав старушке деньги за починку двери и кое-как приладив отодранный запор козлиной клетки, покатили, теряясь в догадках и матерясь, обратно в Москву.

Уже укладываясь спать, Пакуро был потревожен поздней телефонной трелью.

Звонил один из знакомых офицеров министерства, кого он по-приятельски просил разведать о надежности и компетентности неведомого генеральского источника.

— Да там никакой не источник, — пояснил небрежно приятель. — Там ситуация другая. Ему, в общем, экстрасенс какой-то гадают, генералу...

— Чего?! — округлились глаза у Пакуро.

— Ну, я не знаю, какая у вас там проблема, но концепция была следующей: колдун этот всякие места, что ли, определяет... Ну, а тебе и спустили команду: проверьте... Вдруг чего и в самом деле...

— Ну подумаешь, пускай ребята проверят... Все же возможно... — поддакнул Пакуро.

— Ну да...

— Действительно все возможно, стал же он генералом... — заключил майор.

Акимов

Провалившаяся операция хотя и внесла значительное смятение в группировку Аслана, однако в итоге воспринята была как жизненная неприятная данность — дескать, что же, попали... Бывает.

Из криминальной машины выпало несколько шестерен, но остальные продолжали неумоимо крутиться, замена соратников особенной сложности не составляла, хотя сидельцы являли собой для Аслана немалую ценность, поскольку их поведение перед следователем прямо зависело от эффективности хлопот за них теми, кто остался на воле. То есть непосредственно от Аслана. А потому хлопотами этими в отношении собратьев-бандитов вожак не манкировал, включив в дело все имеющиеся у него связи. Как неожиданно выяснилось — довольно значительные.

В РУБОП полетели грозные бумаги, где задержание грабителей квалифицировалось некоторыми весьма известными политиками, как акция, направленная против дружбы кавказских и русского народов, зазвучали в телефонных трубках милицейского начальства депутатские и чиновные голоса, требующие и выражающие... И даже пожилой известный актер, имеющий помимо общественных регалий еще и административную должность, долго убеждал руководство капитана Акимова, что один из бандитов — и не бандит вовсе, а его замечательный и талантливый ученик, случайно блуждавший по улице в умозрительных поисках образа и попавший ненароком под чугунную пяту спецназа...

Правда, ознакомившись с той самой пресловутой доказательной базой, заслуженный и народный артист не смог скрыть своего замешательства и, кто знает, подумал, что, видимо, ученик его и в самом деле талант, коли сумел на протяжении нескольких лет создать в его глазах безупречный типаж эдакого юноши-эстета, поклонника муз и вообще высших духовных сфер...

Словом, шел обычный и агрессивный напор на следствие, имена защитников также представляли для РУБОП некоторый интерес, хотя природа связи неко-

торых чиновников и депутатов с банальными бандюгами была привычно-проста: бандюги закрывали законопослушным и законотворческим дядям некоторые пикантные проблемы, возникающие в их непростом бытии, а дяди ныне отрабатывали оказанные им услуги, ничуть, кстати, при этом не рискуя: ну, мало ли кто обратился к ним с жалобой, и почему бы не послать, скажем, в МВД официальный и вполне корректный запрос, преследующий однозначно гуманистические цели и благу юстиции всемерно отвечающий?..

Только вот закавыка — доказательная, опять-таки, база... Со всеми техническими подробностями. База, чье строительство капитан Акимов, впрочем, еще до конца не завершил.

Он сидел в машине патрульно-постовой службы, слушая сообщения «наружки», ведущей старенький «БМВ», встретивший в аэропорту прибывшего из Махачкалы курьера с фальшивой валютой.

Курьера не арестовали сразу же по приезде лишь потому, что было необходимо установить личность встречающих его лиц.

Встречающим лицом оказался один из бандитов Аслана, и адрес, по которому курьер будет поселен, никакого секрета для Акимова уже не представлял.

По полученным от Пакуро сведениям, операция по ликвидации источника подделок в Дагестане подходила к уверенному финалу, а потому особенно мудрить с явившимся с далекого Кавказа порученцем смысла не виделось.

— Они минут через десять будут рядом с вами, — донеслось из рации.

Акимов покосился на сидящего рядом с ним дорожного полицейского.

— Слышал?

Понятливо кивнув, тот вышел из машины, встал, облокотившись на низкую крышу и закурил, вы-

смаатривая в потоке машин скромную, неприметную иномарочку.

И вот широкий, как на строевом плацу, шаг инспектора навстречу движущимся капотам и фарам, требовательный взмах полосатой палки, указующей на обочину... А вот и машина «наружки», крадучись, подъехавшая к милицейским «Жигулям» и остановившаяся позади них...

Из БМВ вышел водитель, предъявил документы, после поднял крышку багажника, демонстрируя его содержимое...

Пора!

Акимов вылез из теплого, прокуренного салона в морозную слякотную морось. Открыл переднюю правую дверь остановленного БМВ, увидел одетую в невзрачную шубейку, нахохлившуюся женщину со смуглым лицом и настороженно бегающими черными глазами.

— Выходи, моя сладкая... Приехали.

Боковым зрением он заметил, как четверо сотрудников, покинувшие машину «наружки», оцепили патрульного и растерянного, небритого водителя в потертой, блекло-бежевой кожаной куртке. Донеслось:

— Это ваш чемоданчик?

— Не, что ты, гражданин нашальник!.. Я женщина у аэропорт брал, в город спешить, ее чемодан...

— Понятых везут? — не отводя взгляда от уткнувшейся лицо в ладони курьерши, спросил Акимов стоявшего поодаль офицера.

— Да, вон идет машина...

— Вот и славно.

В чемоданчике оказалось полмиллиона «алиевок».

Радость Акимова омрачал тот факт, что каждую купюру, представлявшую собой вещественное доказательство, надо было прокатать на ксероксе и подшить к делу. Значит, сегодня ему и лейтенанту Васи-

ну, закатав рукава, до полуночи предстоит вкалывать в качестве типографских рабочих. И еще, как назло, ксерокс забарахлил, придется договариваться со знакомыми полиграфистами — может, одолжат свой промышленный агрегат? И как он Васину об этом забыл напомнить, вот же досада...

Впрочем, всегда бы ему такие трудности...

А вот трудности Аслана и представить себе сложно.

Да, ему, Акимову, будет трудно поздравить чеченца с очередным провалом... Тем более, тот даже и не подозревает, каким именно образом РУБОП вычислил его ответственного курьера.

Хотя — пора всякого рода легенд прошла... И можно, как надеялся Акимов, подруливая к площадке служебных машин, наконец-таки передохнуть от роли самого, в общем-то, натурального разведчика, работающего в стане врага. Долгим ли будет такой отдых, вот в чем вопрос? И с какого дня он начнется?

Посетив начальство, капитан услышал долгожданный приказ:

— Завтра начинаем большую рубку. В шпионов играть хватит. Отоспись. Денек предстоит горячий.

И — наступил день...

День, когда минута в минуту, по тридцати двум! — адресам Москвы и области, в жилища бандитов вошли спецназовцы, оперуполномоченные и следователи, поставив завершающую точку в существовании мощной банды.

В чем был Акимов уверен абсолютно твердо — так это в аргументах следствия — обескураживающе ясных и твердых. Лишенных какой-либо воздушно-эфемерной основы.

Заехав после кутерьмы арестов и обысков на Шаболовку и, зайдя в кабинет Пакуро, он застал в нем приехавшего из Дагестана опера, курировавшего дело фальшивомонетчиков.

Молодой, не лишенный юмора парень — майор Мирзаев — поведал ему:

— На сам цех мы долго не могли выйти, вот в чем беда! И где бы ты думал этот цех находился? В дальнем горном кишлаке! Чабаны вокруг, овцы, и рядом — модуль, замаскированный под загон скота и — набитый аппаратурой. Условия производства — европейские. Лоск и чистота. Душевая, туалетная комната... Мощная вентиляция, краска-то, оказывается, ядовитая донельзя. Ну, компьютеры, соответственно, сушильное оборудование... Питание систем — от мощного автономного дизеля. Теперь о технологии. Сначала бумагу замачивали в магнитном растворе с кремовым красящим наполнителем, после разъединяли фактуру, и продергивали в нее специальной спицей контрольную ленту. Наносили шелковые волоски с помощью распылителя, и — в сушилку. А потом начиналась печать... В общем, интересное производство. И еще прием у них был грамотный: как только партию отштампуют и спустят с гор, сразу же — стоп, машина! Возобновление процесса — исключительно после реализации товара.

— Но брали-то вы их во время процесса? — требовательно поинтересовался Акимов, пекущийся в первую очередь о доказательной базе.

— А как же!.. Суэта там была, как в осином гнезде, куда дихлофосом брызнули. Кто-то доллары в унитазе принялся топить, их потом из канализации целый клубок выудили... На сто тысяч.

— А Алиев?

— Раскололся! — широко улыбнулся опер. — У него расписание текущего дня на стенке было припилено, собственноручно начертанное: в десять ноль-ноль — завтрак, с десяти тридцати до трех ноль-ноль — дорисовать доллары...

Беседы на высшем уровне

— Слушай! Прорезался Дагестанец. Сам вышел на связь. Разговор был конкретный: в качестве гарантий насчет Советника кладет на плаху собственную голову. Утверждает, что с боролатыми в камуфляже договорился, единственное — деньги...

— Ха! Так это и есть его главная проблема...

— Бородатые требуют пять. Безоговорочно. Два он наскребет. Три — за нами.

— Значит, торг исключен?

— Ты говоришь таким тоном, будто у нас с тобой разные позиции... Я, извини, не коммерсант, старающийся выехать в расходах за счет партнера...

— Ладно, не горячись. Надо, думаю, соглашаться.

— А им такой бизнес, как думаешь, не понравится ненароком?

— Думаю, понравится.

— И кто, интересно, следующий?

— Границу надо укреплять на гонорар за следующего, вот что! Пусть называется административная, но охраняется — как государственная! Причем — как государственная с враждебным соседом!

— Верно.

Обоюдный вздох.

Пакуро

Когда Пакуро собирался пообедать в служебный уютный буфет, раздался телефонный звонок от опера, присматривающего за зловредным Мусой.

— Ну, взяли мы твоего голубка, — сообщил опер. — На улице, с гранатой.

— Коршуна, — уточнил Пакуро. — И на кой черт ему граната?

— Для самообороны, естественно, — безмятежно ответил опер.

— Вот так, да?

— Вот так.

— Спасибо и — поздравляю.

— Так ведь бьется голубь-коршун у нас, как в силах, — поведал опер. — Говорит, что ты его куратор и шеф. И сейчас приедешь сюда и всех нас посадишь... Чего, скажи на милость, ему отвечать?

— Та-ак... — Пакуро почесал макушку. — Скажи ему: куратор и шеф уволен из органов за подрыв синагоги.

— Какой еще синагоги? — донеслось с ноткой некоторого удивления.

— Он поймет!

И майор, снисходительно усмехаясь, отправился в пункт качественного общественно-ведомственного питания.

В залитом светом просторном коридоре первого этажа столкнулся с начальником десятого отдела Виталием Николаевичем:

— Ну, привет! Как абхазская ниточка?

— Распутали, — небрежно проронил тот.

— Продуктивно?

— Да как тебе сказать... Враг в нокдауне.

— Чего так слабенько врезали?

— Врезали как надо! Но если бы мы еще и границу охраняли... На обед?

— Ага.

— Правильная мысль.

За одним из столиков узрел родную троицу: Бориса, Акимова и командированного в Москву Мирзаева.

— Ты какими судьбами у нас? — спросил он Акимова.

— Пролетая над дружественной территорией... — обтекаемо ответил тот.

— А все же?

— Ну, ты дотошный! У нас столовка в округе уже закрылась, дай, думаю, забегу в штаб-квартиру...

— У нас лучше кормят?

— Пока я служу в округе, я патриот нашей кухни.

— В любом случае — приятного аппетита! Очень рады.

— Во-от. Правильно... А то — как в анекдоте: «Девушка, вы выходите? — Да, выхожу. — А впереди вас выходят? — Да, выходят. — А вы их спрашивали? — Да, спрашивала. — И что они вам сказали?»

— Новости слышали? — промолвил Борис. — Все, прилетел Советничек в Москву. Как предполагали, так все и решилось. В сферах небожителей.

— Мне уже сегодня звонили, — кивнул Мирзаев. — В ауле, где его держали, несколько быков зарезали, пируют... И пачки баксов по саклям разносят.

— Мусу свинтили, — доложил Пакуро Борису. — С гранатой приняли на тротуаре... Только что звонили из ОВД.

— Выкрутится! — коротко отмахнулся тот.

— Думаешь?

— Конечно. У меня тут был один клиент. В машину РГД приспособил вместо противоугонного средства. Ну, угонщик и подорвался. А клиенту дали условно... Знаешь, что на суде он в последнем слове сказал? Я, говорит, гражданин судья, сильно пьющий человек. И как только выпью, меня сразу же тянет в дорогу... Поэтому установил на педали гранату. Лучше уж подорвусь сам, чем, сев пьяным за руль, задавлю невинную жертву! И наш провокатор чего-нибудь в этом духе придумает. У него же основная профессия — сочинитель историй... Кстати, — обратился Борис к Акимову. — Курьеров с валютой всех задержали?

— Вчера — последнего... — не без гордости ответил тот. — Мы ему агента выставили, он является на

квартиру со своей охраной, сидят, кофе-водку пьют, мы их, естественно, слушаем, и тут агент спрашивает: «А не боишься? С такой суммой фальшака по городу шляться?» А он: «Чего бояться? У меня удостоверение консультанта Министерства юстиции!» Агент: «Ну, вдруг сейчас менты, положим, вломятся?» Курьер губу выпятил, взором орлиным заискрился и заявляет: «Насмэрт стоят буду!» Ну, тут СОБР влетает, пять секунд, все лежат... Потом курьера выводим, а командир СОБРа ему по загривку так — ласково, ладошкой: «Чего же на смерть-то не стоял, а?»

Хохот.

— А у нас тут вот такая штука при задержании приключилась... — начал Мирзаев. — Уже ночь, едем в самый поганый район...

Пакуро, невольно улыбаясь, смотрел на своих товарищей. Сейчас ему казалось, что пока они вместе, жизнь наполнена смыслом.

Так ли это, или же нет, все равно. Наша жизнь — это то, что мы о ней думаем. А хрупкий миг счастливой сопричастности кому-то — как редкое озарение в темени вечного одиночества каждого.

1999 г.

Послесловие

В девяностые годы уже прошлого века я, советник начальника Центрального РУБОП, каждодневно был с теми, кто выполнял неподъемную задачу: расчистить общество от засилья организованного криминала, набравшего все-сокрушающую силу. Парадокс: в стране, абсолютно дезориентированной, утратившей все былые социальные и идеологические ценности, где каждый выживал в одиночку и главной заветной целью являлось обретение доллара, нашлись люди, способные беззаветно вступить в схватку с разнузданной, разжиревшей на крови сволочью, подминавшей под себя все и вся и отчетливо устремленной во власть. И эта схватка была выиграна. Были распылены и уничтожены сотни группировок и банд.

Меня вполне могут упрекнуть в том, что я пытаюсь идеализировать милицию. Но это будет неверным упреком. Задача состояла в ином: среди многочисленных плевел — то бишь ядовитых побегов, обнаружить живые зерна и показать, что таковые, несмотря ни на что, существуют.

Россия — не Швейцария, где каждый из тех, кто желает служить в полиции, проходит проверку на моральные и физические качества едва ли не под микроскопом. И численность населения иная, и благосостояние общества печальное, и с рядовыми кадрами дефицит. А в затхлости забюрократизированного начальственно-правоохранительного пласта, подпитываемого сегодня деньгами за «крыши» и «отмазы», великолепно и празднично живет тем, кто рассматривает милицию как большой коммерческий проект.

По окончании немилосердной эры девяностых выжившие бандиты, оставшиеся на свободе и при деньгах,

благоразумно и логично ушли в бизнес. Те из них, кто обрел значительные капиталы, выкупили для себя административные и политические позиции, уже давно ставшие самым доходным бизнесом, имеющим свою рыночную и нормативную стоимость. Человеческая же суть этих типажей при всех их социальных трансформациях не поменялась ни на йоту, но технологии извлечения доходов — кардинально. Примитивный тупой рэкет исчез, он стал неуютен прежде всего стабильному коррупционному сообществу, часть которого когда-то только им и промышляла. Рэкет уголовный сменился узаконенным рэкетом предписаний, штрафов, постановлений, уложений и согласований. И нынешняя милиция без промедлений усвоила правила игры в новой социальной среде, заняв покинутые криминалом площадки. Но вот и иной парадокс: несмотря ни на что, в ней остаются те, кто думает в первую очередь не о своем кошельке, а о профессии и долге. Впрочем, бизнесменам от милиции эти рабочие лошадки выгодны: они безропотно тянут на себе весь груз той работы, которой, собственно, милиция и должна заниматься.

Так или иначе, но летом 2001 года высшим политическим решением были упразднены региональные управления по борьбе с организованной преступностью, — структуры нового типа, набравшие мощь, сноровку, и что самое главное — самостоятельность и широчайшую информационную базу. Мотивировка упразднения представляла собой набор туманных фраз. Но мы-то, сотрудники, понимали суть происходящего... В чем-то она была справедлива: органы переполнили хищники, обладающие широчайшими полномочиями, бессовестно их использующие. Их хватка, их остро отточенный профессионализм был таков, что всю систему решились рубить под корень, без оглядок на виновных и безвинных. Под тупой топор увольнений попали полицейские мастера высочайшего класса, безо всяких объяснений отстраненные от службы.

В стране наступала новая эра.

Содержание

Свора	5
Цепная реакция	143
Нити	329
Послесловие	461

Андрей МОЛЧАНОВ

РУОП. Шаболовка, 6

Художник Д.Е. Бикашов
Верстка М.Л. Красильникова

Подписано в печать 16.03.2015 г. Формат 84×108/32.
Гарнитура Times Cyrillic. Усл.-печ. л. 24,36.
Тираж 500 экз.

Редакция журнала «Москва». 119002, Москва, Арбат, 20
Тел. +7 495 691 7110, 691 8391; факс 691 0732
Э-почта: priem@moskvam.ru Сайт: www.moskvam.ru

ISBN 978-5-89097-099-2

